

The image is a book cover for 'Инна Инфинити Холодная'. It features a woman with long, dark, wavy hair and bright blue eyes, wearing a light-colored, backless dress with thin straps. She is looking over her shoulder towards the camera. Behind her stands a muscular man with short dark hair, wearing a black sleeveless shirt, looking off to the side. They are positioned on a balcony with a decorative metal railing, overlooking a city skyline at dusk or dawn. The sky is a mix of yellow and blue, and the city buildings are lit up. In the top right corner, there is a circular badge with the text '16+'.

16+

ИННА ИНФИНИТИ ХОЛОДНАЯ

КНИГА 1

Инна Инфинити

Холодная. Книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67867773

SelfPub; 2022

Аннотация

Гордая, надменная, презрительная... Моя сводная сестра Кристина. Всегда во всем лучшая и всегда во всем первая. Такая холодная и в то же время такая обжигающая. Девушка разума, но не сердца. Меня к ней тянет, как магнитом, но я знаю, что недостоин ее. Кристина уверенно идет к своей цели, перешагивая через все, что стоит на ее пути. Даже через свою любовь.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Москва	12
Глава 2. Коза надменная	20
Глава 3. Правила	28
Глава 4. Вдох-выдох	32
Глава 5. Бизнес-леди	37
Глава 6. Новенький	49
Глава 7. Я рядом	61
Глава 8. Игра	75
Глава 9. Нежная девочка	84
Глава 10. Не моя	90
Глава 11. Проверка	100
Глава 12. Утренний кофе	115
Глава 13. По Булгаковским местам	120
Глава 14. Пьяный разговор	133
Глава 15. Скарлетт	139
Глава 16. Необычный день	146
Глава 17. Трагедия	158
Глава 18. Добро пожаловать в клуб	168
Глава 19. За полтора года до встречи с тобой	172
Глава 20. За полгода до встречи с тобой	191
Глава 21. За неделю до встречи с тобой	202
Глава 22. Дежавю	207

Глава 24. Воспоминание	227
Глава 25. Маска сорвана	234
Глава 26. Пьяна, влюблена, ревнива	242
Глава 27. Невысказанное душит	251
Глава 28. Завтрак	258
Глава 29. От неба до земли	267
Глава 30. Встреча с прошлым	280
Глава 31. Рассказ о детстве	296
Глава 32. Главный подарок	302
Глава 33. Лучшая ночь. Худшая ночь	309
Глава 34. Меня нет	327
Глава 35. Ее тайная жизнь	332
Глава 36. Без тебя нет жизни	340
Глава 37. Мой главный проигрыш	354
Глава 38. Та самая	381
Глава 39. Я выбираю тебя	402
Глава 40. Спусковой крючок	423
Глава 41. Гремучий коктейль	449
Глава 42. Обратный отсчет	478
Эпилог	544

Инна Инфинити

Холодная. Книга 1

Пролог

Кристина

10 лет назад

– Кристиночка, мы с папой решили отправить тебя в детский лагерь. На реку Волгу, – мама широко улыбается, поливая малиновым вареньем блинчик в моей тарелке.

– С Викой? – спрашиваю, откусывая кусочек.

– Нет, дочунь, Вика будет у бабушки в деревне. Ты в лагере сама будешь. Но ты не бойся! Там будет много таких же ребят, как ты. Вас там перед школой будут учить читать и писать. Воспитательницы будут водить вас на реку. Ты научишься плавать, – мама снова мне широко улыбается.

– А надолго я поеду?

– В августе на весь месяц. Перед самым началом школы. Будешь в первом классе уже все уметь.

Я очень хочу всему этому научиться, но я не хочу так надолго уезжать от мамы и папы.

– Ну, доча, веди себя хорошо, – мама крепко меня обнимает перед тем, как передать в руки воспитательнице. – Если тебя будут обижать, сразу звони мне, хорошо? Телефон

в твоём рюкзаке.

Я быстро киваю. В лагерь мама привезла меня сама. Папа не смог из-за работы.

Воспитательница ведет меня в здание, а я еще раз оборачиваюсь посмотреть на маму. Она ждет у входа, пока мы не скроемся. Я напоследок машу ей рукой и сворачиваю в коридор вслед за сопровождающей.

В лагере оказывается весело и интересно. Нас и правда учат читать, писать и считать. Как в настоящей школе. А после уроков мы с ребятами играем в разные игры. По выходным нас водят купаться на Волгу. Только плавать почему-то никто не учит. Мне очень обидно смотреть на ребят, которые уже умеют. Я же со своими подружками только плещусь у берега.

Обсохнув на песке, я решаю подняться на небольшой пирс. С него в воду прыгают ребята, которые уже умеют плавать. Я замороженно за ними наблюдаю, пока меня не замечает группа из четырех мальчиков постарше. Им, наверное, лет по десять или даже двенадцать.

– Мелкая, что ты тут делаешь? Иди в свой лягушатник! – кричит мне один из них и громко смеется вместе с друзьями.

– Не твое дело! Не хочу и не пойду! – меня обидели его слова, но я стараюсь не подавать виду.

– Что ты мне сказала?? – мальчишка грозно надвигается на меня.

Мне становится страшно, и я пачусь назад. Быстро верчу

головой вокруг. Все воспитатели на берегу и, кажется, заняты только своим загаром.

– Слышь, ты, мелкая... – обидчик хватается меня за руку и уже чуть было не бросает в реку, как к нему подлетает другой мальчик и отталкивает от меня.

– Не трогай ее! – защитник заслонил меня собой.

– А ты кто еще такой, мелюзга? Слышите, ребят, посмотрите на него! – обращается старший мальчик к своим товарищам. – А ну-ка давайте их обоих искупаем.

Трое его товарищей двигаются на нас, и мои коленки вдруг начинают подкашиваться. Я так испугалась, что меня сейчас скинут в воду, что просто приросла к пирсу.

Но не тут-то было. Мой защитник ловкими движениями рук и ног валит всех обидчиков на землю. У каждого из них идет кровь, а на крики сбегаются воспитатели. Пока они поднимают с пирса нападавших на нас, мальчик быстро отталкивает меня в сторону.

– С тобой все хорошо? – спрашивает он.

– Да! Спасибо тебе!

От радости я крепко обнимаю его за шею.

– Меня Максим зовут, – говорит, когда я отстраняюсь, и протягивает мне руку.

– А меня Кристина, – я жму его ладонь и широко улыбаюсь.

– Тебе холодно? – неожиданно спрашивает мой спаситель.

Станный вопрос в тридцатиградусную жару.

– Нет, с чего ты взял?

– У тебя холодные руки.

– Ой, да они у меня всегда холодные! Не обращай внимания, – я улыбаюсь ему.

Дальше нам не дают продолжить диалог, потому что тут же подлетает разъяренная воспитательница.

– Максим, это еще что такое! Ты зачем побил мальчиков? Я немедленно звоню твоей маме. Ты в лагере больше не останешься!

Она хватается его за руку и куда-то утаскивает от меня.

Всех детей поспешно собирают и везут на базу. Я отчаянно высматриваю в своем автобусе Максима, но его не нет. Наверное, он едет во втором.

Когда нас привозят в лагерь, тут же заставляют всех разойтись по своим комнатам. Шум в коридоре затихает, и я выхожу на поиски своего защитника. Тихонько пробираюсь в крыло для мальчиков и открываю каждую дверь. Мне не везет, Максима нигде нет, и я лишь напарываюсь на несколько пар недоуменных глаз.

– Ты кого-то ищешь? – догоняет меня по коридору незнакомый мальчик.

– Да, Максима, который сегодня побил старших ребят на реке.

– Его отвели к директору.

– Спасибо, – бросаю мальчишке и мчусь на второй этаж, где располагается кабинет директора. Мой защитник сидит

на стуле возле его двери.

– Максим! – я к нему подлетаю.

– Тшшш! – заставляет меня сбавить обороты радости, – тебе нельзя тут быть! Если тебя увидят, то тоже накажут!

Уходи.

– Но я хотела тебя поблагодарить... – я совсем не ожидала от своего защитника такого приема.

– Они звонили моей маме. Она завтра за мной приедет. Если хочешь, давай после отбоя, когда все уснут, встретимся.

– Давай! Где?

– Тут на втором этаже. Директора уже не будет, а воспитательницы спят на первом.

– Хорошо!

– А теперь уходи, пока тебя никто не заметил.

И я убегаю, а где-то через час после отбоя, когда мои подружки-соседки уже сопят, я тихонько выхожу из спальни и отправляюсь на второй этаж. Максим уже сидит у двери в кабинет директора и ждет меня.

– Привет, – шепчу, опускаясь рядом с ним на пол. Лето выдалось очень жарким, поэтому сидеть на полу совсем не холодно.

– Привет, – Максим поворачивает ко мне голову и широко улыбается.

– Спасибо тебе большое, Максим! Я хотела тебе сказать, что теперь ты – мой герой!

И не спрашивая разрешения, я крепко обнимаю его за шею. Максим обнимает меня в ответ, и так мы с ним сидим, наверное, с минуту.

– Не за что! – наконец отвечает, – знай: пока я рядом, с тобой ничего не случится. Ты мне веришь?

Я смотрю ему в лицо. Максим кажется очень серьезным.

– Верю.

Мы сидим всю ночь. Разговариваем о любимых мультиках, садике, друзьях, подарках на новый год от Деда Мороза. Ему столько же лет, сколько и мне, и он так же идет в сентябре в первый класс. Вот только в отличие от меня до приезда в этот лагерь он уже умел читать, писать и считать. Мой герой не только сильный, но еще и очень умный. Даже умнее, чем я.

– Максим, а почему ты такой сильный? – спрашиваю, – ведь тем мальчикам, наверное, лет по десять.

– А я занимаюсь каратэ! – гордо отвечает мой спаситель.

– Ого! – я восхищенно выдыхаю, – тогда ты точно мой герой!

Уже на рассвете, когда мы расходимся по своим комнатам, я спрашиваю.

– Максим, а мы еще с тобой увидимся?

Он задумчиво чешет затылок.

– Не знаю... я бы хотел. А ты?

– Да! Я бы очень хотела!

– Тогда, я тебя найду!

– А как ты меня найдешь?

Он снова задумался.

– Ну, приеду в Москву и найду. Я же помню, как тебя зовут. Кристина.

– Вот так просто возьмешь и найдешь?

– Да, – уверенно обещает Максим.

В этот момент у меня нет ни одной причины не верить моему герою.

Мы с ним крепко обнимаемся на прощание. Стоим так минут пять и, уже уходя, я бросаю на прощание:

– Я буду ждать тебя, мой герой!

– Я тебя найду! – отвечает он и скрывается за углом коридора.

Я возвращаюсь в свою комнату и крепко засыпаю, потому что знаю, что однажды снова встречу своего героя.

Я приезжаю домой, иду в школу, но на каждой перемене вместо того, чтобы играть с одноклассниками, я смотрю в окно и жду, что мой герой наконец появится. Приедет ко мне. На улице я вглядываюсь в лица всех мальчиков, в каждом пытаюсь рассмотреть своего героя. Но его все нет и нет.

А через год и три месяца погибает мама.

Жизнь идет, и я совсем-совсем забываю о сильном мальчишке, который однажды меня спас, и которого я назвала своим героем.

Как будто его и вовсе никогда не существовало.

Глава 1. Москва

Я смотрю в окно поезда, который неспешно стучит колесами по направлению к моей новой жизни. Капли осеннего дождя прилипают к стеклу и порывом ветра уносятся вниз. Сквозь них почти не видно желтых полуголых деревьев. Нам с мамой повезло: мы в купе едем вдвоем. Из-за серости за окном, в купе мало света, и я не могу прочитать по лицу матери, о чем она думает. Но, в общем-то, тут и не надо быть экстрасенсом.

– Максим, я тебя еще кое о чем должна предупредить, – прерывает мама затянувшееся молчание и переводит взгляд с окна на мое лицо. – У Игоря есть дочь. Твоя ровесница. Ее зовут Кристина. Вы с ней будете ходить в одну школу, возможно, даже в один класс.

– Окей, мам, – я безразлично пожимаю плечами.

– Но дело в том, что дочь у него не простая, – мама пристально на меня смотрит, заставляя перевести и мой взгляд на ее лицо тоже. – Мне сложно объяснить тебе словами, но, когда ты с ней познакомишься, ты поймешь, о чем я. Она не простая. С ней все как-то очень тяжело... – Мама на секунду запинается, но тут же продолжает. – Она очень надменная.

– Ты меня сейчас девчонкой пугаешь что ли? – я не выдерживаю и перебиваю мать. Из горла вырывается саркастичный смешок.

– Ты поймешь, когда увидишь ее, Максим. Кристина не простая девочка. Она очень заносчивая и гордая. И еще у нее очень большое влияние на Игоря. Поэтому постарайся с ней поладить, сынок.

– Хорошо, – я устало опускаюсь на свою полку, давая понять, что не желаю продолжать глупый разговор о какой-то девчонке, пусть даже единственной дочери моего будущего отчима.

Через 8 часов поезд доставит нас на Казанский вокзал в центре Москвы. Последние 4 года мама работает в столице, а я живу с бабушкой и дедом в нашем родном провинциальном городке. С отцом она давно развелась, и он не стремится принимать участие ни в нашей жизни, ни в моем воспитании. Алименты тоже никогда не платил (впрочем, гордая мать их и не требовала). А 5 лет назад бабушка с дедом вышли на пенсию, и денег стало не хватать.

Именно это заставило маму поехать в Москву. Она работала экономистом в разных небольших фирмах, но полтора года назад ей посчастливилось устроиться в центральный офис очень крупной строительной компании. На корпоративе, на котором собрались все сотрудники, мать и познакомилась с владельцем компании. Удивительно, но богатейший человек столицы, а может, даже и всей страны, положил глаз на сорокалетнюю женщину-экономиста, совсем далекую от модельных параметров, к которым наверняка привыкли такие мужчины, как Игорь Морозов.

Нет, моя мама не страшная. Вполне себе обычная российская женщина. 40 лет, волосы до плеч, выкрашенные в светлый блонд, голубые глаза, прямой нос. Среднего роста, не толстая, но и не худая.

Со мной она свои отношения с этим олигархом никогда не обсуждала, но я слышал, как мать рассказывала бабке с дедом о его красивых ухаживаниях, цветах и ресторанах (и это в их-то с Игорем возрасте!). Судя по маминему голосу, она была счастлива.

Я в общем-то к ее личной жизни всегда относился безразлично. После ее развода с отцом я сразу решил, что мне будет все равно, если она снова выйдет замуж и родит детей. Но в нашем городе маме с мужчинами не везло: один не работал, второй пил, третий проигрывал деньги в игровых автоматах... Я никогда не относился серьезно ни к кому из них и уж тем более не называл папой. Мать довольно быстро с ними прощалась, повторяя, что ей не нужно еще одно ярмо на шею в виде пьющего или безработного мужика.

И кто бы мог подумать, что в Москве мама встретит не просто какого-то москвича, а наикрутейшего бизнесмена, который разве что еще в список Forbes не входит. А хотя, может, и входит, я не гуглил. Через год отношений Игорь предложил маме к нему переехать, а потом забрать меня.

Не могу сказать, что я был в восторге от этой идеи. Я заканчиваю 11 класс и хотел бы выпуститься из школы со своими одноклассниками, с которыми провел наикрутейшие 11

лет. А так приходится менять школу. Да еще и не с начала учебного года, а с середины октября. У меня черный пояс по каратэ, поэтому новых одноклассников-мажоров я не боюсь. Просто хотелось бы провести выпускной и встретить рассвет со своими друзьями. Единственная причина, по которой я согласился на переезд, – это сама школа, в которую я теперь пойду.

Частный лицей. Если верить гуглу, то это одна из лучших школ Москвы, в которой дают соответствующий уровень знаний. А мне нужно сдать ЕГЭ минимум на 90 баллов по каждому предмету, чтобы поступить на бюджет в хороший вуз. В своей школе я был лучшим учеником, выигрывал все районные, а иногда и региональные олимпиады. Но все равно понимал, что уровень знаний для сдачи ЕГЭ под 100 баллов недостаточен. Даже с местными репетиторами.

– В общем, Максим, я предупредила тебя насчет Кристины, – прерывает мои мысли мама. – Ты будешь учиться вместе с ней, постарайся подружиться.

– Она хоть умная? – сам не знаю зачем спрашиваю, переворачиваясь на бок спиной к матери. Терпеть не могу тупых девчонок, у которых на уме один Инстаграм и ногти. Если эта Кристина из таких, то подружиться мне с ней будет сложно.

– Она бриллиант, – выдыхает мама. – Лучшая во всем. Всегда первая: будь то учеба или спорт. Всегда и везде лидер. Во всем. Поэтому я и говорю, что она не простая. Не как мы.

Ты сразу поймешь это, сынок. Но Игорь очень ею гордится и любит. Единственная дочь, наследница, как он говорит.

– Ладно, поглядим, – протягиваю сквозь дремоту. Не тупая курица и на том спасибо. С такой «сестрой» я бы точно не то, чтобы подружиться, но и ужиться под одной крышей не смог.

6 вечера, поезд останавливается на вокзале и громко гудит, информируя о том, что мы прибыли в Москву. По перрону, освещенному только уличными фонарями, снуют встречающие и дешевая рабочая сила, предлагая за отдельную плату дотащить чемодан до такси. Нас встречает водитель Игоря Морозова. Поздоровавшись с мамой и пожав мне ладонь, он берет в обе руки два чемодана, а еще один тащу уже я.

Москва встречает промозглой осенней погодой, и я по сильнее кутаюсь в теплую черную куртку и шерстяной шарф в тон. Водитель замечает это и ускоряет шаг.

– Ничего, парень, сейчас в машине согреешься. Там вас уже ждет кофе.

– Ой, Василий, спасибо большое! – радостно восклицает мама. – Кофе после поезда – в самый раз.

– Ну а как же, Елена Викторовна! Игорь Петрович строго наказал мне заехать в кофейню и взять вам с сыном по стаканчику и круассану, чтобы подкрепились после дороги, пока до дома доедем. А то ведь время такое – 6 вечера – самый час пик. Часа два по пробкам промаемся, пока доберемся...

Мы садимся в черный мерседес представительского класса, в подстаканниках на заднем сиденье которого нас действительно ждут два горячих стаканчика капучино. На спинках передних сидений откинута столики. На каждом из них в бумажном конверте лежит круассан.

Автомобиль трогается, я откусываю от булки, делаю глоток обжигающего напитка и зажмуриваю глаза от удовольствия. Первый раз в жизни я сижу в таком крутом автомобиле. В нашем городе иномарок не много, с местными зарплатами люди максимум могут позволить себе «Ладу Весту». У моего деда так вообще старенькая «семерка» и советский мотоцикл. Несмотря на несовершеннолетие и отсутствие прав, мы с пацанами еще с прошлого лета гоняем и на том, и на другом транспорте.

У одноклассника отец главный в ГИБДД нашего города, поэтому с полицией на дорогах проблем не возникает. Но мы и не перебарщиваем, конечно. Всегда с ремнем безопасности и строго в пределах допустимого скоростного режима. И обязательно пропускаем всех пешеходов.

Я первый раз в Москве. В октябре темнеет рано, поэтому на улице уже ночь. Но город светится, как новогодняя елка. Мы едем какими-то широкими дорогами, а я неотрывно смотрю на большие серые здания – так называемые «сталинки», вспоминаю я из уроков истории.

Машин на дороге много, и все дорогие иномарки. Господи, сколько же тут люди зарабатывают, что могут позволить

себе такие «Лексусы» и BMW? Задумавшись, я не замечаю, как мы выезжаем за город. Здесь огней намного меньше, машин тоже.

– Через 10 минут будем дома, – оповещает водитель Василий, словно прочитав мои мысли.

– А далеко этот поселок от Москвы находится? – интересуюсь я, сам удивляясь нелепости слова «поселок» по отношению к элитному загородному комплексу частных домов. Но он действительно так называется – поселок Золотой ручей.

– Не очень, всего 15 километров от МКАД. Но утром, когда пробки, эти 15 километров хорошо ощущаются.

Мы въезжаем через шлагбаум на территорию Золотого ручья и медленно проезжаем мимо кирпичных особняков, виднеющихся за высокими заборами. Мне едва удается сдержаться, чтобы не присвистнуть от удивления. Такие дома я видел разве что в американских фильмах, да в бабушкиных сериалах по «Первому каналу».

Автомобиль аккуратно тормозит у трехэтажного особняка, отделанного серой плиткой. Бордовые ворота автоматически открываются, и мы въезжаем в большой двор. Машина останавливается у крыльца справа, мы выходим, и пока Василий достает из багажника чемоданы, мама уже уверенно направляется к входной двери. Я хочу задержаться, чтобы помочь Василию с сумками, но он отмахивается от меня рукой.

– Иди, парень, я сам справлюсь.

Мы с мамой поднимаемся по ступенькам крыльца, она немного медлит, держась за ручку двери, а я чувствую в душе неприятное волнение. Ей-богу, как будто с родителями понравившейся девушки буду сейчас знакомиться.

Глава 2. Коза надменная

Мы входим в дом, и мне в глаза сразу бьет роскошь. Я в просторной гостиной, свет приглушен, но в нем все равно хорошо видны богатые предметы интерьера в пастельных тонах.

Я правда буду тут жить? После нашей скромной двушки в серой советской девятиэтажке с вонючим подъездом мне сложно поверить, что моим домом теперь будет такой стильный особняк.

– А вот и мы! – весело кричит мама, и на ее голос откуда-то из-за угла выныривает приятный мужчина лет пятидесяти в серых спортивных штанах и черной футболке.

– Наконец-то! – он наклоняется к маме, аккуратно целуя ее в щеку. – А ты, наверное, Максим? – обращается мужчина ко мне.

– Да, – коротко отвечаю, протягивая ему руку.

– Очень приятно. Я будущий супруг твоей мамы. Игорь Петрович. Можно просто дядя Игорь. А если хочешь, можно и папа, – по-доброму смеется мужчина, крепко пожимая мою ладонь.

Нет, к «папе» я точно не готов.

– Мне тоже очень приятно с вами познакомиться, Игорь Петрович. – Я делаю акцент на его имени и отчестве, сразу давая понять, как именно буду его всегда называть.

На секунду я замечаю в глазах мужчины искру понимания, но он быстро поворачивается к маме, чтобы помочь ей снять пальто. Я расстегиваю куртку, стягиваю шарф и ботинки, как вдруг боковым зрением замечаю тонкую фигурку, тихо спустившуюся по лестнице, которая ведет на второй этаж.

Профессиональное занятие каратэ научило меня не только махать ногами и кулаками, но и чувствовать спиной, замечать боковым зрением наступление угрозы. Я инстинктивно напрягаюсь, и мне стоит большого усилия воли не обернуться резко к подошедшей фигуре.

– Здравствуй, Кристина, – спокойно говорит мама через пару минут. Она не сразу заметила девушку.

– Добрый вечер, – отвечает девушка абсолютно бесцветным и безразличным голосом.

– Это мой сын Максим, – мама указывает на меня рукой.

Вот теперь я аккуратно поворачиваю голову.

– Привет, – говорю девушке и смотрю на нее.

На лестницу плохо падает свет, поэтому Кристина стоит в полумраке. Она скрестила на груди руки и привалилась бедром к перилам. На ней короткие джинсовые шорты в обтяжку, синяя майка и белые короткие носки. Волосы цвета молочного шоколада убраны на правую сторону и волнами спадают до локтя. На лице заметен легкий макияж и остатки красной помады.

Но не ее длинные стройные ноги привлекают меня, не загорелая кожа, не тонкая осиная талия и аккуратно поднима-

ющая на каждом вздохе грудь. Нет, совсем не это. Глаза. Большие, холодного голубого цвета. Если бы они были зелеными, то их с уверенностью можно было бы назвать кошачьими. А так скорее снежные.

Она красивая.

Девушка не отвечает на мое приветствие, а внимательно изучает меня. Я замечаю, как взгляд ее больших синих глаз аккуратно блуждает по мне, будто оценивает, достоин ли я ее приветствия. Правый уголок губ тянется в едва заметной ухмылке. Девушка склоняет голову на бок и кивает мне.

Я почувствовал, как напряжение сошло с маминой спины, стоящей от меня по левую сторону. Но мне от кивка Кристины как-то не легче, а даже, скорее, тяжелее. Она сделала это так, будто совершила для меня великое одолжение. Сначала подробно изучила с ног до головы, а потом, видимо, решив, что я достоин лишь кивка, а не ответа, шевельнула головой вниз-вверх.

Коза надменная.

– Ну, раз все в сборе, прошу к столу. Вы с дороги, наверное, проголодались, – решает прервать отчим затянувшееся молчание.

Мы проходим на кухню, в которой уже богато накрыт стол на четыре персоны.

– Максим, давай сначала помоем руки. Ванная вот тут под лестницей, – зовет меня мама.

Мы с матерью проходим в большую богато обставлен-

ную уборную, и она быстро проговаривает шепотом, включая кран:

– Ну, вроде бы Кристина нормально к тебе отнеслась.

– Нормально? Ты серьезно, мам? Она сначала осмотрела меня, как товар на распродаже, а потом едва кивнула головой. И сделала это так, будто она английская королева, а я ее раб. Снизошла! – фыркаю, беря в руки мыло.

– Я тебе говорила, что Кристина очень непростая. Но даже тот факт, что она тебе кивнула, уже достижение. Поверь, было бы хуже, если бы она молча развернулась и ушла к себе наверх.

– Она бы так не сделала. Это явное проявление невоспитанности и хамство.

– Поверь, сынок, она и не на такое способна. Кристина – дочь своего отца.

– Отец у нее нормальный, кстати, – решаю похвалить мамин выбор.

– Это только дома он такой со своими. Видел бы ты его на работе. Особенно на переговорах с партнерами. А особенно с конкурентами!

Мама выходит из ванной, а я решаю освежить лицо прохладной водой. Вытерев его мягким полотенцем, я внимательно смотрю на свое отражение в зеркале. Крепкий 17-летний парень, который, благодаря занятиям каратэ с 5 лет, выглядит года на 2-3 старше своих сверстников. Темные волосы, карие глаза, ровный нос и, к счастью, ровные белые зу-

бы. На мне темно-синий шерстяной джемпер и темно-синие джинсы.

Я возвращаюсь на кухню, где уже все сидят за столом. Единственное свободное место, на котором уже стоят тарелка и приборы, напротив Кристины. Домработница накладывает каждому из нас салат, гарнир и горячее.

– Давайте за встречу по бокальчику вина. – Предлагает отчим. – Детям, думаю, уже тоже можно. Почти совершеннолетние.

Отчим тянется налить каждому в бокал. Когда он доходит до меня, я прерываю его.

– Извините, я не пью. Профессионально спортом занимаюсь.

Отчим удивленно вскидывает бровь, и даже надменная коза Кристина отрывает глаза от тарелки и поднимает на меня взгляд.

– Да, каким? Лена ты не говорила, что Максим спортсмен.

Я не успеваю ответить, как меня перебивает мать.

– Ой, да какой там спортсмен! Всего лишь каратэ.

Отчим не обращает на мать внимания и продолжает меня пытаться.

– Какой у тебя пояс?

– Черный.

– Ого, молодец! В соревнованиях участвовал?

– Да, несколько золотых медалей на районных и региональных состязаниях.

– А чемпионат России?

– Четвертое место.

– Неплохо, почти призер в рамках страны.

Отчим одобрительно кивает головой, но Кристина на моих словах о четвертом месте презрительно хмыкает. Тихо, но я все-таки расслышал.

Высокомерная стерва.

– Так, Максим тогда пьет компот, а я с девочками все-таки бокальчик пригублю. За встречу! – громко говорит Игорь Петрович, и мы все ударяемся бокалами. Кристина в мою сторону даже не смотрит и едва касается вина губами.

– А с поступлением в вуз уже определился? Елена говорила, что ты очень хорошо учишься.

– С конкретным вузом еще нет, но со специальностью да.

Юриспруденция.

– А поточнее? Это очень широкое слово: от рядового следователя до адвоката.

– Я бы хотел быть корпоративным юристом, который занимается сопровождением сделок компаний. Желательно международных. Желательно сделок слияния и поглощения.

Надменная коза снова поднимает на меня взгляд и прищуривается, растянув пухлые губы в скептической ухмылке.

– Да, это перспективное направление. Ты главное с вузом не прогадай. Чтобы стажировки зарубежные были и практики в статусных компаниях. А то юридический факультет в каждом задрюпанном институте есть, только толку от этого

никакого.

Дальше отчим с матерью начинают обсуждать дела его строительной компании, и я спокойно погружаюсь в еду. А вот Кристина, наоборот, отложила вилку с ножом в сторону и внимательно слушает отца, повернув к нему голову. Игорь Петрович что-то рассказывает про строительство нового ЖК на юго-западе Москвы, соглашения с московской мэрией, которая не хочет выдавать какие-то разрешительные документы. Отчим сыплет строительными терминами и аббревиатурами, которые мне совсем незнакомы.

А вот его дочь, очевидно, прекрасно понимает, о чем идет речь. Воспользовавшись тем, что ее внимание приковано к отцу, я украдкой еще раз хорошо ее разглядываю.

Красивая, ничего не скажешь. Но красота не как у обычной девчонки, каких много в моем родном городе, а другая. В Кристине чувствуется грация, порода, голубая кровь, что ли. Это есть в каждом ее движении, в каждом взмахе ресниц, в каждом повороте головой. Но все же надменность и высокомерие девушки, ее презрение ко всем окружающим кроме отца – ко мне, к маме, к прислуге, пополняющей тарелки, – отбивают все желание не просто говорить с ней, но даже смотреть на нее.

У меня точно не получится с ней подружиться. И даже не потому, что она считает меня недостойным своей дружбы, а потому что я сам не хочу. Не люблю гордых и заносчивых людей. Такие есть даже в моей провинции, и я с радостью

выбивал кулаками подобную дурь из их головы, если это оказывались мужчины. С заносчивыми девушками я никогда не связывался. Они мне просто противны.

– Пап, я думаю, тебе следует предложить городу построить в этом микрорайоне не только школу и садик, но еще поликлинику и торговый центр. Такое предложение точно смягчит мэрию. Ты хочешь застроить микрорайон на 25 тысяч человек. Сам посуди, что будет, если они все ломанутся в единственную поликлинику в той местности. Зачем городу такая нагрузка? – вырывают меня из задумчивости слова Козы, обращенные к отцу.

– Предлагал уже, Кристин, все равно не хотят, – понуро отвечает отчим.

– А там есть парки?

– Нет, это бывшая промзона.

– Предложи мэрии построить большой парк, который будет рассчитан не только на жителей твоего нового ЖК, но и на остальных, кто там уже живет. Но парк только хороший, чтобы и пруд был, и фонтаны, и места для спорта. А зимой, чтобы его можно было заливать для катка.

– Хм, а это идея, – отчим оживился. – Обсужу со своим архитектором. Спасибо, доча!

Коза довольно улыбается и отпивает еще вина.

Глава 3. Правила

Когда ужин подходит к концу, отчим неожиданно поворачивается к дочери.

– Кристина, а покажи Максиму дом. Что да где тут у нас.

Козу эта просьба явно застаёт врасплох. Она резко сверкает взглядом сначала на меня, потом на отца. За несколько секунд на ее лице мелькают десятки негативных эмоций: от ужаса до брезгливости. Мгновение она пристально смотрит на отчима, а потом, нацепив на себя маску безразличия, отвечает, как можно мягче:

– Конечно, пап, без проблем, – и даже улыбается.

Мы с Кристиной выходим из кухни, и мне кажется, что даже на ее затылке написано презрение ко мне. Голова девушки достаёт мне до подбородка, а рост у меня 185 сантиметров. Значит, она где-то около 170 см. Может, чуть ниже.

– Тут холл и гостиная, ты их уже видел, – она, не глядя на меня, машет рукой в правую сторону. – Тут под лестницей ванная, – мы идем дальше по коридору первого этажа. – Здесь библиотека, а там спортзал. – Она машет руками в разные стороны, а затем резко поворачивается ко мне. Все выражение ее лица говорит о том, что она мне сейчас делает одолжение.

Кристина шагает мимо меня обратно к холлу и поднимается на второй этаж. Я иду сзади, стараясь не смотреть на ее

тонкую, как у балерины, фигурку.

– Вот это твоя комната, – она указывает на первую дверь второго этажа. – Следом за ней – ванная. Можешь ею пользоваться. Вот эти три двери – гостевые.

– А вот эта? – я киваю в сторону еще одной двери, располагающейся по диагонали от моей.

– Это моя комната. Без стука не входить. А лучше вообще никак не входить. – Коза пристально смотрит мне в глаза.

– Не буду, – я не могу удержаться от смешка. Ну до чего высокомерная! – А что на третьем этаже?

– Там комната моего папы и твоей матери, а также рабочая зона отца: кабинет и переговорные для встречи с партнерами. В рабочую зону нельзя подниматься никому.

– Даже тебе? – я вскидываю бровь.

– Мне в этом доме можно все. Но даже я знаю меру, – чеканит надменная стерва и рывком дергает дверь моей комнаты. – Располагайся, родственничек, – она презрительно хмыкает, – тут для тебя все по высшему разряду.

Я прохожу вслед за Кристиной, игнорируя ее выпад. Комната размером метров 20, большая кровать, большой письменный стол, шкаф, пара кресел, комод. Светлые пастельные тона, подходящие как мужчине, так и женщине. Я прохожу к окну и стараюсь разглядеть вид из него, но яркий свет в комнате и темнота на улице, словно зеркало, лишь открывают для меня вид на сводную сестрицу, стоящую у меня за спиной. Мы оба молча разглядываем друг друга в этом от-

ражении прежде, чем я к ней поворачиваюсь и пристально смотрю в глубокие голубые глаза. Такие красивые и такие холодные.

Кристина приближается ко мне вплотную и тихо произносит.

– Думаю, нам следует обговорить правила совместного проживания.

Я молча смотрю ей в лицо, и она продолжает.

– Правило №1: мы с тобой никакие не брат и сестра. Правило №2: ты не трепешься в школе о том, что живешь со мной в одном доме. Правило №3: ты не суешься в мою компанию. Правило №4: ты не разговариваешь со мной на людях. Правило №5: когда ко мне приходят гости, ты не высываешься из своей комнаты. Правило №6...

– Я столько не запомню, – смеясь, перебиваю надменную козу.

От ярости она начинает быстро дышать и на секунду мне кажется, что у нее сейчас повалит дым из ноздрей.

– Правило №6: ты на меня не пялишься, – холодно чеканит.

– Когда это я на тебя пялился? – я искренне удивляюсь.

– На кухне, когда папа рассказывал про работу. Думаешь, я не заметила, как ты на меня глазел? Аж забыл, как жевать!

– Слушай, а ты пялилась на меня, когда я зашел в дом. Причем ты тихо спустилась с лестницы и затаилась, как кошка, рассматривая меня со стороны. Я заметил тебя боковым

зрением задолго до того, как мать с тобой поздоровалась.

Козе явно не нравится, что она была поймана, поэтому мгновение она молчит, не находясь, что сказать. Меня этот разговор забавляет.

– Я в своем доме могу смотреть, на кого захочу и сколько захочу. А ты не забывай, что находишься в гостях.

На этих словах она резко разворачивается и направляется к выходу. Остановившись в дверном проеме, холодно цедит, не поворачивая головы:

– Правило №7: никогда не провожай меня взглядом.

Она громко хлопывает за собой дверь моей комнаты, а я устало опускаюсь на кровать.

Ну и надменная стерва!

Через пару часов, когда я разбираю чемодан, в щель под дверь кто-то просовывает вдвое сложенный листок А4. Затем по коридору слышатся шаги и звук тихо закрывшейся двери недалеко от меня.

Я разворачиваю листок и читаю: "Правила проживания в одном доме с Кристиной Морозовой. Повесь на видное место и вызубри. Правило №1...".

Я тяжело вздыхаю и мну чертов листок.

Честное слово, лучше бы она оказалась тупой курицей, интересующейся только Инстаграмом и маникюром!

Глава 4. Вдох-выдох

На следующий после приезда день – в субботу – у нас с мамой запланирован шоппинг. Уже в понедельник я иду в новую школу, поэтому мать решает приодеть меня в каком-то крутом московском торговом центре. В 12 дня водитель Василий на том же самом «Мерсе» представительского класса привозит нас в центр города к большому серому зданию с надписью «ЦУМ».

Что-то мне подсказывает, что это не просто торговый центр. Не может обычное здание с магазинами внутри называться ЦУМом. И я не ошибся. По всей вероятности, это одно из немногих мест, где можно встретить такие марки, как Dolce&Gabbana, Versace, Roberto Cavalli и прочие бренды высокой моды.

– Мам, а в обычном Н&М мне нельзя одеться? – спрашиваю родительницу, когда мы бредём между корнерами с мужской одеждой.

– Нельзя, сынок. Иначе в школе тебя не примут. Там, к сожалению, свободная форма, и ученики приходят на уроки во всей красе.

– Но тут же одна рубашка стоит почти 100 тысяч!

– К сожалению, да. Но ничего страшного.

Я меряю все подряд, и на удивление мне идёт каждая вещь. В какой-то момент я решаю, что проще будет не смот-

реть на ценники. Мы набираем мне столько шмоток, что багажник «Мерседеса» оказывается полностью забит черно-оранжевыми пакетами с логотипами ЦУМ.

– Сынок, а не хочешь на Красную площадь? Ты ведь никогда не был в Москве.

– Конечно, хочу! Спрашиваешь еще.

– Василий, отвези нас к Красной площади, погуляем немного.

– Без проблем.

Я стою в самом центре столицы и не могу поверить своим глазам. Вот передо мной Спасская башня, куранты которой я вижу каждый год 31 декабря по телевизору. Вот Собор Василия Блаженного, о котором нам рассказывали на уроке истории. А перед входом на Красную площадь Нулевой километр, на котором нужно загадывать желание.

Побродив еще по Москве и поужинав в ресторане, мы возвращаемся очень поздно. До глубокой ночи я ещё раз приберю все свои покупки и вешаю их в шкаф. День без надменной козы прошёл просто отлично!

Воскресенье в семье Морозовых считается рабочим днем. Мать с отчимом с самого утра закрываются в его кабинете и занимаются делами. Позавтракав в одиночестве, я решаю воспользоваться спортзалом. На каратэ я тут ходить не буду, а форму поддерживать нужно.

Я захожу в зал в шортах и майке и застываю на пороге. Моему взору открывается Кристина, бегущая по дорожке в

наушниках. На ней короткие спортивные шорты, футболка и кроссовки. Шея девушки взмокла, бутылка с водой на полу наполовину пустая. Сразу понятно, что она тут давно. Не знаю, сколько я так стою, пока она не произносит, не сбавляя шаг и не вынимая наушники:

– Правило №6.

– Что? – я не сразу понимаю, о чем она.

Кристина выключает дорожку, вынимает наушники и поворачивается ко мне лицом.

– Правило №6: ты никогда на меня не пялишься. Я же просила выучить!

– Извини, я случайно смял твой листок и швырнул его в самый дальний угол комнаты. Сам не понял, как так вышло. – Я стараюсь придать своему голосу максимум сарказма. – А утром, видимо, домработница его выкинула, посчитав мусором.

– Шутки шутишь, да? – Девушка отпивает из бутылки, не прерывая со мной зрительного контакта. – Это ты зря, Максим. Я ведь совсем не шучу.

Ее голос звучит очень спокойно, но жестко. И почему-то именно в этот момент мне действительно становится не до смеха.

– Прости, я не знал, что ты здесь. Иначе бы не пришёл. Просто не ожидал увидеть тебя в спортзале, вот и застыл на месте, не зная, куда себя деть.

– Почему же не ожидал? Я не похожа на человека, зани-

мающегося спортом? К слову, этот зал отец организовал специально для меня три года назад.

– Да нет, почему? Просто, мне показалось, что у тебя нет необходимости в тренажерах.

Она удивленно вскидывает бровь.

– Ну, в смысле я имею в виду, что у тебя с фигурой полный порядок. – Я стараюсь быстро исправить неловкую ситуацию.

– Спасибо за комплимент. Но именно благодаря спорту моя фигура такая, какая есть. – Она делает еще глоток. – Проходи, я уже закончила.

Последние слова снова звучат, как одолжение. Надменная коза выходит из зала, и я остаюсь наедине со своим раздражением. Следующие два часа я занимаюсь жестко, почти остервенело. Ярость в груди только нарастает.

Чертова стерва!

И почему же она меня так задевает? Почему я не могу просто игнорировать ее? Почему меня бесит ее надменный снисходительный тон? Ну разве я не видел гордых и заносчивых людей? Раньше мне было на них абсолютно по фиг. Так почему же я не могу не замечать и Кристину тоже?

«Потому что такую, как она, невозможно не заметить», – шепчет мой внутренний голос, и я злюсь еще больше.

Ну что в ней есть такого, чего не было в девчонках из моего города? Чего не было в Аньке из 10 «Б», с которой я встречался последние пару месяцев?

Чертова Москва! Чертов переезд! Чертова Кристина!

Я со злостью бью кулаком по сиденью тренажера для ног, слезая с него.

Нужно закрыть глаза и посчитать до десяти. Спокойно, Макс, спокойно. Вдох-выдох, вдох-выдох. Глоток воды, снова вдох, снова выдох, еще глоток. Вот так, хорошо. Молодец, парень. Дыши.

Я пытаюсь привести себя в порядок контрастным душем. Но даже он не помогает. Настроение до конца дня остается на минимуме.

Глава 5. Бизнес-леди

Я всю жизнь проучился в одной провинциальной школе с условным дресс-кодом «белый верх, черный низ», поэтому, собираясь утром в новый лицей для мажоров, я в ступоре смотрю на содержимое своего шкафа. Новая одежда, купленная вчера в дорогом торговом центре, аккуратно висит на вешалках, а я даже не знаю, что из этого надеть.

Черт. Чувствую себя девчонкой, у которой полный шкаф шмоток, а она не знает, что надеть.

Неожиданно в голову закрадывается мысль постучать к Кристине и спросить у нее, но эту идею я тут же отметаю. Решаю надеть голубую рубашку, черные брюки и черные туфли.

Выходя из своей комнаты на завтрак, я сталкиваюсь в коридоре с Кристиной. Наши двери по диагонали друг от друга, а коридор не такой уж и большой, поэтому я практически налетаю на нее. От неожиданности девушка подворачивает ногу и чуть было не падает, но я резко перехватываю ее за талию.

– Эй, а можно не так резко выходить из комнаты? – визжит коза, когда я возвращаю ее в вертикальное положение.

– Извини, все время забываю, что ты здесь.

Девушка оторопело уставилась на меня.

– Максим, я знаю, что невежливо так говорить, но все-та-

ки скажу. Это мой дом, а не твой. Поэтому не очень понимаю твои слова о том, что ты забываешь о моем присутствии.

Я не смог сразу ответить, потому что засмотрелся на нее. Шоколадные волосы кудрями спадают до середины спины, она одета в облегающее черное платье-водолазку выше колен. На ногах тонкие колготки и черные лаковые туфли на высокой шпильке. На лице аккуратный макияж с акцентом на губы. Красная помада делает рот девушки еще более сочным.

– Это была шутка, извини.

Кристина делает шаг ко мне. На каблуках она достает мне до лба, поэтому наши глаза почти на одном уровне.

– Не надо со мной шутить.

Я еще секунду задерживаю на ней свой взгляд прежде, чем спокойно отвечаю.

– Не буду.

Она одобрительно кивает и проходит мимо меня к лестнице вниз. Надо полагать, кивок означает, что английская королева соизволила милостиво принять извинения своего холопа. От злости я сжимаю руки в кулаки и крепко смыкаю челюсть.

Просто стерва.

Мать с отчимом уже завершают завтрак, когда я вхожу на кухню вслед за Кристиной.

– А вот и дети! – радостно восклицает отчим. – Доброе утро, молодежь!

– Доброе, – буркнули мы одновременно с козой.

На тарелке меня уже ждет ароматный омлет с ветчиной и помидорами.

– Чай или кофе? – спрашивает домработница, наклонившись к моему уху.

– Кофе.

– Молоко, сахар?

– Нет, просто черный.

Произнеся эти слова, я замечаю, как Кристина удивленно вскидывает бровь и впивается в меня взглядом. Это длится всего секунду.

– Мне, как всегда, – говорит коза, даже не удостоив домработницу своим взглядом.

– Сегодня, Максим, поедешь в школу с Кристиной и ее женихом. Машина Кристины на ТО, а водитель в отпуске, – обращается ко мне отчим.

– Не с женихом, а с парнем, папа, – коза раздраженно перебивает отца.

– Какая разница, дочка?

– Вообще-то большая. Жених – это когда уже женятся, а парень – когда просто встречаются.

– Не вижу разницы, – отчим делает большой глоток из кружки.

– Пап, я не собираюсь замуж. Ты же в курсе моих планов!

– Конечно, и полностью их поддерживаю. Но все-таки хочу однажды подержать на руках внука, – Игорь Петрович

мечтательно улыбается. Поворачивается ко мне и поясняет: – Кристина планирует поехать учиться в школу бизнеса в Гарварде. Там дают лучшее бизнес-образование в мире. После учебы дочка поработает пару лет в строительных компаниях США, а потом вернется домой и с накопленными знаниями и опытом легко вольется в нашу компанию, а в перспективе займет мое кресло.

– Круто, – это все, что я могу из себя выдавить, засовывая в рот кусок омлета.

А стерва, оказывается, не такая уж и простая. Нет, я, конечно, помню слова матери о ней, да и сам за эти несколько дней понял, что она далеко не дура. Но чтобы настолько, я, честно, не ожидал. Ей, как и мне, 17 лет, а она уже метит в приемники отца. Но предварительно хочет поучиться не где-нибудь, а в бизнес-школе Гарварда! Учиться там – мечта. Но лично для меня – несбыточная. Все лучшие менеджеры, управленцы и бизнес-аналитики мира вышли из Гарварда.

– Ну, нам пора, дети! До вечера.

Отчим с мамой выходят из кухни, и мы с Кристиной остаемся в звенящей тишине. Я уткнулся в свою тарелку, стараюсь даже не поднимать голову, но все равно замечаю, что девушка стреляет в меня взглядами каждый раз, как я подношу ко рту кружку с кофе. Через какое-то время я не выдерживаю и все-таки обращаюсь к ней.

– Что-то не так?

– С чего ты взял?

– Не очень понимаю твои взгляды. Я, конечно, помню про правило №6, которое относится только ко мне, но все-таки хотелось бы узнать причину твоих гляделок на меня.

Я все-таки поднимаю голову и смотрю ей в лицо. Козе явно не понравилось, что я поймал ее с поличным.

– Первый раз в жизни встречаю человека, который пьет просто черный кофе без ничего, и ему нравится.

Наверное, я ожидал услышать какой угодно ответ, но только не такой. Я оторопело на нее смотрю, не находясь, что сказать. В этот момент я замечаю на шее Кристины поверх горловины платья золотую цепочку с буквой «И» в виде кулона.

– Почему ты носишь кулон с буквой «И», если твое имя начинается на букву «К»?

Кажется, коза тоже не ожидает услышать от меня такой вопрос и поспешно убирает цепочку под платье.

– Давай ты сделаешь вид, что не видел мой кулон и не задавал этот вопрос.

– Почему?

Коза не успевает ответить, потому что у нее звонит телефон. Она берет трубку и вместо «Алло» или каких-нибудь еще приветствий сухо чеканит:

– Выхожу. – Прервав звонок, обращается ко мне. – Нам пора.

В холле я накидываю на плечи новую куртку, беру портфель и выхожу вслед за Кристиной в теплом черном пальто.

За воротами нас уже ждет серый «Лексус» седан.

– Садись назад, – командует коза.

Я залезаю в салон одновременно с ней. Ко мне удивленно поворачивает голову блондин, затем он переводит взгляд на Кристину, а потом снова на меня.

– Сын мачехи. Будет учиться с нами, – сухо отвечает девушка на немой вопрос парня.

Его лицо озаряет понимание, и блондин оборачивается ко мне, протянув руку.

– Егор. Одноклассник и парень Кристины.

Я пожимаю его ладонь.

– Максим.

Он возвращает свое внимание к девушке.

– И тебе доброе утро, дорогая.

– Извини, доброе. – Стерва поспешно поворачивается к Егору и аккуратно целует его своими красными губами.

Что? Мне не послышалось, и коза действительно произнесла слово «Извини»???

Егор на секунду зажмуривается от удовольствия и гладит девушку по щеке.

Он включает радио, и мы едем молча. Изредка я ловлю на себе любопытные взгляды парня в зеркале дальнего вида.

– Максим, а где ты раньше учился? – парень прерывает затянувшееся молчание.

– В другом городе. Ты вряд ли будешь знать.

– У тебя очень крепкое рукопожатие. Занимаешься спор-

том?

– Да, каратэ.

– Какой пояс?

Если честно, за все 12 лет, что я занимаюсь этим видом боевого искусства, вопрос о цвете моего пояса уже порядком надоел. Каждый раз, когда человек узнает о том, что я каратист, сразу же спрашивает, какой у меня пояс. За это время я пришел к выводу, что люди на самом деле не знают о каратэ ничего, кроме того, что в нем есть пояса.

– Черный.

– Прикольно. Я остановился на красном. Понял, что не мое.

– А что твое?

– Тачки и гитара.

И в подтверждение своих слов парень добавляет газу.

– Тебе уже есть 18, раз ты за рулем?

На самом деле этот вопрос мучает меня с того самого момента, как он представился одноклассником Кристины. Егор что, пошел в школу в 8 лет?

Он будто прочитал мой немой вопрос:

– Ага, родители сначала отдали меня в школу в Лондоне, но после первого класса решили перевести в Россию. Вот только оказалось, что русский алфавит-то я не знаю. Ни читать, ни писать на великом и могучем не могу. И пришлось в 8 лет снова идти в первый класс, но уже в Москве.

– Понятно.

В этот момент мы подъезжаем к железным воротам, за которыми стоит многоэтажное здание. Судя по лепнине на стенах – элитное. МКАД мы точно пересекли, так что высотка уже в черте Москвы. К машине уверенно направляется девушка в бежевом пальто и черных полусапожках.

– Егор, не трепись о Максиме, – просит коза. За всю поездку она впервые подала голос.

Ни я, ни Егор не успеваем ничего ответить, потому что дверь рядом со мной распахивается, и в салон врывается сладкий запах духов. А потом на сиденье плюхается и его хозяйка.

– Привет, ребят! – щебечет девушка, а потом замечает меня. —Ой! А ты кто?

Я не успеваю ответить, потому что меня опережает Егор.

– Вика, познакомься, это Максим. Он будет учиться в нашей школе.

– Очень приятно! – девушка протягивает мне ладонь с красным лаком на ногтях и расплывается в улыбке.

Девушки не часто тянут ко мне руки для приветствия, поэтому я, если честно, не знаю, что нужно сделать: пожать по-мужски или поцеловать тыльную сторону ладони? Задержав на незнакомке взгляд, я почему-то решаю, что такой, как она, будет приятно, если руку все-таки поцеловать. И я не ошибаюсь.

– Ой, да ты джентльмен, – она кокетливо строит глазки, заправляя ладонью, которую я только что поцеловал, прядку

черных волос за ухо.

Мы уже едем, а девушка все не сводит с меня любопытного взгляда.

– Егор, а где ты познакомился с нашим новеньким еще до того, как он пришел к нам в школу? – не выдерживает Вика.

– Он живет со мной и Кристиной в Золотом ручье. Соседи!

Я отворачиваюсь к окну и хмыкаю. И ведь не соврал. На душе начинают скрести кошки, когда до меня доходит, почему Кристина в своих дурацких правилах требовала от меня не рассказывать никому в школе, что мы живем в одном доме, и сейчас просила Егора не трепаться об этом.

Она меня стесняется.

Стерва считает меня ниже своего уровня. Не ровней себе. Недостойным нахождения с ней под одной крышей.

«Правило №2: ты не треплешься в школе о том, что живешь со мной в одном доме. Правило №3: ты не суешься в мою компанию. Правило №4: ты не разговариваешь со мной на людях. Правило №5: когда ко мне приходят гости, ты не высываешься из своей комнаты...», всплывает у меня в памяти, и от злости я крепко сжимаю кулаки. Не знаю, сколько я так просидел, уставившись в окно, пока из задумчивости меня не вытащил голос Вики.

– Максим, а где ты раньше учился?

– Не в Москве.

– За границей?

Мда, мажоры, видимо, кроме Москвы больше никакие российские города не признают.

– Нет, в России.

Я не стесняюсь своего происхождения, но у меня нет никакого желания рассказывать о себе этой компашке «золотых». Пошли они к черту, зажавшиеся мажоры! Однако брюнетка не отступает.

– В Питере?

О, а она все-таки знает в России что-то кроме Москвы. Я не успеваю ничего сказать, потому что меня опережает Кристина.

– Вик, а ты готова к сегодняшней контрольной по алгебре?

– Ну так... – тянет девушка, наконец-то отвернув от меня голову.

– Тогда, может, достанешь учебник и повторишь последнюю тему, пока еще есть время?

– Зачем? Я хочу поближе познакомиться с Максимом. – Она снова поворачивает голову на меня и улыбается бело-снежной улыбкой.

– Как знаешь, – мне кажется, или я слышу в голосе сводной сестрицы злость? – Но списывать у меня не проси.

– Почему, Кристин? С каких это пор ты зажимаешь для друзей списать?

– С этих самых. Доставай учебник и повторяй тему, если хочешь, чтобы на контрольной я тебе помогла.

Вика насупилась, но учебник из сумки все-таки вытащи-

ла. Открывает его на первой попавшейся странице и делает вид, что внимательно читает. Но взгляд ее все время косится в мою сторону.

– Вика, ты держишь учебник задом наперед, – Кристина снова подает голос с переднего сиденья.

Ха! И ведь правда, а я даже не заметил. Я отворачиваюсь к окну, еле сдерживая смех. До школы мы доезжаем в тишине. Егор даже выключил радио. «Чтобы Вике не мешала музыка», – пояснил он.

Школа оказывается трехэтажным светло-розовым зданием. Егор заезжает во внутренний двор и паркует автомобиль на свободном месте. У центрального входа толпятся школьники разного возраста.

– Где кабинет директора? – Спрашиваю у троицы, с которой ехал в машине.

– На первом этаже справа. Могу проводить, – предлагает Вика с улыбкой.

– Буду очень признателен, – отвечаю, также растягивая губы.

Виктория подается вперед, я иду за ней, но Кристина одергивает меня за рукав. Егор за ее спиной здоровается с какими-то парнями. Я знаю, что она хочет сказать мне, поэтому говорю первым.

– Не переживай, я помню о твоих правилах. Я не планирую позорить тебя своим существованием.

Я выплевываю эти слова со всем ядом, с каким только мо-

гу. Стерва одобрительно кивает головой и отпускает рукав
моей куртки

Глава 6. Новенький

Директор – строгая женщина в годах. Ее глаза обрамляют прямоугольные очки в черной оправе. Волосы собраны в тугий пучок.

– Максим Самойлов? Проходите. Меня зовут Алла Викторовна. Документы уже пришли к нам по электронной почте из вашей прежней школы. Ваша успеваемость меня порадовала, – улыбается, сохраняя в глазах строгость. – Меньше всего учеников у нас в 11 «В», поэтому определяю вас в этот класс. Будете восемнадцатым. В «А» и «Б» классах по 20 учеников. Сейчас подойдет ваш классный руководитель, присядьте пока.

Но я не успеваю опуститься на коричневое кожаное кресло, так как в дверь директора настойчиво стучат.

– Войдите.

В кабинет проходит светловолосая женщина лет 40.

– Алла Викторовна, извините, ученики задержали с вопросами.

– Вот ваш новенький, Татьяна Анатольевна, – директор указывает на меня, – Максим Самойлов. Проведите ему короткую экскурсию по школе и проводите на урок.

– Конечно. Пойдем, Максим, – улыбается мне женщина.

Мы выходим из кабинета, и классный руководитель начинает:

– Меня зовут Татьяна Анатольевна, как ты уже слышал. Я преподаю английский язык. Я видела твои документы – круглый отличник. Это очень хорошо, нам такие ученики нужны, – женщина по-доброму смотрит. – Вот здесь слева от центральной двери вход в столовую. У старшеклассников обеды на длинной перемене после третьего урока. Оплата принимается как наличными, так и картой. Тут на первом этаже спортзал, бассейн и раздевалки, – она машет в правую сторону. – Спортом занимаешься?

– Каратэ, – отвечаю я, ожидая следом вопрос о цвете моего пояса. Но ей, видимо, о них неизвестно, потому что женщина спокойно говорит:

– У нас такой секции нет, к сожалению. Если хочешь, можешь дополнительно записаться на плавание, волейбол или баскетбол.

– Спасибо, подумаю.

Мы поднимаемся на второй этаж.

– На втором и третьем этажах проходят уроки у средних и старших классов. Тут же на втором находится библиотека, получишь там комплект учебников на перемене. – Она машет рукой в правое крыло. – В каком кабинете какой урок, ты уже сам запомнишь. Держи свое расписание. Номера кабинетов тут отмечены. – Она протягивает мне в руки листок А4. – Сейчас у тебя уже идет русский язык, пойдем провожу. Кстати, уроки у нас по 45 минут, а не по 40, как в большинстве школ.

Мы идем по коридору второго этажа в левое крыло. На одной из стен я замечаю фотографии и машинально останавливаюсь. Классуха это замечает и тормозит рядом.

– Это наша доска почета. Каждый год в конце учебного года дирекция школы выбирает лучшего ученика. Его фотографию вешают сюда.

Что? Доска почета? Где-то еще существует этот советский бред?

Я не успеваю ничего ответить, потому что мой взгляд привлекают фотографии надменной козы. Четыре штуки висят подряд. Татьяна Анатольевна словно читает мои мысли, потому что говорит:

– Последние четыре года лучшим учеником становится твоя одноклассница Кристина Морозова, – черт, значит, я все-таки буду в ее классе. – Я бы даже сказала, что она лучшая ученица за все те годы, что я работаю в этой школе. Еще в 8 классе она легко могла переплюнуть любого одиннадцатиклассника.

– А как оценивают лучшего ученика? Не думаю, что эта девушка – единственная отличница в школе.

– Конечно, нет. У нас много круглых отличников. Оценивается не только качество выполнения контрольных работ, но и скорость. Домашнее задание, посещаемость и самое главное – достижения на олимпиадах и в спорте. Кристина выиграла очень много олимпиад и спортивных состязаний.

– А какой у нее вид спорта?

Я сам не знаю, зачем задаю этот вопрос. Мне-то какое дело?

– Она капитан команды нашей женской сборной по волейболу. Наши девочки несколько лет подряд одерживают победу на соревнованиях с другими школами Москвы. Во многом это заслуга Морозовой.

Я не успеваю внимательно рассмотреть фотографии сводной сестры, потому что учительница уводит меня на урок. Когда мы заходим в класс, учитель что-то бурно рассказывает ученикам. Но с нашим появлением голоса затихают.

– Ребята, в вашем классе новенький. Знакомьтесь, Максим Самойлов.

На меня уставились 17 пар глаз. Я сразу нахожу среди них самые холодные. Кристина сидит за второй партой второго ряда вместе с Егором.

– Максим, садись на любое свободное место, – говорит мне учитель русского языка. Мой взгляд падает на четвертую парту первого ряда, и я прохожу к ней, чувствуя, как весь класс провожает меня взглядом.

– Меня зовут Евгения Владимировна. Мы разбираем задания из ЕГЭ, – снова обращается ко мне учительница. На вид приятная седовласая женщина. – Какая у тебя была оценка по русскому языку в прежней школе?

– Пятерка, – я уже достал из портфеля тетрадь и ручку.

– А пробные ЕГЭ в 10 классе вам школа проводила?

– Да.

– Сколько у тебя было баллов по русскому языку?

– 95.

– Очень хорошо, – женщина одобрительно кивает. – Продолжаем, ребята. Деепричастные обороты выделяются запятыми...

Сам не знаю, зачем, но я слегка поворачиваю голову в сторону Кристины, и наши взгляды встречаются. Ее красные губы растянуты в ухмылке, а глаза смотрят с вызовом. Она первая возвращает внимание учителю.

Как только звенит звонок, ко мне поворачиваются парень и девушка, сидящие передо мной.

– Никита, – протягивает руку молодой человек.

– Оля, – представляется светловолосая девушка.

– Очень приятно, – я пожимаю обе ладони.

– Максим, у нас следующий урок – алгебра. Пойдем, я тебе покажу кабинет. – Ко мне тут же подлетает Вика.

– Когда вы уже успели познакомиться? – спрашивает у нее Никита.

– Максим живет в Золотом ручье по соседству с Морозовой и Кузнецовым. Мы сегодня ехали вместе в машине...

Казалось, Виктория готова щебетать еще долго, но ее строго обрывает холодный голос Кристины.

– Вика, мы уходим.

– Да, Кристин, идите, – отмахивается от нее брюнетка и снова поворачивается ко мне. Но стерве это явно не по душе, и она впивается в меня своим ледяным взглядом. Не нужно

быть экстрасенсом, чтобы понять, что именно она хочет сказать мне своими глазами.

«Ты не суешься в мою компанию», всплывает у меня в памяти одно из ее дурацких правил.

– Спасибо, Вик, но классная руководительница уже показала мне, где кабинет алгебры, – вру девушке, – иди к друзьям, – стараюсь сказать, как можно вежливее, чтобы не обидеть.

Помимо Кристины и Егора Вику ждут еще одна девушка и парень. Кокетка нехотя отворачивается от меня на своих каблуках и следует за друзьями.

Я помню, как в машине Кристина говорила, что по алгебре будет контрольная, поэтому решаю забрать из библиотеки учебники на следующей перемене и тороплюсь в кабинет. Я также сажусь на четвертую парту первого ряда, предварительно спросив у учителя, не занята ли она.

Постепенно кабинет наполняется учениками, большинство из них подходят ко мне знакомиться, и меня это несколько удивляет. Я не ожидал, что мажоры окажутся настолько приветливыми. Я не запоминаю имена их всех. Катя, Света, Илья, Леша, Ира... Все держатся со мной приветливо, но достаточно осторожно.

– Все готовы к контрольной? – грозно спрашивает алгебричка Ирина Александровна, когда звенит звонок. – Впрочем, это риторический вопрос, можете не отвечать.

Она раздает всем задания на листочках. После отходит к

доске и обращается ко мне.

– Новенький Максим Самойлов, вы в предыдущей школе уже это проходили? Если нет, то в виде исключения могу освободить вас от написания контрольной работы.

Я внимательно смотрю на задания. В школе не проходил, но сам с репетитором занимался. Задачи вполне мне по силам.

– Думаю, я справлюсь.

– Хорошо, – кивает учитель, и класс погружается в тишину.

Задачи не самые простые, но и не гиперсложные. Я знаю, что на ЕГЭ можно встретить и сложнее. Я справляюсь где-то за полчаса.

– Я все, – говорю вслух. На меня снова устремляются 17 пар глаз одноклассников. Алгебричка медленно отрывается от журнала и смотрит на меня поверх очков.

– Вы проверили?

– Да.

– Если я сейчас заберу у вас контрольную, то уже не верну, даже если вы захотите что-то туда дописать.

– Я закончил еще 10 минут назад и все проверил уже трижды.

– Хорошо, – учительница подходит ко мне и забирает тетрадь с листочком заданий.

– А у Морозовой появился соперник, – громко хмыкает какой-то парень с третьего ряда и по классу проходится смех.

– Поговори мне! – вступается за свою девушку Егор.

Комментатор ничего не успевает ответить, потому что вмешивается Ирина Александровна:

– Кузнецов и Попов, закрываем рты и решаем задачи.

Я чувствую на себе взгляд стервы, но принципиально не поворачиваюсь в ее сторону. Когда она возвращается к своей тетради, я обвожу класс глазами. Кто-то усердно пишет, кто-то подглядывает в телефон под партой, кто-то обменивается шпорами. Учительница делает вид, что не замечает этого.

Вика, сидящая прямо за спиной Кристины, тычет ей в спину ручкой, косясь на Ирину Александровну. Коза аккуратно поворачивает голову в пол-оборота, Вика тянется к ней и что-то шепчет на ухо. Стерва кивает и возвращается к себе, а через несколько секунд тихо передает кокетке испи-санный листок. Вика усердно принимается переписывать к себе в тетрадь.

Детский сад, честное слово.

Даже странно, что мега-умная Кристина дружит с такой откровенной дурочкой, как Вика. Неужели козе с ней интересно?

В столовой я беру еду и ищу глазами свободное место, как вдруг меня окликает Егор:

– Макс, давай к нам!

Он машет мне рукой. Коза рядом с ним пихает своего парня локтем в бок, но тот делает вид, что не заметил.

– Да, Максим, иди к нам! – щебечет Вика и тоже машет

мне рукой.

Я ударяюсь о ледяной взгляд стервы, но все же подхожу к столу и сажусь. Прости, детка. Я не суюсь в твою компанию. Твоя компания сама вешается мне на шею.

– Макс, познакомься. Это Алена и Серега, – представляет мне Егор парня и девушку, вместе с которыми он и Кристина ждали Вику на выходе из кабинета русского языка, когда ей вздумалось проводить меня на алгебру.

– Очень приятно, – я пожимаю всем руки.

– Ну как тебе у нас? – снова обращается ко мне Егор, отправляя в рот кусок рыбы.

– Пока непонятно.

– Не хочешь записаться на плавание? – спрашивает Сергей.

– Хотел бы, но не думаю, что будет время. Нужно к ЕГЭ готовиться.

– До него еще целый год!

– Да, но не хотелось бы разменивать время на то, что в будущем вряд ли пригодится.

– Спорт лишним не бывает, – отмечает Алена.

– Я им занимаюсь самостоятельно.

Мы еще о чем-то непринужденно разговариваем, пока не звенит звонок и все не подсакивают со своих мест. Кристина за все время обеда так и не проронила ни слова. По всей видимости, от моего присутствия у нее пропал аппетит, потому что еда в ее тарелках так и осталась на месте.

Когда я выхожу из столовой, слышу сзади тихий разговор стервы со своим парнем.

– Егор, ну на фига ты его позвал?

– Да ладно, чего ты? Он вроде норм.

– Я не хочу, чтобы он с нами тусовался! В школе полно людей, с которыми он может дружить помимо нас.

– Детка, остынь, – тихо смеется Егор, и до меня доносится звук поцелуя.

Со школы я также уезжаю с Егором, Кристиной и Викой. У Алены и Сергея свои водители.

– Садись вперед, – говорит мне коза, когда мы подходим к автомобилю. Сама она залезает назад за сиденье водителя. Егор плюхается на свое место и снова удивленно вертит головой.

– Что за рокировка, милая? – усмехаясь, он обращается к своей девушке.

– От перестановки мест слагаемых сумма не меняется, дорогой.

В этот момент в авто залезает Вика.

– Ой, Максим, я же тебя теперь совсем не вижу! Кристин, давай поменяемся местами, мне будет удобнее разговаривать с Максом, если я буду его видеть хотя бы в профиль по диагонали.

– Нет, Вик, я первая заняла это места.

– Но ты же всегда впереди сидишь, когда мы с Егором ездим!

– Теперь вот захотела сзади.

Егор мудро включает громче музыку, чтобы заглушить возмущенный визг Виктории, которая что-то еще пытается доказать Кристине, гордо отвернувшейся к окну. После того, как мы высаживаем Вику и отправляется в Золотой ручей уже втроем обстановка в машине становится расслабленнее, и Егор уменьшает звук радио.

– Максим, а так все-таки из какого ты города? – интересуется Кузнецов.

– Воронежская область, город Россошь. Ты скорее всего такой не знаешь.

– Удивишься, но знаю. Мои бабушка и дедушка по маме оттуда родом.

Я действительно удивлен, поэтому поворачиваю к Егору голову и вскидываю бровь. Он читает мой немой вопрос и отвечает:

– В советские годы они после школы приехали учиться в Москву, так тут и остались.

– Но в СССР иногородние студенты могли жить в Москве только во время обучения, потом они уезжали по распределениям или вовсе в свои родные города, потому что заканчивался лимит на проживание в Москве.

– Ага, но деда еще студентом завербовали в КГБ, вот они с бабушкой и остались в Москве. Потом им дали квартиру в сталинке, и у них родилась моя мама.

– Интересно.

– Сам я в Россоши никогда не был. Но у мамы там проходили каждые летние каникулы. Она мне в детстве много историй рассказывала.

– Ты никогда мне не говорил, – подает с заднего сиденья голос Кристина. Ее парень пожимает плечами.

– Как-то не было случая.

Остаток пути до Золотого ручья мы доезжаем молча, и я неожиданно понимаю, что проникся дружеской симпатией к этому мажору.

Глава 7. Я рядом

Следующие дни в школе проходят вполне обычно. Явливаюсь в новую жизнь, постепенно еще ближе знакомлюсь с одноклассниками и даже с некоторыми ребятами из параллельных классов. В основном как в моем классе, так и в других, уже все разбиты по компаниям. Это меня удивило больше всего, потому что в моей прежней школе мы крепко дружили всей параллелью. Я уже молчу о том, что мой класс был одной большой командой.

Здесь не так, и влиться в одну конкретную компанию у меня пока не получилось. Да я в целом и не пытался. Машина Кристины все еще остается на ТО, потому что задерживается доставка какой-то детали из Германии. Поэтому я продолжаю каждый день ездить в школу с Егором, Кристиной и Викой.

Первый и последняя оказались для меня самым большим сюрпризом. С Егором я неожиданно для самого себя общаюсь вполне сносно, я бы даже сказал, что хорошо. Сначала я совсем не ожидал, что у меня с ним сложатся приятельские отношения, поскольку, во-первых, он встречается с козой, а, во-вторых, он мажор. Но ни заносчивости, ни высокомерия, так присущих его девушке и вообще людям его круга, в Егоре на удивление нет. Он оказался обычным парнем, правда, в очень дорогих и модных шмотках, любящим побренчать

на гитаре и погонять по улицам в темное время суток.

Пару раз в неделю мы с Егором возвращаемся со школы сами – когда у Кристины и Вики занятия волейболом. В такие моменты мы включаем на полную катушку радио «Рок FM» и подпеваем Scorpions или Queen. У нас с Егором почти полностью совпадают вкусы в музыке, кино и в целом взгляды на жизнь. Он нормально учится, планирует поступать на экономический факультет МГУ, МГИМО или Вышки, а потом идти работать в какой-нибудь банк. Никаких тебе Гарвардов и стремлений занять чье-то кресло, пусть даже и родного отца.

Вика, в отличие от Егора, удивила меня с плохой стороны. На самом деле она оказалась еще глупее, чем мне показалось при первой встрече. Пресловутая тупая блондинка из анекдотов – это про нее. Только в жизни она почему-то брюнетка. Первое время Виктория все еще предпринимала попытки обратить на себя мое внимание, но меня это только раздражало. Ну не люблю я тупых девушек!

Но самой большой загадкой в этой ситуации для меня остается дружба Вики с Кристиной. Я каждый раз, глядя на них, вспоминаю пословицу «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты» и все больше и больше убеждаюсь в том, что эта пословица не имеет ничего общего с жизнью.

Кристина по-прежнему меня игнорирует как в школе, так и дома. Каждый раз, когда Егор или Вика втягивают меня в разговор, она молчит. Если ребята приглашают меня сесть с

ними за стол на обеде, Кристина кривит лицо и ленивоковыряет вилкой в тарелке, естественно, даже не удостоивая меня взглядом.

При этом с Викой стерва носится словно с ребенком. «Вика, не забудь, завтра контрольная»; «Вика, ты идешь с подругами с танцев в кино? Не задерживайся там допоздна. Мне с тобой сходить?»; «Вика, ты почему в тонких колготках? Уже ведь минусовая температура, заболеешь!».

Но Кристина может свою подругу и сильно прессануть. Фразы «Я кому сказала достать учебник и начать повторять тему!» и «Вика, только попробуй сделать не так, как я сказала, и ты пожалеешь!» тоже звучат довольно часто.

Я смотрю на эту возню стервы с душевной блондинкой и тихо офигеваю. Во-первых, я не понимаю, зачем это Кристине нужно, а, во-вторых, почему Вика терпит приказы стервы (которые звучат намного чаще, чем забота). Егор, Сергей и Алена всю эту ситуацию наблюдают очень спокойно. С Викторой они не возятся, но и Кристину не ограничивают.

Также стерва абсолютная любимица всех учителей и вообще гордость школы. Но девушки ее недолюбливают, особенно из параллельных классов. А вот со стороны парней я нередко ловлю в адрес Кристины неоднозначные похотливые взгляды. Оно и есть за что. Коза свои прелести в виде аккуратной груди и попы с помощью одежды и каблуков только подчеркивает. Она не перебарщивает с макияжем, но губы всегда красит только красной помадой.

Иногда я сам ловлю себя на мысли, что засматриваюсь на нее. Как бы мне ни не хотелось это признавать, но стерва красивая. И мне часто стоит больших усилий не вдыхать глубоко ее запах, когда она стоит рядом, или не смотреть на нее, когда она этого не видит.

Правда, мое появление в их классе немного смешало Кристине карты. По большинству предметов она больше не самая умная и не самая лучшая. И стерву это невероятно бесит. Через пару дней после той контрольной по алгебре учительница решила объявить результаты вслух, а не просто раздать тетради, чтобы каждый посмотрел, какая у него оценка.

– С контрольной вы все справились намного хуже, чем я ожидала, – грозно начала Ирина Александровна, – я все-таки надеялась, что вы лучше подготовились. Да и задания на самом деле были несложными. В ЕГЭ вы встретите намного сложнее.

Класс замер в молчании.

– Пятерок только две. – Продолжила алгебричка. – Как всегда, у Кристины Морозовой. – Учительница повернулась к стерве и по-доброму, как любимице, улыбнулась ей. – А вторая неожиданно у новенького мальчика Максима Самойлова.

В этот момент 17 пар глаз одноклассников снова припали ко мне.

– Сказать честно, Максим, я не ожидала. Особенно, если вспомнить, что ты справился с заданиями всего за 30 минут.

Кристина, – она снова повернула голову к стерве, – даже тебе потребовалось больше времени.

У меня хорошее зрение, и в этот момент я прекрасно разглядел, как коза сжала челюсть и тяжело задышала. Я думал, у нее повалит из ушей дым. Очевидно, что она не умеет проигрывать и вообще не терпит конкуренции.

Но у меня не ладится с английским. В отличие от всех своих одноклассников я никогда не был в языковых лагерях в Америке, Англии или на Мальте. Мой английский всегда ограничивался двумя уроками в неделю в школе и самостоятельными попытками читать на этом языке книги или смотреть фильмы. Впервые в жизни мне светит четкая перспектива получить в четверть тройку. Сама оценка «удовлетворительно» и лишение возможности получить золотую медаль меня не пугают, а вот перспектива завалить ЕГЭ по этому предмету – очень даже. К тому же я хочу быть юристом-международником, а тут без английского никак.

Я сказал маме, что мне решительно требуется репетитор по иностранному. У козы он уже давно есть. Мама, по всей видимости, спросила у Игоря Петровича телефон Кристинино репетитора, чтобы договориться и об уроках для меня, потому что в тот же вечер за ужином отчим неожиданно заявил, чем поверг свою дочь в шок:

– Кристина, ты же сейчас со своей учительницей по английскому одна занимаешься? Без Вики?

– Да, пап, а что?

– Максиму тоже репетитор по английскому нужен. Мы договоримся с ней, чтобы она снова проводила сдвоенные занятия для тебя, только уже не с Викой, а с Максимом.

Я думал, что после этих слов Игоря Петровича, стерву хватит кондратий.

– Пап, да ты чего? У нас же с Максимом совершенно разные уровни! Он будет тянуть меня вниз!

– А вот ты и помоги брату взобраться наверх.

– ЧТО?? Пап, ты издеваешься?

– Нет, доча, я абсолютно серьезно.

– А почему Максиму нельзя отдельно от меня заниматься? Пускай ходит к той же училке, но сам и в другое время.

– Ты слишком поздно от нее возвращаешься. Я переживаю. Мне будет спокойнее, если вы с Максимом будете вместе ходить.

Лично меня перспектива заниматься вдвоем с козой, да еще ездить с ней туда и обратно, так же не прельщает, как и ее. Поэтому я пытаюсь аккуратно возразить отчиму:

– Игорь Петрович, у нас с Кристиной действительно слишком разные уровни знания английского. Если заниматься на уровне Кристины, то мне будет ничего непонятно. Если же заниматься на моем уровне, то Кристине будет скучно.

– Но это не отменяет проблему того, что Кристина ходит одна почти ночью!

– Не ночью, пап, а вечером.

– Сейчас темнеет рано, поэтому ночью. У твоего водите-

ля, во-первых, рабочий день с 7:00 до 16:00, а, во-вторых, его сейчас вообще нет, потому что машина до сих пор на ТО. Не хотите заниматься вместе – пожалуйста, занимайтесь отдельно. Но ты, Максим, – отчим поворачивается ко мне и грозно стреляет взглядом, – каждую неделю встречай Кристину от репетитора и сопровождай домой.

После такого заявления мы с козой чуть было вдвоем не поперхнулись. Я хочу было заметить, что у Кристины вообще-то есть парень на собственном автомобиле, но решаю промолчать. Не хочется подставлять Егора. Мало ли по какой причине он не может забирать свою девушку от учителя каждый четверг в 20:00.

В итоге Игорь Петрович все-таки договаривается с репетитором о том, что я буду тоже к ней ходить по четвергам перед ее занятием с Кристиной. У козы в этот день после шестого урока волейбол, и только после него она к 17:30 едет на английский. У меня же после 14:30 по четвергам (как, в общем-то, и в любой другой день) планов никаких нет, поэтому я спокойно приезжаю на занятие к 15:30. После урока я сижу на диване в широкой прихожей квартиры учителя и жду, когда отзанимается коза, чтобы сопроводить ее до дома на такси.

Положа руку на сердце, следует честно признать, что провожатый одинокой девушке в этой ситуации действительно нужен. Репетитор, по слухам, один из лучших преподавателей МГИМО, на удивление живет на самом отшибе Моск-

вы в не особо благоприятном районе. На лавочках у подъезда, несмотря на приближение зимы, кучкуются сомнительные типы, изъясняющиеся преимущественно на жаргонном языке. Я сам видел, как они кричали далеко не комплименты проходящим мимо девушкам.

Но самое грустное в этой ситуации то, что путь во двор дома лежит через сквер. А в него машины проезжать не могут. Таким образом, вызвать такси к подъезду не представляется возможным. Нужно пройти весь двор, затем сквер и только после этого можно попасть на улицу с машинами, куда и подъезжают такси. Водители желтых авто с шашечками, к слову, тоже особого доверия не внушают. А путь от дома репетитора до Золотого ручья далеко не близкий, часа полтора.

После моего второго занятия с учителем я спокойно жду Кристину в коридоре квартиры, ковыряясь в телефоне. Коза, как обычно, надменно выходит, одевается, не глядя на меня, прощается с Натальей Николаевной (так зовут преподашу) и – будто бы меня вовсе не существует – идет на выход. Я плохо завязал шнурки на ботинках, поэтому в подъезде наклоняюсь, чтобы их поправить. Стерва вызывает лифт, и неожиданно двери тут же открываются. Гордой Кристине, естественно, ни к чему меня ждать, поэтому она спокойно отправляется на лифте вниз, пока я поправляю шнурки на этаже.

Таким ее выходкам я уже даже не удивляюсь. Повторно

вызываю лифт и через несколько минут выхожу из подъезда. Коза идет в метрах тридцати от меня. Я не догоняю ее, но держу в поле зрения. У последнего подъезда дома на лавочке сидят три парня. В зубах у них светятся огоньки сигарет. Когда Кристина с ними равняется, один из гопников выкрикивает классическое:

– Эй, девушка, маме зять не нужен?

Коза, естественно, даже не удостоивает их взглядом и гордо шагает мимо с высоко поднятой головой. Придуркам это не нравится, и они увязываются за ней. Я сразу ускоряю шаг, но пока не догоняю. Не хочу развязывать драку пока еще на пустом месте.

– Девушка, а ты чего такая молчаливая? Обидел кто? Так ты иди ко мне в объятия, я тебе быстро настроение подниму! – ржет второй.

Я замечаю, как Кристина прибавляет шагу. Мои кулаки уже сжались, и я тоже ускоряюсь. Неожиданно я понимаю, что во мне сейчас разыграл далеко не долг перед отчимом защитить его дочь. Мне не нравится, как они на нее смотрят. Мне не нравится то, о чем они думают, глядя на нее. Мне не нравится то, что они хотят от нее.

– Слышь, ты, чо, гордая, да? А ну посмотри на меня! – ревет третий из них и дергает Кристину за рукав куртки.

Ну все, им крышка.

– Руки убрал от нее, урод, – я подлетаю к гопнику и со всей силы вмазываю ему в челюсть.

Кристина вскрикивает и отскакивает в сторону.

На меня тут же набрасываются оставшиеся двое. Но одного из них я сразу укладываю ногой по голове, а второго ударом в живот. Неожиданно первый, получивший от меня в челюсть, уже подскочил и усталился на меня, достав из кармана нож.

– А ты кто, такой? Женишок этой телки, да? – ревет он.

– Убрал нож и свалил отсюда, пока я тебя сам им не прирезал.

Урод мерзко смеется.

– Ну уж нет, сопляк.

Я не успеваю выбить у него ногой нож, потому что придурок резко хватает Кристину, стоящую в стороне, притягивает к себе и подставляет к ее горлу лезвие.

– Рыпнешься, и я ей глотку перережу, – предупреждает гопник.

Секунду я смотрю на Кристину. У нее в глазах ужас и мольба о помощи. Она тяжело дышит, от страха не имея возможности даже закричать. Мне хватает этого мгновения, чтобы четко понять: я ради этой девушки сделаю все. Даже умру, если потребуется.

Но мне некогда сейчас разбираться с этой неожиданной мыслью, так не вовремя возникшей в моей голове.

Я замечаю, что горло Кристины, к которому приставлен нож, плотно перевязано толстым шерстяным шарфом. А это означает, что у меня есть фора. Я налетаю на уroda, в этот

момент он проводит лезвием по шарфу, перехватываю его руку и заламываю назад, выбивая из нее нож. Кристина отскакивает в сторону, обидчик сгибается, я со всей силы бью его два раза ногой в живот, затем резко поворачиваю к себе, пока он не повалился на пол, и еще раз заезжаю ему ногой по лицу. Урод валится на землю, издавая тихий стон.

Я оборачиваюсь к Кристине. Она согнулась пополам и закрыла ладонью рот, сдерживая рыдания. Я бросаюсь к ней, обнимая за плечи и притягивая к себе.

– Тише, тише, все хорошо, слышишь? – беру ее лицо в руки и ловлю взгляд. – Не бойся, все позади.

– Маааксим, аа что если ты их убил? – она тяжело дышит и дрожит.

– Нет, ну ты чего? – я стараюсь ей улыбнуться. – Я их просто вырубил. Через минут пять очнутя. Пойдем скорее отсюда.

Я тяну Кристину за руку, но ноги ее не слушаются, и она спотыкается, издавая всхлип. Я, не раздумывая, подхватываю девушку на руки и быстро несу через сквер. Кристина обвивает мою шею руками и утыкается в нее лицом. Я чувствую, как по моей коже скатываются ее горячие слезы.

До стоянки такси я буквально долетаю.

– Поселок Золотой ручей в Подмоскowie, быстро! – Кричу я таксисту кавказской национальности, курящему у машины. Он резким движением отбрасывает сигарету и запрыгивает в авто, пока я аккуратно укладываю Кристину на заднее си-

день и сам сажусь рядом с ней.

Кристина продолжает дрожать и плакать, поэтому я притягиваю ее к себе и успокаиваю, глядя по голове.

– Все хорошо, Кристина, не бойся, уже все позади. Я рядом.

Она тоже меня обнимает и утыкается лицом в плечо, продолжая всхлипывать. Наверняка таксист внимательно наблюдает за этой картиной в зеркало дальнего вида, но мне плевать.

Я беру в ладони лицо девушки и тихо шепчу:

– Кристина, мы уже далеко, все закончилось.

Она поднимает на меня глаза, полные слез, и тихо шепчет лишь мое имя:

– Максим...

– Я здесь, я с тобой, мы в безопасности. Ты мне веришь?

Она быстро кивает головой.

– Вот и хорошо, иди ко мне. – Снова привлекаю ее к себе в объятия, и она охотно поддается. Я глажу Кристину по ее мягким волосам и втягиваю их запах, уткнувшись ей в макушку. Они пахнут чем-то цветочным. Какая-то смесь розы и жасмина. От выброса адреналина и присутствия Кристины так близко к моему телу, у меня начинает кружиться голова, поэтому я уже не совсем контролирую, что говорю.

– Я хочу, чтобы ты знала: с тобой никогда ничего не случится, пока я рядом. Я не допущу, – шепчу ей в ухо, зажмуриваясь от одного осознания, что Кристина так близко. В

этот момент она такая нежная и незащищенная, что мне хочется укрыть ее собой от всех невзгод мира.

Кое-как перестав всхлипывать, Кристина ложится мне на грудь, а я обнимаю ее обеими руками. Остаток пути до Золотого ручья мы так и едем и на мгновение я понимаю, что не хочу, чтобы эта поездка заканчивалась. Я хочу так держать Кристину в своих руках вечно.

Когда мы подъезжаем к дому, я помогаю девушке вылезти из автомобиля. Мы стоим у ворот, держась за руки, пока такси не уезжает.

– Успокоилась? – я смотрю ей в глаза и еще раз мягко провожу ладонью по волосам.

– Да, – ее голос все еще тихий. – Давай не будем ничего говорить родителям.

– Ты уверена? Мне кажется, нам следует сменить репетитора.

– Сменим. Только давай ничего не будем рассказывать. Отец захочет обратиться в полицию, а я все еще боюсь, что ты мог их убить, и тогда мы не докажем, что это была самооборона.

Я тихо смеюсь, привлекая ее к себе:

– Глупенькая. Я не убил их. Я бил ровно в те точки, которые позволяют дезориентировать и вырубить человека на несколько минут.

– Максим, спасибо тебе, – она поднимает на меня голову и смотрит в глаза, – если бы тебя не было рядом... Я не знаю,

что бы они со мной сделали...

– Тшшш, – я провожу ладонью по ее лицу. – Не думай об этом. Я был рядом, и это главное. Пойдем в дом.

К счастью, в холле и гостиной никого нет, поэтому мы тихо поднимаемся на второй этаж. Кристина ужом проскальзывает в свою дверь, а я еще какое-то время остаюсь в коридоре, пытаюсь привести мысли в порядок. Мне не впервой так махать кулаками. Дома я делал это все время: или на занятиях в спортивной школе с друзьями, или на соревнованиях с соперниками, или на улицах с такими же уродами, как сегодняшние. Но тем не менее я не могу назвать минувшую драку лишь еще одной в моем списке.

Уже стоя под горячими струями душа, я понимаю: сегодняшние события стали переломными в моем отношении к сводной сестре. Я обессиленно прижимаюсь лбом к кафелю ванной и несколько раз беспомощно ударяю по нему кулаком, четко осознавая, какие чувства теперь к ней испытываю.

Глава 8. Игра

Я наивно полагал, что после случившегося отношение Кристины ко мне изменится. Впрочем, оно действительно поменялось, вот только не так сильно, как я надеялся. Она держится по-прежнему отстраненно и почти не разговаривает со мной. Зато презрения в мой адрес поубавилось, а при встрече она стала мне слегка улыбаться и говорить «Привет». Но не всегда. Несмотря на то, что я действительно спас Кристину в тот вечер, она все равно продолжает оставаться стервой и надменной козой.

Репетитора мы поменяли. Кристина наплела что-то отчиму о том, что Наталья Николаевна сильный вузовский преподаватель, но слабый школьный. А нам нужна именно подготовка к ЕГЭ. В итоге теперь каждое воскресенье к нам домой приезжает учительница Егора. С Кристиной она занимается в 12:00, а со мной в 14:00.

Сводная сестра еще какое-то время боялась, что я все-таки прикончил тех уродов, но, когда спустя неделю, никаких новостей об убийстве в районе проживания репетитора не появилось, а к нам в дом так и не пришла полиция, Кристина успокоилась. Насколько я понял, об этом случае девушка не рассказала даже Егору. А когда спрашивала контакт его репетитора, наплела какую-то байку о том, почему мы теперь не можем ходить к своей.

С компанией стервы я сближался все больше и больше. Особенно с ее парнем. Сестрица больше не напоминала мне о своих дурацких правилах, но я чувствовал, что ей их дружба со мной совсем не по душе. Я и не хотел лезть в их компанию, но, во-первых, они сами меня в нее тянули, а, во-вторых, с другими ребятами из класса я близко не сдружился. Иногда мог пообщаться на перемене с Никитой и Олей, которые сидели на уроках прямо передо мной, но на этом все.

В свободное от школы время я совсем никуда не хожу, посвящая его полностью подготовке к экзаменам и занятиям в спортзале. В какой-то момент это даже начинает беспокоить маму, потому что однажды, придя в мою комнату перед сном, она осторожно интересуется:

– Максим, скажи, а у тебя в школе все хорошо?

– Да, мам, а что?

Я знаю, что, если мать задает такие вопросы, это не просто так.

– Мне кажется, у тебя совсем нет друзей...

– А, ты про это. Есть, мам, но я с ними за пределами школы не общаюсь.

– Почему?

– Некогда. Нужно серьезно подтягивать английский и еще некоторые предметы.

– Ну неужели ты даже в кино сходить не можешь?

– Не могу, мам, да и не хочу. Мне правда некогда.

– А с Кристиной у тебя как? – Осторожно интересуется

родительница, спустя небольшую паузу. Я знаю, что этот вопрос беспокоит ее гораздо сильнее, чем тот факт, что я после школы никуда не хожу.

– Нормально, мам, не переживай.

– Вы общаетесь?

– На самом деле почти нет, но и не конфликтуем.

– Ну хорошо, сынок, спокойной ночи.

Она встает с моей постели и направляется к выходу.

– Мам, подожди, – я окликаю ее у самой двери, чтобы задать вопрос, который меня уже давно интересует. – Слушай, а почему Кристина после развода родителей осталась жить с отцом, а не с матерью? – я понизил голос почти до шепота, чтобы стерва невзначай не услышала наш разговор.

Мама удивленно на меня смотрит.

– А Игорь никогда не разводился с матерью Кристины. Она трагически погибла.

– Что? Seriously? – я даже как-то и не подумал, что у сводной сестры могло просто не быть мамы.

– Да. Я разве не рассказывала тебе? Кристине было 8 лет. Я не знаю подробностей. Игорь не любит об этом говорить, да я и не лезу к нему в душу с такими вопросами. Но, насколько я поняла, там произошли какие-то очень трагические события.

– Понятно... Ладно, мам, спокойной ночи.

– Спокойной, сынок.

Родительница выключает в комнате свет и закрывает за

собой дверь, а я еще долго не могу уснуть, погрузившись в мысли.

Надо же, Кристина выросла без матери. Впрочем, я вырос без отца, и мне, кстати, тоже было 8 лет, когда он ушел. Но все-таки девушке расти без мамы наверняка намного тяжелее, чем пацану без папы. Все-таки мать всегда на первом месте, отец уже на втором. К тому же у меня есть дедушка, который научил меня всему мужскому: водить машину и мотоцикл, точить ножи, забивать гвозди, менять лампочки и много чего еще.

У Кристины, я так понимаю, даже бабушки нет. Лишь вечно занятой отец, которого не каждый день можно увидеть в доме. Застать Игоря Петровича на завтрак или ужине можно не всегда. Зачастую он уходит из дома, когда все еще спят, а приходит, когда все уже спят. Плюс к этому добавляются различные командировки по российским городам, которые застраивает его компания.

На следующий день в понедельник, когда я, Егор, Кристина и Вика едем в школу, последняя вдруг провозглашает:

– Я решила устроить дома в пятницу вечеринку по случаю начала волейбольного сезона! В четверг у нас первая игра. Вот в пятницу либо отметим нашу первую победу в сезоне, либо запьем горечь первого проигрыша. Что думаете, ребят?

– Думаем, что это плохая идея, – бурчит Кристина, даже не дав слова мне или Егору.

– Почему? – насупилась Вика.

– Ну какая еще вечеринка, Вик? Ты совсем с ума сошла?

– Ну а почему нет, Кристин? Родители все равно улетели отдыхать, я дома одна. Отпущу в пятницу всю прислугу и повеселимся. Я приглашу весь класс и девчонок из нашей команды!

– Вика... – начинает было коза, но та ее перебивает.

– Хватит, Кристин! Я решила, и я приглашаю весь класс. Сейчас напишу в нашей группе в WhatsApp. Максим, тебя уже добавили в группу нашего класса?

– Нет, – подаю голос с переднего сиденья.

– Кристина, добавь Максима в группу. Это можешь сделать только ты, потому что ты администратор.

Я слышу, как стерва тяжело и глубоко вздыхает, прежде чем обратиться ко мне.

– Продиктуй свой номер.

Я называю цифры. Удивительно, но Кристина скидывает мне ответный звонок. Надо полагать, это знак, чтобы я сохранил ее контакт? В мессенджере тут же приходит уведомление, что я добавлен в группу «"В" класс». Следом сообщение от Виктории Степановой:

«Ребята, как вы все знаете, в четверг наша сборная по волейболу начинает ежегодный сезон борьбы за Кубок школ Москвы. Предыдущие два года мы выигрывали. Надеемся, нам повезет и в этом. По случаю начала соревнований приглашаю всех вас к себе домой в пятницу. Устроим веселую вечеринку! Начало в 19:00. Кто не знает или не помнит, мой

адрес...».

– Макс, мой номер тоже запиши и скинь мне звонок, – отвлекает меня Егор от чтения сообщения.

– Кстати, ребят, а вы же придете в четверг посмотреть нашу игру? – спрашивает Вика.

– Конечно, – отвечает Егор.

Я молчу.

– А ты, Максим? – интересуется Степанова.

– Эм... не знаю...

– Давай сходим, если у тебя нет планов? В четверг после уроков. Поболеем за наших девчонок, – обращается ко мне Егор.

– Ну давай...

Планов у меня кроме учебы, естественно, нет. Но я все равно сомневаюсь, стоит ли идти. Оказывается, что на игру едет чуть ли не половина нашей школы. Мы с Егором отправляемся после уроков на его машине, а девушек нашей сборной консолидировано везут на микроавтобусе.

Спортзал гимназии-противника оказывается значительно больше нашего. Мы с Егором, Серегой и Аленой сидим на той части трибун, которую выделили для нашей школы. Другую половину трибун занимают болельщики школы-соперника.

Наши девчонки одеты в белые футболки, синие шорты и белые гольфы. Кристина – капитан с красной повязкой на запястье. Когда команды выходят в зал для приветствия друг

с другом какой-то парень из первого ряда трибуны соперников что-то кричит сводной сестре.

– Морозова..., – обращается к Кристине незнакомец, но из-за гула в зале его слова не слышны. Кристина резко к нему оборачивается, но потом так же быстро отворачивается.

– Вот урод, – цедит рядом со мной Егор сквозь сжатые зубы.

– Это кто? – спрашиваю его.

– Придурок из этой гимназии, который каждый раз подкатывает к Кристине, когда она тут играет. Видимо, плохо я ему в прошлый раз объяснил, что к моей девушке соваться нельзя. Сегодня придется еще раз с ним поговорить.

Я осторожно кошусь на Кузнецова. Он сверлит парня взглядом, а тот в свою очередь не сводит глаз с Кристины, что-то говорит на ухо своим приятелям, головой кивая в сторону Морозовой.

Я ничего не отвечаю Егору, но на секунду испытываю перед ним стыд за то, что сам часто засматриваюсь на Кристину. Мою сводную сестру. Слишком желанную и слишком недоступную для такого простого парня, как я.

Вот и сейчас я смотрю только на нее. Как она подает мяч, высоко подпрыгивая, как отбивает его, пасует другим девочкам из команды. Она полностью сосредоточена на игре, не замечая никого вокруг. Вот Кристина открывает счет в нашу пользу. Трибуны ревут, партнерши Кристины по команде, поздравляя, хлопают ее по плечу. Снова свисток, снова

летит мяч...

Игра кипит. В какой-то момент я понимаю, что Кристина здорово прикрывает собой Вику, которая стоит поодаль от нее и откровенно халтурит. Вот мяч со стороны противников летит к Вике, но она лишь слегка подпрыгивает для видимости, выпад в ее сторону делает Кристина и отбивает мяч.

Что??? Какого черта Вика делает в команде, если играет за нее Кристина? Еще минут через 10 я окончательно убеждаюсь в том, что Морозова на этой площадке играет за себя и за Степанову.

– Слушай, мне кажется, или Кристина действительно играет за Вику? – не выдержав, я спрашиваю у Егора.

– Тебе не кажется.

– Эм... А зачем? Что Вика делает в команде, если не умеет играть?

Егор тяжело вздыхает.

– Даже не пытайся разобраться во взаимоотношениях Кристины и Вики. Там все слишком сложно и не очень весело.

– Да меня не взаимоотношения Вики и Кристины интересуют, а сам факт присутствия Степановой в сборной школы.

– А, ну тут все просто. Кристина сказала тренеру, что не будет играть, если в команду не возьмут Вику.

– Понятно.

На самом деле ничего непонятно, но фиг с ним.

Игра заканчивается победой нашей школы со счетом 5:2.

Как только девушки направляются в сторону раздевалок, а зрители на трибунах медленно поднимаются, Егор резко вскакивает с места и бежит, расталкивая локтями всех вокруг. Я машинально направляюсь следом за ним, но быстро теряю его в толпе. Наверняка он намеревается отыскать того парня, который выкрикивал что-то Кристине.

Я немного спую по незнакомой школе, но Егора нигде не видно. Порываюсь ему позвонить, но в последний момент передумываю. Вдруг он сейчас машет кулаками не против одного пацана, а против нескольких. А я своим звонком только отвлеку его. Однако неожиданно у меня самого вдруг раздается звонок. Я достаю телефон из кармана, на дисплее высвечивается «Егор Кузнецов».

– Алло.

– Макс, ты же у нас каратист?

– Да.

– Тогда, дружище, очень нужна твоя помощь. Выходи из школы и обогни ее с правой стороны. Попадешь на задний двор. Ждем, – и бросает трубку.

Глава 9. Нежная девочка

Я вылетаю из здания, едва успев нацепить на себя куртку. На заднем дворе стоят Егор с Серегой. Напротив них четыре парня. Я подхожу к приятелям и становлюсь по правую руку от Кузнецова. Телосложение соперников рассмотреть под куртками сложно, но держатся они уверенно.

– Я что-то не ясно тебе сказал в прошлой раз? – эмоционально выплевывает Егор в лицо парню, который кричал Кристине. Он примерно одного со мной и Егором роста. На голове короткий ежик, на лице легкая щетина.

– Чувак, успокойся, я не обижал твою секси-крошку, – смеется этот парень.

– НЕ СМЕЙ. ЕЕ. ТАК. НАЗЫВАТЬ.

Соперник молчит, и Егор продолжает.

– Еще хоть раз я увижу, что ты посмотрел на мою девушку, и я тебе глаза на задницу натяну. Ты меня понял?

Парень задумчиво ухмыляется и медленно говорит:

– Я б ей вдул.

Секунда – и Егор срывается с места. Бьет парня кулаком в лицо, получает в ответ. Мы с Серегой быстро переглядываемся, но тут друзья придурка накидываются на нас.

Ко мне подлетают двое. Я уклоняюсь от удара первого, кручусь вокруг своей оси, выставив вперед ногу и сбиваю его противников. Они со стонами валятся на землю, прилично

приложившись башкой.

У Серого дела идут не так хорошо, как у меня. Я подбегаю к нему и локтем в челюсть устраниваю его противника. Не успеваю повернуться на помощь к Егору, как встает кто-то из двух моих соперников и со всей силы бьет мне в челюсть. Это неожиданно, но через секунду и я уже собран, будто и не было никакого удара. Заламываю придурку руку и бью по животу. Во рту растекается знакомый привкус железа, но мне не впервой. Я даже скучал.

Оборачиваюсь на помощь к Егору с Серым, но они уже расправились с идиотом, решившим, что может подкатывать к Кристине. У Сереги разбита бровь, у Егора нос. Четверо валяются на земле, издавая стоны. Кузнецов подходит к противнику и зло выплевывает:

– Это было последнее предупреждение, сука. Не смей даже думать о ней.

Разворачивается и уходит. Мы с Сергеем идем за ним, но я притормаживаю.

– Ребят, я пару слов скажу пацану, который мне в челюсть двинул. Встретимся у машины.

– Ты уверен? – спрашивает Егор.

– Да, идите.

Парни секунду косятся на меня в смятении, но потом все-таки направляются к автомобилю. Я возвращаюсь к придуркам, но подхожу отнюдь не к тому, кто ударил меня по лицу. Сажусь на корточки рядом с запавшим на Кристину, смотрю

ему в глаза, нахожу ладонь, беру в свою руку указательный палец и со всей силой выворачиваю его. Он вскрикивает, и я зло цежу:

– А это тебе от меня за то, о чем ты думал, смотря на Морозову. Забудь о ней.

Поднимаюсь на ноги и иду к машине.

– Ребят, я на такси, – говорит Сергей, вызывая машину через приложение. – Вы хоть кровь вытрите с лица, пока девочки не пришли.

Егор достает из бардачка пачку сухих салфеток, протягивает нам с Серым по одной. Сам запрокидывает голову и вытирает нос. Такси Сергея приезжает через несколько минут, и он удаляется, пожав нам руки.

– Давай уже в машину, пока девочки не пришли и не увидели нас в таком виде, – предлагает Егор. – Свет в салоне включать не буду.

В течение минут семи, пока Кристина и Вика не вышли из школы, мы успеваем остановить кровь. Девушки залезают в машину и в темноте мы едем до дома. Вика всю дорогу до своего не замолкает о завтрашней вечеринке и о том, как круто они уделали команду соперников. Я хмыкаю. Как будто в этом есть ее заслуга. Кристина молчит, но в зеркале дальнего вида я вижу, как она улыбается. Я, наверное, впервые за все время вижу ее действительно в хорошем настроении.

Подъехав к нашему с Кристиной дому в Золотом ручье, я

быстро жму Егору руку и вылезая из машины. В последнее время я всегда так делаю, потому что смотреть, как он целует Кристину, выше моих сил.

Дома еще никого нет. Я быстро направляюсь в ванную под лестницей на первом этаже, где хранится аптечка. Пытаюсь найти перекись водорода и вату, но случайно роняю сундучок с лекарствами на пол.

– Черт!

Наклоняюсь поднять содержимое аптечки и замечаю приближающуюся тень Кристины. Ну вот, сейчас увидит.

Не говоря ни слова, Кристина садится на корточки рядом со мной и помогает собрать лекарства.

– Что ты ищешь?

– Перекись водорода и вату.

– Зачем? – она удивляется и, подняв взгляд на мое лицо, застывает. – Боже, Максим, у тебя разбита губа.

– Ерунда.

– Но что случилось?

Я как можно более безразлично пожимаю плечами.

– Помахал кулаками. Мне не привыкать.

Кристина пристально смотрит на меня.

– Не расскажешь?

– Нет, это не для таких нежных девочек, как ты.

– Я разве нежная? – она удивляется.

– Очень. Хотя упорно хочешь всем доказать, что нет.

Она смотрит мне в глаза. Да, дорогая. Я раскрыл твой ма-

ленький секрет, когда ты покорно легла на мою грудь в такси и позволила гладить тебя по волосам. Кристина грустно улыбается и тихо произносит:

– А Егор называет меня бесчувственной.

– Он слепой болван, – мой голос предательски хрипит.

Кристина не отвечает.

Секунда, две, три...

Она медленно, как бы с опаской, тянет ладонь к моему лицу и едва ощутимо касается пальцами раны на губе. От ее прикосновений по телу проходит разряд тока, но я не шевельюсь, боясь спугнуть девушку.

– Когда-нибудь у меня случится инфаркт от твоих драк. – Она говорит шепотом, и у меня перехватывает дыхание от таких слов.

Остановись, мгновенье, ты прекрасно...

– Не так уж и много моих драк ты видела, – говорю так же тихо и стараюсь ей улыбнуться.

Мгновение – и в лице Кристины что-то меняется. Она одергивает руку от моей губы и поспешно наклоняет голову к полу в поисках необходимых мне сейчас средств. Из-под ее свитера выскользает кулон с буквой «И».

– Вот перекинь и вата, – она протягивает мне в руки. Мои пальцы касаются ее ладоней, и я чувствую, какие у Кристины холодные руки.

– Тебе холодно? – спрашиваю, поднимаясь вместе с ней на ноги.

– Нет, с чего ты взял?

– У тебя холодные руки.

Кристина пожимает плечами и отворачивается, чтобы уйти.

– Они всегда холодные.

Я еще стою так какое-то время, прислушиваясь к ее удаляющимся шагам.

Что же ты со мной делаешь, моя сводная сестра?

Глава 10. Не моя

В пятницу утром впервые за долгое время мы завтракаем вместе с отчимом и мамой. Последние дней 10 они уезжали на работу очень рано, и мы с Кристиной ели вдвоем в гробовой тишине. Я уже приговорил половину своего завтрака, когда на кухню вошла сводная сестра.

– Доча, у меня для тебя две новости. Одна хорошая, вторая плохая. С какой начать? – обращается к Кристине отец, когда она садится на свое место.

– С хорошей.

– Твою машину отремонтировали. Сегодня вечером будет доставлена домой.

– Ну наконец-то! – С облегчением восклицает Кристина.

– Но есть и плохая новость...

– Какая?

– Твой водитель Иван уволился. Вчера попросил у меня расчет.

Кристина выронила вилку.

– То есть как уволился???

– Вот так. Сказал, что ему предложили должность водителя какого-то чиновника.

– Папа, а ты не мог его перекупить? Прибавить зарплаты?

– Нет. – Категорично заявляет Игорь Петрович. – Он и так получал больше, чем реально заслуживал. Вон какую по-

ломку в автомобиле проворонил, что ты уже два месяца без машины.

– Ну и что мне теперь делать? В школу и из нее я могу ездить с Егором, но а в течение дня опять на такси, что ли? Меня эти таксисты уже раздражают. Можешь отдать мне своего Василия? – С мольбой в голосе спрашивает Кристина.

– Нет, доча, Василий мне самому нужен.

– А ты не можешь пока сам машину поводить?

– Не могу. Я пока от дома до работы доеду, мне десять раз позвонят и двадцать напишут. И на все звонки и сообщения нужно отвечать моментально. Я так в столб въеду, пока буду печатать сообщение. И хорошо, если в столб. А если в человека на пешеходном переходе?

Кристина тяжело вздыхает и до конца завтрака не произносит больше ни слова. Я смотрю на нее и удивляюсь. Вот проблемы у человека: уволился личный водитель и вынуждена ездить на ненавистном такси! И этих мелочей, обозначающих, в насколько разных мирах мы с Кристиной живем, множество. То она жалуется Вике, что на улице ей кто-то случайно наступил на ногу и поэтому она больше не может носить любимые ботильоны. То ее последний айфон один раз заглохил, и теперь нужно покупать новый. То любимая маникюрщица уехала в отпуск, и теперь Кристина вынуждена две недели ходить со старым шеллаком на ногтях.

В такие моменты я все больше и больше осознаю пропасть между нами. Я никогда не смогу стать частью ее мира, а она

частью моего. Мне больно это признавать: но Егор подходит Кристине идеально. Он действительно очень хороший парень, с которым я могу без проблем дружить, но у него такие же ценности, как у Морозовой. Автомобили он меняет каждый год. Егор делал это, даже когда еще сам не сидел за рулем, а ездил с водителем. На самолетах летает только в бизнес-классе. А шмотки покупает исключительно в Милане. Даже не в ЦУМе.

На вечеринку к Вике в 7 вечера я еду сам на такси. Кристина и Егор после школы поехали к ней, чтобы помочь подготовиться к встрече гостей. Кузнецов единственный из всех нас совершеннолетний, поэтому на него возложена ответственная миссия по закупке алкоголя на 30 человек. Примерно столько должно быть посетителей: весь наш класс, девочки из команды по волейболу и некоторые ребята из параллельных классов.

Я жму на кнопку домофона у ворот во двор Вики, калитка открывается даже без вопроса «Кто там?». Иду к третьему подъезду, снова звоню, снова открывают. На лифте поднимаюсь на последний – 35-й – этаж. На большой лестничной площадке только одна дверь. Она приоткрыта, а из-за нее доносится довольно громкая музыка. Я прохожу внутрь и вижу уже человек шесть из нашей школы.

– Макс, ты один из первых! – верещит Вика и несется мне навстречу. Зачем-то она приобнимает меня и чмокает в щеку. Я отвечаю ей едва ощутимым прикосновением губ к ще-

ке, думая про себя, что вообще-то мы сегодня уже здоровались. Сначала меня ее порыв немного смущает. Я все-таки еще опасаясь того, что искренне мог ей понравиться. Но потом я вижу, как она проделывает это абсолютно со всеми, кто заходит, и меня отпускает.

Вика живет в пентхаусе. Одна из стен огромной гостиной от пола до потолка состоит из окон. За ними очень большая терраса, с которой открывается вид на ночную Москву. Гостиная отделана очень стильно. Посередине буквой «П» стоят три больших коричневых дивана, между ними длинный журнальный столик, уже заставленный алкоголем, закусками и одноразовой посудой. На стене напротив дивана висит огромная плазма. Справа от нее в углу еще один стол с едой и напитками. По правую сторону от диванов свободное пространство с музыкальным центром. Я так понимаю, импровизированный танцпол, на котором пока еще никого нет.

Вика порхает между гостями в черном маленьком платье и на шпильках. На Кристине тоже платье, красное, хотя в школе она была в джинсах. Наверное, переделалась у Степановой. В течение получаса гостиная плотно набивается людьми. Почти все девушки в платьях и с вечерним макияжем. Парни одеты проще: джинсы с футболками или свитерами. Я одет так же.

– Макс, для тебя есть безалкогольное пиво, – кричит мне с другого конца гостиной Егор и машет в воздухе бутылкой.

– Отлично, – я встаю с дивана и направляюсь к нему. Сам

Егор глушит виски. Меня это удивляет, поэтому я спрашиваю:

– А как мы домой поедem?

– Ты повезешь, – он заговорщицки подмигивает, отхлебывая из стакана.

– В смысле? Я, конечно, умею водить, но все же еще несовершеннолетний и пока не получил права.

– Мою машину не останавливают.

– Ты уверен?

– Ага. Серегин отец главный ГИБДДшник по Москве. Даже если все-таки и тормознут, чего быть не может, то мы сделаем один звонок его батe и нас тут же отпустят.

– Понятно.

Пентхаус все больше и больше забивается людьми, музыка орет, народ напивается и в какой-то момент все происходящее начинает напоминать вакханалию. Парень и девушка пожирают друг друга поцелуем в углу дивана. Вроде они из параллельного класса. Их страсть становится все сильнее, и, кажется, им уже требуется спальня без посторонних глаз. Еще человек 10 рубятся под клубную музыку на танцполе. Остальные рассредоточены по компаниям. Кто-то курит кальян, кто-то играет в карты на раздевания. Еще человек 8 играют в бутылочку. Они меня забавляют больше всего. Детский сад, честное слово.

Вика непринужденно болтает с какой-то девушкой, пока Кристина носится туда-сюда, убирая пустые бутылки и по-

полняя тарелки закусками. Периодически она бросает на нас с Егором взгляды. Я по-прежнему пью безалкогольное пиво, а он по-прежнему глушит вискарь.

– Пойдем покурим, – говорит он мне и направляется к террасе.

– Я же не курю.

– Ну постоишь со мной.

Мы накидываем куртки и выходим. С террасы открывается просто волшебный вид на ночную Москву. Егор медленно затягивается и говорит:

– Макс, я хочу у тебя кое-что спросить.

– Спрашивай, – я отрываю взгляд от города и смотрю в его профиль.

Егор снова затягивается:

– Скажи, а Кристина дома говорит что-нибудь обо мне? О наших с ней отношениях?

– Мне? – я, кажется, ожидал какой угодно вопрос, но только не такой. – Она со мной вообще не общается.

– Даже дома?

– Пф, дома я вообще могу не встречаться с ней по несколько дней. Если в будние я вижу ее хотя бы на завтрак, то за выходные могу не встретить ни разу. Мы просыпаемся в разное время и не пересекаемся. Я, когда не вижу ее целый день, даже не знаю, дома она вообще или нет.

– Ну вот на завтрак не говорит ничего?

– Нет, мы с ней едим в гробовой тишине.

– Ясно... – парень с пониманием кивает головой. – Ну да, она как-то слишком негативно к тебе настроена.

– Что правда, то правда. Поэтому я последний человек на этой земле, с которым она станет откровенничать. – Про себя я горько хмыкаю. Мы молчим несколько секунд, и я не выдерживаю. – А почему ты спрашиваешь?

Он снова затягивается, выдыхает и отпивает из стакана.

– Понимаешь... – Егор медлит, подбирая слова, – мы с Кристиной уже год вместе, но она все равно как-то не подпускает меня к себе близко.

– В каком смысле?

– Да в любом. От души до тела.

Я все еще не очень понимаю, о чем он. Егор читает немой вопрос по моему лицу и продолжает:

– Я очень долго добивался Кристину. Класса с седьмого. Цветы, сюрпризы и даже серенады под гитару у ее окна. Ты сам видишь, что она эффектная девушка, поэтому недостатка в поклонниках у нее никогда не было. Мне приходилось выбивать дурь из башки каждого, кто вдруг решался проявить к ней интерес. Ты даже представить себе не можешь, со сколькими я из-за нее подрался. В итоге в 10 классе крепость наконец пала, и Кристина согласилась пойти со мной на свидание.

Егор снова отпивает из стакана и продолжает:

– Моему счастью не было предела. Первое свидание и первый поцелуй главной красотки школы Кристины Морозо-

вой – со мной. Я, конечно, понимал, что с такой девушкой расслабляться нельзя, поэтому цветы, подарки и прочая ванильная чушь продолжались. Я все время старался ее как-то удивлять, устраивал интересные свидания. Где-то через полгода я убедился, что в наших отношениях все надежно, и она от меня никуда не денется. Эта надежность и спокойствие длятся до сих пор. У нас полный штиль, мы почти не ругаемся. Но тем не менее я чувствую, что она не подпускает меня близко. Вроде бы со мной, но в то же время и нет.

Он поджигает вторую сигарету.

– Я не знаю, как тебе это словами объяснить, Макс. Но я не чувствую, что она полностью и на сто процентов моя. То есть, как бы да, официально она моя девушка, все об этом знают, она знакома с моими родителями, а я с ее отцом, но тем не менее я чувствую, что ее сердце открыто для меня не полностью. Ну и как ты мог догадаться из моего рассказа, секса у нас еще не было.

– А с ним какие проблемы? – Я постарался задать свой вопрос, как можно более спокойно, чтобы не выдать интереса. Но, признаться честно, именно это мне больше всего и интересно.

– Да стандартный набор девственности. – Ох машет рукой. – Сначала она меня плохо знала, потом боялась, потом не была готова, а теперь просто еще не чувствует, что хочет это сделать. Говорит, что все должно случиться само собой в какой-нибудь особенный день. Я понятия не имею, какой та-

кой особенный день для этого должен наступить, но ладно. Я не давлю, готов ждать сколько угодно. Но я бы не переживал так по поводу секса, если бы чувствовал, что она полностью принадлежит мне. А так...

Егор глубоко затягивается и медленно выдыхает.

– В общем, Макс, я в полной растерянности и вообще не знаю, что мне делать. Вроде бы Кристина моя, но в то же время ни фи́га она не моя, – последние слова он произносит, как смертный приговор.

– Ты говорил ей, что любишь ее?

– Пф, миллион раз.

– А она что?

– Сначала говорила «мы мало встречаемся, и ты еще не можешь быть уверен», потом на каждое признание отвечала «хорошо», затем «я знаю», сейчас ничего не отвечает, а молча целует меня и улыбается.

– То есть, сама она тебе за год ни разу не сказала, что любит тебя?

– Неа.

Я молчу. Да и что тут скажешь? Но я вижу, что он ждет от меня каких-то утешающих слов, совета.

– Слушай, Егор, я, конечно, еще мало знаю Кристину. Но все же за эти почти пару месяцев я понял, что она, кажется, вообще никого к себе близко не подпускает. И вообще она какая-то очень закрытая и отстраненная. И, знаешь, я вообще сомневаюсь, что Кристина способна кого-то любить кро-

ме себя, своего отца и его строительной империи, которую она мечтает однажды возглавить.

– Она любит Вику.

– Вот эта дружба для меня вообще загадка.

– Это не дружба. Это семья. Вика для Кристины, как младшая сестра. А Кристина для Вики – как старшая.

– С чего вдруг? – меня это удивляет еще больше.

– Это очень долгая и болезненная история. Может быть, когда-нибудь Кристина признает в тебе брата, и сама расскажет.

Я безразлично машу рукой:

– Да мне не очень-то и интересно. Просто я к тому, что Кристина вообще не из тех людей, которые проявляют любовь, ласку, заботу. От нее же холодом веет за километр.

– Ну да, ты прав...

– Так что, я думаю, тут дело совсем не в тебе, а в ней. Просто она такой человек. Ты либо принимаешь ее такой, какая она есть, либо нет. Но в любом случае, Егор, из всех парней она выбрала именно тебя, – я произношу последние слова и будто делаю себе выстрел в голову. Хлопаю приятеля пару раз по плечу и говорю, – пойдём внутрь? Холодно.

Глава 11. Проверка

Мы заходим обратно, и я без сил опускаюсь на диван. Друг идет к Кристине, пытается ее обнять, но она выворачивается из его объятий.

– Егор, ты пьян!

– Ну и что? Обними меня, любимая. – Он снова пытается заключить свою девушку в объятия. Кристина выворачивается.

– Обниму, когда протрезвеешь!

– Кристина, ну, пожалуйста! Если ты меня сейчас не обнимешь, я умру, клянусь!

Она закатывает глаза, но все-таки обнимает парня. Однако уже через несколько секунд снова вырывается. Егор беспомощно хнычет.

– Кристина, ну почему ты такая?

– Протрезвеешь и будем обниматься.

В этот момент к ним подлетает Вика.

– Егор, а спой нам на гитаре!

– Прямо сейчас?

– Ну да, а что?

– Ну давай.

Вика выносит ему гитару и выключает музыку, делая объявление.

– Ребята, а сейчас Егор Кузнецов споет нам на гитаре! –

И хлопает в ладоши.

Народ отвлекается от своих дел и поворачивается в сторону Егора, который сел на стул в центре гостиной. Кристина подходит к одному из диванов и облокачивается на спинку.

Кузнецов чешет затылок, видимо, думая, что спеть, проводит несколько раз по струнам, прочищает горло и начинает, глядя на Кристину.

Холодна, как лед, и неласкова
Эта девушка, и напрасно я
О любви прошу. Ночь длиннее дня,
Если нет ее, значит нет меня.

Если нет ее, я не знаю сна,
Без волшебных глаз в пропасти без дна.
Но когда она говорит со мной,
Замерзаю я даже в летний зной.

Стал от снега белым город, я свой дом не узнаю,
На моем окне узоры, хоть за окнами июль.
И пускай дыханьем нежным я согрел в своих словах
Каждый звук, но безнадежно слово стынет на губах.

Холодна, как лед, и неласкова
Эта девушка, и напрасно я
О любви прошу. Ночь длиннее дня,

Если нет ее, значит нет меня.

Если нет ее, значит нет меня.

Я знаю эту песню. Ее исполняет малоизвестная группа «Сегодняночью». Я не знаю, поняли ли окружающие, кому Кузнецов ее посвятил, но для меня это очевидно. Да уж, песня действительно про Морозову. Когда Егор заканчивает, присутствующие бурно аплодируют и свистят, а Кристина, тяжело вздохнув, уходит куда-то вглубь пентхауса. Егор опускает гитару и идет за ней. Толпа в гостиной возвращается к своим делам.

– Мда, жалко Кузнецова. Хороший парень, но не ту любил.

Я поворачиваю голову на голос, рядом со мной на диван опустилась Оля. Она мне по-доброму улыбается.

– Ну как тебе тут? – спрашивает она.

Я пожимаю плечами:

– Туса как туса.

– Ты часто на них ходишь?

– В Москве первый раз. В своем родном городе мы с друзьями часто так собирались у кого-нибудь дома. Менее пафосно, конечно, но всегда с душой. – Я возвращаю Оле улыбку.

Я замечаю, как Кристина возвращается в гостиную, но без Егора, и смотрит на нас с Олей. Я отвожу глаза первым.

– А ты в Москве прямо совсем недавно?

– Да, я приехал за три дня до того, как пришел в школу.

– А где ты живешь?

– В Золотом ручье. Это недалеко от Москвы.

Оля удивленно вскидывает бровь.

– Соседствуешь с Морозовой и Кузнецовым?

– Ага.

– То-то я думаю, почему ты в школу с ними ездишь.

– А ты где живешь?

– На Патриках.

– Где? – я не понимаю ее ответ.

– На Патриарших прудах. Это в центре Москвы.

Мне это название кажется смутно знакомым, и я быстро вспоминаю.

– Патриаршие пруды – это те самые, которые в «Мастере и Маргарите» Булгакова?

– Ага, они.

– И как там? Все, как писал Булгаков? – я улыбаюсь.

– Не совсем. Трамвайных путей там нет и никогда не было. Так что непонятно, как и где Аннушка могла разлить масло. – Оля смеется в ответ. – А ты что же, никогда не был на Патриках?

– Неа, я в Москве вообще кроме Красной площади и пары мест вокруг нее нигде не был.

– Да ладно! – Оля чуть не подпрыгивает на месте. – Самойлов, ты же тут уже почти два месяца!

– Угу. Но все некогда, да и особо не с кем сходить.

– А с соседями по Золотому ручью в свободное от учебы время ты не выбираешься никуда?

– Нет. – Я пожимаю плечами. – Нас связывают только поездки до школы и обратно в поселок.

– Слушай, но ты должен обязательно увидеть Патрики! Это же священное место! Давай я, что ли, тебе покажу?

– А ты можешь? Я правда был бы очень рад!

– Да без проблем. Хоть завтра. Или в воскресенье. У меня выходные свободны.

– Можно и завтра, по воскресеньям у меня английский, – я снова ей улыбаюсь.

Оля очень милая девушка. Светло-русые волосы падают до плеч, открытый добрый взгляд серых глаз, широкая улыбка. Она невысокая и очень худенькая. И как-то не совсем вписывается в компашку мажоров, которыми наполнена школа. Вот и сейчас в отличие от всех девушек в платьях и на лабутенах, она одета в джинсы и кеды.

– Слушай, можно я тебе задам вопрос? Заранее извини, если он покажется бестактным, – Оля немного смущается.

Я пожимаю плечами:

– Задавай.

Она в стеснении закусывает губу:

– Можешь не отвечать, если не хочешь. Ведь это действительно не мое дело. А что у тебя с Морозовой?

– Не понял, – я опешил от ее вопроса.

– Ну... – Девушка смущенно тянет, – Она в школе все

время так на тебя смотрит. Ты же сидишь прямо за мной, поэтому я вижу, как она поворачивает голову в нашу сторону. Я сначала было подумала, что это она на меня смотрит и первое время очень удивлялась. С чего вдруг Морозова стала обращать на меня внимание? Я учусь в этой школе с 9 класса и за все два года, если она два раза со мной словом обмолвилась, то хорошо. А тут вдруг ни с того ни с сего каждые 10 минут взгляд на меня. Но потом до меня дошло, что она смотрит не на меня, а на тебя. И вот прямо сейчас на этой тусовке я в этом окончательно убедилась.

Я выпадаю в осадок и теряю дар речи.

– Ты уверена? – мне правда сложно поверить в слова Оли.

– Абсолютно. Когда ты стоял на террасе с Егором, она не сводила с вас глаз. Но тут можно предположить, что она пасла своего парня. Но вот сейчас мы с тобой сидим на диване и разговариваем, Егор стоит в углу у стола с алкоголем, а Кристина каждые несколько минут кидает взгляд отнюдь не на своего мужика, а на нас.

Честно признаться, я и сам в школе чувствую на себе взгляды Кристины, замечаю их боковым зрением. Но часто на уроках я углубляюсь в новый материал и абстрагируюсь от внешней среды. А сейчас в накуренной гостиной с толпой пьяных людей вообще все слилось в месиво.

– Я не знаю, что тебе ответить, Оля.

И это чистая правда. Я аккуратно скосил глаза в сторону Кристины. Она говорит с какой-то девушкой, но поверх ее

плеча действительно смотрит в нашу с Олей сторону.

– Ну, у меня есть предположение, но оно может показаться тебе диким, Максим.

– Более диким, чем внимание Морозовой ко мне? Вряд ли, – я смеюсь.

– Я думаю, ты ей нравишься.

– Это исключено! – я отвечаю, наверное, слишком резко, чем следовало бы.

Оля несколько секунд молчит.

– А хочешь проверим? – она мне заговорщицки подмигивает.

– Каким образом?

– Пригласи меня на танец. – Я удивленно на нее уставился. – Но не прямо сейчас, подожди. Нужно сделать это так, чтобы никто не заподозрил, что мы прикалываемся. Сейчас играет быстрая музыка, ты подойди к Вике и попроси включить медленную, а затем вернись ко мне на диван. Наверняка несколько сладких парочек выйдут танцевать. Тогда ты встань, протяни мне руку и громко предложи потанцевать.

Мне с одной стороны ее план нравится, но с другой – что за бред?

– Слушай, Оль, а тебе вообще можно со мной танцевать?

– А почему нет? – она сильно удивляется.

– Ну, а ты разве не с Никитой?

Девушка на секунду вытаращила глаза, а потом громко засмеялась. Я замечаю, как на ее смех к нам снова приковыва-

ет свое внимание Кристина.

– Нет, ты что! Он мой двоюродный брат!

– Правда? Извини, я не знал. Просто в школе вы все время держитесь вдвоем.

– Это да. Но дело в том, что я перешла в эту школу в 9 классе, когда мы переехали из Питера. Я вообще петербурженка, не москвичка. Отца повысили, вот мы и уехали из родного города. Ну и меня отдали в одну школу с Никитосом, чтобы я совсем уж одиноко себя тут не чувствовала в чужом городе. Но друзей я за эти годы как-то особо в школе не нашла. Нормально общаюсь со всеми ребятами, но близко ни с кем не дружу. Вот и провожу большую часть времени с Ником и его компанией.

– Понятно...

– Ну так что, будем проверять Морозову? – Оля мне подмигивает.

Я несколько секунд сомневаюсь, но все же соглашаюсь. Если бы Кристина была мне безразлична, я бы не пошел на эту авантюру. Но она мне небезразлична. И за слова Оли о том, что я могу ей нравиться, я цепляюсь, как утопающий за соломинку.

А что, если правда? Да, это дико, невероятно, невозможно и я сам полчаса назад говорил Егору о том, что Кристина неспособна ни к кому испытывать чувства, но все же вдруг? У меня перехватывает дыхание от одной только мысли, что у Кристины может что-то ко мне быть.

Но с другой стороны, Оля ведь не знает, что мы с Морозовой на самом деле сводные брат и сестра. И интерес Кристины ко мне может быть вызван исключительно этим. Следит за мной, наблюдает, чтобы любой мой промах потом использовать против меня. Кто на самом деле знает, что в ее голове и на что сестрица способна? Я пока не замечал за ней откровенных пакостей, но на 100% уверен, что она на них способна. Подставит и глазом не моргнет.

Я делаю все, как сказала Оля. Подхожу к Вике, прошу поставить плейлист с медленными песнями, возвращаюсь на место, жду, пока появятся танцующие пары, встаю и протягиваю Оле руку.

– А не хочешь потанцевать? – спрашиваю ее погромче.

– Давай! – Оля радостно подскакивает с дивана.

Когда мы идем к танцевальной зоне, я затылком чувствую обжигающий взгляд Кристины.

– Самойлов, ты держишь меня, как монах монашку, – шипит мне на ухо Оля. Она едва до него достает, поэтому встает на носочки. – Обними меня за талию увереннее и притяни чуть ближе к себе. – Я делаю, как она сказала. – А теперь, насколько мне позволит мой рост, я обниму тебя за шею и прижмусь к груди. – Через пару секунд она выполняет сказанное.

Мы медленно крутимся с еще тремя парами. Егор, увидев нас, расплывается в широкой улыбке, подмигивает мне, поднимает вверх большой палец правой руки и одобritel-

но кивает головой. Я не могу не улыбнуться ему в ответ, но в душе становится горько. Знал бы ты, друг, для чего на самом деле этот танец.

– А сейчас засмейся, будто я говорю тебе что-то смешное, – шепчет мне Оля. Я тихо смеюсь.

– Видишь, как она смотрит? – снова тихо спрашивает.

– Да...

И она правда смотрит. Когда я поворачиваюсь к Кристине лицом, она старается отводить голову в сторону, делать вид, что слушает Вику. Но я вижу, что она смотрит. С присущей ей злостью, даже с жестокостью в глазах. В приглушенном свете ее взгляд кажется еще холоднее, чем обычно. Я плохо читаю эмоции людей по лицу, а в случае с Кристиной это вообще невозможно. Но факт остается фактом – Кристина Морозова не сводит с меня взгляд.

– Сейчас песня закончится, и ты возьми меня за руку и поведи обратно к дивану, – вытаскивает меня из моих мыслей Оля.

– Хорошо. – Я делаю, как она сказала.

– Ну что, убедился? – С улыбкой спрашивает девушка, когда мы возвращаемся на место.

– Ну да, смотрела. Но мало ли что это значит?

Девушка закатывает глаза.

– Это может значить только одно, Макс!

– Не знаю, Оль.

Она пожимает плечами.

– Ну смотри сам. Теперь главное, чтобы об этом Кузнецов не узнал. А то он от тебя живого места не оставит.

– Я не буду ему ничего говорить, и ты, пожалуйста, тоже, – я поворачиваюсь к ней и прошу максимально серьезно.

– Да мне-то какое дело? Я ни с ним, ни с Кристиной не пересекаюсь вообще. – Она смотрит на часы на запястье. – Ладно, уже поздно. Я поеду домой. Завтра тогда звони, как проснешься, но только не раньше 11 утра.

– Окей, дай только свой номер.

Она диктует цифры, и я сбрасываю ей гудок.

– До завтра, Максим!

– До завтра.

Она еще раз улыбается и идет одеваться. Я перевожу взгляд на Кристину. Она видела, как мы обменивались номерами и, конечно же, слышала наше «До завтра».

Время действительно уже ближе к часу ночи, и пора закругляться. Большая часть народа разошлась. Я подхожу к Кузнецову, который от выпитого уже почти не стоит на ногах.

– Егор, я думаю, нам пора.

– Да, Макс, поехали. Бери Кристинку.

Я подхожу к ней. Заметив, что я приближаюсь, она демонстративно отвернулась и сделала вид, что чем-то занята.

– Кристин, нам пора домой.

Она резко оборачивается.

– Кому «нам»?

– Ну, тебе, мне и особенно Егору, – я киваю головой в сторону в стельку пьяного товарища.

– А с чего ты взял, что мне уже пора? – Она обнимает себя за плечи и отворачивает голову.

Я тяжело вздыхаю.

– С того, что уже поздно, Кристин.

– Я могу остаться у Вики.

– Это не самая хорошая идея, потому что тут полно пьяных придурков. Пускай даже они и наши одноклассники.

– А тебе то что? У меня есть парень, который должен за меня переживать.

– Твой парень сейчас неспособен за кого-то переживать, даже за самого себя. А я, кажется, только недавно спас тебя от одних уродов. И все для чего? Для того, чтобы ты попала в руки к другим уродам?

Она закусывает губу и отворачивается. Я аккуратно беру ее за руку выше локтя.

– Кристина, поехали домой. Уже поздно, ты устала, вчера у тебя была тяжелая игра, а сегодня с утра уже нужно было рано вставать в школу. После занятий ты не отдыхала, а сразу поехала сюда помогать Вике и, откровенно говоря, отпахала всю тусовку на благо гостей в отличие от хозяйки этого пентхауса.

Она молчит.

– Кристина, надо ехать, – я настаиваю.

Она глубоко вдыхает и шумно выдыхает.

– Ладно.

Морозова освобождает свою руку, идет к музыкальному центру, выключает его, громко хлопает в ладоши, привлекая к себе внимание.

– Эй, народ, пора расходиться! Давайте-давайте, вечеринка окончена. Все по домам.

К ней тут же подлетает Вика.

– Кристин, ты чего???

– Я уже уезжаю, Вик.

– Ну и езжай. Я сама провожу гостей.

– Нет, я тебя тут с ними наедине не оставлю.

– Ну Кристин!!!

Морозова устало опускает руки, но тут же собирается и орет на нее:

– Я сказала!!!

Степанова осекается и не спорит.

Минут через десять гости расходятся, и мы идем вниз к машине. Егор настолько пьян, что я практически тащу его на себе. Уложив Кузнецова на заднее сидение его автомобиля, мы с Кристиной садимся вперед и едем.

До Золотого ручья мы доезжаем в гробовой тишине, если не считать сопение спящего Егора. Когда мы подъезжаем к его дому, ворота автоматически открываются, и я въезжаю во двор. Я первый раз дома у Кузнецова, но Кристина была тут неоднократно. Я не успеваю вытащить друга с заднего сиденья, как из дома выходят два парня.

– Снова напился? – спрашивает один из них, тот, что постарше.

– Да, – устало отвечает ему Кристина.

– Понятно.

Парни берут у меня ключи от машины и тащат Егора в дом под руки.

– Это кто? – спрашиваю я у Кристины, когда мы выходим за ворота и направляемся к нашему дому. От Егора до нас идти минут десять.

– Его старшие братья.

Мы идем молча, слышны лишь наши шаги по мокрому снегу. Неожиданно перед нами на дороге разрастается большая лужа грязи. Мы резко останавливаемся, осматриваясь, как ее можно обойти. Грязь уходит вплоть до обочин дороги.

– Вот черт! У меня же новые сапоги из Италии, – взвыла Кристина.

– Давай я тебя перенесу. У меня старые ботинки из Воронежа, – мы встречаемся взглядами и громко смеемся.

Не дожидаясь ее согласия, я подхватываю Кристину на руки. Она обвивает мою шею руками. Я стараюсь смотреть под ноги, но кожей чувствую ее взгляд. Когда мы проходим лужу, и я уже хочу опустить девушку, наши глаза встречаются. И на мгновение я забываю, что собирался сделать. Так и держу ее в своих руках, стоя в свете яркого фонаря и смотря ей в лицо.

Она ослепительно красива.

– Максим, дальше я уже сама могу, спасибо, – она первая прерывает этот магический момент и отворачивает голову от моего лица. Мне приходится повиноваться и опустить ее, как бы я этого ни не хотел. Оставшийся путь до дома Кристина идет молча на несколько шагов впереди меня.

Глава 12. Утренний кофе

На следующий день я звоню Оле в 11:30. Через пять гудков в трубку мне отвечает сонный голос:

– Алло.

– Привет! Это Максим. Ну что, наша прогулка в силе?

– Самойлов, я же просила звонить не раньше 11, – она зевает.

– Так уже половина двенадцатого.

– Да? – ее голос резко стал бодрым.

– Ага, а ты еще спишь, что ли?

– Да. Блин, надо было тебе сказать, чтобы звонил не раньше 12. Мне такой сон снился!

– Оу, извини... Может, еще попробуешь уснуть? Наберешь мне сама, когда проснешься.

– Да ладно уже. Буду вставать. Во сколько встретимся?

– Мне без разницы, я уже свободен. Могу приехать в любое время.

– Давай в час?

– Давай.

– Ты на чем ехать будешь?

– На такси.

– Приезжай по адресу улица Малая Бронная, дом 35. За 10 минут до того, как будешь подъезжать, скинь звонок.

– Хорошо.

Навигатор показывает, что от Золотого ручья до названного Олей адреса добираться 50 минут. В принципе у меня еще есть время выпить кофе. Я спускаюсь на кухню, а там в розовой шелковой пижаме в белый горошек сидит Кристина и вяло ковыряет в тарелке. Ее волосы взлохмачены, на лице ни грамма косметики. Я первый раз за все время, что мы живем в одном доме, вижу ее в ночном одеянии. Обычно она из своей комнаты выходит в домашней одежде в виде шорт или спортивных штанов с майкой и с легким макияжем. Девушка явно не ожидала встретить меня, и я почувствовал ее смущение.

У Кристины розовая пижама в горошек? Серьезно? Меня стал пробирать смех, поэтому я спешу откашляться.

– Кхм-кхм, привет, – я стараюсь на нее не смотреть, проходя к плите и доставая турку из шкафчика над ней.

– Что ты тут делаешь? – в ее голосе звучит возмущение.

– Эм... живу, если ты не забыла.

– Я имею в виду в это время. Ты никогда не заходишь на кухню почти в полдень.

– А, мне просто через 40 минут уезжать, поэтому я решил выпить кофе.

– Ясно, – буркнула она, – не смотри на меня. Мне лень идти переодеваться.

– Не буду, – обещаю, стоя к ней спиной. Я насыпаю в турку кофе, наливаю воды и ставлю на огонь. Чувствую на себе ее взгляд.

– Вообще-то у нас есть кофе-машина.

– Я помню. Но я больше люблю кофе из турки, а не из аппарата.

– Гурман?

Я пожимаю плечами.

– Мне из турки вкуснее.

– Куда ты уходишь? – спрашивает она после продолжительной паузы.

Этот вопрос звучит неожиданно. Кристина никогда не интересовалась моими делами: что я делаю, с кем разговариваю по телефону, куда иду. Да и в целом она со мной не общается. Наш нынешний диалог, наверное, самый длинный за все время моего проживания тут. Я все еще стою к ней спиной, наблюдая за подходящим в турке кофе, думая, что ответить.

– Гулять. – Я решаю сказать правду.

Она хмыкает. Готов поспорить, что она скривила губы в презрительной улыбке.

– Даже не стану спрашивать, с кем.

– Спасибо, ты сделаешь мне большое одолжение, если не согласишься.

Я говорю это, наверное, резче, чем следовало. Но я действительно не хочу обсуждать с Кристиной, куда и с кем я иду. Какое ее дело? Я же не спрашиваю, куда она уходит, когда слышу за приоткрытой дверью ее комнаты, как она два часа собирает, перемеривая кучу одежды и консультируясь по телефону с Викой по поводу того или иного платья.

Впрочем, мне нет необходимости задавать этот вопрос, потому что я и так знаю ответ. Так долго и тщательно Кристина собирается только на свидания с Егором.

Я выливаю кофе в кружку и, не глядя на Кристину, удаляюсь из кухни. Ее взгляд прожигает мне затылок.

Я сижу на кровати в своей комнате. Кофе не лезет, а вот разные мысли в голову – еще как. Я почему-то на взводе. То ли из-за вчерашнего, то ли из-за чего-то еще. Скорее всего все-таки из-за вчерашнего. Мне до сих пор это кажется сном – то, как Кристина смотрела. А еще рассказ Егора о том, что их отношения далеко не такие идеальные, какими кажутся со стороны.

Я хмыкаю. И почему я не удивлен тому, что Кристина совсем не проявляет к Егору тех чувств, которые он от нее ждет?

А к кому Кристина вообще проявляет чувства? Очевидно, что только к строительной компании отца. То, с каким упоением она слушает его рассказы о работе, то, как предлагает ему различные решения тех или иных сложностей, которые периодически возникают – говорят лишь об одном. Кристину Морозову не интересуется в этой жизни ничего кроме бизнеса. Настоящего, взрослого, жестокого бизнеса, в котором акулы предпринимательства бьются друг с другом за активы поприбыльнее. С отцом она говорит только о компании.

Игорь Петрович часто засиживался с Кристиной в библиотеке, которая возле спортзала. Я думал, что они там вме-

сте читают книги, но оказалось, что нет. Однажды я занимался на тренажерах и слышал их разговор. Как я понял, отчим показывал ей какие-то чертежи новых жилых комплексов, а Кристина их комментировала и предлагала, как поправить. И самое интересное – Игорь Петрович к ней полностью прислушивался и доверял ее мнению. Они дискутировали – моментами очень бурно – Кристина доказывала ему свою точку зрения, он ей оппонировал, но в итоге они пришли к консенсусу. Он заключался в том, что отчим согласился почти со всеми ее предложениями.

Из нее выйдет отменный руководитель. Настоящая железная леди. Я уже вижу, как она нагибает с десятков членов совета директоров компании только одним своим взглядом. Честное слово, этой девушке даже не нужно будет повышать голос на своих топ-менеджеров.

Кристина Морозова не из тех женщин, которые влюбляются, выходят замуж, рожают детей и берегут семейный очаг. Она из тех женщин, которые пойдут напролом и зададут жару любому мужику. Настоящая ледяная стерва. Да, Оля права. Кузнецов полюбил не ту. И я тоже. Но, черт возьми, как же к ней тянет.

Глава 13. По Булгаковским местам

Из мыслей меня вырывает смс-оповещение о том, что меня ожидает такси. Быстро спускаюсь вниз, натягиваю куртку, обуваясь и выхожу к машине. По указанному Олей адресу я приезжаю за пять минут до назначенной встречи, но девушка уже ждет меня. На ней теплый синий пуховик, джинсы, серые угги и белая шапка с помпоном. Лицо практически без косметики, лишь глаза аккуратно подведены тушью.

– Ну привет, соня! – я спешу к ней с улыбкой.

– Привет, жаворонок! – она тоже мне улыбается. Так тепло и по-доброму. – Ты всегда по выходным так рано встаешь?

– Да. У меня с утра спорт. А ты всегда по выходным так долго дрыхнешь?

– Пф, это еще не долго! Однажды я спала до 5 часов при том, что легла около 10 вечера.

– Вот это да! – я правда удивляюсь.

Она смеется.

– Ну, – Оля серьезно, – давай перейдем дорогу и начнем нашу экскурсию по Булгаковским местам. – Я иду за ней, и она продолжает. – Вот это и есть знаменитые Патриаршие пруды из «Мастера и Маргариты». Правда, в это время года тут отвратительно. Но зато летом! – она задумчиво вздыхает. – Летом тут просто волшебно.

Мы входим на территорию, и перед нами открывается

прямоугольный пруд с заледенелой водой. Вокруг него дорожка с лавочками, на противоположной стороне от нас стоят какие-то памятники. Издалека я не могу их рассмотреть.

– Начнем с того, что Патриаршие пруды – это всего один пруд. Почему он называется во множественном числе, никто не знает, – начинает Оля голосом экскурсовода. – А вот и знак «Запрещено разговаривать с незнакомцами». – Она подводит меня к псевдоавтомобильному знаку, на котором изображены три фигуры, перечеркнутые красным. – Максим, а ты везунчик! – он поднимает на меня голову.

– Почему? – я перевожу взгляд со знака на нее.

– Потому что фанаты «Мастера и Маргариты» все время этот знак тут устанавливают, а местные жители его потом убирают. Иначе возле него собираются толпы поклонников Булгакова, чем раздражают живущих в округе. Вот сейчас знак снова стоит, но скоро его уберут.

– А кто изображен на знаке? Я могу распознать только кота Бегемота.

– С ним Воланд и Коровьев. Тебя сфоткать со знаком?

– Не, не надо, я не люблю фотографироваться. Но сам знак щелкну, раз ты говоришь, что он тут не на постоянной основе.

Я делаю снимок, и мы идем дальше.

– Вообще на самих Патриарших прудах как таковых ничего особенного нет. Да, это прикольное место, в нем есть своя душа и магия, но рекламу ему сделал исключительно Бул-

гаков своим романом. Летом тут собираются толпы людей, многие спускаются к самому пруду и сидят у воды, семейные пары гуляют с детьми. Подростки оккупируют лавочки и распивают на них алкоголь, пряча его от полиции в пакетах.

Мы подходим к памятникам. Один из них мужчине.

– Это памятник Булгакову? – я спрашиваю, приближаясь к нему.

– Нет, это памятник баснописцу Крылову.

– А он тоже был как-то связан с Патриаршими прудами?

– В том-то и дело, что нет. Крылов вообще жил в Петербурге и почти из него не выезжал. С чего вдруг на Патриках стоит памятник ему – неизвестно.

– А памятника Булгакову почему нет?

– Потому что, если его поставят, местные жители выйдут на митинг. Поклонники романа будут тут собираться и устраивать вакханалию. По ночам. Нет, спасибо, нам хватает баров и ночных клубов в округе, из-за которых спать невозможно.

– Твои окна выходят сюда?

– К счастью, нет, иначе я бы уже давно застрелилась. Окна моей комнаты смотрят во двор дома, но все равно шум доносится. У нас окна гостиной смотрят на пруды, и летом после 10 вечера крики с улицы перекрывают телевизор.

Мы проходим Крылова и направляемся к следующим.

– А это композиция памятников, которая называется «Басни Крылова».

Мы медленно проходим шесть панно, местами затертых, на которых изображены самые известные герои басен: квартал, кукушка и петух, свинья под дубом, павлин и соловей, слон и моська, две собаки, волк и ягненок, мартышка и очки, ворона и лисица, зеркало и обезьяна, волк и журавль, осел и соловей.

– Ну, в принципе, вот и все достопримечательности Патриков, – говорит Оля, когда мы миновали памятники.

– Да, как-то не много.

– Я же говорю: Булгаков больше шума наделал. И, кстати, обрати внимание, что трамвайных путей, где Аннушка разлила масло, нет. И до сих пор неизвестно: вообще никогда на Патриках не было трамваев или были во время Булгакова, а потом их убрали. В общем, история этот момент не зафиксировала. – Оля задумчиво оглядывает пруд. – Давай сделаем пару кружков вокруг.

Мы медленно бредем вдоль пруда, разговаривая о разном. Оля живет в Москве два года. Она не очень любит этот город. Считает его слишком большим и неудобным. Хотя признает, что климат в столице лучше, чем в Питере.

– Но все-таки мое сердце принадлежит Петербургу. Ты там был?

– Нет, – мне стыдно в этом признаваться, – Я до недавнего времени из Воронежской области никуда не выезжал. Разве что на соревнования по каратэ.

– Знаешь, а я тебе даже завидую. Тебе еще предстоит уви-

деть всю эту красоту. В Питер нужно ехать два раза: один зимой, а второй – летом. Зимой ходить по музеям, потому что в это время года нет толп туристов, а летом – по самому городу, его волшебным улицам. И летом нужно обязательно брать экскурсию по крышам.

– По крышам? – я удивляюсь.

– Ты поднимаешься на кровлю обычного жилого дома в центре, переходишь по ней с одного дома на другой и наблюдаешь город с высоты птичьего полета. Есть целые маршруты.

– Круто. А в Москве нет такого?

– Неа, – в ее голосе слышится грусть.

Мы проходим вокруг пруда трижды, когда Оля останавливается и спрашивает:

– Хочешь еще куда-нибудь сходить?

Я пожимаю плечами.

– Ну, если ты не замерзла и тебе позволяет время, то можно. Я никуда не тороплюсь.

– Да я тоже, – Оля закусывает губу в задумчивости. – Слушай, раз у нас сегодня день Булгакова, не хочешь сходить в «нехорошую квартиру»? Тут можно пешком дойти за полчаса.

– А она реально существует? – я, наверное, вытаращил глаза от удивления.

– Конечно! Это была реальная квартира коммунального типа, в которой Булгаков снимал комнату. В этой же квар-

тире он написал несколько своих произведений, например, «Белую гвардию». «Мастера и Маргариту» он написал позднее, но его соседи по этой коммуналке стали прототипами некоторых героев. Например, Аннушки, которая разлила масло. Ну и сама эта квартира стала прототипом «нехорошей квартиры» из романа.

– Тогда давай сходим!

– Сейчас она работает, как музей Булгакова. Будем надеяться, что сегодня он открыт. Я заранее не смотрела на их сайте график.

– Ну мы же в любом случае гуляем? Даже если музей закрыт, то пускай это будет просто прогулка по улочкам центра.

– В принципе, да, – девушка улыбается и уводит меня в переулок.

Мы идем полчаса, никуда не торопясь. С Олей легко и весело. Мы всю дорогу говорим о книгах и писателях. Нам нравится почти одно и то же. Помимо классических русских Пушкина, Лермонтова, Толстого и Достоевского мы читали Бальзака, Гюго, Диккенса, Цвейга. Оля мне еще рассказывает про Джейн Остин и сестер Бронте, но это женские романы того времени, и я их не читал.

– Ты читал у Цвейга роман «Нетерпение сердца»?

– Нет, только новеллы.

– А я вот как раз новеллы не читала, только этот роман. Это была любимая книга моей бабушки. Я прочитала роман

уже после ее смерти. И больше всего жалею, что не смогла обсудить с ней эту книгу. – Оля на секунду грустно задумывается. – Вообще, любовь к литературе мне привила бабушка. В детстве перед сном она пересказывала мне книги, которые прочитала в разное время своей жизни. Некоторые из них она помнила еще с детства. Так вот про «Нетерпение сердца» она мне рассказывала раз десять. Но когда я читала, все равно было будто в первый раз вижу эту историю.

– А сейчас ты что читаешь? – спрашиваю ее.

– Ой, сейчас я читаю из списка ЕГЭ по литературе, – девушка брезгливо кривится.

– Куда ты поступаешь?

– Журфак МГУ.

– Вау, я, кажется, первый раз встречаю журналиста.

Она смеется:

– Ну, я еще не журналист, а только мечтаю им стать. А ты куда будешь поступать?

– Юридический. С вузом еще не определился.

– Вот мы и пришли. Добро пожаловать! – Она мне по-доброму улыбается. – Мы находимся по адресу улица Большая Садовая, дом 10. Нам нужно в квартиру №50.

Мы заходим во вполне обычный жилой подъезд и поднимаемся пешком наверх. Стены полностью исписаны Булгаковскими поклонниками. На одной из них между этажами нарисован кот Бегемот.

– Если что, это жилой дом и жилой подъезд. Музей – это

только одна та самая квартира. В остальных тут живут обычные люди. – Тихо говорит Оля, видимо, чтобы не беспокоить местных жильцов.

– Ужас, – я искренне удивляюсь, – как они тут справляются со всем этим? – Я обвожу рукой вокруг.

– Вот-вот, теперь ты понимаешь, почему жители Патриков все время воруют знак и выступают против установки памятника Булгакову?

– Кажется, теперь понимаю.

Музей оказывается открыт. Пока я еще раз внимательно оглядываю разрисованный подъезд, Оля покупает нам обоим билетки.

– Ээй, ты что делаешь! – меня это повергает в шок. – Еще ни одна девушка в моей жизни за меня не платила! – я правда возмущен.

– Тогда я буду твоей первой, – она мне подмигивает и смеется своей двусмысленной шутке. Я смеюсь в ответ, хотя все равно чувствую, что мое мужское самолюбие немного задето.

Музей действительно оказывается обычной квартирой с несколькими комнатами. Ну как обычной. Тут огромные коридоры и потолки явно выше трех метров. Мы проходим в комнату, в которой жил Булгаков. На вид метров 15, два окна с большими подоконниками, коричневый стол, зеркало, стул. Вид открывается на крышу. В принципе, ничего особенного.

Мы проходим в другие комнаты: гостиную, белый зал и синий кабинет. Они меня тоже особо не впечатляют. Только последний выглядит очень «тяжело» из-за темно-синих стен. А вот кухня!... Кажется, это просто склад хлама. Самовары, чайники, дуршлаки, горшочки, бидоны, гармонь (или баян?) и даже железный утюг. И все это далеко не в единственном экземпляре. У меня появляется ощущение, что весь окружающий нас мусор (а это реально мусор) может рухнуть на голову.

– Вот портрет Аннушки, – Оля показывает мне на черно-белую фотографию, висящую на стене. С него смотрит не просто женщина, а баба. Я бы даже сказал страшная баба.

– Она жутковата.

– Ага, – Оля хихикает, – говорят, она была очень жестокой и била своего внука.

Мы еще бродим какое-то время по квартире и выходим на улицу.

– Куда теперь? – Оля поворачивается ко мне у подъезда.

– Ты не устала?

– Ну так. А ты?

– Я бы где-нибудь перекусил. Не хочешь?

– Давай в какую-нибудь кафешку.

Мы заходим в первую попавшуюся кофейню, и пока я отвлекаюсь на мамин звонок с обеспокоенными вопросами о моем местоположении, Оля уже взяла нам обоим кофе и пончики. Я со страхом кошусь на стол, осознавая, что, кажется,

тут самообслуживание, а, значит, Оля уже за все заплатила.

– Чего встал, как столб, Самойлов? Садись пока кофе не остыл.

– Оля, пожалуйста, скажи мне, что ты за это не платила.

– Я за это не платила, Самойлов. Добрый официант сам угостил меня. Сказал, что за красивые глаза.

Я обессиленно опускаюсь на стул напротив нее.

– Я не буду есть.

Девушка закатывает глаза.

– Самойлов, если тебя это утешит, то я ни секунды не сомневаюсь в том, что ты настоящий джентльмен, как в фильмах. Также я ни секунды не сомневаюсь в том, что у тебя найдется тысяча рублей купить кофе и пончики. Теперь тебе полегчало?

– Не очень.

– Ешь давай. Купишь мне потом в школьной столовой что-нибудь, раз ты такой гордый.

– Окей, я буду есть, но будем считать, что это в долг, и я тебе его верну! – я грозно поднимаю в воздухе палец.

– Договорились, – промычала Оля с полным ртом, и я засмеялся.

Мы просидели так, наверное, еще час. О чем мы говорили? Не знаю. Обо всем и ни о чем. Мне давно не было так легко с человеком. Не знаю, чем занимаются ее родители, но, судя потому, что она живет на Патриарших прудах и ходит в одну школу со мной, – они не простые. Вот только в Оле

это вообще не чувствуется. Такое ощущение, что она обычная девчонка из соседнего подъезда, с которой ты играешь в прятки и гоняешь по двору на велике.

Я провожаю Олю обратно до дома и, попрощавшись, уезжаю на такси. Это был отличный день, наполненный смехом. Последний раз у меня такой был, наверное, только в Воронеже.

Зайдя в дом в «Золотом ручье», я натыкаюсь в гостиной на сидящих в обнимку Кристину и Егора. Кузнецов уже явно протрезвел, раз Кристина так прильнула к нему всем телом. От вида этой картины у меня перехватывает дыхание, а в сердце будто что-то колет. Что-то очень неприятное и болезненное, чего я раньше никогда не испытывал.

– Всем привет, – первый начинаю я и подхожу к парочке, чтобы пожать Егору руку.

– Здорова, Макс, – он радостно протягивает мне ладонь. – Где ходил целый день?

Я присаживаюсь в кресло рядом с ними.

– Гулял.

– Ммм, – Егор заговорщицки улыбается и подмигивает мне, – кажется, я даже знаю, с кем.

Я закатываю глаза.

– И с кем же?

– С красоткой Олечкой Олейниковой. Да-да, я хоть вчера и напился в стельку, но все же помню, как близко ты ее к себе прижимал в танце.

Я не успеваю ничего ответить, потому что меня перебивает Кристина. Она вспыхивает, как спичка, и резко отстраняется от Егора.

– Как ты ее назвал???

– Ээм... Олечка Олейникова? – весь вид Егора говорит о том, что он пытается быстро сообразить, что он сделал не так.

– Нет, слово перед ее именем. И вообще, с какой еще стати она для тебя Олечка? Ты ей и двух слов ни разу не сказал!

– Эм... перед ее именем? Ты о чем, Кристин?

– Ты назвал ее красоткой! – Морозова фыркнула.

– О Боже, Кристина, мне не кажется? – счастливый Егор тянется к девушке, но она отстраняется, – ты меня ревнуешь? Это же впервые за год наших отношений! Ты не ревновала меня, даже когда мне названивали мои бывшие девушки в твоем присутствии. А тут я назвал пассию Максима красоткой, и ты вспылила. – Он смеется.

– Не ревную! – Она буркнула и отвернула голову в сторону, нервно закусив губу.

– Ну-ну, – он все-таки притягивает ее к себе и целует в макушку, – любимая, ты все равно красивее. Ты для меня самая красивая в мире! Ты же знаешь это. – Затем он смотрит на меня и весело говорит, – Макс, ходи на свидания почаще.

Нас с Кристиной словно бьет током, и мы резко смотрим друг другу в лицо. Не знаю, почувствовал ли Егор, в объятиях которого она сейчас лежит, но я заметил, как Кристина

дернулась от его слов. Впервые с тех пор, как я вошел в дом, наши глаза встречаются. Что я в них читаю? Я не знаю.

Егор поворачивает ее лицо к себе и тянется за поцелуем. Я не хочу это видеть. Иначе не сдержусь и заеду Кузнецову по морде. Встаю с кресла и поднимаюсь к себе в комнату, стараясь держать самообладание. Уже наверху я смотрю на них с лестницы. Егор полностью накрыл ее собой и жадно впился в губы, запустив одну ладонь в волосы, а второй притягивая за талию еще ближе к себе. Руки Кристины крепко обнимают его спину.

Я бы все отдал, чтобы быть сейчас на месте Егора. Человека, которого искренне стал считать своим другом.

Глава 14. Пьяный разговор

В тот же день я решаю сделать себе перед сном чай с мятой. День был насыщенным, в теле еще чувствуется перевозбуждение, а мята в таких случаях отлично успокаивает и помогает уснуть. Это секрет, которым однажды поделился со мной тренер по каратэ.

Когда я вхожу на кухню, моему взгляду открывается Кристина, в одиночестве распивающая бутылку белого вина. Почему-то она сидит, поджав под себя ноги, не на своем обычном месте, а на моем. Даже не знаю, что меня в этот момент удивляет больше: то, что я второй раз за день встречаюсь с ней на кухне (будто это наше место встречи!), или то, что она пьет в одиночестве. Наверное, все-таки второе.

Нет, не «наверное», а определенно второе.

– Добрый вечер, – говорю ей первое, что приходит в голову от такой картины.

– Мы уже здоровались.

Я не отвечаю и спокойно прохожу к кухонным шкафчикам, в которых лежит чай. Черный я нахожу быстро, а вот мяты нигде нет.

– Не знаешь, где лежит мята? – решаю прервать молчание.

– Понятия не имею.

Я хмыкаю. Ну еще бы. К чему Кристине знать, что и где лежит на ее кухне? Она же не кухарка и не домработница.

– А зачем тебе мята? – интересуется сестрица.

– Хочу сделать с ней чай.

– Зачем?

– Чтобы расслабиться и уснуть.

– Выпей вина.

– Спасибо большое за предложение, я не пью, – я все еще стою к ней спиной, роясь в шкафчиках. Бутылка на столе темного цвета, поэтому я не увидел, сколько Кристина выпила, но, судя по ее голосу, она уже достаточно пьяна.

– Зря, это помогает расслабиться.

Я все-таки поворачиваюсь к ней лицом.

– И часто ты так расслабляешься?

Кристина пожимает плечами.

– Раз в пару месяцев могу себе позволить.

Мне становится интересно. Я уже забросил поиски мяты, встал прямо напротив нее, облокотившись на столешницу кухонного гарнитура. Нас с Кристиной разделяет стол.

– Позволь узнать, что же тебя сегодня так напрягло, что ты решила расслабиться, распивая в одиночестве бутылку вина?

Она задумчиво молчит, крутя в руках бокал с небольшим количеством алкоголя на доньшке. Пожимает плечами.

– А что тебя сегодня так напрягло, что ты хочешь расслабиться и поскорее уснуть? Еще же нет 11 часов.

– Ну, во-первых, у меня сегодня был насыщенный день, а, во-вторых, я всегда стараюсь ложиться спать не позднее 12

ночи. У меня режим.

Мои слова про режим она пропускает мимо ушей, но цепляется за другие.

– Насыщенный день, говоришь? И что же ты сегодня делал? – резко вскидывает на меня взгляд.

– Много ходил.

– И с кем же? – она ухмыляется.

Я пожимаю плечами.

– Какая тебе разница?

– То есть, Егор прав, и у тебя сегодня было свидание с Олейниковой?

– Допустим. – Я не хочу нашу сегодняшнюю прогулку с Олей называть свиданием. Это определенно была просто дружеская встреча. Но еще меньше я сейчас хочу что-то доказывать Кристине. Почему я вообще должен перед ней оправдываться?

Кристина допивает из бокала и снова пополняет его. Я молча наблюдаю эту картину и офигеваю. Сделав еще глоток, Кристина прерывает молчание.

– Знаешь, а я думаю, она тебе подходит. Она такая же, как ты.

– Это какая такая, как я?

Кристина пожимает плечами:

– Слишком обычная. Простая девочка, которая поступит в какой-нибудь институт, получит там какую-нибудь профессию, устроится на какую-нибудь работу, выйдет замуж за

какого-нибудь парня и проживет какую-нибудь жизнь. Все, как у всех.

– А ты у нас, конечно же, необычная! – я плююсь сарказмом. – Ты у нас поступаешь не в какой-нибудь институт, а в Гарвард, получаешь не какую-нибудь профессию, а бизнес-менеджера, устраиваешься не на какую-нибудь работу, а продолжаешь дело отца.

– Именно. – Она делает еще глоток. – Видишь какие мы с тобой разные, Максим? Между нами пропасть.

Я зло смеюсь.

– Скажи, а замуж ты за кого выйдешь? Очевидно, что не за «какого-нибудь парня». Егор у нас – «не какой-нибудь»?

Кристина поджимает губы.

– Я не думаю о замужестве.

– А о чем ты думаешь, Кристина?

Я медленно направляюсь к ней. Огибаю стол, подхожу в упор, наклоняюсь к Кристине, облокотившись одной рукой на стол. Девушка поворачивается на стуле в мою сторону и поднимает на меня лицо. Глаза в глаза – и я снова теряю самообладание. Она так близко...

– Так о чем же ты думаешь? – Мой голос предательски хрипит.

Кристина, должно быть, слишком пьяна, потому что ее слова повергают меня в шок.

– С тех пор, как ты появился, только о тебе.

Нет, все-таки она не много выпила, потому что следую-

щее, что она говорит, в ее репертуаре.

– Думаю о том, какой ты обычный, пресный и ничем не выделяющийся из толпы. Такой же, как твоя Оля. Вы с ней будете идеальной парой. Идеальной серой массой. А между мной и тобой всегда будет пропасть.

Наверное, меня должны задеть ее слова, но почему-то этого не происходит.

– Это ты себя пытаешься убедить?

Она молчит. Дышит тяжело, смотрит пристально. Я склоняюсь к ней еще ближе, вторую руку кладу на спинку стула так, что она оказывается заблокирована.

– Зачем ты приехал, Максим? – ее голос совсем тихий. – Жил бы себе спокойно в своем родном городе. Нам не нужна была эта встреча...

– Кристина, – я не могу удержать себя и провожу пальцами по ее лицу. Но она не отстраняется, – все эти пропасти только в твоей голове.

– Ты же сам знаешь, что нет. Что слишком многое нас разделяет.

– Ты это себе сама все придумала.

Я уже не очень понимаю, о чем мы говорим. Кристина очевидно пьяна. Трезвой она бы такой разговор не начала. Трезвой она бы вообще со мной никакой разговор не начала. Неожиданно она встает со стула, но я не отстраняюсь, чтобы дать ей больше места. Мы стоим слишком близко. Я снова чувствую ее запах. Розы и немного жасмина.

– Иди к своей Оле, – она цедит сквозь зубы и разворачивается, направляясь к выходу.

Когда Кристина уже в дверях, я говорю ей, сам не зная, зачем.

– Она не моя. И это было не свидание, а просто дружеская прогулка двух одноклассников. Она показала мне пару мест в Москве. Вот и все. Мы не встречаемся.

Зачем я оправдываюсь???

Кристина замирает в дверном проходе и поворачивает ко мне голову. Мне показалось или в ее глазах действительно стоят слезы?

Секунда, две, три.

Она все еще так и стоит спиной ко мне в пол-оборота. На ней те же джинсовые шорты и синяя майка, что в нашу первую встречу. Кристина пристально смотрит, и, мне кажется, я слышу, как двигаются шестеренки в ее голове.

– Мне все равно, Максим. Делай, что хочешь.

И она уходит. Тихо, как кошка.

Глава 15. Скарлетт

Через пару минут, решая, что она уже поднялась к себе, сам направляюсь в свою комнату. Зачем-то закрываю дверь на ключ, хотя никогда раньше так не делал. Мне душно. Открываю настежь окно. Морозный зимний воздух бьет в лицо, отрезвляя. Через три недели Новый год. Мой любимый праздник, вот только в этой новой жизни я совсем о нем забыл.

Опускаюсь на стул, включаю ноутбук. Захожу во «Вконтакт». Я так погряз в учебе, что забил на соцсеть. Во входящих множество сообщений от старых друзей. Почти все они обвиняют меня в том, что я уехал и забыл про них. Мне стыдно признаваться, но это правда. Даже не помню, когда уже последний раз разговаривал с кем-то из них по скайпу. Отвечаю некоторым из друзей, что приеду на новогодние праздники, и мы зажжем, как в былые времена.

Но отнюдь не для переписки со старыми приятелями я открыл ВК. Захожу в свои друзья, нахожу там Егора (он добавился ко мне в первую неделю нашего знакомства), перехожу на его страницу. Семейное положение – влюблен в Кристину Морозову. Захожу к ней. Первый раз за все время. Я хотел раньше, но всегда запрещал себе.

Сразу видно, что фотография на аватарке не постановочная, а живая. Явно кадр сделан в моменте. Кристина спуска-

ется по ступенькам от какого-то здания. На ней черные ботильоны на каблуках, черные колготки и длинное бежевое пальто, перевязанное на талии поясом. Шоколадные волосы собраны в тугий хвост и красиво блестят на свету, на губах ее традиционная красная помада, глаза закрывают широкие солнечные очки. Она прижимает к уху телефон. Время года – явно поздний сентябрь. Еще солнечно, но уже прохладно.

Листаю фотографии дальше. Их не много. Почти везде только Кристина. Ни одной фотографии с Егором, Викой или кем-то еще из друзей. Хотя у того же Егора с Морозовой совместных снимков до фига.

Смотрю дальше. День рождения 25 мая. Ровно на месяц позже, чем у меня. Сестра – Виктория Степанова. Тут меня пробирает смех. Вспоминаю, как Егор на вечеринке у Вики говорил, что девушки действительно считают себя сестрами.

В разделе «Жизненная позиция» заполнено только поле «Вдохновляют». И меня удивляет то, что я там вижу – «Скарлетт О’Хара».

Кристину вдохновляет главная героиня «Унесенных ветром»? Книгу я не читал, лишь в детстве с бабушкой и мамой отрывками видел фильм. Пытаюсь вспомнить сюжет, но не получается. Вроде что-то про войну. Ладно, потом пересмотрю.

Читаю дальше. Любимые фильмы – «Игра на понижение, Фрост против Никсона, Власть, Волк с Уолл-стрит, Вся президентская рать и другое кино про политику и бизнес». Ну

да, какие еще фильмы могут нравиться Морозовой. Не про любовь же.

Любимые книги – Рэй Далио «Принципы», Стивен Р. Кови «7 навыков высокоэффективных людей», Эрминия Эбарра «Действуй как лидер, думай как лидер», Дэниэл Гоулман «Эмоциональный интеллект», Маршалл Голдсмит «Прыгни выше головы!».

Я не читал ни одну из этих книг. Гуглю каждую. Это все бизнес-литература.

Господи, как сюда могла затесаться Скарлетт О'Хара? При том, что «Унесенных ветром» нет ни в списке любимых фильмов, ни в списке любимых книг.

А теперь самое интересное. Любимые цитаты.

Don't tell me what I can't do (John Locke, Lost)

Время, проведенное в мечтах, – потерянное время (Уборщик в "Клинике")

Самое высокое наслаждение – сделать то, чего, по мнению других, вы не можете сделать (У. Беджот)

Я не терпел поражений. Я просто нашёл 10 000 способов, которые не работают (Томас Эдисон)

Думаю, меня сложно назвать упертым человеком, но факты говорят обратное. В тот год, когда мне исполнилось пятнадцать лет, я сходил, наверное, на 160 разных прослушиваний и проб, однако не получил ни одной роли (Леонардо ДиКаприо)

Ну да, конечно, цитаты тоже далеко не про любовь. Хах, а она смотрела сериалы Lost и «Клиника». Да, я тоже помню эти цитаты оттуда. Такое неожиданное открытие меня радует. Наверное, потому что пока это единственное общее у нас.

Еще раз пробегаю всю информацию. В итоге понимаю, что меня не удивляет ничего, кроме Скарлетт О'Хара. Что же такого в этом персонаже, что Кристина им вдохновилась? Вроде обычная героиня любовного романа. Или нет?

На часах 23:30. Захожу в WhatsApp и пишу Оле.

«Спишь?»

Ответ приходит тут же.

«Неа»

Сразу звоню. Оля отвечает после первого же гудка.

– Самойлов, тебе страшно засыпать после Булгакова? Боишься, что во сне за тобой придет Воланд? – Она смеется в трубку.

– Оль, я хотел у тебя спросить. Ты читала «Унесенных ветром»?

– Конечно.

– А что из себя представляет главная героиня Скарлетт О'Хара?

– Ты решил мне позвонить почти в 12 ночи, чтобы поговорить о Скарлетт О'Хара? – Оля снова заливается смехом.

Только сейчас я понимаю, насколько странно выглядит мой звонок.

– Ты удивишься, но да.

– Кхм, – Оля становится серьезной, – ладно, не буду спрашивать тебя о причинах. Видимо, они действительно есть. – Она все-таки издает один смешок и продолжает. – Ну, если коротко, то Скарлетт – это пример сильной женщины. Она одна тянула на себе большую семью, пережила голод и войну. И такую девушку можно было бы только похвалить, если бы не те средства, которыми Скарлетт добивалась своих целей. Например, для спасения родового имени она отбила жениха у сестры и вышла за него замуж, выманила у него деньги и заплатила налог за дом. Вообще, замужем она была три раза. Первый – назло возлюбленному, второй – тот самый жених сестры, третий – по расчету за главного мерзавца Атланты. Но хотя бы третьего она в итоге полюбила, а он так ее вообще всегда любил. Еще она после войны запустила свой бизнес – лесопилки. А это по тем временам для замужней женщины было недопустимо. Про Скарлетт говорили, что она позорит семью. Еще она водилась с янки, которые выиграла ту самую гражданскую войну, и из-за этого аристократия юга ее тоже осуждала. В общем, короче говоря, Скарлетт О’Хара нарушала все мыслимые и немыслимые устои того общества, чтобы добиться своей цели. И плевать ей было на мнение окружающих.

Девушка закончила свой спич, и я на секунду задумался.

– А тебе, Оль, нравится Скарлетт?

– Скорее нет, чем да.

– Почему?

– Не считаю, что цель оправдывает средства. Идти напролом, перешагивая через все и всех, – не по мне. – На несколько секунд у нас возникает молчание. – Максим, я могу все-таки поинтересоваться, с чего вдруг почти в 12 ночи ты решил поговорить о героине «Унесенных ветром»?

Черт, нужно было заранее придумать правдоподобную причину звонка.

– Да вот, решаю, какой фильм посмотреть. Наткнулся на «Унесенных ветром». Вспомнил, что там вроде какая-то необычная героиня.

Знаю, тупо, но это первое, что пришло мне в голову. Оля снова смеется.

– Максим, ты удивляешь меня все больше и больше. Как ты вообще мог наткнуться на «Унесенных ветром»? Ты выбираешь среди любовных мелодрам?

– Ээм, нет, просто хочу посмотреть старое классическое кино. Выбирал среди них.

– Ладно, Самойлов, смотри, потом поделишься впечатлениями. А я уже спать ложусь.

– Хорошо, Оль, – я легко смеюсь ей в ответ, – спокойной ночи.

– И тебе.

Я кладу трубку, тяжело вздыхаю, набираю в поисковике «Унесенные ветром смотреть онлайн», поудобнее располагаюсь на кровати, засовываю в ноут наушники и нажимаю

«play».

Глава 16. Необычный день

Все воскресенье я перематываю в голове наш с Кристиной диалог на кухне. Ее слова одновременно и ранят, и дают надежду. Она, безусловно, была пьяна. Но, как любит говорить мой дед, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Но, с другой стороны, люди часть по-пьяни говорят или делают то, о чем сильно жалеют, когда протрезвеют.

Означает ли это, что, будучи трезвыми, они подсознательно мечтали о том, что совершили в состоянии алкогольного опьянения? Ответа на этот вопрос у меня нет, поскольку сам я не пью. Алкоголь пробовал пару раз в жизни, но как-то не пошло. Плюс тренер по каратэ, когда узнал, вздрючил так, что нового желания не возникает до сих пор.

Моя дилемма разрешается сама собой, когда вечером к нам снова приходит Егор. Сначала они с Кристиной сидят в гостиной, все так же в обнимку, но, увидев меня, девушка демонстративно предлагает Кузнецову уединиться в ее комнате. Я не хочу думать о том, чем они там занимаются, но ситуация говорит сама за себя: у Кристины ко мне ничего нет.

Уже почти перед сном я получаю сообщение от Оли:

«Ну что, посмотрел «Унесенных ветром»?»)»

«Ага»)»

«И как тебе?»)»

«Я думаю, что такие, как Скарлетт О'Хара, идут далеко,

но в одиночестве»

«Наверное, ты прав»

Минуту я туплю. Что еще написать Оле? Она все еще онлайн. Ждёт от меня продолжения диалога? Еще пару мгновений сомневаюсь и все же решаюсь. Была – не была.

«Слушай, Оль, я же тебе задолжал билеты, кофе и пончики. А я ненавижу быть в долгу!) Хочу вернуть все три пункта)))»

«Самойлов, надо же какой ты порядочный! Представь себе, я тоже ненавижу, когда мне кто-то что-то должен, а не возвращает!) Так что с радостью приму обратно)))»

«Это замечательно! Когда?)»

«Лучше на выходных. По будням после школы у меня репетиторы. Кстати, я бы еще в твой список долгов добавила какое-нибудь интересное место) или даже два!»

«С этим сложнее. Я же в Москве ничего не знаю((»

«Чувак, у тебя есть Гугл)»

«Что правда, то правда. Тогда до выходных я изучу Москву, и честно-честно все верну. И даже больше!»

«Оу-оу, полегче с обещаниями))) Меня ведь сложно удивить) Я в Москве почти все видела)»

«А я найду способ!»

«Ну посмотрим-посмотрим)))»

«Обещаю, Мелани!»

«Чтооо??)»

«Мелани! Я думаю, ты похожа на Мелани из «Унесённых

ветром»

«Приму это за комплимент) А ты у нас кто? Ретт Батлер?)»

«Не думаю. Но в то же время и не Эшли Уилкс. Думаю, моего прототипа нет в романе))»

«Тогда к нашей встрече по возврату долгов я подумаю, кем бы ты мог быть из классической литературы) А то непорядок, что у меня есть прототип, а у тебя нет)»

«Идёт!»

«Спокойной ночи, Самойлов»

«И тебе)»

Я валюсь на кровать и накрываю ладонями лицо. Вот что я только что сделал? Пригласил Олю на свидание, чтобы выбить из головы Кристину? Клин клином? Не мудак ли я, использовать для этого другого человека? Ладно, подумаю об этом завтра.

Боже, я что, уже цитирую Скарлетт??? Докатился, блин. Надо срочно перекрыть эти розовые сопли каким-нибудь нормальным фильмом. Например, «Бойцовский клуб» пересмотреть.

Ладно, хватит париться правилами морали. Может, я сам Оле не понравлюсь. И вообще – одно свидание еще ничего не значит. В конце концов, если походу что-то пойдет не так, всегда можно перевернуть все в дружескую встречу. Я же не говорил ей «Оля, я приглашаю тебя на свидание». Хотя, конечно, мы оба понимали, что речь именно о нем.

Следующие дни в школе проходят обычно. Мы с Олей хоть и стреляемся в друг друга взглядами и улыбками, но держимся по отдельности. Я, как всегда, с Егором и компанией, а она с братом Никитой и его друзьями из параллельного класса.

В среду по дороге в школу, как только Вика садится в машину, она сразу начинает странный разговор, в котором я не понимаю вообще ничего.

– Кристина, в пятницу...

– Я помню.

– Ты поедешь?

– Конечно.

– А можно мне с тобой?

Кристина на мгновение зависла.

– Ты уверена, Вик?

– Да, я хочу.

– Я не сомневаюсь в том, что ты хочешь. Но сможешь ли ты? В последний раз, когда ты со мной ездила...

– С последнего раза прошло два года. – Вика очень нервно перебивает Морозову. – Все будет нормально. У меня уже давно все под контролем. Ты же знаешь.

Кристина на несколько секунд задумывается и отвечает:

– Ладно.

Я замечаю, как Егор наблюдает за своей девушкой в зеркало дальнего вида. Он почему-то напрягся.

– Я вас отвезу, – говорит Кузнецов.

– Спасибо, – отвечает Кристина.

Естественно, я один не понял, о чем они говорят. Но такие ситуации в машине не редкость. Эти трое часто говорят о вещах, людях или ситуациях, о которых мне неизвестно. Обычно Кузнецов мне потом поясняет, о чем шла речь, но сейчас он упорно молчит, глядя лишь на дорогу и иногда через зеркало на Кристину.

Ладно, по фиг. Мало ли куда две подружки собрались в пятницу вечером. Мне точно не с ними. Мне надо будет прорабатывать маршрут для свидания с Олей. А это в моем случае не просто. Поисковики по запросу «Что посмотреть в Москве» выдают список самых популярных и всем известных достопримечательностей. В какой-то момент я так отчаялся, что даже хотел спросить совета у Егора. Он же говорил мне на Викиной вечеринке, что устраивал для Кристины много интересных свиданий. Но потом я решил, что все-таки не буду. Не хочу вести Олю туда, где была Кристина. С Егором.

Утро пятницы тоже начинается необычно. Когда я выхожу на завтрак, замечаю, что дверь в комнату Кристины приоткрыта. Это уже само по себе необычно, потому что она ее всегда наглухо закрывает. Видимо, чтобы я ненароком не подсмотрел. А может, и привычка у нее такая.

Но тут из-за приоткрытой двери я слышу голос отчима.

– Дочь, я сейчас поеду. Отложил утренние дела. Вечером с тобой не смогу.

Мне кажется, за два месяца моей жизни в этом доме, я первый раз вижу, чтобы Игорь Петрович заходил в комнату к Кристине. Но даже и не это удивительно. Он отложил утренние дела! Это что же такого важного случилось, что отчим откладывает дела?

На мгновение я зависаю в коридоре, подслушивая разговор.

– Хорошо, пап.

– Если хочешь, не ходи сегодня в школу.

???

– Да не, пап, пойду. – Кристина шмыгает носом. Она плачет?

– Уверена?

– Да. Вика же еще. Мало ли, как она сегодня будет себя чувствовать.

Отчим тяжело вздыхает.

– Ох, Вика-Вика. Бедный ребёнок.

– Она вроде уже контролирует ситуацию. По крайней мере в последнее время с ней ничего не случилось. Но все равно прослежу сегодня за ней.

– Проследи. Хотя, конечно, это не ты должна делать, а ее родители.

– Пап, ну ты же понимаешь...

– Да понимаю. Ладно, Кристин. Смотри сама сегодня не раскисни.

Я не слышу, что ему отвечает дочь, потому что спешу

вниз, пока меня не заметили. Отчим на завтрак не остается. Кристина за столом уткнулась в тарелку и молчит, хотя мама пытается завязать с нами разговор. Я замечаю, что под слоем тонального крема и пудры глаза Морозовой припухли.

В школу мы тоже едем в гробовой тишине. А перед первым звонком Егор мне и вовсе говорит, что домой мне придётся возвращаться на такси, потому что прямо после уроков он отвозит Кристину и Вику в одно место. Мне все же любопытно, что сегодня такое происходит. Тем более что на обеде вся компания подозрительно молчаливая. Даже Серега с Аленой почти ничего не говорят.

Уже часов 8 вечера, когда я получаю неожиданный звонок от Егора. Я как раз завершаю продумывать сценарий свидания с Олейниковой, и мои мысли заняты только этим.

– Макс, ты дома??? – ревет в трубку Кузнецов, едва я успеваю сказать ему «Алло».

– Да, а что случилось? – мне не нравится его голос. Слишком встревоженный, я бы даже сказал, что в панике.

– Срочно зайди в комнату Кристины, справа от двери у нее будет комод, там в последнем ящике... – Он не успевает договорить, потому что на заднем фоне я слышу голос Морозовой, который вопит, что не справа от двери, а слева. А потом Кристина и вовсе выхватывает трубку.

– Максим, прямо сейчас иди в мою комнату, – она говорит спокойно, но в голосе ощущается напряжение. Будто она пытается сдержать в себе панику.

Я пулей вылетаю из своей спальни и врываюсь к Морозовой.

– Где у тебя тут свет включается? – Я не могу нащупать выключатель.

– Справа наверху. Нашел?

– Да. – Я не успеваю осмотреть комнату Кристины, в которой, к слову, я оказался впервые за все время проживания в этом доме, потому что девушка продолжила говорить. – Видишь слева бежевый комод?

– Да.

– Открой последний ящик.

– Открыл.

В ящике лежит какое-то девчачье барахло. Шкатулочки, маленькие куклы, резинки для волос, несколько розовых тетрадок, фломастеры.

– Видишь сиреневую шкатулку?

– Да.

– Открой.

Я повинуюсь. Из-под крышки тут же выпрыгивает балерина и крутится. Шкатулка поет красивой мелодией.

– Подними панель с балериной.

– Поднял.

– Видишь ключ?

– Да.

Шкатулка оказалась со вторым дном. На нем действительно лежит ключ.

– Теперь иди в мою ванную и сними крышку унитаза.

На секунду я завис. Я, кстати, не знаю, где ванная Кристины. В ту, которая на втором этаже возле моей комнаты, она не ходит. На первый этаж тоже. Я пару раз думал о том, где Кристина моется, но так и не узнал. Может, на третьем этаже у отца?

– А где твоя ванная?

– В моей же комнате. Посмотри на противоположную от комода стену, увидишь дверь.

Я оборачиваюсь. За мной действительно открыта дверь, за которой виднеется джакузи. Я прохожу в ванную, нащупываю выключатель.

– Ты сказала, поднять крышку унитаза?

– Да.

Ситуация удивляет меня все больше и больше, но я решаю пока не задавать вопросов. Я пытаюсь сдвинуть крышку, но не тут-то было. Она очень тяжелая, будто чугунная. Когда у меня все-таки получается ее поднять, я офигеваю.

В воде находится мощный металлический сейф.

– Видишь сейф? – спрашивает девушка, явно услышав, как я сдвинул крышку.

– Да.

– Открой ключом.

Я засовываю ключ в личинку, поворачиваю два раза, дверца открывается. Перед моим взором предстают несколько пачек долларов и пятитысячных российских рублей, пара

бархатных мешочков, в которых в кино хранят бриллианты, пистолет с глушителем и какие-то ампулы со шприцами.

Такую картину можно увидеть разве что в американских фильмах...

– Открыл? – нетерпеливо спрашивает Морозова, когда я зависаю над содержимым сейфа.

– Да.

– Видишь там лекарство в ампулах? И шприцы?

– Да.

– Возьми их и привези срочно к Вике. Максим, постарайся, пожалуйста, побыстрее. Нам срочно нужно это лекарство. У Вики срыв. – Она запнулась, а где-то на заднем фоне я слышу странный вой чьего-то голоса. – Только закрой сейф, верни на место крышку и спрячь обратно ключ.

– Хорошо, сейчас вызову такси и приеду. Адрес помню.

– Такси ждать долго, – тараторит Морозова. – Бери мою машину. Она уже отремонтирована, стоит в гараже. Ключи на письменном столе.

– Но у меня же нет прав...

– Мою машину не останавливают. Пожалуйста, быстрее, Максим, нет времени ждать!!!

Мда, а Серегин отец хорошо их всех прикрывает. Но вслух я говорю другое.

– Окей, скоро буду.

– Максим, спасибо, – спустя короткую паузу более тихим и спокойным голосом говорит Кристина. На секунду мне ка-

жется, что я слышу искреннюю благодарность в ее интонации.

– Пока не за что.

– И не говори ничего родителям.

– Не буду. – Обещаю я и отключаю звонок.

Закрываю сейф, ставлю на место крышку унитаза, возвращаю ключ в шкатулку. Уже собираясь выходить, я все-таки не могу удержаться от того, чтобы не рассмотреть внимательнее комнату Кристины.

Ее дверь всегда была для меня плотно закрыта.

В голове до сих пор засели слова сводной сестры, сказанные мне в первый день:

«Это моя комната. Без стука не входить. А лучше вообще никак не входить».

И вот, моя дорогая, ты сама попросила меня переступить свой порог.

Комната больше, чем у меня. Широкая кровать с балдахином в персиковых цветах, зеркальный шкаф на всю стену, широкий подоконник с подушками, на котором, наверное, удобно читать. Письменный стол с компьютером завален книгами и тетрадями, а на уже увиденном мною бежевом комодe стоят несколько фотографий в рамках.

Я непроизвольно подхожу к ним. На одной из фото изображен молодой отчим в сером костюме под руку с девушкой в свадебном платье. Фотография цветная, но видно, что довольно старая. Наверное, это фото со свадьбы родителей

Кристины. На другой портрет той же девушки. Я внимательно разглядываю лицо. Те же шоколадные волосы и те же большие голубые глаза. Только смотрят они с теплотой и любовью, а не с холодом и презрением, как у Кристины. Сводная сестра очень похожа на свою мать.

На следующей фотографии отчим и его жена уже чуть постарше держат за руки маленькую девочку в школьной форме и с бантиками. Я внимательно смотрю на маленькую Кристину. Она улыбается счастливой беззаботной улыбкой. На мгновение лицо девочки мне кажется смутно знакомым.

Впрочем, его взрослую версию я сейчас вижу каждый день, так что ничего удивительного.

Но больше маленькой Кристины мое внимание привлекает другое. Все трое явно стоят на фоне школы, вот только не нашей. У нашей нет такого зеленого забора и здание трехэтажное, а тут двухэтажное. Кристина ходила в другую школу? Надо же, а я думал, что она в этой блатной с первого класса.

Не знаю, сколько я так стою, пока не прихожу в себя. Черт, я торчу посреди комнаты сводной сестры и разглядываю ее интерьер, как будто он поможет мне ее лучше узнать. Опускаю фотографию маленькой Кристины с родителями на место и спешу удалиться.

Что я, в самом деле, как Татьяна Ларина в кабинете Евгения Онегина?

Глава 17. Трагедия

Выгоняю из гаража Audi Кристины и выезжаю за ворота. Хорошо, что у Морозовой отдельный бокс для машины, и отчим с матерью не заметят отсутствие авто, когда вернуться. Впрочем, мама говорила, что сегодня они будут очень поздно, ближе к часу ночи. До этого времени, надеюсь, я уже вернусь.

На пороге Викиного пентхауса меня встречает переположенный Егор. Где-то в глуби дома я слышу странные завывания.

– Привез? – тут же подлетает ко мне друг.

– Да, держи.

Он выхватывает у меня ампулы со шприцами и убегает внутрь. Я стою, как вкопанный, и не знаю, что мне делать. Я имею право пройти за ним? С одной стороны, меня никто не приглашал. Но с другой, я оказал им большую услугу.

Посомневавшись пару секунд, я все же двигаюсь внутрь. В длинном темном коридоре открыта только одна дверь, из которой горит свет и доносятся чьи-то крики. Я аккуратно подхожу и прислоняюсь к косяку. От увиденного мои глаза, наверное, лезут на лоб.

Вика бьется в странных конвульсиях, лежа на кровати. Егор держит ее обеими руками, а Кристина наполняет шприц и, по всей видимости, собирается делать Вике укол.

Егор замечает меня в дверном проеме, но неожиданно не прогоняет.

– Макс, помоги ее поддержать.

Я кидаюсь к Кузнецову и хватаю Вику за ноги. Она извивается и кричит. Это даже не похоже на истерику. Степанова словно пребывает в каком-то трансе. Глаза закатаны, конечности дергаются, из горла издается вой.

Господи, что с ней?

Кристина подходит к подруге и на удивление профессионально ширяет ей иглой в вену. Мне кажется, что Морозова проделывает это не первый раз – слишком четкие и слаженные ее действия.

После инъекции Вика еще минут пять бьется в истерике и постепенно успокаивается.

– Я подожду, пока она уснет, – Кристина обращается ко мне и Егору, явно давая понять, что нам сейчас лучше покинуть комнату.

Кузнецов ведет меня за собой на кухню. Я сажусь на высокий барный стул.

– Чаю? – обращается ко мне Егор.

– Да.

Он включает чайник, достает две кружки, кидает в них пакетики. Я молча наблюдаю за его движениями. Егор проделывает все спокойно, но я вижу в его плечах напряжение. Наполнив обе кружки, он садится напротив меня и задумчиво смотрит на стол.

– Я имею право спросить, что тут происходит? – я все-таки решаюсь прервать затянувшееся молчание.

Егор глубоко вздыхает и откидывается на спинку стула, подняв на меня глаза. Помолчав несколько секунд, друг все-таки говорит:

– Сегодня девять лет, как погибла мама Кристины. Мы ездили на кладбище.

Так, это мне объясняет их странное поведение утром, но все же не отвечает на вопрос, что с Викой. Егор словно читает его на моем лице, потому что продолжает:

– Ты знаешь, как умерла мама Кристины?

– Нет.

Он снова задумчиво замолкает. Вынимает из кружки пакетик, швыряет в мусорное ведро в углу, делает глоток и наконец поднимает на меня взгляд.

– Мама Кристины и мама Вики были лучшими подругами. Настолько, что мать Кристины стала для Вики крестной. Когда-то очень давно их семьи жили в другом самом обычном московском районе. Тогда отцы девочек еще не были так богаты, а Игорь Петрович только-только начинал свой строительный бизнес. Кристина и Вика ходили вместе на танцы, им тогда было по восемь лет. Их матери тоже работали, поэтому забирали девочек по очереди. В тот декабрьский день их должна была забирать мама Кристины. Правда, Кристина сильно заболела и на занятия не пошла, поэтому ее мать отправилась только за Викторой. Путь от студии танцев до дома

лежал через сомнительные и плохо освещаемые гаражи.

Егор резко замолкает, достает из кармана джинсов пачку сигарет и прикуривает прямо на кухне, сбрасывая пепел на блюде от кружки. Я молча наблюдаю за ним эти несколько минут, предчувствуя, что история смерти Кристининой мамы окажется непростой. Докурив, Кузнецов продолжает рассказывать дальше.

– Так вот, путь шел через гаражи. Несмотря на мрачность этого места, там всегда все было спокойно. Через эти гаражи ходили местные жители всего района, и никогда ни с кем ничего не случилось. Один из гаражей был открыт и из него горел свет. Вика зачем-то оторвалась вперед от Ирины Сергеевны и побежала на этот свет. Мать Кристины, не увидев в этом ничего плохого, не стала догонять Степанову. Но в том гараже, судя по всему, происходило что-то не совсем законное, и маленькая Вика это увидела. Преступники заметили девочку, но не посчитали ее за угрозу. А вот когда с гаражом поравнялась Ирина Сергеевна и тоже обернулась на свет, то иметь в свидетелях взрослую женщину они уже не захотели.

Егор снова замолкает и отпивает из кружки. Я к своей за все время его рассказа даже не притронулся.

– В общем, маму Кристины застрелили на глазах у Вики. Я, наверное, перестаю дышать. Егор поднимает на меня глаза. Но это, оказывается, еще не конец истории.

– Недалеко от этих гаражей патрулировали два гаишника. Они услышали выстрел, а потом и плач Вики, и примчались

на него. Но было уже поздно. Мама Кристины была мертва, преступники скрылись. Оказалось, что этот гараж они взломали. Чем они там занимались и что такого видели Вика с Кристининой мамой так и осталось неизвестным. Вика утверждает, что не помнит, что именно происходило в гараже. Лиц преступников она тоже не запомнила, лишь сказала, что их было трое. Убийц так и не нашли, камер там не было. После этого случая у Вики поехала крыша. Ее долго возили по психологам, психотерапевтам и прочим врачам, она лежала в специальных психушках для детей. У Викиной мамы тоже случился нервный срыв, и она закрылась в себе: не могла пережить смерть лучшей подруги. Таким образом, Вика росла почти без родителей. Отец пропал на работе, мать пила, а сама Вика в основном была у врачей. Но с возрастом ей вроде бы стало лучше, но тем не менее до сих пор от стресса ей может сносить крышу, как сегодня. Кристина вколола ей рецептурное успокоительное. Держать его дома у Вики нельзя, иначе она сама себя им заширяет, вот Кристина и прячет лекарство в своем тайнике. Но это еще не все.

Егор снова прерывается, чтобы отпить из кружки. Господи, куда дальше-то?

– Смерть Ирины Сергеевны, как ты видишь, очень по-разному повлияла на Кристину и Вику. Первая резко повзрослела, а вторая поехала. Вику можно оправдать тем, что на глазах у нее восьмилетней застрелили крестную, которую она очень любила, но Кристина потеряла родную мать. Тем не

мене, Кристина чувствует за Вику ответственность. Она реально стала ей старшей сестрой. Можно сказать, что Вику воспитали не ее родители, а Кристина, которая всего-то на несколько месяцев старше Степановой. – Кузнецов переводит взгляд на мое лицо. – Это я отвечаю на твой вопрос о странности их дружбы. Кстати, те два гаишника, которые приехали на выстрел, оказались отцами Сереги и Алены. Так эти семьи и стали знакомы. И чем выше по карьере шел отец Кристины, тем выше подтягивались и отцы остальных. В шестом классе все четверо – Кристина, Вика, Сережа и Алена – пришли в нашу школу. До этого они учились в обычных. Они всегда держались только вместе. В 10 классе я стал встречаться с Кристиной и вступил в их компанию. Сегодня они тоже ездили с нами на кладбище, но после него поехали по своим домам. Мы же с Кристиной отвозили Вику, и в машине ее накрыло.

– Почему вы не вызвали врачей? Или не позвонили Викиным родителям? – Я впервые задаю вопрос.

– Ее родители еще не вернулись из отпуска. Кстати, только пару лет назад мать Степановой наконец смогла излечиться от зависимости. А вызывать врачей Вике лучше утром, если ей будет все так же плохо. Но обычно после этого укола она долго отсыпается, но потом приходит в себя. А врачи бы ее надолго закрыли в больничке. По крайней мере так говорит Кристина. Я еще не был свидетелем Викиных фокусов, но от Кристины был о них наслышан.

Егор замолкает. Я тоже ничего не говорю. Да и что тут скажешь? Я точно не был готов услышать такую историю. Теперь мне понятно, почему Кристина так носится с Викой. Они же совершенно разные и, кажется, их совсем ничего не связывает. Но теперь слова Егора тогда на вечеринке о том, что девушки «сестры» и Кристина «любит Вику» возымели для меня другой смысл.

Затянувшуюся тишину на кухне прерывает телефонный звонок Егора.

– Да, мам, – отвечает он в трубку. – Я еще занят. Да подожди ты, не кричи. Мне вот обязательно сегодня надо быть? А завтра нельзя? Блин, ладно. Хорошо-хорошо, я уже еду.

Он кладет трубку, когда на кухню заходит Кристина. Кузнецов слезает со стула и подошел к своей девушке.

– Малыш, надо ехать.

– Я должна остаться с Викой. Нужно посмотреть, как она будет чувствовать себя утром.

Егор тяжело вздыхает.

– Я не хочу оставлять тебя с ней одну. Давай переложим ее в машину и отвезем к вам домой?

– Нет, Егор, ты что. Ее нельзя тревожить. У нее глубокий сон.

– Блин! – возмущается Кузнецов.

– А почему ты так торопишься?

– Потому что у бабушки в воскресенье юбилей 80 лет. Сейчас набился полный дом ее воронежской родни, и мать

требует, чтобы я немедленно приехал знакомиться со своими многочисленными троюродными братьями и сестрами и двоюродными тетями и дядями, которых никогда в жизни не видел!

– Слушай, Егор, мне не впервой оставаться с Викой вдвоем, когда она в таком состоянии. Если что, я тебе позвоню.

– Ну уж нет. Вдруг у нее галлюцинации начнутся? Или еще что-то? – Кузнецов резко оборачивается ко мне. – Макс, а ты можешь остаться?

Я не успел ответить, потому что меня перебила Кристина.

– Егор, это правда лишнее. И галлюцинаций у Вики не бывает.

– Нет, Кристин, не лишнее, – Кузнецов начинает злиться. – Я не хочу оставлять тебя одну наедине с Викторией. Я сегодня видел, какой она может быть. Макс, – Егор снова поворачивает голову ко мне, – останься, пожалуйста. Тут полно свободных комнат.

Я перевожу взгляд на Кристину. По ее лицу очевидно, что она не в восторге от этой идеи. Я, если честно, тоже. Оставлять Морозову наедине с больной Викторией, признаться честно, мне тоже не хочется. Но и торчать тут вдвоем с Кристиной после нашего разговора на кухне – тоже мало приятного. Хотя, с другой стороны, если мы с ней разойдемся по разным спальням и не будем общаться, то можно. С Олей я завтра встречаюсь в обед, так что с утра успею еще заехать домой.

– Хорошо, я могу остаться. Но завтра утром мне надо бу-

дет вернуться.

– Завтра утром я уже сам приеду, – обещает Егор.

Он целует Кристину и направляется на выход. Я иду его проводить. Уже в дверях он говорит:

– Макс, первое правило клуба...

– Никому не рассказывать о клубе. Егор, я не треплюсь.

Он кивает.

– Я знаю. Просто на всякий случай.

Мы жмем друг другу руки, и он уже почти закрывает за собой дверь, как неожиданно останавливается.

– И еще, Макс, не забывай, что Кристина для тебя сестра и не более.

Я слышу некую угрозу в его голосе. Мне становится неприятно, но я стараюсь не выдать этого. Я хорошо скрываю от окружающих свои чувства к Кристине. Никогда не начинаю с ней разговор первым, не смотрю на нее на людях, не уделяю особого внимания. Я знаю, что поводов для подозрений у Егора быть не может. К тому же ему хорошо известно о ее неприязни ко мне. О том, что происходит между мной и Кристиной, когда мы наедине, я уверен, он не знает. Ни о том, как я спас ее от уродов, ни о том, как переносил через лужу, ни о нашем разговоре на кухне, когда она напилась.

– Чувак, у меня завтра свидание с Олейниковой. Ты о чем вообще? – Я стараюсь придать своему голосу максимум невозмутимости.

– Да? Это отлично, – он мне подмигивает и закрывает за

собой дверь.

Глава 18. Добро пожаловать в клуб

Я еще стою так какое-то время, смотря на входную дверь. Мы с Егором совсем мало знаем друг друга, но за это короткое время он успел стать мне хорошим товарищем. Раньше я никогда не оказывался в ситуации, когда меня начинало тянуть к девушке друга. Кристина ко мне безразлична, поэтому нашей с Егором дружбе ничего не угрожает.

Но что если бы она ответила мне взаимностью? Как бы я поступил, зная о сильных чувствах Егора к ней? Смог бы я, выбирая между другом и девушкой, выбрать девушку?

Из размышлений меня вырывает звук разбившейся посуды. Я спешу на кухню. Кристина что-то уронила, и я наклоняюсь, чтобы помочь ей собрать осколки.

– Егор тебе все рассказал? – спрашивает она, когда я поднимаю несколько кусков разбившейся кружки и иду к мусорке.

– Да. – Я решаю, что нет смысла скрывать.

– Добро пожаловать в клуб, – она горько усмехается.

Я ничего не отвечаю. Кристина тоже молчит. После того, как мы собираем большие осколки и подметаем маленькие, девушка неожиданно просит меня сделать ей чай с мятой. Я удивляюсь ее просьбе и перед глазами снова встает картина на кухне дома неделю назад. Видимо, она думает о том же самом, потому что на мгновение мне кажется, что Кристина

засмущалась.

– Где я могу найти листовой чай и мяту? – спрашиваю, не показывая своего удивления.

– В верхнем шкафчике справа от холодильника.

Хах, где на ее собственной кухне лежат эти ингредиенты, Кристина понятия не имеет. А вот где они у Вики, она знает.

Морозова молча сидит на высоком барном стуле, пока я ставлю чайник, насыпаю в заварник листовой чай и мяту и заливаю их кипятком. Она не сводит с меня глаз. Я бросаю взгляд на настенные часы. Уже перевалило за 11. Надеюсь, когда мама придет в час ночи, ей не придет в голову проверить, как я сплю. Я решил все-таки не звонить родительнице. Кристина просила ничего не рассказывать предкам, а выдумать причину, почему я не буду ночевать, я не смог. Буду решать проблемы по мере их поступления. Позвонит – что-нибудь сочиню.

Я наливаю две кружки чая и сажусь напротив Кристины. Тишина гнетущая, но никто из нас не решается начать разговор.

– Вкусный чай, – она все-таки первой прерывает неловкое молчание.

– Спасибо.

И снова замолчали.

– Где мне лечь спать? – решаю спросить, когда уже почти допил.

– Дверь сразу после Викиной комнаты. Моя, если что, пе-

ред Викиной.

– Хорошо.

Еще через минуту Кристина неожиданно выдает.

– Мою маму звали Ирина. Поэтому я ношу кулон с буквой «И». – Я поднимаю на нее глаза, и девушка мне грустно улыбается. – Ты спрашивал однажды, почему я ношу кулон с буквой «И», если мое имя начинается на «К». Эту подвеску отец подарил маме, когда она родила меня.

И в подтверждение своих слов Кристина достает из-под ворота водолазки золотую цепочку.

– Теперь понятно.

Девушка крутит в своих руках кулон, и я замечаю, как из ее глаз катятся слезы. Я слезаю со стула и направляюсь к ней.

– Эй, ты чего? – Я аккуратно дотрагиваюсь до ее лица. От моего прикосновения Кристина плачет еще сильнее и утыкается мне в плечо. Я аккуратно глажу ее по волосам, пока она всхлипывает.

– Я так устала, Максим, – произносит, заикаясь сквозь рыдания. – Я так устала от всего этого... Вика, Егор... Я так больше не могу. Почему тебя так долго не было, Максим? – Кристина поднимает на меня заплаканные глаза, из которых все еще текут ручьем слезы.

– Разве меня долго не было? – Меня удивляет ее обвинение. Черт, не нужно было рассматривать ее комнату, – я сразу выехал, как закончил с тобой говорить. Ехал даже быстрее допустимого, наверняка придет несколько штрафов...

– Тебя так долго не было... – Она снова утыкается в мое плечо, – я ждала тебя... А ты появился, когда уже стало слишком поздно...

Что, я еще и виноват?? Я примчался по первому звонку, бросив все свои дела!

– Кристина, я приехал сразу, как только вы позвонили, – я стараюсь говорить ровно, не выдавая своей обиды.

– Ты не понимаешь, я не об этом. Ты обещал меня найти и нашел. Но почему так поздно? Я ждала, а потом забыла тебя. Совсем забыла. И когда я от них всех устала и уже все для себя решила, ты приехал. Но уже поздно... Лучше бы ты вообще уже не приезжал. – Кристина громко всхлипывает.

Я оторопел. Она сейчас о чем вообще? У нее случайно не поехала крыша, как у Вики?

– Кристина, я не понимаю. Что ты имеешь в виду? – Я беру ее лицо в руки.

Она смотрит мне в глаза. Еще пару раз всхлипывает, вытерла лицо, громко сглатывает и отстраняется от меня.

– Не важно. Извини. Не бери в голову. – Кристина слезает со стула. – Я пошла спать.

И она удаляется, оставив меня недоумевать на кухне.

Глава 19. За полтора года до встречи с тобой

POV Кристина

Апрель. За полтора года до встречи Максима и Кристины

Еле живая заползаю в дом в половине одиннадцатого вечера. Хочу есть, в ванну и спать. Этот бесконечно долгий день наконец-то подходит к концу. Семь уроков в школе, две контрольные и волейбол, на котором Вике прилетел мяч по башке. Я сама виновата. Отвлеклась на Кузнецова, который решил подождать меня за дверью спортзала, и не заметила мяч, летящий в подругу. Иначе успела бы прикрыть ее.

Крики, слезы, истерика – вот это все Вика очень любит. Нужно было поскорее увезти ее из школы, а то еще вдруг приступ бы начался на глазах у всех. Вот бы народ повеселился, а я бы потом не отмылась от этого позора.

– Ольга Юрьевна, я отвезу Вику к врачу, – бросаю тренеру, уводя подругу за собой в раздевалку.

– Ладно, Морозова. – Строго отвечает она. – Хотя я считаю, что Степановой хватило бы нашего местного медпункта.

Нет, не хватило бы. Если ее сейчас накроет, вы тут все охренеете. Но вместо этого я говорю:

– Лучше все-таки к нашему семейному доктору. Вдруг со-

трясение.

У входа в раздевалку тут как тут мой персональный стеллер Егор Кузнецов.

– Кристин, я увидел, что Вике мячом попало. Вас отвезти к врачу?

– Егор, ей в голову попало, потому что ты меня отвлек, – зло цежу ему, – на фига ты меня караулишь у спортзала?

– Хотел сказать, что у меня есть билеты на...

– Ну вот и иди, раз у тебя есть билеты. У меня нет билетов.

– Я хотел тебе предложить...

– Егор, хватит!

Он осекся. Вика неожиданно тоже прекратила свою истерику и уже внимательно нас слушает. Значит, действительно не так уж и сильно ей прилетело, и она решила разыграть спектакль, чтобы пораньше свалить с тренировки. Хитрюга. Но врачу ее все равно показать надо. Вдруг что.

– Вик, иди переодевайся, – поворачиваю к ней голову.

– Я тебя подожду, Кристин.

Сама невинность.

– Иди, я сказала, – начинаю терять терпение. – Быстро.

Вика разочарованно вздыхает, но все же удаляется. Когда за ней плотно закрывается дверь, я возвращаю свое внимание Кузнецову.

– Егор, прости за эмоции, но я правда не готова куда-либо с тобой идти. И отвозить меня с Викторой к врачу тоже не надо. У меня есть своя машина и свой водитель.

Я не даю ему ответить, потому что тут же ускользаю в раздевалку.

К Викиному врачу ехать далеко. Особенно по пробкам. Светило неврологии почему-то живет и работает на самом отшибе.

– Все в порядке, – говорит доктор и по-доброму улыбается. – Сотрясения нет. Так, легкий ушиб.

– Хорошо, – облегченно выдыхаю я.

– Но все же берегите голову, – предупреждает врач, когда мы уже выходим.

В машине я все-таки не выдерживаю и предъявляю Вике претензии.

– Ну и к чему был этот спектакль?

– Какой спектакль? – И снова невинные глазки я-не-понимаю-о-чем-ты.

– Слезы, истерика.

– Мне стало больно, мяч так неожиданно прилетел...

– Ну если бы ты следила за ним, то не прилетел бы!

– Я следила! – тянет Степанова своим капризным детским голосом и порывается захныкать.

Я никогда не могла устоять перед ее слезами. Ненавижу себя за это.

– Ладно, иди ко мне, горе ты мое луковое.

Подруга укладывается у меня на груди, и я глажу ее по голове. До ее дома, собрав все пробки Москвы, мы добиремся только через два часа. Потом еще полтора часа до Зо-

лотого ручья.

Я не ела со школьного обеда. Я мертвецки устала. Я спала всего четыре часа, потому что нужно было готовиться к контрольным. И я ненавижу все и всех.

Покидав в рот еду прямо из сковородок на плите, что заботливо оставила домработница, я поднимаюсь в свою комнату. Сейчас я сброшу с себя одежду и просто смою этот день.

Но не тут-то было. Не успеваю я включить свет в комнате, как за окном слышится звук гитары, а затем песня группы Quest Pistols.

Каждый сантиметр, каждый край, души и тела...
Все, что пожелаешь выбирай! Все, что ты хотела.
Поцелуй под луной или в платье белом...
Почему же не со мной?

Ты так красива! Невыносимо,
Рядом с тобою быть нелюбимым.
Остановись же! Это – насилие!
Прямо скажи мне, и тему закрыли.

Я стою без сил посреди своей комнаты и просто тихо ненавижу Кузнецова. Но после первого припева все же решаю выглянуть в окно.

– Егор, ты с ума сошел!?! С минуты на минуту отец вер-

нется с работы! – Шиплю на него из окна на втором этаже. – Немедленно прекращай этот спектакль!

Он все же откладывает в сторону гитару.

– Кристина Морозова, ну дай ты мне хотя бы один шанс!!!

Мне кажется, он сейчас заплачет.

– Егор, ну что непонятного я тебе говорю? Не собираюсь я ни с кем встречаться! Ни с тобой, ни с кем-то еще. И дело не в тебе, а во мне. Просто я не хочу. Просто у меня нет такой потребности. Просто у меня другие интересы по жизни: учеба и будущая работа. Все. Я не из тех, кто пускает слюни по мальчикам и мечтает о свиданиях!

– Кристина, ну как я могу помешать тебе учиться?

Я не успеваю ничего ответить, потому что слышу голос приближающегося отца. Черт, хоть сквозь землю провалиться.

– Так, а это что у нас тут за Ромео? – Папа, посмеиваясь, подходит к Егору. В свете фонаря во дворе я вижу, что галстук у отца ослаблен, а пальто расстегнуто. Он поднимает голову наверх и смотрит на меня. Его лицо блестит жирным блеском, как после тяжелого трудового дня. Но, несмотря на усталость, ситуация папу явно забавляет. – А ты, Джульетта, что же гостя дорогого на чай не пригласишь? Он к тебе с гитарой, с песней, а ты... – говорит папа укоризненным тоном, но я вижу, что глаза его смеются.

Я беспомощно вздыхаю. Приличия, будь они неладны.

– Не успела еще.

– Игорь Петрович, разрешите представиться, – начинает Кузнецов, протягивая отцу руку, – меня зовут Егор. Я одноклассник Кристины.

– Очень приятно, Егор, – папа отвечает на его рукопожатие. – Ну, чего стоим? Пойдемте чай пить!

Застрелиться.

Сидим на кухне втроем. Папа ест, мы с Кузнецовым пьем чай. Мои глаза то и дело норовят закрыться, поэтому, чтобы не уснуть прямо тут, приходится поддерживать голову рукой.

– Ну, Егор, рассказывай, какие у тебя намерения по отношению к моей дочери? – Папа спрашивает насмешливым тоном.

– Самые серьезные, Игорь Петрович!

– И что же моя дочь?

– А ваша дочь все никак не соглашается пойти со мной на свидание.

Папа удивленно поворачивает ко мне голову:

– Кристиночка, как же так? – и незаметно для Егора подмигивает мне.

Спокойно, Кристина, спокойно. Вспомни, чему учил отец: правило номер один на переговорах – самообладание. Никогда не выдавай своих настоящих эмоций. Потому что они в любой момент могут быть использованы против тебя.

– Слишком плотный график, пап. Школа, волейбол, репетиторы, стажировка в твоей компании. Как-то некогда, – я

сочувственно улыбаюсь Егору.

Папа пристально на меня смотрит, отправляя в рот кусок мяса.

– Ну, допустим, от стажировки у себя я могу тебя освободить.

О нет, только не это!

– Это нецелесообразно, пап. Тебе на мое место тогда придется нанимать сотрудника. Это дополнительные расходы. А сейчас кризис, наоборот, нужно резать косты. А так в моем лице ты имеешь бесплатную рабочую силу.

Правило номер два – выдвигай перед оппонентом аргумент, который несет для него выгоду.

Отец мгновение молчит, но потом все же продолжает.

– Дочь, скажи, а зачем тебе волейбол в жизни нужен?

– Для портфолио. Если я все-таки решу поступать в западный вуз, то меня туда будут не по ЕГЭ принимать, а по резюме. Один из пунктов в нем – спортивные успехи.

Правило номер три – теперь выдвигай перед оппонентом аргумент, который несет выгоду для тебя. Оппонент должен знать, что ты готов на компромисс, но не в ущерб своим интересам.

Егор смотрит на нас и недоумевает. Наверное, тихо радуется, думая, что понравился моему отцу и тот искренне уговаривает меня пойти на свидание. Вот только Кузнецов не знает, что у нас сейчас с папой игра в «Переговорщика».

Когда мамы не стало, отец заменял мне обоих родителей,

как мог. Его бизнес стремительно развивался и требовал все большего присутствия отца в офисе. Из-за этого папа не мог проводить со мной много времени дома, играть в куклы, катать меня на велосипеде или водить в зоопарк. Но он не хотел полностью сбрасывать меня на няню, поэтому часто брал к себе на работу.

Наверное, со стороны это забавно смотрелось: за круглым столом строгие мужики в деловых костюмах обсуждают важные проекты, а в углу десятилетняя девочка в розовом платье. Вот только в куклы на совещаниях отца я не играла, а внимательно слушала все, о чем говорил папа со своими подчиненными или партнерами. Я и половины их терминов не понимала, но мне все равно было ужасно интересно, и я впитывала каждое слово.

А однажды после тяжелых переговоров, на которых я также присутствовала, папа посадил меня в свое кресло и спросил:

«Дочь, а знаешь, почему я сейчас выиграл в споре?».

«Почему, пап?»., – я покрутилась на его большом кожаном кресле. Уже тогда я подсознательно понимала, что это кресло, наверное, мое самое любимое место во всем мире.

«Потому что я использовал приемы, которые сам выработал за годы работы. О них не написано ни в одной книге. Я их сам придумал».

«И какие это приемы?»

«Когда ты подрастешь, я тебя обязательно им научу!»., –

отец улыбнулся и щелкнул меня по носу.

И действительно с годами научил. Позднее я стала приезжать к папе после школы и, если он отсутствовал в офисе, сидела в его кресле и делала уроки, ожидая, когда отец вернется с выездной встречи. В центральном офисе его компании меня знали абсолютно все: от первого заместителя папы до уборщицы. Поэтому я спокойно могла самостоятельно пройти через турникет, подняться на последний этаж, который занимал отец, и пройти в приемную. У папиной секретарши в холодильнике всегда лежали для меня вкусняшки.

С годами я все больше и больше погружалась в папину работу. Позже у нас появилась так называемая игра «Переговорщик» – когда отец или я вдруг начинали торговаться друг с другом за что-то. Для меня главным было вовремя распознать, что папа затеял игру, и начать использовать его же приемы.

Вот и сейчас. Отца настолько повеселила серенада Егора и мое к ней безразличие, что он решил вытолкнуть меня на свидание силой. Вот только я такое количество совещаний отца посетила, что просто так меня теперь не переубедишь.

– А не много ли у тебя репетиторов? – Отец продолжает наступать, выдергивая меня из воспоминаний.

– Ровно столько, пап, сколько необходимо для того, чтобы дочь Игоря Морозова была лучшей ученицей лучшей школы Москвы.

Правило номер четыре – выдвигай перед оппонентом ар-

гумент, который покажет выгоду для вас обоих.

Отец сверлит взглядом меня, а я его. Ну, пап, давай. Твой следующий ход.

– Учеба и различные достижения – это, конечно, хорошо. – Отец отправляет в рот еще один кусок мяса, – вот только они никогда не заменят человеческого тепла, заботы и близкой души. А иметь рядом поддержку – это уже половина успеха.

На секунду я зависаю. Да, пап, ты мне сейчас поставил шах. Но все-таки не мат.

– Согласна. Но вторая, – я делаю акцент на этом слове, – половина успеха – это все то, чем я сейчас занимаюсь и из-за чего у меня нет времени на свидания. Нельзя сказать, какая из этих двух половин важнее, поскольку обе ведут к успеху ровно на 50%. Я пока выбираю вторую половину.

Правило номер пять – цепляйся к словам оппонента и переворачивай их в свою пользу.

– Возможно, когда-нибудь мое мнение поменяется, и я выберу другую половину, – добавляю в конце.

Правило номер шесть – всегда давай оппоненту надежду. Именно она не позволит проигравшей стороне чувствовать себя ущемленно.

Отец тихо смеется и поворачивает голову к Кузнецову.

– Как видишь, Егор, у моей дочери уже все просчитано. Просто она у меня такая: человек-эксель. На все у нее есть

своя формула. Но, между нами говоря, – папа наклоняется к Егору, прикрывает от меня рукой рот и понижает голос, – я категорически с ней не согласен. Такого молодца и красавца, как ты, она нигде не найдет. Пожалеет потом! И прибежит к тебе, вот увидишь.

Правило номер семь – заставь собеседника почувствовать себя единственным и неповторимым. Лесть обезоруживает куда сильнее аргументов.

Егор грустно хмыкает и кивает головой.

– Спасибо вам, Игорь Петрович, за поддержку. Даже не думал, что вы так хорошо ко мне относитесь.

– Ну что ты, Егор! Я как услышал твою песню, а потом шипение Кристинки на тебя, сразу понял, что она слишком строга. Ладно, молодежь, – отец поднимается с места, – вы как хотите, а я спать. Тяжелый был день.

Папа жмет Егору руку и удаляется к себе.

– Я уже тоже хочу спать, – говорю погрустневшему Кузнецову. – Прости, но я сегодня очень устала.

Парень молча кивает и направляется к выходу. Уже у двери он оборачивается и спрашивает с тоской в голосе:

– Кристин, а у меня совсем нет шансов, да?

Я тяжело вздыхаю. Сейчас я не хочу продолжать игру в «Переговорщика». Егор хороший добрый парень, и у меня нет желания использовать по отношению к нему приемы отца.

По правде говоря, Кузнецов очень даже симпатичный.

Меня не торкает в его присутствии, но я не могу не признать, что внешне он хорош. Высокий блондин с карими глазами, ходит в качалку. Я знаю, что в школе он нравится многим девчонкам. Достаточно зайти на его страницу в ВК и все сразу станет понятно. Постоянно кто-то ему то песни на стену кидает, то картинки. Фотографии в Инстаграме собирают сотни лайков и комментариев – и все от девушек.

– Я не знаю, Егор... – Я не могу смотреть ему в глаза и опускаю их в пол. – Может, когда-нибудь попозже. Но точно не сейчас. Мы заканчиваем 9 класс, нужно готовиться к экзаменам. А потом на все лето я уеду в Лондон в языковую школу. Смысл сейчас начинать встречаться, чтобы потом на все лето расстаться?

Он делает ко мне шаг и аккуратно, будто боясь меня спугнуть, проводит ладонью по моим волосам. Я не отстраняюсь. Его прикосновение мне не противно, наоборот, даже немного приятно, и я осмеливаюсь снова посмотреть ему в лицо.

– Я готов ждать, сколько нужно, Кристин, – он так грустно улыбается, что у меня сжимается сердце. – Просто скажи, что у меня есть шанс.

Я не знаю, что мною движет в этот момент. Жалость? Или все-таки симпатия к парню? Или, может, стремление утереть нос всем девчонкам школы и отхватить себе первого красавца? А, возможно, желание, чтобы кто-то всегда касался моих волос так же нежно, как Егор сейчас?

Я не знаю. Но тем не менее что-то заставляет меня сказать:

– Давай в сентябре, когда начнется школа, куда-нибудь сходим? Мы вернемся с каникул, будет 10 класс, в котором нет экзаменов, и времени станет побольше.

Мгновение – и Егор словно воскрес из мертвых. Он подхватывает меня на руки и кружит по гостиной. Я не могу сдержаться, чтобы не залиться смехом.

– Хватит, хватит, – голова кружится, но я все еще смеюсь. Искренне и по-настоящему. Как не смеялась уже очень давно.

Кузнецов ставит меня на пол, но не отпускает, а притягивает в свои крепкие объятия. Я обнимаю его в ответ. Он утыкается в мои волосы и мычит:

– Кристина, я самый счастливый сейчас.

– Да подожди ты, мы же еще никуда не ходили.

– Все равно. Я устрою нам самое крутое свидание! Вот увидишь. Я все сделаю, чтобы это было лучшее свидание в твоей жизни.

– Конечно, это будет лучшее свидание в моей жизни, у меня же вообще еще ни одного не было!

– Да? – Егор резко отстраняется и берет в руки мое лицо. – Правда? Это будет твое первое свидание?

– Да, – я улыбаюсь. – Я же говорила, что я не из тех, кто пускает слюни по мальчишкам.

– И ты обещаешь мне, что до нашего свидания ты никуда и ни с кем не пойдешь?

– Обещаю.

– Даже, когда будешь три месяца в Лондоне, – он хитро прищуривается.

– Егор, обещаю. Мое первое свидание будет с тобой. Но не сейчас. Попозже.

– Я буду ждать, сколько угодно... – Он мягко проводит пальцами по моему лицу. От этого прикосновения током меня не прошибает, как обычно такие моменты описывают в книгах, но тем не менее все равно кажется приятным.

– И еще, Егор, – я стараюсь придать своему голосу максимум серьезности, – если мне когда-то придется выбирать между учебой и отношениями, я всегда выберу учебу. Я всерьез рассматриваю поступление в вуз в Америке или Англии. Если я все же решу уехать, не говори, что я тебя не предупреждала.

– Кристина, мы еще не начали встречаться, а ты уже думаешь о расставании.

– Я просто предупреждаю тебя, чтобы потом не было обид. Если я решу учиться за границей, меня никто не остановит.

– Я знаю. Но даже если через два года ты уедешь, я все равно хочу провести их с тобой, – Егор грустно улыбается, и я вижу в его глазах тоску.

– Спасибо, что понимаешь меня. – Я беру его за руку и веду к двери. – А теперь прости, дорогой гость, но я просто дико устала и валюсь с ног. У меня был чертовски сложный день!

– Спокойной ночи, Кристин, – Кузнецов расплывается в счастливой улыбке, поднимая с пола свою гитару.

– Спокойной, – нежно отвечаю я и закрываю за ним дверь.

Но это еще не конец дня. В комнате меня поджидает отец. Он уже переоделся в спортивные штаны и футболку и аккуратно сидит на краю кровати. Отец не часто заходит в мою спальню. В основном мы с ним проводим время на кухне, в библиотеке или на его этаже.

– Папа? А ты чего меня поджидаешь? – Я искренне удивляюсь. Я настолько устала, что заваливаюсь на кровать прямо в одежде.

– У меня к тебе серьезный разговор, дочь, – начинает папа взволнованным тоном.

– Что случилось?

– Мои слова на кухне о заботе и поддержке... – отец запнулся и замолчал.

– Ну, что твои слова? – Мне не хочется снова говорить о Егоре. Я все еще мечтаю принять ванну с лавандовой пеной, а потом крепко уснуть.

– В общем, Кристиночка, я в тот момент был искренен. – Он глубоко вздыхает, – дочь, я встретил одну женщину...

И в этот момент мой мир рушится. Сон как рукой сняло, и я подскакиваю на кровати, вытаращив на отца глаза.

– Что значит «встретил одну женщину»? – Я отказываюсь верить, что эти слова означают именно то, о чем я подумала.

– Кристина, дочка, – отец накрывает своей ладонью мою, – мне никто никогда не заменит твою маму. Но жизнь идет, ты растешь. Скоро станешь совсем взрослой и, может быть, уедешь учиться в другую страну. Ты думала, что тогда я останусь совсем один?

Я молчу. По правде говоря, нет, я об этом не думала. Наша с папой семья состоит из двух человек, и я была уверена, что именно так всегда и будет. Мы вдвоем завтракаем и вдвоем ужинаем, если отцу не надо уехать на работу раньше или, наоборот, задержаться. Но часто приходится делать это и в одиночестве как мне, так и ему. Например, если бы сегодня не пришел Егор, то папа ужинал бы один. Я так устала, что не смогла бы составить ему компанию.

Наш огромный дом мы тоже делим на двоих. Прислуга с нами не живет. Мне принадлежит весь второй этаж, а папе – весь третий. На своем этаже я занимаю только одну комнату, остальные – гостевые и ванная – всегда пустыют. Родственников, которые могли бы приезжать в гости, у нас нет. Вика, если остается у меня с ночевкой, спит со мной в моей комнате. Друзья и партнеры отца на ночь никогда не остаются. Даже семьи Алены и Сережи.

Я вздыхаю.

– И что это за женщина?

– Она работает у нас экономистом. Случайно встретил на новогоднем корпоративе. Очень хорошая и приятная. Не какая-то там охотница за деньгами.

Я хмыкаю:

– Откуда ты знаешь?

– Дочь, ну я же не дурак. Я любого собеседника насквозь вижу. Если бы я не разбирался в людях, то мы бы не имели то, что имеем.

Тут не поспоришь. Отец отличный психолог.

– Ну и кто она? – Я беспомощно опускаюсь на кровать.

– Ее зовут Елена. Как я уже говорил, она работает у нас экономистом. Она очень умная, и, пожалуй, один из лучших экономистов в компании. Ей почти 40 лет. Она из Воронежской области. У нее есть сын, твой ровесник.

– Прекрасно, – я не могу удержаться от сарказма, – ну и что ты думаешь делать?

– Хочу с ней встречаться, а дальше посмотрим.

Я поднимаю глаза в потолок.

– Что ты хочешь от меня услышать, пап? Дочернее благоговение? Его не будет. Но да, ты прав, что, если я уеду, ты надолго останешься один.

Мы оба замолкаем, каждый думая о своем. Я очень люблю отца и, конечно, хочу, чтобы он был счастлив. И папа действительно прекрасно разбирается в людях. Если он говорит, что эта Елена – хорошая женщина и не охотница за деньгами, значит, так оно и есть. Маму не вернуть, и, наверное, мне следовало бы радоваться за отца, вот только все равно щемит в груди.

– Ну встречайся, – наконец выдавливаю я из себя.

Папа мягко улыбается и кивает.

– Спасибо, Кристин, для меня правда важно твое мнение. – Мы еще молчим пару секунд, как вдруг отец переводит тему, – а этот Егор тебе совсем не нравится? Вроде хороший парень.

Я вздыхаю. Отец пытается заменить мне мать не только в вопросах воспитания, но и в душевных разговорах. Я знаю, что многие девочки стесняются говорить со своими папами о мальчиках. Но не я. Я легко могу рассказать отцу, что мне подарили в школе цветы или прислали Валентинку на 14 февраля. Недостатка в поклонниках у меня никогда не было, и отец это знает. Егор просто самый настойчивый из них всех.

– Не знаю, пап. Хороший, да. Я, кстати, когда провожала его, все-таки согласилась пойти с ним на свидание. Но не сейчас, а в сентябре. До этого времени действительно некогда.

Отец громко засмеялся.

– Дочь, ну у тебя график еще плотнее, чем у меня! Даже я еще на сентябрь встречи не планирую.

– Знаешь, пап, мне как-то все эти свидания не очень интересны. Мне куда больше нравится стажироваться у тебя.

– Я очень рад, что ты искренне интересуешься компанией. Когда твоя мама умерла, больше всего жалел, что мы с ней не успели родить сына. Я боялся, что некому будет передать дела. Но ты оказалась вся в меня! – Папа улыбается и мягко

щелкает меня по носу, – так что я спокоен за будущее «Капитал-Строя». А что касается мальчиков, то ты просто еще не встретила того самого.

Меня смешат слова отца. Ну какой еще тот самый?

– А ты думаешь, он существует?

– Конечно, существует! Просто ты его еще не встретила. Но твой герой тебя обязательно найдет! – На этом папа чмокает меня в макушку, желает спокойной ночи и уходит из комнаты.

Я так и остаюсь лежать на кровати в одежде и со слоем косметики. Что-то в его последних словах меня задело, но я никак не могу понять, что именно.

«Твой герой тебя обязательно найдет».

Я кручу эти слова в голове, будто уже слышала их, но никак не могу вспомнить, где.

«Твой герой», «Твой герой», «Твой герой».

Мой герой.

Кажется, я кого-то так однажды назвала. Очень давно в детстве. Только совсем не помню ни кто это был, ни при каких обстоятельствах. Но это точно не мультяшный герой. Кажется, какой-то мальчик. Впрочем, какая разница? Уже давно не детство.

И я так и засыпаю в этот день. В одежде и не смыв косметику.

Глава 20. За полгода до встречи с тобой

Год спустя. Апрель. За полгода до встречи Максима и Кристины.

Мы сидим с Егором на диване в гостиной у меня дома. Я спиной прилегла на его грудь, он обнимает меня за плечи, уткнувшись мне в затылок. Водит носом по шее, волосам, за ухом.

– Малыш, ты мой наркотик, – шепчет.

Вот что мне ему на это ответить? Но, кажется, Егору не нужен ответ, потому что он спокойно продолжает дальше:

– От одного твоего запаха у меня крышу сносит. Хочу целовать каждый миллиметр твоей кожи, – и в подтверждение своих слов он мягко касается губами моего виска, скулы, щеки.

Это приятно. Но больших чувств я не испытываю. Я запрокидываю назад голову и лениво улыбаюсь.

– Кузнецов, мне щекотно...

Егор поворачивает меня к себе лицом и накрывает мои губы. Он целует настойчиво, страстно. Его язык тут же находит мой. Мне нравится. Егор умеет это делать. До меня, кажется, он встречался с тремя девушками. Одна из них была старше на несколько лет, и, как говорит Егор, многому его научила.

Я, наверное, должна ревновать, вот только почему-то совсем не испытываю это чувство. Бывают же не ревнивые люди. Я, видимо, из них.

Чего не скажешь о Егоре. Он жуткий собственник. Не дай Бог на меня кто-то посмотрит. Он постоянно проверяет, не добавился ли ко мне в друзья в ВК или не подписался ли на меня в Инстаграме какой-нибудь новый парень, смотрит, кто лайкает мои фотографии, читает все комментарии к фото. И лучше там не быть лицам мужского пола. Он будет выедать мне мозг очень долго. Кто такой, где познакомилась, почему приняла его в друзья, почему он меня лайкает...

С одной стороны, мне приятно. Он правда меня любит. Я это чувствую всеми фибрами своей души. Но, с другой стороны, меня это душит. Это одержимая любовь, от которой не продохнуть. А иногда мне так хочется сделать хоть глоток воздуха без Егора. Хоть пару дней от него отдохнуть. Но это невозможно, потому что мы учимся в одном классе и живем по соседству.

Я даже к Вике уже с ночевкой поехать не могу, потому что он увязывается со мной. К слову, о Вике. От нее я устала еще больше, чем от Егора. Если последний в моей жизни всего полгода, то Степанова – сколько себя помню. А после трагедии с мамой мне еще приходится о ней заботиться, как о младшей сестре. Я люблю ее по-сестрински, но я устала. Она совсем не взрослеет. Или не хочет. Часто говорит глупости, ведет себя, как ребенок. В какой-то момент я поня-

да, что мне с Викой просто больше не о чем разговаривать кроме шмоток и косметики. Я давно ее переросла. Но самое ужасное, что я не могу от нее отказаться. Не могу просто захлопнуть дверь перед ее лицом.

Я устала от них обоих. Просто до ужаса устала. Моя единственная отдушина среди этих двух скал, зажавших меня в тиски, – компания отца. Вот где я отдыхаю душой и телом. Чертежи новых проектов, переговоры с партнерами, торг за землю с властями, реклама и привлечение новых клиентов... Я по-настоящему кайфую от всего этого.

Обожаю, когда отец берет меня с собой на деловые приемы и представляет, как свою единственную наследницу. Егору, правда, снесло крышу, когда он узнал, что я хожу на вечерние мероприятия, на которых принято целовать девушке руку и приглашать ее на танец. И даже тот факт, что я там с отцом, его не успокоил. Но мне плевать. Я обожаю и эту неформальную часть папиного бизнеса. Моего будущего бизнеса.

Мне нравится, что папа доверяет мне все больше и больше, посвящает в разные тонкости и учит новым приемам, которые сам же и выработал за все годы работы.

– Когда ты займешь мое место, – сказал мне однажды отец, – тебе придется намного сложнее, чем мне. Потому что ты девушка. Вдобавок очень красивая. Это будет твоим как минусом, так и плюсом. Минус в том, что солидные мужчины в костюмах – а строительным бизнесом занимаются имен-

но они – не будут воспринимать тебя всерьез. И именно в этом же заключается и главный плюс: ты сможешь действовать исподтишка.

– Я не хочу, чтобы меня не воспринимали серьезно только потому, что я девушка. – Меня задело слова отца. За мои недолгие 16 лет мне еще никогда не приходилось сталкиваться с сексизмом. – Что мне нужно делать, чтобы меня считали равной?

– Очень много учиться и быть умнее, хитрее, расчетливее их всех. Только тогда ты сможешь обитать с акулами бизнеса в одном бассейне. Помни, Кристина: если ты хочешь победить врага, ты должна выйти за пределы его понимания. А женщине нужно быть в два раза лучше мужчины, чтобы он принял ее за равную. И еще, дочь. Женщине в мужском бизнесе лучше быть холодной. Надеваешь на лицо маску безразличия и вперед. Никто не должен видеть твоей слабости. Дома за закрытыми дверями поплачешь, если сильно захочется.

Ну, последнее для меня не сложно. Я не испытываю понастоящему теплых чувств, наверное, ни к кому кроме папы и семейной компании. Вика и Егор мне дороги, но по-другому. Перед первой я, скорее, испытываю чувство долга, а второй... с ним просто комфортно и удобно. Когда он не начинает душить меня своей любовью.

Егор хороший собеседник, друг, помощник. Ему можно многое рассказать, и он поймет, даст совет. Когда он узнал

про психическое состояние Вики, его это не оттолкнуло ни от меня, ни от нее. Кузнецов в целом просто хороший человек. Добрый, отзывчивый. Про таких говорят «Рубаха парень». Именно поэтому у него в школе полно друзей, а на каждой вечеринке его просят сыграть на гитаре. По-человечески он мне нравится, и я не жалею, что выбрала именно его.

Но... Все же я так устала от них двоих. Сбежать бы подальше и долго-долго не возвращаться.

Именно так я решила поступать в бизнес-школу Гарварда. Одним выстрелом трех зайцев. Получу лучшее бизнес-образование в мире, чтобы ни у одного мужчины-конкурента даже не возникло мысли о том, что я могу быть глупее, и наконец-то дипломатично избавлюсь от Егора и Вики. Никого не бросила, но от всех уехала.

Чисто теоретически Егор может увязаться за мной. Вот только я уверена, что в Гарвард он не поступит. Он не плохо учится, свободно говорит по-английски, но он не работал несколько лет на портфолио, как я.

У папы теперь есть Елена, так что один он не останется. Миловидная женщина. Мне нравится, что она не набивается ко мне в подружки и не пытается стать мне мамой. Минимум общения во время завтрака или ужина. Я не знаю о ней больше того, что год назад рассказал отец. Но мне и не интересно. Иногда она невзначай говорит что-то о своем сыне, но я слушаю в пол-уха. Елена для меня абсолютно чужой че-

ловек, к которому я просто испытываю легкое чувство благодарности за то, что она составляет папе компанию, когда я не могу. Не более.

Но этим апрельским днем мой привычный мир снова пошатнулся. Через пару часов Егор уходит к себе, а папа с Еленой возвращаются домой пораньше, поэтому мы можем поужинать втроем.

– Дочь, у нас для тебя новость, – начинает аккуратно папа.

Когда отец так говорит, это означает, что новость для меня будет плохой. На секунду от пришедшей в голову мысли мне становится плохо: Господи, неужели они с Еленой решили родить ребенка и сейчас объявят мне о ее беременности???

Спокойно, Кристина, спокойно. Вспомни папины уроки. Никогда не показывай своих настоящих эмоций. Никто не должен знать, о чем ты на самом деле думаешь.

– Да, папа? Какая? – Я говорю, как можно спокойнее.

Мы с отцом встречаемся взглядами. Я знаю, он понял, что на мне сейчас маска. Ведь именно он научил меня ее надевать. Я могу обмануть кого угодно, но не родного отца.

– Мы решили, что сын Елены переедет к нам.

Один камень с души падает, но следом появляется новый. Я снова смотрю в глаза отцу и вижу, что он для себя все твердо решил. Иначе не стал бы ставить меня перед фактом в присутствии Елены. Я, конечно, могу предпринять попытки остановить появление в нашем доме сына мачехи, но это бу-

дет сложно. Если бы отец сам сомневался в правильности такого решения, он бы сказал мне об этом наедине, как тогда, когда первый раз рассказал про Елену. Но сейчас ему мое разрешение не требуется.

Ну что же. Рожать не планируют и на том спасибо.

– Ладно, – я безразлично пожимаю плечами.

Но во мне кипят эмоции. Злость, ненависть, страх, боль, отчаяние, безысходность. Этот парень еще не появился, а я уже испытываю к нему всю гамму существующих негативных чувств. Но вида я, конечно, не подаю. На мое лицо очень плотно надета маска безразличия.

Когда-то очень давно в детстве, когда еще была жива мама, я мечтала о брате. Но сейчас он мне уже ни к чему. Да и какой он мне брат? Сын мачехи, не более.

– А как его зовут? – решаю спросить. Врага следует знать в лицо, поэтому мне нужно узнать необходимую информацию.

Отец подозрительно прищуривается. Пытается разгадать, что я задумала. Правильно, папа. Ты сам меня учил наводить справки о человеке перед первой встречей с ним. Но добродушная Елена, естественно, ни о чем таком не подозревает, поэтому радостно сообщает:

– Максим. Он твой ровесник. Всего лишь на один месяц старше. У тебя 25 мая день рождения, а у него 25 апреля. Кстати, через неделю. Он в моей родной Россоши живет.

Спасибо, Елена. Мне хватило бы и одного имени, но чем

больше информации, тем лучше. Фамилию я уже знаю: видела ваш паспорт.

– И когда он приедет?

– Скорее всего, с нового учебного года, – отвечает мачеха.

Дожевав кусок мяса, я максимально невозмутимо спешу удалиться из кухни под предлогом большого количества домашнего задания. Не успеваю я дойти до своей комнаты, как телефон в кармане завибрировал. Смс от папы:

«Что ты задумала?»

«Ничего такого, чему бы ты меня сам не научил;)»

«Мои уроки к семье не относятся»

Мне не нравится слово «семья» по отношению к мачехе и ее сыну. Как-то больно укололо в сердце. Я все еще искренне считаю, что наша с папой семья – это только мы вдвоем.

«Всего лишь хочу навести о нем справки»

«Спроси Елену. Она тебе все о своем сыне расскажет»

«О, нет, папа. Так неинтересно. А я легких путей не ищущу)»

Поверь, я узнаю о нем больше, чем даже его родная мать о нем знает)))»

На это отец мне ничего не отвечает.

А в моем распоряжении больше четырех месяцев, чтобы найти Максима Самойлова во всех соцсетях и досконально изучить его жизнь. И не только по его страничкам, но и по аккаунтам его друзей. Также несколько поисковых запросов в Яндексе «Максим Самойлов Россoshь» или «Максим Самойлов Воронежская область» предоставляют мне полную

информацию о его спортивных и учебных достижениях.

Я смотрю все доступные видеозаписи с его соревнований. Их немного, но мне хватает, чтобы прочувствовать физическую силу Максима даже через экран компьютера. Каждое движение рук и ног, каждый выпад, каждое нападение на соперника – отточены до миллиметра. Преимущественно он бьет ногами. Я мало знаю о каратэ, но мне точно известно, что в этом боевом искусстве работают и руками, и ногами. Тем не менее Максим почему-то всегда делает упор именно на ноги.

Взять хотя бы его последнюю победу на региональных соревнованиях, видео которой я просматриваю сейчас. Соперник делает на Максима выпад рукой, но он успевает пригнуться, а затем резко выпрямляется и дезориентирует противника ногами.

И в этот момент я испытываю дурацкое чувство дежавю... Как будто именно этот прием и именно в исполнении Максима я уже однажды видела, но никак не могу вспомнить, где. Я пересматриваю этот момент несколько раз, пока мне вконец не надоедает это дебильное ощущение, когда у тебя что-то крутится на языке, а ты все никак не можешь вспомнить. Я совершенно точно не ходила ни на какие соревнования по каратэ и в общем-то никогда не была свидетелем драк. Разве что пару раз в детстве, но я их очень плохо помню. Может, я видела такой прием в каком-нибудь фильме? Скорее всего так и есть.

К моменту приезда сводного брата, который на удивление не хотел ехать в Москву и все же согласился на уговоры матери только к середине октября, у меня уже есть его полный портрет: от физических параметров роста и веса до имен девушек, которые в него влюблены и которых он френдзонит.

Самойлов Максим Алексеевич. Рост 185 см, вес 78 кг. Черный пояс по каратэ, трехкратный победитель областных соревнований и двукратный призер. Круглый отличник, но не ботан. Учится на пятерки не потому, что сильно старается, а потому что само так получается. Любимый предмет в школе – алгебра. Не любимый – химия. Победитель районных и областных Олимпиад по русскому языку, обществознанию, физике, алгебре. Лучший друг – Стас Рябов. Вместе ходят на каратэ, но учатся в разных школах. Ближайшие друзья из школы – Алексей Толстов и Роман Миронов. Первый – одноклассник, второй из параллельного класса. Со вторым также вместе был в детском саду и живут в соседних домах.

Любимый фильм Максима – «Бойцовский клуб». Как символично для каратиста. А вообще он любит все фильмы Дэвида Финчера и Кристофера Нолана. Хороший выбор. Из книг читает только классику. Бизнес-литературой не интересуется от слова совсем. Хобби – каратэ, книги и машины. Да, он уже умеет водить механику. Ходит почти на все вечеринки и тусовки своего города, но нигде не пьёт алкоголь. Не курит даже кальян.

Скучно.

В восьмом классе Максим был влюблен в девочку по имени Яна Сафонова, но она его зафрендзонила. Об этом так красноречиво говорит их совместная фотография в ее Инстаграме с подписью «Не имей 100 рублей, а имей 100 друзей».

Начиная с 9 класса, он сам стал объектом внимания женской части своей школы. Это очень легко понять по тем картинкам, которые они ему кидали на стену в ВК. К слову, его стену я пролистала до момента регистрации парня в этой социальной сети. И проанализировала лайки каждого поста. А потом и аккаунты лайкнувших.

В августе он начал встречаться с Анной Репревой. Она на год младше. Конечно, они не ставили никаких семейных положений и даже не выкладывали совместных фотографий. Но вот двоюродная сестра этой девушки была отмечена на фото с Максимом и Анной. И, конечно же, мне обо всем поведала подпись: «Сладкая парочка Самойлов-Репрева и третий лишний».

Спасибо, люди добрые, что так много фотографируете и пишете о других. Без вас я о своем новоявленном братце и половине бы не узнала.

Глава 21. За неделю до встречи с тобой

POV Кристина

За неделю до встречи Максима и Кристины

Я сижу в своей комнате и уже в который раз всматриваюсь на экране ноутбука в лицо Максима Самойлова. Темные волосы, карие глаза, слегка смуглая кожа, добрая улыбка. Я видела эту фотографию уже тысячу раз, но все равно при каждой свободной минуте захожу на его страницу и впиваюсь в нее глазами. Будто она скажет о нем что-нибудь новое. Но больше, чем я уже о нем знаю, я смогу выяснить только при личной встрече. А она, к сожалению, все ближе и ближе.

Я не хочу, чтобы он приезжал. Не хочу впускать в свой дом и в свою жизнь чужого человека. Мне эта Елена никто, почему я должна принимать ее сына? С отцом я приезд Максима за все это время так и не обсудила. На это у меня было две причины: первая – папа уже для себя все решил, а у меня нет желания его переубеждать, вторая – меньше, чем через год я уеду из России. И гори оно все хоть синим пламенем.

Ну, не все, конечно. Папа и наш бизнес пусть останутся. А на остальных по фиг. Когда я уеду, этот Максим лишь останется в моих воспоминаниях. На одной полке с Егором и Викой.

Звонок в дверь. Я поспешно закрываю браузер, опускаю крышку ноутбука и иду открывать. Егор на пороге с огромным букетом моих любимых нежно-розовых пионов. И где только достал в начале октября? Сезон-то в июне.

– Вау, Егор, какая красота! – Я искренне восхищена цветами.

Он проходит в дом и крепко целует меня в губы. Ставлю цветы в вазу и опускаюсь рядом с парнем на диван. Он тут же спешит заключить меня в объятия.

– Малыш, я скучал, – мычит мне в затылок.

– Мы виделись в школе.

– Ты не разрешаешь мне целовать тебя там при всех.

Что правда, то правда. Ненавижу проявление эмоций на людях.

Егор находит мои губы и настойчиво целует. Жадно, томно, будто он задыхается, а я его последний глоток воздуха.

– Я люблю тебя, Кристина. Только тебя одну, – шепчет мне в губы.

Я улыбаюсь и накрываю его новым поцелуем. Это хороший ход, когда не можешь сказать человеку слова взаимности, а он ждет от тебя каких-то действий.

– Егор, я должна тебе кое-что сказать, – отрываюсь от его рта и смотрю прямо в лицо.

– Что такое, малыш? – Он мягко проводит по моей щеке ладонью.

Я глубоко вздыхаю, предчувствуя тяжелый разговор.

– Через неделю к нам переедет сын мачехи. Он наш ровесник и будет учиться с нами в школе.

Невозмутимость и спокойствие Егора, как рукой сняло.

– То есть, с тобой тут будет жить какой-то парень?

– К сожалению, да.

Егор поджимает губы и отворачивается к окну. Молчит, о чем-то напряженно думает. Мне кажется, я слышу, как двигаются шестеренки в его голове.

– Его приезд можно как-то предотвратить? – наконец выдает и серьезно смотрит на меня.

– Боюсь, что нет. Отец твердо решил, что вся семья должна быть вместе. Так что у меня теперь появится брат, – на этих словах я искренне хмыкаю.

– Он тебе такой же брат, как и я, – Кузнецов пытается сдерживать эмоции, но я слышу в его голосе панику.

Ну да, как же рядом со мной теперь будет кто-то еще мужского пола кроме отца и самого Егора.

– Да мне в принципе глубоко по фиг на него, – спешу успокоить парня, – я, конечно, не в восторге от того, что мачеха притащит своего отпрыска, но по большому счету мне наплевать.

– А где он будет жить?

– Не знаю, наверное, в одной из гостевых комнат. Я не думала об этом.

И тут я осеклась. Мне что, придётся делить с ним мой личный второй этаж???

Мы оба замолкаем, думая каждый о своем. Хотя я на 100% уверена, что думаем мы сейчас об одном. Я – о том, что у меня нет ни малейшего желания иметь под своей крышей и на своём этаже бедного родственничка. А Егор – о том, что на меня теперь кто-то будет пялиться в стенах родного дома. Даже не знаю, кому из нас двоих сейчас тяжелее.

– Ладно, – наконец прерывает молчание Кузнецов, – может, еще все не так плохо. Может, он окажется нормальным и действительно примет тебя, как сестру. Может, у него вообще есть девушка, которую он любит так же сильно, как я тебя. В конце концов, я вижу, ты радости от его приезда не испытываешь и друзьями с ним становиться не собираешься.

– Не собираюсь, это точно, – спешу заверить парня.

И девушка у него действительно есть. Вот только вряд ли он любит ее так же, как меня Егор. Иначе бы никогда от нее не уехал. Но этого я ему вслух не говорю.

– Ну, поглядим на него и на его отношение к тебе. В любом случае бить ему морду сразу я не буду. Может, даже получится подружиться с ним. Как говорится: держи друзей близко, а врагов еще ближе! В конце концов, я знаю, как сложно добиться твоей взаимности. У меня на это ушло три года.

– Егор, я только твоя, ты же знаешь, – спешу его заверить.

– Скажи это еще раз, – он довольно улыбается и приближается к моим губам.

– Я твоя, – шепчу и отвечаю на поцелуй.

«Вот только меньше, чем через год, я от тебя с радостью свалю», добавляю мысленно.

У Егора прекрасно получилось успокоить самого себя.

Вот только кто бы теперь успокоил меня?

Глава 22. Дежавю

POV Кристина

Вот уже час я нервно переминаюсь с ноги на ногу, стоя у окна своей комнаты, которое выходит во двор. Я понимаю: от того, что я гипнотизирую ворота, машина быстрее не придет, но все равно не могу заставить себя отойти от окна и заняться делами. Минуты тянутся предательски медленно, и я уже теряю терпение.

Где они так долго едут? Захожу в Яндекс, пробки 8 баллов. Понятно.

Еще 40 минут, прежде чем они приезжают, длятся, как 40 часов. Я сама не знаю, почему жду их. Свою мачеху и ее сына. Какое мне дело до того, что они сегодня появятся? Я, наоборот, должна сейчас смотреть сериал, или читать книгу, или слушать музыку. Что угодно, но только не гипнотизировать двор.

Но вот ворота открываются, машина въезжает, и я наблюдаю, как из нее выходит Елена с сыном. С тем, кого искренне терпеть не могу. Отец распорядился выделить ему комнату почти напротив моей. Хотя, по-моему, этому Максиму подошла бы самая дальняя в конце коридора: 12 метров, кровать, стол, стул, шкаф. Хватило бы с него и такой. Но нет. Новоявленному сыночку нужно побольше места.

«Доча, вот эта комната, напротив твоей, 20 метров, Мак-

сим в ней жить будет». Спасибо, пап. Я теперь буду каждый день сталкиваться с ним лбом.

В холле на первом этаже слышен шум, и я тихонько спускаюсь по лестнице, стараясь не привлекать к себе внимания. Они снимают верхнюю одежду, здороваются с отцом, он за чем-то предлагает Максиму называть его папой. Бред.

Я стою в тени, и у меня хорошо получается рассмотреть профиль Максима. В жизни он еще выше и сильнее, чем на фотографиях. Очень крепкая спина, руки, шея, ноги. Прямой нос, подбородок слегка выпирает вперед. Он напряжен. Как будто почувствовал угрозу, но не подает вида. Неужели заметил меня боковым зрением? Хотя я со своими 170 см и 53 кг вряд ли представляю для него физическую опасность.

– Здравствуй, Кристина, – говорит мачеха, замечая меня в углу лестницы.

– Добрый вечер, – отвечаю ей абсолютно безразличным голосом. Не ты мне сейчас интересна.

– Это мой сын Максим, – она указывает на него рукой.

Вот теперь он поворачивает ко мне голову.

– Привет, – произносит вполне дружелюбно.

Секунда – и наши взгляды встречаются. В жизни его карие глаза еще ярче, чем на фотографиях. На снимках они просто темные, а вот в реальности, да еще и при хорошем освещении нашей гостиной, они имеют глубокий шоколадный цвет.

Я отрываю взгляд от его глаз и скольжу дальше по всему телу, которое теперь могу рассмотреть не только в профиль.

Сильная грудная клетка, сильные плечи.

Красивый, ничего не скажешь. Представляю, какой потерей стал его отъезд для всех деревенских девчонок. Мысленно рисую картину, как сейчас его девушка Анна Репрева наверняка льет слезы, и мне становится смешно. Я стараюсь сдержать этот порыв, но губы все равно предательски вытягиваются в ухмылке.

Кажется, я слишком задумалась и затянула с приветствием. Киваю ему головой. Хватит с него и этого. «Добрый вечер» я уже только что сказала его матери.

– Ну, раз все в сборе, прошу к столу. Вы с дороги, наверное, проголодались, – отец решил разрядить обстановку.

Не спеша, иду на кухню, пока мачеха с сыном проходят в ванную мыть руки. Сажусь на свое место.

– Кристина, только давай без фокусов, – серьезно предупреждает отец.

Я не успеваю ему ничего ответить, потому что на кухню возвращается Елена, а следом и Максим.

Ну что ты, пап, какие фокусы. Всего лишь обозначу ново-явленному братцу его настоящее место.

– Давайте за встречу по бокальчику вина. Детям, думаю, уже тоже можно. Почти совершеннолетние, – обращается отец к своей пассии и тянется разливать алкоголь по бокалам.

Интересно, останется ли Максим верен своему принципу не пить? Или решит не смущать отца и согласится на бокал

вина? Думаю, второе.

– Извините, я не пью. Профессионально спортом занимаюсь, – отвечает, когда папина рука тянется наполнить его бокал.

Непроизвольно от удивления поднимаю на него голову. Ха! Надо же. А свои принципы он все-таки жестко соблюдает. Мог бы ради приличия и сделать сейчас глоточек.

Отец, оказывается, не знал, что Максим профессионально занимается каратэ. Странно, что Елена ему не рассказывала. Папа с искренним интересом расспрашивает его об успехах, а Максим с огромным удовольствием хвастается ими. Позер.

Затем отец переходит к вопросам о дальнейшем обучении и выборе профессии.

– Я бы хотел быть корпоративным юристом, который занимается сопровождением сделок компаний. – Говорит папе Максим. – Желательно международных. Желательно сделок слияния и поглощения.

Меня очень удивляет ответ Максима, и я вскидываю на него взгляд. Обычно все провинциалы, которые хотят поступить на юридический, планируют становиться следователями или прокурорами. За пределами Москвы такие понятия как «сопровождение сделок компаний» и «сделки слияния и поглощения» мало кому известны.

Хм, а он действительно не глуп.

Отец наконец-то заканчивает восхваление Максима и начинает рассказывать про работу. Я уже заждалась. Мэрия не

дает разрешение на строительство нового объекта. Пока я обсуждаю с отцом предстоящий проект, боковым зрением замечаю, как меня изучает Максим.

Мне почему-то неприятен его взгляд. Я чувствую, как он скользит по моим волосам, скулам, губам и даже груди. И, как назло, на мне обтягивающая майка-алкоголичка с глубоким вырезом до самого лифчика.

Хватит на меня пялиться, придурок!!! Я тебе не клоун в цирке!

– Кристина, а покажи Максиму дом. Что да где тут у нас, – неожиданно выдает отец.

Признаться, меня эта просьба застала врасплох. Я резко бросаю взгляд на Максима, потом на отца. Кажется, за эти несколько секунд я испытываю всю существующую гамму негативных эмоций. Пристально смотрю папе в глаза. В них читается твердость и непоколебимость. Мгновение мы ведем с ним немой диалог, а после я сдаюсь и надеваю на себя привычную маску безразличия. Отвечаю, как можно мягче:

– Конечно, пап, без проблем, – и даже получается улыбнуться.

Мы выходим из кухни, Максим следует за мной. Я затылком чувствую его пристальный взгляд. Мне хочется съежиться. Это вызывает во мне какие-то неприятные ощущения.

– Тут холл и гостиная, ты их уже видел, – не глядя на него, машу рукой в правую сторону. – Тут под лестницей ванная, – мы идем дальше по коридору первого этажа. – Здесь библио-

тека, а там спортзал. – Снова указываю руками в разные стороны, а затем резко оборачиваюсь к нему и смотрю в глаза.

И тут меня накрывает странное чувство дежавю. Как будто я уже так стояла с ним и смотрела ему в глаза.

Что за черт?

Некогда сейчас с этим разбираться. Я быстро шагаю мимо него обратно к холлу и поднимаюсь на второй этаж. Он идет сзади, и я шкурой чувствую его взгляд.

– Вот это твоя комната, – указываю на первую дверь второго этажа, – дверь, следом за ней, – ванная. Можешь ею пользоваться. Вот эти три двери – гостевые.

– А вот эта? – Он кивает в сторону моей, располагающейся по диагонали от его.

– Это моя комната. Без стука не входить. А лучше вообще никак не входить. – Снова пристально смотрю ему в глаза и снова чувствую дежавю.

Бред какой-то.

– Не буду, – он слегка усмехается. Ну посмейся мне, посмейся – А что на третьем этаже?

– Там комната моего папы и твоей матери, а также рабочая зона отца: кабинет и переговорные для встречи с партнерами. В рабочую зону нельзя подниматься никому.

– Даже тебе? – Максим вскидывает бровь. Кажется, мальчик решил со мной пошутить, но не на ту напал.

– Мне в этом доме можно все. Но даже я знаю меру, – чеканю сквозь зубы и рывком открываю дверь его комнаты. –

Располагайся, родственничек. Тут для тебя все по высшему разряду.

Максим ничего мне не отвечает и проходит в свою комнату. Смотрит по сторонам, подходит к окну и пытается разглядеть вид. Но его сейчас не рассмотреть, потому что на улице темно, а в комнате горит яркий свет, поэтому он просто пялится на меня в окно словно в зеркало. Затем Максим резко оборачивается и смотрит мне в глаза. Довольно дерзко и самоуверенно.

Мне этот взгляд не нравится. Что он о себе возомнил?

Приближаюсь к нему вплотную и произношу:

– Думаю, нам следует обговорить правила совместного проживания.

Он молча смотрит мне в лицо, и я продолжаю:

– Правило №1: мы с тобой никакие не брат и сестра. Правило №2: ты не треплешься в школе о том, что живешь со мной в одном доме. Правило №3: ты не суешься в мою компанию. Правило №4: ты не разговариваешь со мной на людях. Правило №5: когда ко мне приходят гости, ты не высываешься из своей комнаты. Правило №6...

– Я столько не запомню, – смеется мне в лицо.

И вот снова меня накрывает. Снова чертово дежавю. Как будто я раньше слышала этот смех. Что за фигня происходит???

Я злюсь. Я очень сильно злюсь. Начинаю быстро дышать, пытаюсь умерить ярость.

Мне не нравится это чувство. Несколько раз в жизни оно у меня бывало, но не такое сильное. Сейчас же от присутствия Максима дежавю меня накрывает целыми волнами.

Быстро беру себя в руки и холодно чеканю ему:

– Правило №6: ты на меня не пялишься.

– Когда это я на тебя пялился? – Он искренне удивился.

– На кухне, когда папа рассказывал про свою работу. Думаешь, я не заметила, как ты на меня глазел? Аж забыл, как жевать! – Буквально выплевываю эти слова. Я хочу поскорее убраться из его комнаты. Мне не нравится то, что я испытываю рядом с Максимом.

– Слушай, а ты пялилась на меня, когда я зашел в дом. Причем ты тихо спустилась с лестницы и затаилась, как кошка, рассматривая меня со стороны. Я заметил тебя боковым зрением задолго до того, как мать с тобой поздоровалась.

– Я в своем доме могу смотреть, на кого захочу и сколько захочу. А ты не забывай, что находишься в гостях.

На этих словах я резко разворачиваюсь и направляюсь к выходу. Громко захлопываю за собой дверь и буквально лечу к себе в комнату. У меня нет сил добраться до кровати, поэтому я просто спускаюсь по стенке.

Меня трясет, чувствую, как на лбу выступает испарина. Пытаюсь отдышаться, будто после долгой пробежки. Что это за фигня со мной происходит в его присутствии? Откуда это дурацкое дежавю? Мы совершенно точно с ним никогда не встречались. Почему же у меня ощущение, что я его уже ви-

дела? Может, я слишком долго stalkерила его в соцсетях?

Да, наверняка поэтому. Полгода наводила о нем справки. Навела, молодец. Дура! Какая же ты дура, Кристина! Полгода была им одержима. Вот теперь расхлебывай.

Отец распорядился, чтобы в школу мы с Максимом ездили вместе. Зашибись, ничего не скажешь. Вот только моя машина в ремонте, и я сейчас езжу с Егором.

– Садись назад, – цежу сводному братцу, вместе с которым мы подходим к автомобилю Кузнецова. За эти несколько дней ничего не изменилось, и меня все так же накрывает дежавю в его присутствии.

Егор недоуменно вертит головой.

– Сын мачехи. Будет учиться с нами, – сухо отвечаю на немой вопрос моего парня.

Лицо Кузнецова озаряет понимание, и он оборачивается к Максиму, приветливо протянув руку. Видимо, всю неделю до приезда Максима Егор настойчиво занимался самовнушением, что появившийся у меня сводный брат не несет для наших отношений никакой угрозы. Иначе я не могу объяснить, почему Кузнецов так приветливо с ним общается.

Вике я про Максима не говорила. Как, собственно, и про Елену. Она очень сильно любила мою маму, поэтому новость о том, что ее в нашем доме теперь кто-то заменил, может плохо отразиться на Викином состоянии. Распереживается, начнет вспоминать маму, сорвется. Не надо пока. Рано ей знать.

На Самойлова Степанова ожидаемо запала. Сыплет вопросами, чем дико меня бесит. Я не хочу, чтобы Егор и Вика заводили дружбу с Максимом. Мне достаточно его в моем доме. Еще и в своей компании я его видеть не хочу.

Но не тут-то было. Егор с Викой словно сговорились и везде тянут Максима с нами. Меня это бесит. Даже не столько потому, что он вливается в мою компанию, сколько потому, что в его присутствии я постоянно испытываю ненавистное дежавю.

Я не могу на него не смотреть. Кажется, моя успеваемость в школе скоро ухудшится, потому что на всех уроках я не могу удержаться от того, чтобы каждые 10 минут не окидывать Максима взглядом. Не всматриваться в его лицо, в движение рук, головы. А когда он сосредоточенно смотрит на доску, прищулив взгляд, дежавю накрывает меня словно цунами.

Нужно прекращать эти гляделки, пока Егор не заметил и не надумал себе чего. Кажется, одноклассница Оля Олейникова меня уже спалила. Еще начнет трепаться, что «Морозова не сводит глаз с новенького, запала, наверное». Хотя она вроде за сплетнями никогда не была замечена. Но все же. Мы с ней не подруги, поэтому ей нет смысла держать в тайне эту пикантную информацию.

Я учусь в этой школе с 6 класса, и с самого первого дня моего пребывания в ней никто никогда не обходил меня ни по одному предмету. Даже в параллельных классах.

Никто, кроме Максима Самойлова. Он уделывает меня на

каждой контрольной по алгебре. А еще он явно лучше меня понимает физику и геометрию. Если бы не его почти полное отсутствие знания английского, он бы стал лучшим учеником всей параллели, потеснив меня.

Какого черта?

– Кристиночка, подойди ко мне, – обращается ко мне однажды после урока учительница по алгебре.

– Да, Ирина Александровна? – я сажусь на первую парту прямо перед ее столом. Алгебричка внимательно смотрит на меня поверх очков, будто собирается объявить что-то страшное.

– Я еще не успела проверить все тесты вашего класса, поэтому результаты сегодня не озвучила. Но твой и Максима Самойлова я посмотрела. – Она делает драматическую паузу. – Кристина, новенький мальчик справился лучше тебя. У него 99 баллов, а у тебя 94.

Я молчу, пытаюсь переварить эту информацию. Я знаю, что для многих людей оценки и баллы в школе – это всего лишь цифры. Может быть, это действительно так. Но у меня есть свое маленькое правило: я должна быть лучшей и первой во всем, за что бы я ни взялась. Потому что если я буду проигрывать в такой ерунде, как школа, то потом буду проигрывать и в бизнесе.

– Как мне быть? – Наконец выдавливаю из себя.

– Больше заниматься.

– Но я и так занимаюсь алгеброй на пределе. Больше у

меня просто не получится, – я обреченно вздыхаю.

– Дорогая моя, но ты же понимаешь, что, если и дальше дело так пойдет, учеником года станет Максим, а не ты. Он выполняет задания не только лучше, но и быстрее тебя. Скорость ведь тоже считается.

– Он не станет лучшим в году, – безапелляционно заявляю, – у него серьезные проблемы с английским, к тому же он не участвует в спортивных состязаниях от школы.

– Жюри оценивает не столько участие в спортивных состязаниях от школы, сколько в целом успехи учеников в спорте. Я знаю, что у Максима черный пояс по каратэ, и он является победителем и призером многих соревнований. – Алгебричка замолкает и снова пристально на меня смотрит. – И еще его успехи почти по всем предметам, кроме английского, превосходят твои. Поэтому свое незнание иностранного он легко перекроет достижениями в других дисциплинах.

Я молчу. Учительница тянется за бутылкой с водой, делает пару глотков и возвращается ко мне.

– Иными словами, дорогая, сейчас единственный предмет, по которому ты превосходишь Самойлова – это английский. По всем остальным он лучше тебя.

Это финиш. Мне нечего сказать. Молча киваю алгебричке и удаляюсь.

Как так вышло, что Максим прокрался в мою жизнь и напрочь меня дезориентировал? Егор с ним окончательно

спелся и уже ни капли меня к Максиму не ревнует. Встретил земляка своих предков и почувствовал родственную душу. Даже обидно.

– Я не понимаю, почему я должен согласовывать с тобой, с кем мне дружить, а с кем нет, – очень резко однажды заявляет мне Егор, когда я очередной раз высказываю свое недовольство его дружбой с Самойловым.

– Потому что я твоя девушка, а Самойлов приперся в мой дом!

– Ну и что? Он твой сводный брат! Почему тебе так сложно это принять?

– Он мне такой же брат, как и тебе! – Я уже не сдерживаюсь и кричу.

Кузнецов лишь отмахивается от меня рукой.

– Заканчивай эту дебильную истерику. Он нормальный пацан, и я не вижу причин, из-за которых я не должен с ним общаться.

– А ничего, что он каждый день дома на меня пялится? – Я хитро прищуриваюсь. Пора пускать в ход тяжелую артиллерию.

Егор скептически морщится.

– Ему на тебя вообще по фиг.

Я резко осеклась. Эти слова меня задели, а в сердце что-то больно кольнуло. В то время, как я думаю о Самойлове ежесекундно, ему на меня по фиг. Я ненавижу, что он много в чем меня превосходит, что он очень нравится моему отцу,

что мои друзья от него без ума, что он в конце концов уделал меня в школе практически по всем предметам.

Этот наглец медленно, но верно, похищает мою жизнь!

А еще я ненавижу чувство дежавю в его присутствии. Оно накрывает меня снова и снова. Дома за завтраком и ужином, в школе за обедом, в машине по дороге на учебу, на уроках, когда Максим выходит к доске, а я на него смотрю, или, когда к доске иду я и ловлю на себе его взгляд. Это дежавю всегда и везде.

А отец еще предложил нам с Максимом заниматься английским с репетитором в паре. Да я свихнусь, если он два часа будет сидеть в полуметре от меня.

От безысходности я уже почти смирилась и с дежавю, и с тем, что Максим украл мою жизнь... Но все резко меняется в один день...

Глава 23. Мой герой

POV Кристина

Выхожу из кабинета предподши по английскому, одеваюсь, стараясь не смотреть на Максима, прощаюсь с учительницей и выхожу на лестничную площадку. Пока Самойлов пытается справиться со шнурками, нажимаю кнопку вызова лифта. Неожиданно двери тут же открываются. Отлично. Лифт настолько маленький, и мы с Максимом настолько близко стоим в нем друг к другу, что дежавю меня просто душит. Так что это мой шанс хотя бы минуту подышать спокойно.

Быстро проскальзываю в кабинку и нажимаю на кнопку первого этажа. Внизу все-таки задерживаюсь на пару десятков секунд, чтобы Максим не сильно далеко от меня шел. Я знаю, он гордый и догонять не будет. А уже темно и реально стремно идти одной. К тому же именно так не стало моей мамы. С этим репетитором я начала заниматься в мае, когда уже довольно поздно темнело и ходить было не страшно, поэтому даже не думала, что поздней осенью могут возникнуть такие проблемы.

Слышу, что лифт едет вниз и выхожу из подъезда. Спокойно иду по тротуару, затылком чувствуя взгляд Максима. Он довольно близко. Это хорошо.

– Эй, девушка, маме зять не нужен? – Выкрикивает мне какой-то придурок.

Так, Кристина, спокойно. Не обращай внимания.

– Девушка, а ты чего такая молчаливая? Обидел кто? Так ты иди ко мне в объятия, я тебе быстро настроение подниму! – Ржет второй. Кажется, эти идиоты увязались за мной, поэтому слегка ускоряю шаг.

– Слышь, ты, чо, гордая, да? А ну посмотри на меня! – ревет третий из них и дергает меня за рукав куртки.

Я не успеваю отреагировать, потому что к нам тут же подлетает Максим.

– Руки убрал от нее, урод, – Самойлов со всей силы бьет его в челюсть.

Адреналин резко подскакивает в крови, я вскрикиваю и

отскакиваю в сторону.

Оставшиеся двое набрасываются на Максима, а меня накрывает новое цунами дежавю. Одного из нападающих Максим вырубает ногой по голове, а второго ударом в живот. Я наблюдаю за движениями сводного брата и понимаю: я их уже видела. Вживую.

– А ты кто, такой? Женишок этой телки, да? – ревет один из уродов, доставая нож.

– Убрал нож и свалил отсюда, пока я сам тебя им не прирезал, – Максим буквально выплевывает эти слова, и я замечаю, как от ярости у него на скулах заходили желваки.

А в голове лишь одна мысль: я это уже видела.

Урод мерзко смеется.

– Ну уж нет, сопляк.

Все происходит, будто в замедленном действии. Я заворуженно наблюдаю за Максимом, когда придурок резко меня хватает и притягивает к себе, подставляя к горлу нож.

– Рыпнешься, и я ей глотку перережу, – предупреждает урод.

Мне страшно. Я тяжело дышу. Горло будто парализовало, поэтому я даже не могу закричать. Секунда – и наши взгляды с Максимом встречаются. Я смотрю в его карие глаза и все вспоминаю...

Это он. Мальчик, которого я встретила очень давно в детстве и назвала своим героем.

Я не успеваю погрузиться в воспоминание, потому что

Максим налетает на придурка и заламывает ему руку. Нападавший все-таки проводит лезвием по моей шее, но меня спасает плотный шерстяной шарф. От осознания того, что он действительно был готов меня убить, мне становится дурно. Я сгибаюсь пополам и уже не сдерживаю свои рыдания.

Максим бросается ко мне, обнимает за плечи и притягивает к себе.

– Тише, тише, все хорошо, слышишь? – Он берет мое лицо в руки и ловит мой взгляд. – Не бойся, все позади.

– Маааксим, аа что если ты их убил? – от страха и рыданий я заикаюсь.

– Нет, ну ты чего? – Он старается улыбнуться, – Я их просто вырубил. Через минут пять очнутся. Пойдем скорее отсюда.

Он тянет меня за руку, но ноги не слушаются, и я спотыкаюсь, издавая всхлип. Максим подхватывает меня на руки и несется через сквер к стоянкам такси. Я обвиваю его шею руками, утыкаюсь в нее лицом и вдыхаю его запах.

Запах моего героя. Он снова меня спас. Как и тогда, очень много лет назад, когда мы с ним случайно встретились. Тогда мы были совсем детьми.

Мои слезы катятся по его шее. Наверное, ему это не очень приятно, и мне следовало бы уткнуться, например, в куртку, но я не могу оторваться. Я вдыхаю его запах все глубже и глубже. Он изменился. Тогда Максим пах совсем по-другому. По-детски.

Он укладывает меня в машину, а я все еще продолжаю дрожать и плакать. Даже не знаю, от чего больше. От того, что меня чуть не убили, или от того, что мой герой ко мне все-таки вернулся. Обещал и сдержал слово.

Максим притягивает меня к себе и гладит по голове.

– Все хорошо, Кристина, не бойся, уже все позади. Я рядом.

Я поспешно обнимаю его и утыкаюсь лицом в плечо, продолжая всхлипывать. Мой герой рядом со мной. И сейчас это главное.

Он берет в ладони мое лицо и тихо шепчет:

– Кристина, мы уже далеко, все закончилось.

Боже, он думает, что у меня истерика из-за нападения. Глупый, я плачу от встречи с ним.

– Максим... – начинаю я. Ему надо сказать, он тоже должен меня вспомнить. Но слова застревают в горле, и Максим перебивает меня.

– Я здесь, я с тобой, мы в безопасности. Ты мне веришь?

Я быстро киваю головой. Конечно, верю, мой герой. Всегда верила.

– Вот и хорошо, иди ко мне. – Он снова привлекает меня к себе в объятия, и я охотно поддаюсь. Максим гладит меня волосам и опускается лицом в макушку. Мое тело еще сдерживает шок, а по крови разливается адреналин, но у меня все равно получается прочувствовать наслаждение от близости Максима и от осознания того, кем он на самом деле для

меня является.

– Я хочу, чтобы ты знала: с тобой никогда ничего не случится, пока я рядом. Я не допущу, – шепчет мне в ухо.

Я не отвечаю. Мне не нужны слова. Я знаю, что Максим говорит правду. Прошло десять лет, а я все равно верю ему, как и тогда.

Когда я наконец перестаю всхлипывать, Максим укладывает меня к себе на грудь и обнимает обеими руками. Мы так и едем до дома, а я понимаю, что объятия моего героя – пожалуй, мое самое любимое место в мире после кресла отца.

У ворот в дом Максим внимательно смотрит мне в глаза, проводя ладонью по волосам.

– Успокоилась?

– Да. Давай не будем ничего говорить родителям?

У отца инфаркт случится, если он узнает, что сегодня произошло. Незачем его отвлекать. Все ведь хорошо закончилось. Мой герой оказался со мной.

– Ты уверена? Мне кажется, нам следует сменить репетитора.

– Сменим. Только давай ничего не будем рассказывать. Отец захочет обратиться в полицию, а я все еще боюсь, что ты мог их убить, и тогда мы не докажем, что это была самооборона.

И да, я действительно боюсь, что Максим мог их убить. Я не готова потерять своего героя сразу после того, как снова обрела. Он тихо смеется, привлекая меня к себе.

– Глупенькая. Я не убил их. Я бил ровно в те точки, которые позволяют дезориентировать и вырубить человека на несколько минут.

– Максим, спасибо тебе, – поднимаю на него голову и смотрю в глаза, – если бы тебя не было рядом... Я не знаю, что бы они со мной сделали...

– Тшшш, – он проводит ладонью по моему лицу. – Не думай об этом. Я был рядом, и это главное. Пойдем в дом.

Да, мой герой. Ты был рядом, и это действительно главное. К счастью, в холле и гостиной никого нет, поэтому мы тихо поднимаемся на второй этаж. Я ужом проскальзываю в свою дверь и плотно закрываю ее за собой. Не включая света, сползаю по ее обратной стороне.

Ошибки быть не может. Это он. Максим. Мой герой. Мальчик, который уже однажды спас меня, пообещал найти и нашел.

Я закрываю глаза и погружаюсь в воспоминание...

Глава 24. Воспоминание

POV Кристина

10 лет назад

– Кристиночка, мы с папой решили отправить тебя в детский лагерь. На реку Волгу, – мама широко улыбается, поливая малиновым вареньем блинчик в моей тарелке.

– С Викой? – спрашиваю, откусывая кусочек.

– Нет, дочунь, Вика будет у бабушки в деревне. Ты в лагере сама будешь. Но ты не бойся! Там будет много таких же ребят, как ты. Вас там перед школой будут учить читать и писать. Воспитательницы будут водить вас на реку. Ты научишься плавать, – мама снова мне широко улыбается.

– А надолго я поеду?

– В августе на весь месяц. Перед самым началом школы. Будешь в первом классе уже все уметь.

Я очень хочу всему этому научиться, но я не хочу так надолго уезжать от мамы и папы.

– Ну, доча, веди себя хорошо, – мама крепко меня обнимает перед тем, как передать в руки воспитательнице. – Если тебя будут обижать, сразу звони мне, хорошо? Телефон в твоём рюкзаке.

Я быстро киваю. В лагерь мама привезла меня сама. Папа не смог из-за работы.

Воспитательница ведет меня в здание, а я еще раз оборачиваюсь.

чиваюсь посмотреть на маму. Она ждет у входа, пока мы не скроемся. Я напоследок машу ей рукой и сворачиваю в коридор вслед за сопровождающей.

В лагере оказывается весело и интересно. Нас и правда учат читать, писать и считать. Как в настоящей школе. А после уроков мы с ребятами играем в разные игры. По выходным нас водят купаться на Волгу. Только плавать почему-то никто не учит. Мне очень обидно смотреть на ребят, которые уже умеют. Я же со своими подружками только плещусь у берега.

Обсохнув на песке, я решаю подняться на небольшой пирс. С него в воду прыгают ребята, которые уже умеют плавать. Я замороженно за ними наблюдаю, пока меня не замечает группа из четырех мальчиков постарше. Им, наверное, лет по десять или даже двенадцать.

– Мелкая, что ты тут делаешь? Иди в свой лягушатник! – кричит мне один из них и громко смеется вместе с друзьями.

– Не твое дело! Не хочу и не пойду! – меня обидели его слова, но я стараюсь не подавать виду.

– Что ты мне сказала?? – мальчишка грозно надвигается на меня.

Мне становится страшно, и я пячусь назад. Быстро верчу головой вокруг. Все воспитатели на берегу и, кажется, заняты только своим загаром.

– Слышь, ты, мелкая... – обидчик хватает меня за руку и уже чуть было не бросает в реку, как к нему подлетает другой

мальчик и отталкивает от меня.

– Не трогай ее! – защитник заслонил меня собой.

– А ты кто еще такой, мелюзга? Слышите, ребят, посмотрите на него! – обращается старший мальчик к своим товарищам. – А ну-ка давайте их обоих испуаем.

Трое его товарищей двигаются на нас, и мои коленки вдруг начинают подкашиваться. Я так испугалась, что меня сейчас скинут в воду, что просто приросла к пирсу.

Но не тут-то было. Мой защитник ловкими движениями рук и ног валит всех обидчиков на землю. У каждого из них идет кровь, а на крики сбегаются воспитатели. Пока они поднимают с пирса нападавших на нас, мальчик быстро отталкивает меня в сторону.

– С тобой все хорошо? – спрашивает он.

– Да! Спасибо тебе!

От радости я крепко обнимаю его за шею.

– Меня Максим зовут, – говорит, когда я отстраняюсь, и протягивает мне руку.

– А меня Кристина, – я жму его ладонь и широко улыбаюсь.

– Тебе холодно? – неожиданно спрашивает мой спаситель.

Станный вопрос в тридцатиградусную жару.

– Нет, с чего ты взял?

– У тебя холодные руки.

– Ой, да они у меня всегда холодные! Не обращай внимания, – я улыбаюсь ему.

Дальше нам не дают продолжить диалог, потому что тут же подлетает разъяренная воспитательница.

– Максим, это еще что такое! Ты зачем побил мальчиков? Я немедленно звоню твоей маме. Ты в лагере больше не останешься!

Она хватает его за руку и куда-то утаскивает от меня.

Всех детей поспешно собирают и везут на базу. Я отчаянно высматриваю в своем автобусе Максима, но его не нет. Наверное, он едет во втором.

Когда нас привозят в лагерь, тут же заставляют всех разойтись по своим комнатам. Шум в коридоре затихает, и я выхожу на поиски своего защитника. Тихонько пробираюсь в крыло для мальчиков и открываю каждую дверь. Мне не везет, Максима нигде нет, и я лишь напарываюсь на несколько пар недоуменных глаз.

– Ты кого-то ищешь? – догоняет меня по коридору незнакомый мальчик.

– Да, Максима, который сегодня побил старших ребят на реке.

– Его отвели к директору.

– Спасибо, – бросаю мальчишке и мчусь на второй этаж, где располагается кабинет директора. Мой защитник сидит на стуле возле его двери.

– Максим! – я к нему подлетаю.

– Тшшш! – заставляя меня сбавить обороты радости, – тебе нельзя тут быть! Если тебя увидят, то тоже накажут!

Уходи.

– Но я хотела тебя поблагодарить... – я совсем не ожидала от своего защитника такого приема.

– Они звонили моей маме. Она завтра за мной придет. Если хочешь, давай после отбоя, когда все уснут, встретимся.

– Давай! Где?

– Тут на втором этаже. Директора уже не будет, а воспитательницы спят на первом.

– Хорошо!

– А теперь уходи, пока тебя никто не заметил.

И я убегаю, а где-то через час после отбоя, когда мои подружки-соседки уже сопят, я тихонько выхожу из спальни и отправляюсь на второй этаж. Максим уже сидит у двери в кабинет директора и ждет меня.

– Привет, – шепчу, опускаясь рядом с ним на пол. Лето выдалось очень жарким, поэтому сидеть на полу совсем не холодно.

– Привет, – Максим поворачивает ко мне голову и широко улыбается.

– Спасибо тебе большое, Максим! Я хотела тебе сказать, что теперь ты – мой герой!

И не спрашивая разрешения, я крепко обнимаю его за шею. Максим обнимает меня в ответ, и так мы с ним сидим, наверное, с минуту.

– Не за что! – наконец отвечает, – знай: пока я рядом, с

тобой ничего не случится. Ты мне веришь?

Я смотрю ему в лицо. Максим кажется очень серьезным.

– Верю.

Мы сидим всю ночь. Разговариваем о любимых мультиках, садике, друзьях, подарках на новый год от Деда Мороза. Ему столько же лет, сколько и мне, и он так же идет в сентябре в первый класс. Вот только в отличие от меня до приезда в этот лагерь он уже умел читать, писать и считать. Мой герой не только сильный, но еще и очень умный. Даже умнее, чем я.

– Максим, а почему ты такой сильный? – спрашиваю, – ведь тем мальчикам, наверное, лет по десять.

– А я занимаюсь каратэ! – гордо отвечает мой спаситель.

– Ого! – я восхищенно выдыхаю, – тогда ты точно мой герой!

Уже на рассвете, когда мы расходимся по своим комнатам, я спрашиваю.

– Максим, а мы еще с тобой увидимся?

Он задумчиво чешет затылок.

– Не знаю... я бы хотел. А ты?

– Да! Я бы очень хотела!

– Тогда, я тебя найду!

– А как ты меня найдешь?

Он снова задумался.

– Ну, приеду в Москву и найду. Я же помню, как тебя зовут. Кристина.

– Вот так просто возьмешь и найдешь?

– Да, – уверенно обещает Максим.

В этот момент у меня нет ни одной причины не верить моему герою.

Мы с ним крепко обнимаемся на прощание. Стоим так минут пять и, уже уходя, я бросаю на прощание:

– Я буду ждать тебя, мой герой!

– Я тебя найду! – отвечает он и скрывается за углом коридора.

Я возвращаюсь в свою комнату и крепко засыпаю, потому что знаю, что однажды снова встречу своего героя.

Я приезжаю домой, иду в школу, но на каждой перемене вместо того, чтобы играть с одноклассниками, я смотрю в окно и жду, что мой герой наконец появится. Приедет ко мне. На улице я вглядываюсь в лица всех мальчиков, в каждом пытаюсь рассмотреть своего героя. Но его все нет и нет.

А через год и три месяца погибает мама.

Жизнь идет, и я совсем-совсем забываю о сильном мальчишке, который однажды меня спас, и которого я назвала своим героем.

Как будто его и вовсе никогда не существовало.

Глава 25. Маска сорвана

POV Кристина

В последующие дни после своего открытия, я не знаю, как мне вести себя с Максимом. Шок прошел, и я стала оценивать ситуацию трезво. Очевидно, что он меня не помнит. От слова совсем. Ну и, конечно, глупо считать, что мой герой действительно меня нашел. Это совершенно безумное совпадение – что его мать познакомилась с моим отцом. В России живут 147 миллионов человек. Какова вероятность, что мой отец и его мать могли встретить друг друга? Но у вселенной, по всей видимости, очень хорошее чувство юмора.

На самом деле я не вижу причин менять свое общение с Максимом. Ну встретились мы с ним один раз в детстве. И что? Прошло 10 лет. Мы выросли и изменились. Что я должна ему сказать?

«Максим, а помнишь, как мы с тобой были в детском лагере, и ты побил мальчишек, которые хотели скинуть меня в воду? Я тебя еще тогда своим героем назвала. Не помнишь? А я помню».

Ну смешно ведь.

И все бы ничего, вот только в присутствии Максима я теперь теряюсь все больше и больше. В какой-то момент я понимаю, что хочу разговаривать с ним, не важно, о чем, лишь бы слышать его голос. Понимаю, что хочу касаться его. И

хочу, чтобы он касался меня. Хочу, чтобы гладил меня по волосам, как тогда в такси. Хочу, чтобы аккуратно проводил пальцами по моему лицу.

Хочу.

Я захожу в дом. Сегодня был мой первый волейбольный матч в этом сезоне, мы одержали победу. У меня прекрасное настроение несмотря на то, что у Егора опухший нос. Наверняка снова сцепился с парнем из той школы, что все время ко мне подкатывает, когда я там играю.

Закрываю входную дверь и вижу свет из ванной под лестницей. А следом и звук, будто что-то упало.

– Черт! – Слышу голос Максима.

Я не успеваю отдать себе отчет в том, что делаю. Просто иду на его голос. Максим собирает с пола лекарства. Сажусь рядом с ним и помогаю. Сама не знаю, зачем я это делаю, зачем пришла к нему.

– Что ты ищешь? – спрашиваю его, стараясь держать голос, как можно ровнее.

– Перекись водорода и вату.

– Зачем? – меня удивляет его ответ, непроизвольно поднимаю взгляд на его лицо и застываю. – Боже, Максим, у тебя разбита губа.

– Ерунда.

– Но что случилось?

Он безразлично пожимает плечами.

– Помахал кулаками. Мне не привыкать.

Я пристально на него смотрю. Неужели Егор втянул в свои разборки Максима? Боже, неужели мой герой снова из-за меня дрался?

– Не расскажешь?

– Нет, это не для таких нежных девочек, как ты, – его слова меня обезоруживают. Максим назвал меня нежной? После того, как я с ним обращалась?

– Я разве нежная?

– Очень. Хотя упорно хочешь всем доказать, что нет.

Мгновение мы смотрим друг другу в глаза. Мой герой назвал меня нежной девочкой... Это самое красивое из всего, что мне доводилось слышать. Но мне все равно не верится, что это может быть правдой, поэтому я грустно улыбаюсь и тихо произношу:

– А Егор называет меня бесчувственной.

– Он слепой болван, – голос Максима почему-то хрипит.

Я не отвечаю. Я не хочу сейчас думать о Егоре.

Секунда, две, три.

Я не знаю, что мною движет. Но я медленно, с опаской, тяну ладонь к лицу Максима и едва ощутимо касаюсь пальцами раны на губе. И в этот момент происходит то, чего со мной не было никогда. От прикосновения к его коже по телу проходит разряд тока. Тот самый, который описывают в любовных романах. Тот самый, которого у меня никогда не было с Егором.

– Когда-нибудь у меня случится инфаркт от твоих драк, –

я говорю шепотом, сама не осознавая того, что этими словами выдаю себя.

– Не так уж и много моих драк ты видела, – он отвечает так же тихо и слегка улыбается.

Секунда – и я прихожу в себя. Господи, что я только что сказала! Я же выдала себя с потрохами. Конечно, Максим думает, что я видела только одну его драку. Ту, что у дома репетитора. Он же не помнит, что однажды в детстве я тоже была свидетелем его драки. И, конечно, же, он не знает, что я, как долбаный сталкер, полгода смотрела его записи с соревнований, пока он не приехал. Справки наводила. Ага, как же.

– Вот перекусь и вата, – быстро протягиваю ему и спешу удалиться, пока Максиму не показались подозрительными мои слова. Он еще пытается меня как-то задержать, что-то спрашивает про мои холодные руки, но я быстро убегаю.

Дальше мне просто сносит крышу. Моя реакция на Максима меня сильно пугает. Еще никогда и ни с кем у меня такого не было. Я хочу, чтобы он все время был рядом, но в то же время, я боюсь этого. Его близость дезориентирует. Теперь мне стоит очень больших усилий удерживать на лице привычную маску безразличия.

Отец никогда не предупреждал, что однажды может встретиться человек, рядом с которым эта маска сама затрещит по швам. И самое обидное, что ему даже ничего не придется для этого делать. Будет достаточно просто стоять ря-

дом и молчать.

Два бокала шампанских на Викиной вечеринке явно были лишними. Именно они унесли мою маску в небытие. Я не могу не смотреть на него. Как он разговаривает с одноклассниками, как внимательно слушает Егора на террасе, как смеется с Олейниковой.

Он приглашает ее на танец, и она соглашается. Прижимает к себе близко, она что-то шепчет ему на ухо, а он смеется.

Мой герой танцует с другой, и меня рвет на куски. Воздух предательски заканчивается, и, кажется, я уже близка к потере сознания.

Олейникова диктует Максиму свой номер телефона.

– До завтра, Максим! – Радостно щебечет ему Оля.

– До завтра, – отвечает он ей и улыбается.

Это выстрел в голову. Глаза начинает щипать, я поспешно отворачиваюсь. Моя маска уже давно растоптана стадом лошадей. Теперь вся надежда только на саму себя.

– Кристин, нам пора домой, – Максим подходит ко мне.

– Кому «нам»?

– Ну, тебе, мне и особенно Егору.

– А с чего ты взял, что мне уже пора? – Снова отворачиваю голову. Слава Богу, удалось унять выступающие слезы.

Молодец, Морозова, есть еще порох в твоих пороховницах. Отец бы сейчас гордился.

– С того, что уже поздно, Кристин.

– Я могу остаться у Вики.

– Это не самая хорошая идея, потому что тут полно пьяных придурков. Пускай даже они и наши одноклассники.

– А тебе то что? У меня есть парень, который должен за меня переживать. – Говорю это чуть резче, чем следовало. Откровенно говоря, Егор – последний человек, которого я бы хотела видеть в данный момент.

– Твой парень сейчас неспособен за кого-то переживать, даже за самого себя. А я, кажется, только недавно спас тебя от одних уродов. И все для чего? Для того, чтобы ты попала в руки к другим уродам?

Максим аккуратно берет меня за руку выше локтя. По телу снова проходит разряд тока.

– Кристина, поехали домой. Уже поздно, ты устала, вчера у тебя была тяжелая игра, а сегодня с утра уже нужно было рано вставать в школу. После занятий ты не отдыхала, а сразу поехала сюда помогать Вике и, откровенно говоря, отпахала тут всю тусовку на благо гостей в отличие от хозяйки этого пентхауса.

В его голосе столько заботы, что я теряю дар речи. Просто смотрю на него и молчу.

Пожалуйста, Максим, говори со мной таким голосом всегда.

– Кристина, надо ехать, – он настаивает.

Его строгий тон возвращает меня на землю. Глубокий вдох, выдох. Да, он прав. Пора домой.

В машине гнетущая тишина. Пьяный Егор сопит на зад-

нем сидении, а Максим слишком сосредоточен на дороге. Мне стоит больших усилий, чтобы не смотреть на него. Во избежание этого соблазна отворачиваю голову к окну. Мне хочется задать ему множество вопросов: о чем он говорил с Егором на террасе, что такого смешного ему рассказывала Олейникова, почему он пригласил ее на танец, почему он сказал ей на прощание «До завтра»... Неужели они запланировали встречу?

Боже, а вдруг она ему нравится?

От этой мысли глаза снова предательски щиплет. Как раз в тот самый момент, когда мы уже подъезжаем к дому Егора. К счастью, удастся на секунду отвлечься на пьяного парня и его братьев.

К своему дому мы идем молча, и мне почти удастся полностью взять себя в руки и не реагировать на слишком близкое присутствие Максима, как перед нами вырастает огромная лужа.

– Вот черт! У меня же новые сапоги из Италии, – взвыла я.

– Давай я тебя перенесу. У меня старые ботинки из Воронежа, – отвечает Максим. Мы встречаемся взглядами и громко смеемся. Прямо, как тогда в детстве, когда мы сидели всю ночь в коридоре у кабинета директора летнего лагеря. Только сейчас я понимаю, что нам чертовски повезло, что своим смехом мы не разбудили воспитателей.

Я ничего не успеваю ответить, потому что Максим тут же подхватывает меня на руки. Я обвиваю руками его шею и не

могу удержать себя от того, чтобы не смотреть на его лицо. Когда мы проходим лужу, и Максим уже хочет опустить меня на землю, наши глаза встречаются.

И на мгновение я забываю обо всем... Так и стоим в свете яркого фонаря, смотря друг на друга.

Мой герой.

Он снова меня спас. На этот раз от дурацкой лужи.

– Максим, дальше я уже сама могу, спасибо, – я первая прерываю этот магический момент и отворачиваю голову от его лица. Потому что иначе снова стану слишком уязвимой.

Максим послушно опускает меня на ноги, и оставшийся путь до дома мы идем молча. Слезы-предатели все-таки покатались из глаз, хотя я упорно сдерживала их весь вечер. Из-за этого мне приходится обгонять Максима на несколько шагов.

Мой герой меня совсем не помнит. И завтра у него свидание с другой.

Глава 26. Пьяна, влюблена, ревнива

POV Кристина

Максима нет почти целый день, и я извожу себя, как могу. Что у них там за свидание такое, что он пропал до самого вечера?

В гости приходит протрезвевший Егор.

– Малыш, прости меня, – делает глаза, как у кота из «Шрека», – я вчера немножко перебрал.

Егор – это то, что мне сейчас нужно, чтобы отвлечься от мыслей о Максиме и Оле.

– Проходи, – пропускаю его в дом.

Мы сидим на диване в гостиной, Кузнецов крепко меня обнимает, что-то рассказывает, но я совсем его не слушаю. То и дело бросаю взгляд на настенные часы.

Ну сколько можно с ней ходить?

В этот момент слышу, как щелкает замок у входной двери. Явился.

– Всем привет, – Максим подходит к нам и жмет Егору руку.

Я стараюсь на него не смотреть, плотнее прижимаясь к Егору. Маска, настало твое время.

– Здорова, Макс, – Кузнецов с радостью отвечает на руко-

пожатие. Нашел, блин, себе друга. – Где ходил целый день?

Максим присаживается в кресло рядом с нами.

– Гулял.

– Ммм, – Егор заговорщицки улыбается, – кажется, я даже знаю, с кем.

У меня перехватывает дыхание. Я не хочу слышать ее имя.

– И с кем же? – спокойно спрашивает Максим.

– С красоткой Олечкой Олейниковой. Да-да, я хоть вчера и напился в стельку, но все же помню, как близко ты ее к себе прижимал в танце.

Секунда – и в мое сердце словно вонзился нож. В груди вспыхивает ярость. Я больше не могу ее сдерживать. Целый день пыталась, закрывала ее на десять замков. Но сейчас от одного упоминания имени Олейниковой, да еще и с приставкой «красотка», меня накрывает. Маска безразличия летит к чертям, и я показываю свое истинное лицо.

– Как ты ее назвал??? – Я даже не кричу. Я реву.

– Ээм... Олечка Олейникова? – Недоуменно спрашивает Егор.

– Нет, слово перед ее именем. И вообще, с какой еще стати она для тебя Олечка? Ты ей и двух слов ни разу не сказал!

– Эм... перед ее именем? Ты о чем, Кристин?

– Ты назвал ее красоткой!

Это финиш. Слишком поздно. Я выдала себя с потрохами. Сейчас они оба все поймут.

Но неожиданно мне везет.

– О Боже, Кристина, мне не кажется? – счастливый Егор тянется ко мне, – ты меня ревнуешь? Это же впервые за год наших отношений! Ты не ревновала меня, даже когда мне называли мои бывшие девушки в твоём присутствии. А тут я назвал пассию Максима красоткой, и ты вспыхнула. – Он засмеялся.

– Не ревную! – Поспешно бурчу и отворачиваю голову в сторону, нервно закусив губу. Фух, какое счастье, пронесло.

– Ну-ну, – он все-таки притягивает меня к себе и целует в макушку, – любимая, ты все равно красивее. Ты для меня самая красивая в мире! Ты же знаешь это. – Затем он переводит взгляд на Самойлова и весело говорит, – Макс, ходи на свидания почаще!

Это выстрел в голову. Я резко дергаюсь и смотрю Максиму в глаза. Кажется, его тоже передернуло от слов Кузнецова. Нет, я не вынесу, если у Максима кто-то появится.

Что за чертовщина со мной происходит? Почему я так реагирую? Почему меня рвет на куски от одной мысли о том, что он может касаться другой девушки, целовать ее, улыбаться ей? Стоит мне представить эту картину, как я начинаю задыхаться.

Что же ты делаешь со мной, мой герой? Ведь ты должен спасти меня, а не губить.

Егор очень вовремя лезет с поцелуем. Это именно то, что мне сейчас нужно. Отвечаю на его ласку, пускаю его язык в

рот, крепко обнимаю и слышу шаги Максима по лестнице. Он ушел. Правильно. Я не могу сейчас выносить его присутствие.

Через час Егор уходит. Я поднимаюсь в свою комнату и без сил опускаюсь на кровать. Закрываю глаза, стараясь отключиться от реальности, но разные мысли все равно лезут в голову.

Как так могло случиться, что моя жизнь в один день резко перевернулась с ног на голову? Приехал Максим и спутал мне все карты. У меня ведь все уже было распланировано. Заканчиваю школу, летом пару месяцев работаю у папы, а в конце августа улетаю в Америку. Если, конечно, поступлю в Гарвард. Ответ из университета придет только в апреле. Но я уверена, что мне удастся. У меня отличное портфолио, а иностранных студентов они принимают без проблем.

Таким образом я красиво исключаю из своей жизни Егора и Вику, которые только связывают мне крылья.

«Что вы, ребят, я вас не бросила, я всего лишь поехала учиться. Я буду часто приезжать. На праздники, каникулы. И вы ко мне приезжайте». Эти слова я им мысленно сказала уже тысячу раз.

Вот только приезжать в Россию я не собираюсь. Четыре года бакалавриата, два года магистратуры, два года МВА и еще пару лет работы в какой-нибудь крупной строительной компании США. Меня не будет 10 лет. Отец ко мне сам будет приезжать в гости. Он очень часто бывает в Америке.

Вернусь на Родину в 28 лет совершенно другим человек. Настоящий бизнес-леди. Именно такой, как я всегда мечтала. Папа постепенно передаст мне дела, и я возглавлю компанию. Отец присмотрит со стороны, но управлять буду я.

Да, именно так все и будет. И приезд Максима мне не помешает осуществить задуманный план. Кто он вообще такой? Подумаешь, мальчик, с которым я подружилась давно в детстве. Это была совсем другая жизнь, даже мама еще была жива. Он мне никто. Пусть идет к своей Оле. Она идеально ему подходит. А между нами пропасть. Я ему не по зубам.

Так, отлично. Вроде удалось направить себя в нужное русло. Надо это отметить!

Спускаюсь на кухню, нахожу в одном из шкафов бутылку вина и с наслаждением потягиваю из бокала. Как же хорошо наконец-то взять себя в руки!

Моя радость длится недолго. Я не успеваю выпить и половины бутылки, как на кухню заявляется Максим. Весь такой правильный. Видите ли, у него режим и ему нужно выпить чай с мятой, чтобы уснуть.

Чай с мятой... Любимый мамин напиток.

Сознание снова возвращает меня на 10 лет назад. Мама, лагерь, Максим...

«— Я буду ждать тебя, мой герой!

— Я тебя найду!»

Маска снова слетела, и вот я опять перед Максимом такая, какая есть: уязвленная, ранимая, запутавшаяся в себе и в своих чувствах.

– Знаешь, а я думаю, она тебе подходит. Она такая же, как ты! – Мне больно говорить эти слова, но я себя заставляю.

– Это какая такая, как я? – удивляется Максим.

Как можно безразличнее пожимаю плечами:

– Слишком обычная. Простая девочка, которая поступит в какой-нибудь институт, получит там какую-нибудь профессию, устроится на какую-нибудь работу, выйдет замуж за какого-нибудь парня и проживет какую-нибудь жизнь. Все, как у всех.

– А ты у нас, конечно же, необычная! Ты у нас поступаешь не в какой-нибудь институт, а в Гарвард, получаешь не какую-нибудь профессию, а бизнес-менеджера, устраиваешься не на какую-нибудь работу, а продолжаешь дело отца.

– Именно. Видишь какие мы с тобой разные, Максим? Между нами пропасть, – говорю это скорее себе, чем ему.

Максим медленно направляется ко мне. Подходит в упор, облокачивается на стол и смотрит в глаза.

– Так о чем же ты думаешь? – его голос приглушенно хрипит.

Он так близко, что я теряю самообладание. По моей маске уже давно прошлась рота солдат, и она безнадежно втоптана в землю.

– С тех пор, как ты появился, только о тебе.

Этими словами я делаю контрольный себе в голову. Смотрю в его глаза и понимаю одну простую истину, от которой старалась бежать все эти дни.

Я люблю его. Люблю.

Одно слово, всего пять букв. Но сколько боли...

Но я бы не была дочерью Игоря Морозова, если бы не смогла взять себя в руки даже в такой момент.

– Думаю о том, какой ты обычный, пресный и ничем не выделяющийся из толпы. Такой же, как твоя Оля. Вы с ней будете идеальной парой. Идеальной серой массой. А между мной и тобой всегда будет пропасть. – Снова говорю это скорее себе, чем ему. Выплюываю, словно яд. Вот только кого я хочу ужалить? Пока получается только саму себя.

– Это ты себя пытаешься убедить? – спокойно спрашивает.

Я молчу. Дыхание становится предательски тяжелым. Да, Максим, ты чертовски прав. Я пытаюсь убедить себя.

Он склоняется ко мне еще ближе, и я снова теряю контроль.

– Зачем ты приехал, Максим? – мой голос совсем тихий. – Жил бы себе спокойно в своем родном городе. Нам не нужна была эта встреча...

Я резко замолкаю, поняв, что спьяну выдала себя последней фразой. Но Максим не придавал ей значения. Он забыл. Пусть так и будет.

– Кристина, – он проводит пальцами по моему лицу, и ме-

ня снова бьет разряд тока. – все эти пропасти только в твоей голове.

– Ты же сам знаешь, что нет. Что слишком многое нас разделяет.

– Ты это себе сама все придумала.

Я уже не понимаю, о чем мы говорим. Единственное, что мне ясно – я пьяна, влюблена и ревнива. Последние два пункта – впервые в жизни.

Так, Кристина Морозова. Сваливай с этой кухни, пока не наломала еще больше дров. У тебя есть план на ближайшие 10 лет, вот и следуй ему.

Поднимаюсь со стула, но Максим не отстраняется. Несколько секунд мы стоим слишком близко. Я снова чувствую его запах. Мята и горький апельсин. Совсем не как в детстве. Тогда он пах ирисками и свежей летней травой.

– Иди к своей Оле, – хочу сказать это как можно более безразлично, но выходит со злостью и обидой.

Обидой влюбленной и ревнивой девушки.

С как можно более прямой и гордой спиной я направляюсь к выходу из проклятой кухни, чтобы, перешагнув ее порог, умчаться в свою комнату и пустить на волю слезы, которые предательски собрались комом в горле.

– Она не моя. И это было не свидание, а просто дружеская прогулка двух одноклассников. Она показала мне пару мест в Москве. Вот и все. Мы не встречаемся.

Слова Максима заставляют меня замереть в дверном про-

еме. Я машинально поворачиваю к нему голову, совсем забыв, что в глазах уже стоят слезы.

Он их видит. Ну и пусть.

– Мне все равно, Максим. Делай, что хочешь.

Снова вру и тихо, как кошка, ухожу к себе, чтобы больше не сдерживать своих чувств.

Глава 27. Невысказанное души

POV Кристина

После этой ситуации мне вроде удастся взять себя в руки. Возможно, между Максимом и Олей действительно нет ничего серьезного, потому что в школе они держатся друг с другом приветливо, но по отдельности. Олейникова продолжает тусоваться со своим братом и его друзьями из параллельных классов. Максим же по-прежнему в моей компании.

Близится день смерти мамы, и я, естественно, собираюсь на кладбище. Вика увязывается со мной. Последний раз мы вместе ездили на могилу в 9 классе, и после этого у Вики случился приступ. Хорошо, что тогда были дома ее родители, мне не пришлось приводить ее в чувство самостоятельно. Хотя, стоит заметить, что ее маме самой в тот момент была нужна помощь. Но отец держался твердо. Вдвоем мы смогли вернуть Вике прежнее состояние.

С тех пор у Степановой больше не было срывов, и, казалось, она полностью излечилась. Поэтому я все же рискнула взять ее с собой.

Как же это было глупо с моей стороны. На кладбище у нее случилась истерика. Хоть Вика и утверждала всегда, что она плохо помнит тот день, была маленькой, а потом находилась в шоковом состоянии, но я знаю, что это не так.

Она все прекрасно помнит. До мельчайшей детали. Я в

этом уверена.

Возможно, она сама пытается заблокировать в своем мозгу эти воспоминания, но каждый раз, когда они к ней возвращаются, Вика срывается. Именно это и происходит на кладбище. Она начинает вспоминать.

Сначала у нее обычная истерика со слезами, а когда Сережа и Алена уезжают, и мы с Егором тоже садимся в машину, чтобы сначала отвезти Вику, а потом и самим отправиться по домам, у нее случается приступ.

Егор гонит, как только может. Если бы его машину оставляли, однозначно, Кузнецова лишили бы прав. Чудом он никого не убивает, пересекая на красный пешеходные переходы со скоростью под 200 километров в час.

Вике способно помочь только одно лекарство, и оно у меня дома.

Господи, как хорошо, что там есть Максим. Наверное, впервые за все время его пребывания в моем доме, я искренне этому рада. Самойлов приезжает быстро. Я вкальваю Вике дозу и жду, когда она погрузится в сон.

Мой герой снова меня спас. Хотя нет, даже не меня. Всех нас. Если бы не он, то пришлось бы вызвать психиатричку. Они бы закрыли Вику на несколько месяцев, а это только лишние вопросы и разговоры в школе.

Захожу на кухню к Егору и Максиму, когда Кузнецов уже собирается уезжать. Как не вовремя. Но я не могу требовать от него остаться, потому что знаю, что у него уже начались

проблемы с родителями из-за того, что он слишком много времени проводит со мной и забывает на семью.

– Макс, а ты можешь остаться? – спрашивает Кузнецов.

– Хорошо, я могу остаться. Но завтра утром мне надо будет вернуться.

Меня это задевает. Куда он торопится в субботу?

Максим идет проводить Егора, а я остаюсь на кухне. В доме гробовая тишина, поэтому мне прекрасно слышен их разговор в коридоре.

– Макс, первое правило клуба... – Доносится до меня голос Кузнецова.

– Никому не рассказывать о клубе. Егор, я не треплюсь.

– Я знаю. Просто на всякий случай. И еще, Макс, не забывай, что Кристина для тебя сестра и не более.

Я закатываю глаза. Ну неужели Егор снял розовые очки с их Максимом дружбы и заметил в Самойлове угрозу? Я уже думала, что не дождусь. Может, хоть теперь он переквалифицирует Максима из разряда «друзья» в разряд «соперники» и минимизирует с ним общение?

– Чувак, у меня завтра свидание с Олейниковой. Ты о чем вообще? – Отвечает ему Максим.

– Да? Это отлично.

Егор захлопывает дверь, а у меня из-под ног уходит почва. Все-таки он с ней встречается... Мой герой теперь станет чужим героем.

Руки предательски трясутся, и чашка выскальзывает из

ладоней, с грохотом разбиваясь о кафель. Максим спешит на звук и помогает мне убрать осколки. Когда мы заканчиваем с ними, наступает неловкая пауза. Я боюсь, что Максим тут же поспешит закрыться от меня в комнате, поэтому решаю хоть не на много продлить его присутствие рядом.

Его свидание завтра. А сегодня он все еще со мной.

– Можно попросить тебя сделать чай с мятой? – Обращаюсь к нему. Его удивляет моя просьба, но он соглашается. Я не говорю ему, что этот напиток был маминым любимым, и она всегда пила его перед сном. Это слишком личное воспоминание, которое я хочу сохранить только для себя.

Мы сидим в гнетущей тишине. Максим выглядит абсолютно безразличным ко мне и ко всему происходящему. Ну, а что мне еще от него ожидать? Неделю назад я очень сильно его обидела. Но я не могла тогда по-другому. Просто не знала, как.

– Вкусный чай, – я все-таки первой решаю прервать неловкое молчание.

– Спасибо.

И снова замолчали.

– Где мне лечь спать? – спрашивает он минут через пять.

– Дверь сразу после Викиной комнаты. Моя, если что, перед Викиной.

– Хорошо.

Еще через минуту я зачем-то ему говорю:

– Мою маму звали Ирина. Поэтому я ношу кулон с буквой

«И». – Он поднимает на меня глаза, и я ему грустно улыбаюсь. – Ты спрашивал однажды, почему я ношу кулон с буквой «И», если мое имя начинается на «К». Эту подвеску отец подарил маме, когда она родила меня.

И в подтверждение своих слов достаю из-под ворота водолазки золотую цепочку.

– Теперь понятно.

Сама не знаю, зачем я ему это сказала. Должно быть, ему нет до этого совсем никакого дела. Но мне почему-то захотелось поделиться с ним чем-нибудь важным для меня. Не на столько личным, как любимый мамин напиток, но тем не менее все же личным. Тем более что Максим сам однажды спрашивал.

Я кручу в своих руках кулон и чувствую, как из глаз начинают катиться слезы. У меня был чертовски сложный день...

Максим сразу слезает со стула и направляется ко мне.

– Эй, ты чего? – Он аккуратно дотрагивается до моего лица.

Если бы он только знал, как на меня действуют его прикосновения, то ни за что бы не сделал этого. Но я уже не могу сдержаться и начинаю рыдать еще сильнее. Утыкаюсь в его плечо и всхлипываю все громче и громче. Как же мне все надоело... Как же я хочу просто быть с Максимом. Просто быть счастлива. Без лишних людей и без лишних обязательств перед кем-то.

– Я так устала, Максим. Я так устала от всего этого... Ви-

ка, Егор... Я так больше не могу. Почему тебя так долго не было, Максим? – Я поднимаю на него глаза.

Моя маска снова сорвана и втоптана в землю, но мне плевать. Невысказанное меня душит.

– Разве меня долго не было? – Удивляется, – я сразу выехал, как закончил с тобой говорить. Ехал даже быстрее допустимого, наверняка придет несколько штрафов...

Боже, о чем он вообще говорит?

– Тебя так долго не было... Я ждала тебя... А ты появился, когда уже стало слишком поздно...

– Кристина, я приехал сразу, как только вы позвонили.

– Ты не понимаешь, я не об этом. Ты обещал меня найти и нашел. Но почему так поздно? Я ждала, а потом забыла тебя. Совсем забыла. И когда я от них всех устала и уже все для себя решила, ты приехал. Но уже поздно... Лучше бы ты вообще уже не приезжал. – Я громко всхлипнула.

Максим оторопел.

– Кристина, я не понимаю. Что ты имеешь в виду? – Он берет мое лицо в руки.

Я смотрю ему в глаза. Он совсем не понимает. Он совсем ничего не помнит. Он совсем не испытывает дежавю в моем присутствии.

Как же это больно – понимать, что я для него совсем никто. Совсем чужая. Хотя, может быть, это и к лучшему, что он не помнит. Я уже давно выбрала себе цель в жизни, и ничто не должно вынудить меня, отказаться от нее.

Усилим воли я беру себя в руки. Спрыгиваю со стула и говорю:

– Не важно. Извини. Не бери в голову. Я пошла спать.

И удаляюсь к себе, чтобы снова собрать себя по кусочкам и вступить в новый день, в котором еще нет ошибок.

Глава 28. Завтрак

На следующий день, когда у меня звонит будильник в 9 утра, я уже слышу где-то недалеко голоса Кристины и Егора. Кузнецов не подвел и приехал с утра. Когда я одеваюсь и захожу на кухню, застаю их обоих завтракающими.

– Доброе утро, – говорю и протягиваю Егору руку. Парень отвечает на рукопожатие.

– Привет, – произносит Кузнецов с набитым ртом.

– Есть рисовая каша. Будешь? – Обращается ко мне Кристина.

На ее лице ни грамма косметики и ни грамма следов вчерашних слез. Даже не знаю, что из этого меня сейчас удивляет больше. Мне кажется, я ни разу не видел Морозову ненакрашенной. Не то чтобы она когда-то перебарщивала с макияжем, нет, но легкий слой пудры на ее лице я всегда замечал. И глаза она выделяла. Не броско, но заметно.

– Да, – отвечаю ей и собираюсь подойти к плите, на которой стоит кастрюля, но Кристина меня опережает.

– Садись, я тебе положу.

От неожиданности я замер. Мне не послышалось?

Совладав с удивлением, опускаюсь на барный стул рядом с Егором и наблюдаю за Морозовой. Она достала из шкафчика турку, насыпала туда чайную ложку кофе, залила водой и поставила на огонь. Пока кофе подходит, кладет мне в та-

релку кашу и бросает сверху кусочек сливочного масла. Все именно так, как я ем дома.

Подает мне тарелку с ложкой и возвращается к кофе. Когда напиток закипает, наливает его в чашку и ставит передо мной.

Мне это не снится? Кристина действительно сейчас подала мне завтрак?

– Спасибо, – ошарашенно выдаю я и утыкаюсь в тарелку. Девушка возвращается на свое место и продолжает есть.

Каша оказалась очень вкусной. В меру сладкой и совсем без соли. Ненавижу соленые каши. И кофе черный без сахара. Как я люблю.

– Вкусная каша, – прерываю молчание, – кто варил?

– Я, – безмятежно отвечает Кристина.

Я удивленно вскидываю бровь.

– Ты умеешь готовить?

– Да.

– Не знал.

Девушка жмет плечами:

– Ты много чего обо мне не знаешь.

– Если бы ты была с братом поприветливее, может, он бы и узнал тебя с хорошей стороны, – вклинивается в наш диалог Егор. – Малыш, это самая вкусная каша из всех, что я ел, – он довольно улыбается своей девушке, а я незаметно сжимаю кулаки.

Мне не нравится, что он назвал ее «малыш». Мне не нра-

вится, что он назвал меня ее «братом», потому что мои чувства к Кристине отнюдь не братские. Мне не нравится, что он может вот так просто ей улыбаться, а я нет.

Но Кристина права, я много чего о ней не знаю. Так почему бы сейчас, пока у нас на редкость непринужденная обстановка, не поговорить с ней немного?

– А что еще ты умеешь готовить кроме каши? – Аккуратно интересуюсь.

– Ну, конечно, борщ варить не могу, но а так много что. Мясо, рыбу, гарниры, различные супы...

– Удивительно, – я все еще пребываю в легком шоке. Это так не похоже на типичную представительницу золотой молодежи, какой Кристина является.

– Ничего удивительного. Когда умерла мама, папа еще не был так богат, и мы не могли позволить себе повара. И самому отцу готовить тоже было некогда: компания стремительно развивалась. Поэтому готовила я.

– В восемь лет??? – Я не могу скрыть своего изумления.

– Да, а что такого? Я сама готовила и убирала квартиру. Но уже через пару лет отец смог нанять повара и домработницу, так что свободное от уроков время я стала проводить не дома у плиты или с тряпкой, а у папы на работе. Мне там очень нравилось.

– Круто, никогда бы не подумал.

На мгновение мы замолкаем, не зная, о чем еще говорить, как вдруг ко мне обращается Егор.

– Макс, куда вы сегодня с Олейниковой идете?

Моя рука с ложкой так и застывает в воздухе по дороге в рот. Боковым зрением я замечаю, как дергается Кристина и чуть ли не проливает кофе на стол. Я молчу пару секунд, думая, как бы выкрутиться из этой ситуации.

– Да так, в пару мест.

Егор по всей видимости не замечает эту заминку за столом и с искренним любопытством продолжает наступать.

– Так вы с ней встречаетесь? Или что у вас?

– Я не знаю, Егор, – честно отвечаю, – просто гуляем.

Кузнецов смеется.

– Ой, ну ладно тебе. Колись давай. Все же прекрасно понимают, что просто так парень и девушка не гуляют. Тем более второй раз подряд.

– Пока у нас ничего нет, а дальше видно будет.

– То есть, ты не исключаяешь, что можешь начать с ней встречаться?

Я немного сомневаюсь, но все же отвечаю:

– Не исключаяю.

– Красава! – Заулыбался Егор и поднял вверх большой палец.

Дальше мы продолжаем есть молча. Но только я и Егор. Кристина сидит, уткнувшись в свою тарелку, и даже не поднимает на нас глаз. При этом есть она перестала. К кофе тоже не притрагивается. Кажется, у нее пропал аппетит.

Через пару минут она встает со стула, берет тарелку, вы-

брасывает недоеденную кашу в мусорное ведро, выливает недопитый кофе в раковину, моет посуду и, обратившись к Егору с фразой «Пойду проведу Вику», удаляется из кухни.

Странный перепад в ее настроении меня немного корбит. Вроде сидели нормально общались, а потом такая резкая перемена. Впрочем, это же надменная Морозова. Чему я удивляюсь? Дала слабину, в кои-то веки поговорила со мной по-человечески, а потом, видимо, спохватилась, что не положено ей по социальному статусу нормально со мной общаться, вот и слилась.

– Как Вика, кстати? Не просыпалась? – обращаюсь я к ничего не заметившему Кузнецову. В этот момент он отвечает кому-то на сообщение.

– Неа, Кристина сказала, что она проспит минимум до обеда, а то и до вечера, – отвечает, не отрываясь от смартфона. Убрал наконец гаджет в карман, Егор поднимает на меня глаза и спрашивает. – Какие у тебя планы на завтра?

– В 12 английский, потом никаких. А что?

– Приходи в 4 вечера на юбилей моей бабушки.

Признаться честно, меня очень удивляют его слова.

– Я не знаю твою бабушку, и она меня не приглашала.

Егор машет рукой:

– Она завтра и половины гостей на своем юбилее знать не будет. Мать пригласила чуть ли не сто человек. Вчера просто приехала бабушкина родня из Воронежа, там есть несколько человек из Россоши. Может, будешь их знать.

– А как их зовут? – Я заинтересовался.

– Слушай, я не помню, – Кузнецов морщится, – их реально дофига. Двоюродные, троюродные, десятиуродные... Мать вчера мне их всех представляла, а сейчас у меня в голове уже каша из имен. Но из Россоши точно трое или четверо.

– Спасибо за приглашение, Егор, но мне все равно как-то неудобно. Я совсем не знаю твою семью.

– Ну вот и познакомишься.

– Все равно неудобно.

Кузнецов закатывает глаза.

– Что ты как стеснительная девочка? Слушай, я там с тоски завтра завою в окружении всей этой родни, которую впервые вижу, и маминых подруг со своими семьями. А свалить оттуда мать мне не даст. Если Вика до завтра очухается, Кристина тоже придет. А если нет, то я там вообще один буду.

– Ладно, – аргумент Егора мне показался убедительным, – а что подарить твоей бабушке?

– Букета цветов достаточно.

Я киваю.

– Хорошо, я уже поеду, – спрыгиваю со стула и мою за собой посуду, – мне отогнать машину Кристины домой?

– Да, я надеюсь, что обратно в Золотой ручей я уже с ней вернусь. Сегодня ночью Викины родители экстренно возвращаются. Кристина им звонила, они срочно вылетели.

– Ясно.

Егор провожает меня до входной двери. Мы ждем друг другу руки и со словами «До завтра» я удаляюсь.

Мама мне так и не позвонила. Это означает, что моего отсутствия в доме она не заметила. Хорошо. В субботу они с отчимом обычно отсыпаются до обеда, потому что это у них единственный выходной. По воскресеньям они работают. Дома, в рабочей зоне Игоря Петровича, но все же работают.

По дороге в Золотой ручей я невольно задумываюсь о Кристине. Все же я удивлен, что она так отчаянно мечтает возглавить компанию отца. Я вижу, сколько работает отчим. Иногда он возвращается домой глубокой ночью, а еще часто уезжает в командировки на строительные объекты в других городах. Неужели она хочет для себя такой жизни? Это ведь и не жизнь даже.

Понятно, что в 17 лет еще рано мечтать о семье и муже, но все же Кристина – девушка. Она следит за модой, это очевидно по ее гардеробу, регулярно ходит на маникюр, в спа-салон, вроде даже посещает косметолога. Однажды они с Викой обсуждали по дороге в школу какой-то новый вид масок для лица. Ничто женское ей не чуждо. Достаточно вспомнить розовые тетрадки в последнем ящике ее комода, где она прячет ключ от тайника.

Но при этом у нее мужской характер, стальной стержень внутри. Мне действительно сложно представить ее с грудным ребенком на руках и меняющей памперсы. Она совер-

шенно точно не будет создавать уют в доме и встречать мужа с работы, даже если он у нее когда-нибудь и появится.

Кристина необыкновенная. Я никогда не встречал таких, как она. Думаю, больше и не встречу. Она, как шедевр, – единственная в своем экземпляре.

И я люблю ее.

Сам усмехаюсь этому признанию. Я осознал, что она безумно мне дорога в тот самый момент, когда урод приставил нож к ее шее. Просто посмотрел в ее глубокие синие глаза и понял, что ради этой девушки я сделаю все.

Но смог бы я прожить с ней жизнь? Смог бы я быть счастливым с ней? У меня нет ответа на этот вопрос. Егор, очевидно, что смог бы. Он не подкаблучник, но он готов принять Кристину такой, какая она есть. Он принимает ее даже без взаимной любви. А то, что Морозова его не любит, это очевидно. Да он и сам это прекрасно понимает, рассказывал же мне на Викиной вечеринке.

Но я до сих пор не могу понять отношение Кристины ко мне. Она то выплескивает на меня ненависть и пытается унижить, то нежно проводит пальцами по моему лицу и обнимает, прижимаясь к плечу. Последнее, правда, бывало только в моменты истерик, но все же.

И несмотря ни на что, я люблю ее. Мою сводную сестру. Девушку моего друга.

Егор... Человек, который действительно стал мне близок. Я даже сам не заметил, как это случилось. Просто с ним лег-

ко, просто он без лишних понтов, просто он «свой в доску». Имею ли я право любить девушку своего друга?

Как же все сложно... Моя бабушка иногда любит говорить: «Есть ситуации, которые нельзя распутать. Можно только уйти».

Это именно та ситуация. Я не имею права любить девушку друга. Тем более что она ответных чувств совершенно точно не испытывает. Да и где Кристина, а где я. Хоть она раньше и жила в обычной семье, поскольку отчим не всегда был миллионером, все равно у нас с ней слишком разные социальные статусы.

Но, клянусь, что однажды это изменится. Однажды я буду ей равен. Я стану таким, как Игорь Морозов, даже если мне придется пробить для этого головой стену. И больше никогда Кристина не сможет посмотреть на меня свысока.

Однажды этот день наступит.

Глава 29. От неба до земли

За размышлениями я сам не заметил, как подъехал к дому. Тихо въезжаю во двор, загоняю машину в гараж и поднимаюсь к себе. Быстро в душ и надо собираться. Мы договорились встретиться с Олей в два у Успенской церкви в 5-м Котельническом переулке возле метро Таганская. Я приготовил для нее кое-что необычное. По крайней мере мне хочется в это верить. Искренне надеюсь, что она не была в этих местах.

Оля хорошая девушка и действительно нравится мне. Кто знает, может, она станет именно той, кто поможет мне выбросить из головы Кристину.

Я приезжаю на место ровно без пяти два. В кармане вибрирует телефон. Сообщение от Оли.

«Задерживаюсь на 10 мин. Сорри(»

«Все ок»

Она действительно приходит ровно в 14:10. Кажется, что ее широкая улыбка в этот холодный зимний день согревает всю улицу.

– Привет! – Весело машет мне рукой, подходя ближе, – Извини, запуталась в выходах из метро.

– Ты приехала на метро? – Я искренне удивлен.

– Да, а что?

– Очень необычно для ученицы нашей школы. У нас ведь

все с личными водителями. В крайнем случае на такси.

Она морщит лицо.

– Я не вхожу в число зажавшихся мажоров.

Я смеюсь.

– А ты как добирался? – спрашивает она.

– На такси. Но мне ведь из Подмосковья ехать.

– А маршрутки не ходят?

Я теряюсь от ее вопроса.

– Не знаю, может, и ходят. В школу и обратно я же с Кузнецовым езжу. А больше никуда особо не выбираюсь. Но к репетитору по английскому, с которым раньше в Москве занимался, я ездил от школы на такси.

– То есть, ты хочешь сказать, что никогда еще не катался на московском метро? – Она вытаращила на меня глаза.

– Неа.

– Самойлов, ну ты даешь! Московское метро – это же легендарное место. Туда нужно спуститься, как минимум, в образовательных целях. Тут есть такие станции, с такой историей!

– Да?

– Конечно! Маяковская, Парк победы, Арбатская, – она начинает перечислять незнакомые мне названия. – Ох, учить тебя еще Москве и учить, – Оля смеется.

Я в ответ тоже смеюсь.

– Ладно. Пошли. Надеюсь, у меня получится тебя удивить.

– Ну посмотрим-посмотрим.

Мы переходим дорогу и двигаемся прямо по улице. Дойдя до места, я поворачиваюсь к ней и предупреждаю:

– У нас сегодня будут две точки. Одна внизу, а вторая наверху.

Она хитро прищурилась.

– Сейчас нижняя, – я ей подмигиваю.

– Ну давай, показывай.

Я привел ее в бункер. Настоящий. Первый противоядерный на постсоветском пространстве. Он располагается на глубине 65 метров на территории бывшего засекреченного военного объекта СССР. Его проектирование началось в 1945 году по личному заданию Сталина после старта разработки атомной бомбы в США.

Я вижу по Оле, что она приятно удивлена, и потому облегченно выдыхаю. Больше всего я боялся, что она тут уже была. А еще больше, – что она тут была, и ей не понравилось.

– Блин, Максим, тут правда круто. Я слышала, что в Москве есть настоящий бункер, но как-то даже не думала посетить. Теперь понимаю, что зря.

Экскурсовод рассказывает нам о начале Холодной войны, когда США сбросили ядерные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, показав свое преимущество перед СССР в ядерном оружии. Потом нам рассказывают об истории ракетостроения, показывают макет первой советской атомной бомбы в натуральную величину. Снова говорят о гонке вооружений между странами и к каким существенным научным открытиям

во многих областях она привела.

Понимаю, что не совсем женская тема, но Оля выглядит искренне заинтересованной. Даже задает экскурсоводу вопросы. Я рискнул повести ее в бункер, потому что сейчас в школе на истории мы как раз проходим середину XX века и холодную войну с США, а Оля принимает активное участие в дискуссиях с учителем.

Когда мы поднимаемся наверх, она радостно выдыхает.

– Самойлов, это пять баллов! Да, ты смог меня удивить.

– Ура! Но это еще не все.

– Куда теперь?

– Пока не скажу.

Я лезу в карман за телефоном, чтобы вызвать такси через приложение. Оля, увидев это, вдруг заявляет:

– А давай на метро? Заодно посмотришь подземку.

– Ээм, я не знаю, как туда ехать на метро.

– А какая станция?

– Не скажу. Предполагается, что это сюрприз.

Она закатывает глаза.

– Максим, от того, что ты назовешь мне станцию метро, я твой сюрприз не разгадаю.

Секунду я сомневаюсь. Но потом все-таки решаюсь. Действительно интересно посмотреть московское метро. А кроме Оли мне туда больше не с кем спуститься. Не с Егором, Кристиной и Викой же. Хотя, Егор, может, еще и мог бы, но точно не последние две. Они слишком берегут свои лабуте-

ны.

– Выставочная, – говорю Оле, искренне надеясь, что она не разгадает, что я задумал.

– Отлично, пошли.

В метро она не дает мне купить билет и пропускает через турникет своим проездным. Надеюсь, одна поездка не дорого стоит. Впрочем, будет еще повод ее куда-то пригласить.

Мы спускаемся на эскалаторе глубоко вниз и заходим в поезд. Шумно, грязно, какие-то непонятные запахи.

– Это и есть легендарное московское метро? – осторожно интересуюсь у Оли, рассматривая бомжа в нескольких метрах от нас.

– Да, а что? Не нравится? – Она прищуривается.

– Необычно, – стараюсь ответить максимально обтекаемо.

Оля смеется.

– Вонь и грязь – это неотъемлемая часть метро. Когда много ездешь, привыкаешь.

Да уж. Впрочем, что-то в этом есть. Я смотрю по сторонам. Каждый пассажир занят каким-то своим делом. Кто-то слушает музыку, кто-то читает, кто-то ковыряется в телефоне. Никто ни на кого не смотрит. Никому нет ни до кого дела. Не то что в автобусах в Росоши, где все пассажиры только и заняты тем, что рассматривают друг друга.

Мы выходим на станции Киевская.

– Нам нужно перейти на другую ветку, – поясняет Оля и ведет меня в переход.

Эскалаторы, ступеньки, длинные коридоры, и вот мы снова в поезде. На следующей остановке выходим.

Выставочная – по всей видимости новая станция, потому что тут все блестит, как в мраморе. Идеальная чистота и никаких неприятных запахов.

– Нам нужен ТЦ «Афимолл», – говорю я Оле.

Она удивляется.

– Ты решил сводить меня в торговый центр?

– Нет, там у нас место встречи кое с кем.

– Даже так! Ну идем.

В торговый центр мы попадаем прямо из метро, не выходя на улицу. Я веду Олю на второй этаж к фонтану. Обычно посетителей встречают группами с вывеской, но это бы выдало Оле мой сюрприз раньше времени, поэтому за отдельную плату мне удалось договориться, чтобы у нас был индивидуальный сопровождающий. Мы подходим к девушке с табличкой «Максим Самойлов», и она ведет нас в нужное место.

Это башня «Око» в «Москва-Сити». Вторая по высоте в Европе. На лифте нас поднимают на 86 этаж.

– Каток на 86 этаже? Максим, ты серьезно? – Оля изумлена, когда мы выходим из лифта.

– Абсолютно. Будем кататься и смотреть на ночную Москву в огнях, – я подмигиваю ей. Хоть еще и не поздно, но уже темно, и столица красиво светится.

Оля больше не произносит ни слова, но я вижу, что она ра-

да. Снова облегченно выдыхаю. Мы надеваем коньки и ступаем на лед. От видов ночной Москвы с такой высоты захватывает дух.

– Сколько тут метров над землей? – спрашивает она, подьехав к одному из панорамных окон.

– 354.

– Обалдеть. Я даже не знала, что в «Москва-Сити» есть каток. – Оля поворачивает ко мне голову. – Максим, ты превзошел мои ожидания. Правда.

Несколько секунд мы смотрим друг другу в глаза. Оля счастливо улыбается. Я ей тоже. Снова чувствую с ней легкость и непринужденность. Она мне действительно нравится. Возможно, Оля именно та девушка, с которой я мог бы забыть Кристину. Нечестно, конечно, ее так использовать, но все же. Она мой шанс.

Я ничего ей не отвечаю, а просто беру за руку, чтобы поехать дальше. Оля охотно хватает мою ладонь. Мы переплетаем наши пальцы и следующие полтора часа скользим по льду, любясь ночной Москвой с высоты и не разнимая наших рук.

Мы говорим о разном. В основном о нашей жизни до Москвы. Оля много рассказывает про Питер и своих друзей. Я рассказываю про Воронеж, прежнюю школу, каратэ.

– У тебя серьезно черный пояс? – Удивляется она.

– Да.

– Что тебя привело в каратэ?

Я не люблю этот вопрос, потому что он связан с воспоминаниями о человеке, который меня предал и о котором я ненавижу говорить. Но Оля об этом не знает, поэтому стараюсь ответить ей, как можно более безмятежно.

– Отец. Это единственное полезное, что он для меня сделал. Ну, кроме того, что принял участие в моем появлении на свет.

– Извини за вопрос. – Осторожно говорит она.

Я ей мягко улыбаюсь.

– Ничего.

Когда наше время на льду выходит, я веду Олю в кафе тут же на 86 этаже. Уже вечер и не знаю, как она, но я точно проголодался. Мы берем по бургеру и садимся друг напротив друга.

– Какие у тебя планы на Новый год? – спрашивает Оля.

Мда, Новый год... уже почти через 10 дней. А я еще даже не думал о подарках для близких.

– С семьей буду.

– В Москве?

– Да. В Россошь поеду 2 января. А у тебя какие планы?

– 27 декабря уезжаем с родителями в Питер до конца новогодних праздников. Саму новогоднюю ночь буду с друзьями встречать. У одноклассника из прежней школы родители улетают за границу, так что у него свободная хата.

Я непроизвольно смеюсь, вспомнив, как в Воронеже мы каждый год, начиная с 1 декабря, искали с друзьями сво-

бодную хату. И каждый раз она находилась только под самый Новый год, когда мы уже расстраивались, что придется встречать праздник дома с семьей перед телевизором с «Голубым огоньком».

– Круто тебе. К нам, насколько я знаю, приедут несколько партнеров отчима со своими семьями. Так что после боя курантов Новый год мягко перейдет в деловую встречу в неформальной обстановке.

– Ну, ты же, наверное, можешь сбежать оттуда к своим соседям, с которыми вместе в школу ездешь?

Я от ее вопроса теряюсь. Очевидно, Оля имеет в виду Егора и Кристину. Но она не знает, что мы с Морозовой живем в одном доме, и мой отчим – это ее отец. Я глубоко вздыхаю и говорю:

– Оля, я должен сказать тебе кое-что...

– Звучит, прямо, как в американских фильмах, – она смеется. А вот мне не до смеха. Но если я хочу попробовать построить с Олей отношения, ей следует знать.

– Кристина Морозова – моя сводная сестра.

Она застывает, перестав жевать. Несколько секунд смотрит на меня немигающим взглядом. Потом все-таки дожевывает бургер и спрашивает.

– В смысле?

– Моя мама и ее отец вместе. Мы живем в одном доме. Папа Кристины – мой отчим, а она – моя сводная сестра.

За нашим столом воцаряется тишина.

– Неожиданно, – наконец выдает Оля через минуту.

– Извини, что не сказал раньше. Просто Кристина не хотела, чтобы в школе кто-то об этом знал.

– Так вот почему она на тебя все время смотрит в школе.

– Слушай, вот честное слово, ее взгляды – это совершенно точно не то, что тебе казалось, – я вспомнил, как на Викиной вечеринке Оля говорила о том, что я могу нравиться Кристине. – У меня с Кристиной довольно холодные отношения. Мы с ней дома вообще не общаемся. Просто отчим распорядился, чтобы мы вместе ездили в школу, но машина Кристины сначала была в ремонте, а потом уволился ее водитель. Поэтому я стал ездить с ней и Егором и неожиданно для самого себя подружился с Кузнецовым. С Кристиной же я могу за неделю и словом не обмолвиться.

Оля с пониманием кивает головой.

– Теперь ее взгляды на тебя мне действительно понятны. Да, Кристина очень странная девушка.

– В чем? – Я решаю аккуратно поинтересоваться.

– Не знаю, какая-то очень закрытая. Смотрит на всех свысока. Не терпит, когда кто-то на уроках лучше нее. Я думаю, она тебя тихо ненавидит за то, что ты уделал ее по некоторым предметам.

Я безразлично машу рукой.

– Я об этом вообще не думаю. У меня нет цели быть лучшим учеником и получить золотую медаль. Я хорошо учусь, потому что само так выходит, а не потому, что я к этому

стремлюсь и что-то особенное для этого предпринимаю.

– Ну это ты. А она другая. Она всегда должна быть лучшей. И как Кузнецов с ней справляется? Он в целом парень неплохой.

– Да, Егор действительно молодец. Сам не ожидал, что по-дружусь с ним.

– Он ее к тебе не ревнует? – Оля тихо смеется.

– К счастью, нет. Ну он же видит, что Кристина меня терпеть не может.

– А ты ее?

На секунду ее вопрос застает меня врасплох. Я поднимаю на Олю глаза и наши взгляды встречаются. Она внимательно и очень серьезно на меня смотрит, ожидая ответа. И я понимаю, что этот вопрос не просто так, и он несет для нее смысл.

– Она мне абсолютно безразлична, – спокойно вру и чувствую себя в этот момент последней сволочью.

Оля не заслуживает этого, но по-другому я сейчас не могу. Мне нужно лекарство от Кристины. Отчаянно нужно.

Я провожаю Олю до дома, категорически отказываясь делать это на метро. Мы оба устали и в конце концов у нас все-таки свидание, поэтому вызываю такси, даже не слушая ее возражений.

У подъезда я слегка теряюсь. Я должен ее сейчас поцеловать? Но Оля сама разряжает обстановку, слегка приобняв меня за плечи и чмокнув в щеку. Я рад, что все-таки удастся избежать поцелуя в губы. Пока рано. Все-таки во мне еще

силен голос совести, настаивающий на том, что я мудака.

– Спасибо за этот день, Максим. Мне правда все понравилось. И тебе действительно удалось меня удивить.

– Надеюсь, не в последний раз.

Мы улыбаемся друг другу и оба понимаем, что означают эти слова.

– Я тоже на это надеюсь, – тихо говорит, – напиши, когда доедешь до дома.

– Хорошо, – обещаю, и Оля скрывается за дверью подъезда.

Дома свет горит только на третьем этаже. Мама и отчим работают. Из-под двери Кристины свет не выбивается, видимо, еще не вернулась.

Пишу Оле, что добрался. Она еще раз благодарит меня за день, а я обещаю ей подумать над новыми интересными местами в Москве. Она отвечает «Буду очень ждать!», мы желаем друг другу спокойной ночи и прощаемся.

Уже ложась спать, решаю написать Егору.

«Как Вика?»

Ответ приходит минут через пять.

«Очухалась. Ничего не помнит. Кристина говорит, что это нормально. Викины предки уже едут из аэропорта, так что мы с Кристиной скоро тоже отправимся домой».

«Ок»

Уже хочу отложить телефон, как Егор снова пишет.

«Как свидание с Олейниковой?))»

«Отлично»

«Поздравляю)) Завтра не забудь ко мне в 16:00»

«Помню, буду»

«Ок, до завтра»

«До завтра»

Заснуть у меня получается только после того, как в 2 часа ночи возвращается Кристина. Я упорно стараюсь себя убедить, что не могу заснуть не потому, что жду ее возвращения, а потому что просто не получается. Но ведь себя не обманешь. Только после того, как шаги девушки затихли за дверью ее комнаты, я могу наконец-то погрузиться в сон.

Глава 30. Встреча с прошлым

В 15:45 я уже готов выходить из дома на юбилей бабушки Егора. От нас до друга идти пешком максимум 10 минут. Букет цветов доставка привезла еще утром.

Я уже натягиваю на себя куртку и ботинки в холле, как слышу шаги по лестнице. Кристина спускается в черном облегающем платье и замшевых сапогах на каблуках. Ее прямые волосы завиты в кудри, на лице легкий макияж с акцентом на глаза. Привычной красной помады почему-то нет. Губы лишь слегка покрыты прозрачным блеском. В руках девушка держит подарочный пакет.

Я сегодня Кристину еще не видел, поэтому непроизвольно застываю, засматриваясь на нее.

Мне кажется, я никогда не видел никого красивее.

– Ты к Егору? – Обращается ко мне Морозова.

– Да.

– Я тоже.

Она надевает черную шубу, я застегиваю куртку, и вместе мы выходим. До дома Егора идем молча. Да и о чем нам говорить? Мы не брат и сестра, не друзья, не любовники. Просто знакомые.

У ворот дома Егора уже полно машин, во дворе около десятка человек разговаривают и курят. Я в доме Егора не был, поэтому просто иду за Кристиной. Она уверенно пересека-

ет двор, поднимается по ступенькам крыльца и открывает дверь.

Мы сразу попадаем в огромную гостиную. Она, наверное, в два, а то и в три, раза больше, чем наша. Зала отделана в светлых нейтральных тонах. Посередине стоит огромный длинный стол, сервировку которого официанты уже завершают. По всей видимости, нанятые специально на этот вечер. Это не дом, а отдельно построенное помещение. Видимо, специально для таких торжеств. У стен залы стоят мягкие диваны. Видимо, для тех, кто устанет сидеть за столом и захочет с кем-то непринужденно пообщаться не возле тарелок.

Людей в гостиной уже довольно много, и Егора среди них не видно. Швейцар (тоже специально нанятый?) помогает нам с Кристиной снять верхнюю одежду, и мы проходим внутрь. В этот момент к нам подходит какой-то парень. Я его смутно узнаю. Кажется, это один из братьев Егора.

– Привет, – обращается он к Кристине, – Егор где-то тут был.

– Я ему позвоню сейчас.

Парень жмет мне руку, даже не представившись, и уходит. Морозова набирает Егору.

– Мы на месте, – сухо кидает ему и кладет трубку.

Егор выныривает моментально откуда-то из-за коридора.

– Привет-привет, – радостно направляется к нам он, – очень рад, что вы пришли, а то я уже собирался повеситься

от этого балагана.

Смеясь, он целует Кристину и жмет мне руку.

– Ну пойдёмте я вас с бабушкой познакомлю, что ли. А тебе Максим потом ещё несколько человек из твоего города представлю.

– Хорошо.

Кузнецов уводит нас в коридор, из которого к нам и вышел. Шум из залы становится все дальше. Мы входим в комнату, в которой в большом кресле сидит пожилая женщина и с кем-то разговаривает. Это помещение не маленькое, больше похоже на кабинет. Тут помимо бабушки Кузнецова и ее собеседников находятся еще человек десять.

– Бабушка, разреши тебя познакомить, – Егор прерывает ее разговор, подводя нас с Кристиной.

Женщина отвлекается и с улыбкой на нас смотрит. Виновница торжества выглядит очень даже не плохо. По крайней мере я бы ей 80 лет не дал. Короткая стрижка, волосы покрашены в светлый цвет, легкий макияж, праздничное светлое платье и туфли на небольшом каблуке.

– Да, внучек, – его бабушка нас с любопытством разглядывает. Ее собеседники в этот момент галантно отходят в сторону.

– Это моя девушка Кристина. Я тебе о ней много рассказывал, – начинает Кузнецов, – а это мой одноклассник и друг Максим. Он, кстати, как и ты, родом из Россоши. Ребята, – Егор уже повернул голову к нам, – это моя бабушка Мария

Ильинична.

Старушка окидывает нас теплым взглядом и расплывается в улыбке.

– С днем рождения, Мария Ильинична! Крепкого вам здоровья! – Кристина улыбается женщине и протягивает ей подарочный пакет.

Бабушка Кузнецова принимает его и откладывает за кресло, где у нее уже целая куча из таких же подарочных пакетов.

– Спасибо большое, дорогая, – она внимательно смотрит на Морозову, – так вот, значит, ты какая – девушка, из-за которой мой внук потерял голову!

Егор и Кристина непринужденно смеются, а вот мне не до смеха. С трудом выдавливаю из себя улыбку.

– А ты, значит, из Россоши? – Женщина переводит внимание на меня.

– Да. Примите от меня букет, Мария Ильинична. С днем рождения!

Она берет цветы и откладывает их в обратную от подарков сторону – туда, где такие же букеты уже нагромождены кучей.

– Спасибо большое, Максим. И как твоя фамилия?

– Самойлов. Максим Самойлов.

Женщина прищуривается, продолжая на меня пристально смотреть.

– Самойлов, Самойлов... – Она тихо повторяет мою фамилию, будто пытается вспомнить. – Людмила Самойлова

тебе никем не доводится?

– Так звали мою бабушку по папе, – растерянно отвечаю. – Но она давно умерла, я еще в школу не ходил. Плохо ее помню.

Мария Ильинична пропускает мои слова мимо ушей и продолжает наступать дальше.

– Значит, ты – сын Леши Самойлова? Людиного сына?

Я застываю.

Я никогда и ни с кем не говорил о своем отце. Россошь – небольшой город, но даже там мне всегда удавалось избегать встречи с людьми, которые могли знать моего отца. О нем очень хорошо были осведомлены мамины подруги, но и они никогда ничего не говорили. Вообще, отец с тех пор, как он нас бросил, был запретной темой в моей семье. О нем не говорил никто и никогда. Будто его вообще не было.

– Да, – выдавливаю, наконец, из себя.

Старушка не замечает моего смятения. Вместо этого она вертит по сторонам головой, кого-то выискивая, и кричит:

– Света! Света!

К нам подбегает очень ухоженная женщина лет 40. Ни она, ни бабушка Егора не успевают ничего сказать, потому что их опережает Кузнецов.

– Mam, познакомься, это мой друг Максим. – Затем он обращается ко мне. – Макс, это моя мама, Светлана Михайловна.

– Очень приятно, – говорю я женщине.

Она мне с улыбкой кивает. Но Марии Ильиничне будто невтерпеж.

– Света, этот мальчик – сын Лешки Самойлова! Помнишь Лешку?

Лицо женщины вытягивается в изумлении.

– Да ладно!?! Ты Лешкин сын? Конечно, я его помню! Каждые летние каникулы я приезжала в Россошь и гоняла с ним на велосипедах. Мы же по соседству жили!

Я нервно сглатываю. Светлана Михайловна не замечает моего смятения и начинает сыпать вопросами.

– Так а вы в Москву переехали? Твой папа тут? Что же он мне не позвонил-то!?

Я прочищаю горло и выдавливаю из себя:

– Вы, наверное, не знаете, но моя мама и отец развелись, когда мне было 8 лет. С тех пор я его ни разу не видел. Я в Москве живу с мамой.

Обе женщины удивленно друг с другом переглядываются. Мне же хочется провалиться сквозь землю. Весь этот спектакль наблюдают Егор и Кристина.

– Да? – Мама Егора явно засмушалась. – Извини, я не знала. Лет пять назад я ездила в сам Воронеж на крестины дочки двоюродной сестры и совершенно случайно встретила в одном из магазинов Алексея. Если бы он меня сам не остановил, я бы его даже не узнала. Он был с женой и маленькой дочкой, лет пяти. Так, перекинулись с ним парой фраз о том, о сем, обменялись контактами и разошлись. Но в детстве мы

с ним дружили.

– Понятно. – Это все, что я могу сказать.

Мама Егора пару секунд на меня внимательно смотрит и, как бы сомневаясь, говорит:

– Если хочешь, я могу дать тебе его номер. Не знаю, правда, актуален ли он до сих пор. Но тогда пять лет назад он мне его сам дал.

– Спасибо, не нужно.

Атмосфера немного накалилась, и Егор спешит ее разрядить.

– Ладно, мам, ба, мы пошли в зал.

Женщины еще раз нам улыбаются, а Кузнецов торопится нас увести.

– Блин, Макс, извини. Я не знал, что они знакомы с твоим отцом. Да и то, что ты с ним вообще не общаешься, тоже не знал, – Егор виновато чешет затылок.

– Да ничего страшного.

– Я хотел еще тебя со своими троюродными из Россоши познакомить.

– Давай не будем? Я уже боюсь, если честно.

Егор с пониманием кивает. Кристина все это время молча наблюдает со стороны. На удивление, на ее лице нет ни презрительных ухмылок, ни других следов пренебрежения ко мне и к моей ситуации с отцом. Когда я пару раз бросал на нее взгляд, наши глаза встречались, и мне даже казалось, что я вижу в них сочувствие.

В большой гостиной Егор и Кристина берут из рук официанта по бокалу шампанского. Я же тянусь за апельсиновым соком. Не успеваю сделать и глоток, как слышу со стороны крик до боли знакомого голоса.

– Максим?! Максим, это ты?!

Я резко оборачиваюсь и столбенею. На меня несется Аня Репрева. Моя бывшая девушка. Я с ней начал встречаться в начале августа, а уже в конце сентября объявил, что уезжаю в Москву и дальше продолжать отношения не получится.

Аня умная девочка, но в тот момент повела себя крайне глупо, чем очень меня разочаровала. Она разрыдалась, стала обвинять меня в том, что я последний мудака и вообще – расстояние для любви не помеха. Я тогда, как мог, старался объяснить ей всю бессмысленность продолжать отношения, будучи в разных городах, но она и слышать не хотела. В итоге мне надоело, и я просто ушел.

На следующий день она, видимо, уже остыла, потому что написала мне сообщение с извинениями и предложением просто остаться друзьями. Я согласился и с тех пор мы ни разу не общались.

И вот сейчас в особняке моего друга-мажора из Москвы я не только встретил знакомых своего отца, но и свою бывшую. Какие еще сюрпризы мне подготовил этот вечер? Честное слово, лучше бы я не приходил.

Я не успеваю ничего ответить, потому что Аня виснет у меня на шее. Я аккуратно приобнимаю ее за талию. Когда

девушка от меня отстраняется, Егор говорит.

– Максим, это моя троюродная сестра из Россоши, как раз с которой я хотел тебя познакомить. Но, я вижу, вы уже знакомы.

– Да, мы с Максимом встречались, но он меня бросил ради Москвы, – Аня игриво бьет меня кулаком в плечо.

Я окидываю взглядом Кузнецова и Морозову. Егора эта ситуация явно веселит. А вот Кристина стоит ни жива, ни мертва. Снова у нее какие-то странные перепады настроения.

– Ах так, Максим? – Кузнецов ехидно выгибает бровь. – Тогда я как старший брат обязан вызвать тебя на серьезный мужской разговор.

Аня и Егор смеются. Я смеюсь в ответ, но на самом деле мне не до смеха.

– Кстати, Ань, познакомься с моей девушкой Кристиной, – обращается к ней Кузнецов.

– Привет, – с улыбкой щебечет ей Репрева.

Морозова натянута, как струна. Дышит тяжело, лицо бледное. Аня не замечает этого, но я уже хорошо изучил Кристину. Я вижу, как она делает над собой усилие воли, чтобы натянуть на губы скупую улыбку, и выдавливает:

– Привет.

Репрева подхватывает меня под локоть и тараторит.

– Максим, а как ты познакомился с Егором? – Потом переводит взгляд на него. – Ребят, а чего мы стоим? Давайте

сядем вон на те диванчики и поболтаем.

И не дожидаясь ответов, Аня тянет меня за собой. Два дивана стоят над стенами буквой Г. Мы с Аней садимся на один, а Егор с Кристиной на второй, так что, повернувшись друг к другу полубоком, мы можем общаться.

– Так как вы познакомились? – Не унимается Репрева.

– Мы с Егором одноклассники.

– И соседи, – добавляет Кузнецов.

– Максим, ты тоже живешь в этом поселке для олигархов? – Аня вытаращила глаза.

Я растерялся.

– Ээм, ну да, так вышло.

– Когда это ты, Максим, успел стать миллионером? Я о тебе чего-то не знаю?

– Это не мой дом, Ань, а отчима. Я просто живу у отчима. И все.

Мне не нравятся эти вопросы в присутствии Кристины. Морозова по-прежнему сидит с деревянным лицом и не сводит с нас глаз. Аня обнимает меня обеими руками и кладет голову на плечо. Егора с Кристиной она уже не замечает.

– Я скучала по тебе, Максим.

Вот что я должен на это ответить при свидетелях? Если честно, я не скучал. Даже не вспоминал. Аня симпатичная девочка, но полным инициатором наших отношений была она. Первая ко мне подошла на дне рождения у приятеля, первая добавилась ко мне в друзья и написала, первая

предложила сходить в кино. Поцеловал, правда, ее первый я. Она мне действительно была очень симпатична, поэтому я не возражал против ее инициативы. Но когда все-таки решился на переезд, расстался с ней легко.

Конечно, если бы я только знал, как повернется моя жизнь в Москве, то никогда бы не приехал в дом Игоря Морозова. Не знал бы Кристину и жил счастливо. Хотя, возможно, наша встреча все равно была неизбежна. Я бы в любом случае поступал в универ в Москве и так или иначе, думаю, познакомился бы с женщиной моей мамы и его дочерью. Вот только не думаю, что так плотно, что возникли бы чувства.

Но, с другой стороны, если бы я не приехал в Москву, то в тот вечер Кристина бы шла от репетитора одна и с теми уродами осталась бы тоже один на один. И неизвестно, что бы они с ней сделали, если бы я не оказался рядом.

С этой мыслью я смотрю на Кристину. Наши взгляды встречаются, и она отводит глаза в сторону. На ней по-прежнему лица нет. Интересно, о чем она думает?

– А ты скучал по мне, Максим? – вырывает меня из размышлений Аня.

– Аа? Да-да, конечно, скучал. – Спешу успокоить девушку. – На новогодние праздники приеду.

Я говорю это и прикусываю язык. Черт, она за это наверняка уцепится.

– Правда? Как круто! Значит, совсем скоро мы с тобой снова увидимся! У нас открылось одно новое прикольное ме-

сто. Обязательно сходим.

– Угу.

Я хочу провалиться сквозь землю. Бросаю взгляд на Егора в надежде, что он меня как-нибудь спасет от своей сестры. Но, по всей видимости, даже нет смысла его об этом просить. Егор над нами откровенно угорает. Он развалился на диване, вытянув вперед ноги, скрестил на груди руки и внимательно нас слушает. Я уверен на 100%, что он сейчас еще думает и об Оле.

Провидение надо мной все-таки сжалилось, потому что в залу входит бабушка Егора, которую ведет под руку Светлана Михайловна. Официанты приглашают всех к столу. Аня садится по правую руку от меня, а Егор по левую. Рядом с Егором Кристина. Я рад, что они не напротив, потому что сил моих больше нет смотреть на ржущего надо мной Кузнецова и каменную Морозову.

– А ты тут с кем? – спрашиваю я у Ани.

– С родителями и младшим братом. Моя мама и мама Егора – двоюродные сестры.

– Понятно. А кто тут еще из Россоши? Егор говорил, что несколько человек.

– Еще другой наш дальний родственник со своей женой, но ты их вряд ли знаешь. Тут больше нашей родни из самого Воронежа.

Мне кажется, что этот вечер тянется бесконечно. За столом один тост сменяет другой, народ постепенно напивается

и начинает себя вести все веселее и веселее. Анька на мне уже не виснет, видимо, ее семья где-то недалеко сидит и может нас видеть, но тем не менее болтает без умолку.

Через несколько часов музыка становится громче, и пары выходят танцевать. Егор ведет на импровизированный танцпол Кристину. При виде их танцующими вместе меня больно колет в сердце. Кристина уткнулась в его шею, обвив ее руками, Егор же крепко держит ее за талию. Они медленно крутятся вокруг себя в такт музыке. Егор что-то шепчет ей на ухо, Кристина слегка улыбается.

Я непроизвольно сжимаю от злости кулаки. В груди бушует огонь ревности. Мне просто хочется вырвать Кристину из рук друга.

– Давай потанцуем? – вырывает меня из мыслей Репрева.

Я уже и забыл о ней. Аня тут? Отлично. Аня – это именно то, что мне сейчас нужно.

– Пойдем.

Беру девушку за руку и тащу за собой на танцпол. Кристина, при виде нас, слегка напрягается и отстраняется от Егора. Внимательно смотрит.

Несколько бокалов шампанского не прошли для Аньки даром, и она уже не стесняется своих родителей. Спокойно виснет у меня на шее. Я тоже обнимаю ее без стеснения. Когда наши с Егором взгляды встречаются, он мне заговорщицки подмигивает. Я ему скупно улыбаюсь и отворачиваюсь. Кузнецов мне друг, но сейчас в его объятиях та, о ко-

торой я мечтаю больше всего. Та, которая никогда не станет моей.

И для этого масса причин помимо ее ко мне презрения. Моя дружба с Егором – одна из основных преград на моем пути к Кристине. Я не смогу увести у друга девушку. Особенно, зная, как он ее любит.

Песня заканчивается, и мы возвращаемся к столу.

– Макс, составишь мне компанию, пока я покурю? – Предлагает Егор.

– Да, давай.

Я действительно рад выбраться из Аниных оков. Мы выходим во двор. Уже давно стемнело, вокруг летают редкие снежинки, а в воздухе пахнет Новым годом. На следующих выходных надо ехать за подарками.

– Ну, Макс, ты удивляешь меня все больше и больше, – Кузнецов посмеивается, затягиваясь сигаретой. Я прекрасно понимаю, о чем он говорит.

– Слушай, Егор, ты можешь как-нибудь мягко намекнуть своей сестре, что между нами с ней давно все в прошлом?

– Не, чувак, со своими бабами разбирайся сам. – Он хлопает меня пару раз по плечу. – А лучше всего найди одну единственную и никогда ее не отпускай. Как я Кристинку.

Упоминание о ней снова больно резануло по сердцу.

– Егор, а ты ведь знаешь, что Кристина всерьез собирается поступать в Гарвард и уезжать в Америку?

Веселье Кузнецова, как рукой сняло.

– Я очень надеюсь, что она не поступит.

– А если все-таки поступит?

– Тогда я поеду в Америку и сожгу нахрен этот Гарвард. По нему видно, что он зол.

– Ну ты же прекрасно понимаешь, что не сделаешь этого.

Кузнецов бросает на землю бычок и задумчиво топчет его носком туфель.

– Я не знаю, Максим. Я не хочу об этом думать. Я лишь надеюсь, что Кристина не поступит. Туда не так-то легко попасть даже такой умной девушке, как она. Хотя она на портфолио для Гарварда с 9 класса работает. Ездил во всякие их зимние и летние школы, получала кучу сертификатов о дополнительном образовании. Но все же я надеюсь, что она не поступит. Потому что если Кристину все-таки туда возьмут, то ничто не остановит ее от отъезда.

Егор достает из пачки вторую сигарету и затягивается.

– Она сказала мне о возможном обучении за границей, еще когда мы даже не начали встречаться. Так и заявила: «Если мне когда-то придется выбирать между учебой и отношениями, я всегда выберу учебу. И не говори потом, что я тебя не предупреждала». Так что у меня нет прав предъявлять ей претензии и запрещать ехать. Только лишь надеяться, что она не поступит.

Мы возвращаемся с Егором в дом. Я понимаю, что мне в этой ситуации, как раз наоборот, остается надеяться, что Кристина поступит и уедет. И, может быть, так я смогу ее

забыть.

Мы проводим на дне рождения еще где-то около часа. Я не знаю, как Морозова, но лично я уже собираюсь уходить, потому что завтра все-таки рано вставать в школу. Когда я говорю ребятам, что хочу уйти, Кристина заявляет, что тоже пойдет. Я жму Егору руку, прощаюсь с Аней и выхожу за ворота. Кузнецов еще наверняка долго будет целовать Кристину. Он никогда не может быстро с ней попрощаться, а я не могу это видеть.

Глава 31. Рассказ о детстве

Когда Морозова наконец выходит, мы направляемся в сторону дома в полном молчании. Его прерывает лишь хруст снега под ногами. Я неожиданно для самого себя задумываюсь об отце.

Человек, мысли о котором я себе всегда запрещал. Я очень хорошо его помню. Он всегда был хорошим папой, пока в один день просто не оставил нас с матерью. Просто собрал однажды вещи и уехал. Обнял меня на прощание, сказал, что будет каждый день звонить и так ни разу и не позвонил. Мы не переезжали, не меняли номер телефона. Я никогда не спрашивал у матери, почему он ушел. Просто однажды перестал его ждать, поняв, что он меня предал.

Мы заходим в наш двор, но я пока не хочу в дом, поэтому направляюсь к беседке в саду.

– Ты куда? – окликает меня Кристина.

– Хочу немного подышать свежим воздухом.

Это летняя открытая беседка, которая не приспособлена для зимы. Но я не чувствую холода. Лишь злость. Сажусь на лавочку и опускаю уставшие веки.

У моего отца есть новая семья, дочь... А, может быть, и еще дети. Если мать Егора видела его пять лет назад и тогда уже девочке было лет пять. Значит, сейчас ей 10 лет. А из семьи он ушел 9 лет назад, когда я пошел во второй класс.

Значит, все дело было в другой женщине? Он бросил первую жену и первого ребенка ради второй жены и второго ребенка? Похоже на то.

Из раздумий меня вырывает хруст снега под приближающимися шагами. К беседке направляется Кристина с шерстяным пледом в руках.

– Холодно так сидеть на морозе. – Она садится рядом и расправляет плед. Укрывает им нас обоих.

Я не ожидал, что она придет, но я рад. Даже если она сейчас наговорит мне обидного, я все равно хочу почувствовать ее рядом в момент, когда мне по-настоящему грустно. Мы молчим, смотря прямо перед собой в темноту. Тусклые лучи фонарей едва освещают сад.

– Знаешь, твой отец хотя бы жив.

Кристина первая прерывает тишину. Я поворачиваю к ней голову и смотрю в лицо. Это удивительно, как она догадалась, о чем я думаю? Неужели она сразу поняла, что я загружен мыслями об отце, когда сказал, что «хочу подышать свежим воздухом».

– Лучше бы он умер, – отвечаю ей через какое-то время.

– Не говори так. Моя мама умерла, когда я была совсем маленькой. Ты даже не представляешь, насколько это тяжело.

– По-моему, лучше мертвый родитель, но любящий, чем живой, но безразличный.

Она глубоко вздыхает.

– Может быть, ты и прав. Но я бы все отдала, чтобы увидеть ее еще хоть раз. Неужели тебе не интересно встретиться с отцом? – Она снова на меня смотрит.

– Не знаю, нет. Мне нечего ему сказать. По всей видимости, он бросил нас с мамой из-за другой женщины и ребенка. Он ни разу не звонил, ни разу не приезжал. Как будто меня не было никогда.

Мои последние слова, видимо, звучат совсем жалко, потому что под пледом Кристина неожиданно сжимает мою ладонь. Мы какое-то время молчим, а потом Морозова задает мне совсем неожиданный вопрос:

– Расскажи, как ты жил в детстве? Начиная со школы, с первого класса.

– Почему ты спрашиваешь? – Удивленно поворачиваю к ней голову.

Она пожимает плечами.

– Просто интересно.

Мне все равно кажется, что ее вопрос с каким-то подвохом, но тем не менее я начинаю рассказывать. Это один из немногих наших нормальных диалогов с Морозовой. Не хочу его портить.

– Да обычно жил. Ну, в первом классе я уже умел читать и писать, поэтому в школе было легко, и я смог больше времени уделять каратэ. Оно всегда было моей страстью. Меня отвел на этот спорт отец за компанию со многими другими сыновьями своих друзей, но все они со временем бросили

каратэ, а я нет.

Когда я был во втором классе, отец ушел из семьи. Я не знаю, переживала ли мама, она никогда мне не показывала. Но я переживал его уход сильно. Каждый раз, когда в доме звонил телефон, я несся к нему с криками, что это папа. И каждый раз это оказывался не он. А потом однажды я уже перестал подбегать. С тех пор этого человека для меня больше не существует.

Потом со временем у мамы стали появляться другие мужчины. Я относился к ним безразлично. Просто решил для себя, что если она снова выйдет замуж и родит, то мне будет все равно. Я никогда не называл никого из них папой. Просто не мог больше произносить это слово. Оно перестало для меня существовать вместе с моим отцом.

Но с мужчинами маме как-то не везло, а терпеть кого попало возле себя она не хотела. Всегда говорила, что лучше быть одной, чем вместе с кем попало. Несколько лет назад она уехала работать в Москву, ну и встретила тут твоего отца. Мне всегда было на это по фиг до того момента, как она не стала настаивать, чтобы я переехал в Москву. Она переживала из-за того, что я остался не только без отца, но и без матери. Вот только она не понимала, что мне уже не 8 лет, и ее отъезд был вынужденным, она никого не бросала. К тому же звонила каждый день и часто приезжала.

В общем, она полгода промывала мне мозг. Хотела, чтобы я приехал с начала учебного года, но я отказывался. Не хотел

менять школу в выпускной год и бросать друзей, с которыми проучился почти 11 лет. А потом я все-таки подумал, что к ЕГЭ в Москве готовят скорее всего лучше, чем у нас, и только ради учебы согласился.

– Мне кажется, ты сам кого угодно к ЕГЭ подготовишь. Ты же по всем предметам лучший. – Кристина по-доброму улыбается.

– Приму это за комплимент от тебя, – я возвращаю ей улыбку. – Ну, когда я сюда ехал, я-то не знал, что особо новых знаний тут не получу. Мама расписала мне вашу школу, как какой-то Хогвартс. А оказалось, что я отстаю только по английскому. И то, благодаря новому репетитору, этот отрыв становится все меньше и меньше.

Кристина мгновение молчит, а потом спрашивает:

– Значит, ты жалеешь, что приехал?

Хороший вопрос. Хотел бы я сам знать на него ответ.

– Не знаю, Кристин. Наверное, я мог бы сказать, что жалею, если бы не одно событие.

– Какое?

– Те придурки у дома репетитора, которые напали на тебя. Ведь если бы я не приехал в Москву, ты бы тогда одна шла. И неизвестно, что могло бы с тобой случиться.

Кристина застыла. Она явно не ожидала услышать от меня это. Да я и сам не ожидал, что скажу. Мы молчим, просто смотря друг другу в лицо. Секунды идут, и неожиданно Кристина подается вперед и обнимает меня.

Я удивлен, но с радостью обнимаю ее в ответ. Она опускается носом мне в шею, я же спешу вдохнуть запах ее волос.

– Максим, спасибо тебе, – тихо шепчет. – Правда, спасибо.

– Не за что. – Так же тихо отвечаю. Ее близость пьянит, сердце бешено стучит, а по крови разливается адреналин. И у меня снова вырываются слова, которые я уже говорил ей тогда в такси. – С тобой никогда ничего не случится, пока я рядом.

Я тут же прикусываю язык. Жду, что сейчас она от меня отстранится, ответит что-нибудь колкое. Но она лишь шепчет.

– Я знаю, Максим. Всегда знала.

Меня удивляют слова «всегда знала», но я не придаю им особого внимания. Видимо, она слишком расчувствовалась.

Мы сидим так еще с минуту, пока плед не соскальзывает на пол беседки, возвращая нас к реальности.

Глава 32. Главный подарок

Эта неделя в школе – последняя перед зимними каникулами, поэтому большинство учеников и учителей уже на раслабоне. В субботу Оля уезжает в Питер, и мы с ней увидимся уже только в следующем году.

Но в эту последнюю неделю мы с ней общаемся больше, чем обычно. На переменах часто ходим вместе на уроки, если кабинет еще оказывается закрыт, то вместе садимся на диванчики на этаже и ждем, когда откроют. Только обедаем по-прежнему по отдельности: она со своей компанией, а я со своей.

Егор тоже стал немного общаться с Олей. Я заметил, что он теперь каждое утро с ней здоровается. Иногда, когда мы разговариваем с ней на перемене, он к нам подходит. Егор очень легок в общении, умеет вовремя пошутить, поэтому чувства неловкости никто не испытывает.

Алене и Сереже на все это по фиг. Вика хоть и ходит в школу с первого дня, но все равно по ней видно, что она не до конца отошла. Медленно на все реагирует и почти ни с кем не разговаривает. А вот Кристина каждый раз при виде меня с Олей бесится. Она старается не показывать, но я все равно замечаю ее злость. Я бы даже, наверное, мог подумать, что она ревнует, если бы не знал, как она на самом деле ко мне безразлична.

Ночь воскресенья в беседке была волшебной, но, увы, скоротечной. С утра понедельника, когда я за завтраком в присутствии Кристины разговаривал по телефону с Олей, отношение Морозовой ко мне вернулось на круги своя. Надменность, презрение и вот это все. Хотя вроде ничего такого я с Олей не обсуждал. Она попросила объяснить ей на перемене решение одной задачи по геометрии, и я согласился.

С Олей мы наши отношения еще не обсуждали, но оба понимаем, к чему все идет. Частое общение в школе, регулярные переписки по вечерам, а иногда и созвоны. Мы с ней договорились встретиться в январе в последний день каникул перед школой. Уже оба вернемся в Москву, и нам будет о чем рассказать друг другу.

Все выходные перед Новым годом я решаю посвятить покупке подарков. Это не просто. Я должен приготовить сюрпризы не только для мамы, бабушки и деда, но теперь еще и для Оли, кучи своих друзей в Россоши, которые ждут меня на каникулы не с пустыми руками, и отчиму. Насчет Кристины я не уверен. Не думаю, что ей нужен от меня подарок. И вряд ли она сама что-то подарит мне.

Бабушке я покупаю шаль, она их любит, деду набор крючков для рыбалки, друзьям из Россоши различные безделушки, а маме ее любимые духи. Вообще, мне всегда казалось странным дарить матери подарки за ее же деньги, но все же.

Егору я решаю подарить кубинскую сигару. Он однажды говорил, что мечтает попробовать. Правда, я несовершенно-

летний, и мне отказывались продавать. Для этого пришлось подкупить мимо проходящих студентов. Для Оли покупаю коллекционное издание стихотворений Александра Пушкина. Это ее любимый писатель.

Но вот что покупать отчиму – реальная проблема. Что можно подарить человеку, у которого все есть? Но однажды я краем уха услышал, что Игорь Петрович хочет поиграть в шахматы. Поэтому решаю взять ему подарочный вариант.

Казалось бы, я уже всем купил все, что хотел, но тем не менее ноги все равно не уносят меня из торгового центра. Я слоняюсь из магазина в магазин. Убеждаю себя, что это просто так, вдруг на глаза попадетсЯ что-нибудь более интересное для бабушки или для друзей из Россоси.

Но подсознательно я понимаю, что ищУ подарок для Кристины...

Ей следовало бы подарить глыбу льда. Или статуэтку ведьмы. Или футболку с надписью «I am a bitch and I know it». Потому что она гордая, надменная и презрительная.

А еще ей можно подарить плюшевого медведя. Или музыкальную шкатулку. Или набор шоколадных конфет ручной работы. Потому что на самом деле она нежная, ласковая и ранимая.

Я знаю, какой на самом деле может быть Кристина. В те редкие минуты, когда на ней нет привычной маски безразличия. В те редкие минуты, когда она настоящая. В те редкие минуты, когда она позволяет прикоснуться к своей душе. Я

никогда не забуду, как крепко она обнимала меня в такси по дороге от репетитора в тот злосчастный вечер и в беседке неделю назад. В эти моменты она была искренней.

Ноги сами каким-то образом заносят меня в ювелирный магазин. Дарить Морозовой золотое украшение – не лучшая идея. Во-первых, она не носит никаких драгоценностей кроме кулона своей мамы и сережек с небольшими голубыми камешками. Они у нее одни. По крайней мере, я за эти три месяца не видел, чтобы Кристина меняла серьги. Во-вторых, если Кристине и дарить какое-то украшение, то, как минимум, от Tiffany. Остальное просто не ее уровень.

А это совершенно обычный ювелирный магазин в торговом центре Москвы. Хоть ТЦ и считается одним из самых крутых и популярных среди местных жителей. По крайней мере, мне так сказала Оля, когда я спросил ее, куда лучше всего отправиться за подарками.

Я безразлично брожу между витринами, пока на глаза мне не попадает золотой браслет с подвесками-шармами. Пару минут разглядываю его через стекло, и ко мне тут же подбегает девушка-консультант.

– Хотите рассмотреть поближе? Могу вам его достать, – обращается ко мне продавец с широкой натренированной улыбкой.

– Да нет, спасибо. Я просто смотрю.

Но девушка не унимается.

– Это очень хороший вариант подарка! На браслет мож-

но вешать шармы, связанные с какими-нибудь памятными событиями. Например, с датами, или с путешествиями, или с людьми. Допустим, рождение ребенка или свадьба. Есть шармы-числа, есть шармы-знаки зодиака, есть шармы-буквы...

Я не даю ей продолжить, потому что слышу то, что меня цепляет.

– Шармы-буквы, вы сказали?

– Да, такие шармы могут означать первую букву имени, или первую букву любимой страны, или любимого города...

Я больше не сомневаюсь.

– Дайте, пожалуйста, такой браслет и букву «К».

Но не тут-то было.

– А какой размер запястья у девушки?

– Ээм, не знаю... – Этот вопрос застает меня врасплох.

– Примерный рост и вес девушки можете назвать?

Так уже легче. Без каблучков Кристина достает мне до подбородка. Даже чуть выше. Где-то до губ. Значит, она ниже меня сантиметров на 15-17. Она очень худая и стройная. Занятия спортом научили меня на глаз определять вес людей. Думаю, у нее около 55 кг.

– Рост примерно 167-170 сантиметров, а вес 53-56 килограмм.

– Тогда, думаю, ей подойдет 16-й размер. Если все-таки окажется маленьким или большим, то можете принести нам, и наш мастер вам его увеличит или уменьшит в пределах од-

ного размера.

– Хорошо, – нетерпеливо отвечаю продавцу, лишь бы уже поскорее от нее отвязаться.

– В какого цвета коробочку вам положить браслет?

– А какие есть?

– Красный, синий, розовый, бирюзовый...

– Синий.

Некоторое время назад я заметил, что этот цвет ассоциируется у меня с Кристиной. Холодный синий. Как ее глаза. Как она сама.

Я выхожу из магазина и теперь уже точно понимаю, что могу ехать домой. С души упал камень. Самый главный подарок выбран.

Вот только ждут ли его от меня?

Всю дорогу до дома и последующие дни до Нового года я извожу себя сомнениями: дарить или не дарить? И если дарить, то как? При всех после боя курантов? Или наедине? А как с ней остаться наедине? Она снова всю неделю меня избегала. А просто так постучать к ней в комнату я не могу. Да и что ей сказать? «Кристина, у меня для тебя есть подарок. На, держи. С Новым годом!».

Бред.

А вдруг она вообще украшения не любит? Я думаю, у нее их при желании могло бы быть до фига. Но она носит только кулон матери в память о ней и серьги. Ни колец, ни браслетов, ни ожерелий, ни брошек.

В общем, наверное, лучше все-таки не дарить. Не думаю, что она в принципе от меня что-то ждет. Мы не друзья. Мы вообще друг другу никто. Лично я от нее сюрпризов не жду. К тому же действительно будет странно, если я ей сделаю подарок, а она мне нет.

Глава 33. Лучшая ночь. Худшая ночь

31 декабря в доме Морозовых суется целый день. Прислуга снует по дому туда-сюда. Специально нанятый по случаю Нового года шеф-повар одного из лучших ресторанов Москвы оккупировал кухню с самого утра и никого туда не пускает. Завтракаю и обедаю я в своей комнате.

Днем к нам забегают Егор, но, увидев масштаб подготовки к празднику, быстро отправляется к себе, пообещав прийти уже после полуночи, когда его родителя лягут спать. Кузнецов пожаловался, что предки всерьез обеспокоены тем, что он, по их мнению, стал слишком много пить, поэтому обязали его встречать Новый год дома под их личным контролем. И пока родители не отправятся в глубокий сон, он из дома выбраться не сможет.

В 20:00 потихоньку начинают подтягиваться гости. Все они – ближайшие друзья и бизнес-партнеры Игоря Петровича со своими семьями. Я одет в темно-синий костюм, белую рубашку и черные туфли. Все гости мужского пола тоже в костюмах. Женщины в вечерних платьях с соответствующими прическами и макияжем.

Игорь Петрович представляет меня им всем как «сына

Елены». Мама действительно знает тут почти всех.

Кристина появляется, когда все гости уже собрались. Она старается спуститься по лестнице в гостиную незаметно, но у меня уже срабатывает инстинкт на ее появление. Мне кажется, я застыл, как столб, когда увидел ее.

Потому что Кристина в этот момент – самое красивое из всего, что я когда-либо видел в своей жизни.

На ней черное платье в пол с разрезом на правой ноге чуть выше колена. Толстые бретели слегка спущены на плечах и вышиты мелким жемчугом. V-образный вырез не глубокий, но все же открывает ее ключицы. Кулона с буквой «И» на шее Кристины нет. При каждом ее шаге платье слегка струится и уходит на пол небольшим шлейфом. На ногах у девушки лаковые черные лодочки на шпильке. Их красная подошва выдает бренд сама за себя. Накрученные в кудри шоколадные волосы Кристина убрала в прическу. На лице вечерний макияж и традиционная красная помада.

Я не единственный заметил ее. Гости оборачиваются на появление Кристины, восхищенно вздыхают, но она, спускаясь по лестнице, смотрит только на меня. Ровно в глаза. Что я читаю в этих двух голубых озерах? Я не знаю. Но точно не презрение и безразличие, которыми она одаривала меня всю неделю.

Спустившись, она сразу направляется к отцу. Приветствует гостей, каждому улыбается, с каждым смеется. Она всех тут знает. Несколько сыновей партнеров Игоря Петровича

уже крутятся вокруг Кристины. Пытаются с ней шутить, задают вопросы. А мне хочется выколоть глаза каждому из них.

Я пытаюсь отвести от Кристины взгляд, переключить свое внимание на какую-нибудь из присутствующих здесь девушек, но у меня не получается. Я разговариваю с ними, но даже сам не понимаю, о чем. Я не слышу, что мне говорят, не особо отдаю себе отчет в том, как отвечаю на вопросы. Кажется, кто-то спросил, на какую профессию я решил поступать. «Еще не решил», – бросаю на отвали, даже не запомнив, кто задает вопрос.

Я впитываю, как губка, каждое движение ее головы, каждую улыбку, каждый взмах ресниц. Кристина прекрасна. Для меня она просто произведение искусства. Шедевр. Мона Лиза в парижском Лувре.

Как же я люблю эту девушку... И как много всего меня от нее отделяет. Наши родители вместе. Егор мой друг. А сам я просто не ее социального уровня. Нам никогда не быть вместе.

В 22:00 нас просят пройти к столу. Я так засмотрелся на Кристину, что не услышал приглашения. Опомился, только когда увидел, как какой-то хмырь отодвигает для Кристины стул и садится рядом с ней. Мне хочется превратить его лицо в фарш прямо здесь и сейчас.

Пока я дохожу до стола, второе место возле Кристины тоже занимают. Снова какой-то сыночек партнеров Игоря

Петровича. Он уже склонился над ее ухом и что-то шепчет, а Кристина заливается звонким смехом. Я хочу его придуршить.

В итоге мне достается место прямо напротив Морозовой. Так себе перспектива весь вечер наблюдать ее флирт с этими двумя придурками. Я пытаюсь взять себя в руки, но ревность меня душит. Приходится до боли сжать зубы.

Рядом со мной за стол уселись какие-то блондинки. Они мне что-то говорят, но я их не слышу. Мое внимание приковано только к одной девушке. Кристина же на меня больше не смотрит. Будто напротив нее не я сижу, а пустое место.

Блондинка справа просит налить ей еще шампанского. Усилием воли я беру себя в руки и отрываюсь от Морозовой. Тянусь за бутылкой, наполняю девушке бокал, отвечаю что-то на ее шутку. Но все происходит на автомате. Я будто робот.

В 23:55 все затихают и слушают выступление президента. У кого пустые бокалы, быстро торопятся их наполнить. На Новый год я обычно делаю исключение и выпиваю пару глотков шампанского под бой курантов. Но не сегодня. Сегодня я уже опьянен Кристиной.

Минута до Нового года. Все встают, кто-то из девушек быстро пишет желание на бумажке и поджигает ее, чтобы сбросить в бокал пепел.

00:00. Играет гимн, и все с криками «Ура» и «С Новым годом» спешат соприкоснуться бокалами и выпить. И толь-

ко в этот момент Кристина наконец смотрит на меня. Она не кричит поздравлений, а молча тянется своим бокалом к моему, не сводя с меня глаз. Стекло ударяется, издает тихий звон, и в этот момент она мне наконец улыбается. Искренне. Как в прошлое воскресенье в беседке.

Она первая отвлекается от меня на других гостей. Два придурка, сидящие возле нее, что-то ей желают, она их благодарит и говорит пожелания в ответ. С каждым ударяется бокалом. Потом тянется к другим гостям. Я тоже вынужден отвлечься на блондинок и на остальных, кто ко мне подходит.

Через пять минут отчим предлагает всем выйти во двор и посмотреть фейерверк. Гости одеваются, один из хмырей помогает Кристине надеть шубу, мне приходится проделать то же самое, но с другими девушками. Я ненавижу их всех сегодня ночью. Я хочу, чтобы они все куда-нибудь делись, и я остался только с Кристиной. Только она одна нужна мне сегодня.

Фейерверк длится минут 15. Красивый, но у меня все равно не получается насладиться им. Я смотрю не в небо, а на то, как ладонь этого придурка аккуратно ложится Кристине на спину. И я еле сдерживаюсь, чтобы не сломать ему руку.

Не спеша все возвращаются в дом, снимают верхнюю одежду и проходят обратно к столу. Люди начинают дарить друг другу подарки. Я вручаю презенты маме и отчиму, получаю так же от них. Игорь Петрович жмет мне руку и тепло

благодарит.

Удивительно, но Кристина вручает подарок моей маме. Кажется, родительница этого не ожидала, потому что сильно растерялась. Но все же смогла взять себя в руки и поблагодарить девушку, вручив ей ответный сюрприз.

Мне Кристина ожидаемо ничего не дарит. Я ей тоже. Хотя коробочка с браслетом весь вечер лежит в кармане моих брюк. Сам не знаю, зачем все-таки взял ее.

Отчим берет в руки бокал и стучит по его ножке ножом, привлекая всеобщее внимание. Когда гул голосов затихает, Игорь Петрович прочищает горло и говорит:

– Мои дорогие гости! Сегодня здесь собрались самые главные для меня люди! Я очень люблю и очень ценю каждого из вас. С кем-то из здесь присутствующих я знаком уже десятки лет, а с кем-то совсем недавно. Но тем не менее все вы – очень для меня важны. Иначе бы вас сегодня здесь не было. И именно с вами я хочу разделить очень радостное событие в своей жизни. – Он на секунду замолкает, поворачивается к моей маме, за руку поднимает ее со стула и, держа ее ладонь в своей, говорит. – Мы с Еленой решили пожениться и приглашаем всех вас на нашу свадьбу в конце июня! Точную дату сможем вам сказать чуть позднее.

Гости взрываются аплодисментами, кричат поздравления, подходят к матери и Игорю Петровичу, чтобы обнять их. А я стою, будто меня облили ведром ледяной воды. Я поворачиваю голову к Кристине и не верю своим глазам. Она смотрит

на своего отца и по-доброму улыбается.

А где же ненависть? Где презрение? Где надменность?

Ничего не понимаю.

Приняв от гостей поздравления, мама направляется ко мне. А я как застыл на одном месте, так больше и не сдвинулся с точки.

– Сынок, извини, что не сказала тебе раньше. Игорь хотел сделать всем сюрприз. Ты же не сердишься?

– Нет, мам, не сержусь. Поздравляю вас. – Я крепко обнимаю ее и целую в щеку. Затем я подхожу к отчиму и поздравляю его.

Вечер продолжается, на телефон начинают сыпаться сообщения и звонки с поздравлениями. Где-то через час музыка становится громче, и пары выходят танцевать. Игорь Петрович кружит в танце мою маму, Кристина выходит с каким-то придурком. Одна из соседок-блондинок тоже зовет меня на танец, но я отказываюсь. Слишком тяжелой оказалась эта новогодняя ночь.

Где-то еще через полчаса мне окончательно надоедает смотреть на Кристину и увивающихся за ней идиотов. Я подхожу к ней и нагло перебиваю ее разговор с одним из парней.

– Потанцуем, сестренка?

В этот момент как раз заиграла медленная песня.

Кристина несколько секунд смотрит мне в глаза и отвечает, растянув губы в дежурной улыбке:

– Конечно, братик.

Я беру ее за руку и веду на импровизированный танцпол. Пар на нем сейчас мало, в основном гости рассредоточились по гостиной. Многие вышли на улицу покурить.

Я кладу руки ей на талию, она мне на плечи. Мы соблюдаем дистанцию между друг другом. Медленно крутимся, пристально смотря друг другу в лицо.

– Извини, – говорю ей, прерывая затянувшееся молчание.

– За что? – Она удивляется моим словам.

– За то, что моя мать появилась в жизни твоего отца. А следом за ней и я. Сегодняшнее объявление было очень неприятным сюрпризом для тебя, наверное.

Она растягивает губы в мягкой улыбке.

– Тебе не за что извиняться, Максим. Я знала, что они собираются пожениться. Отец советовался со мной по этому поводу несколько недель назад.

– Ты знала??? – Я искренне изумлен.

– Да, отец спрашивал мое мнение по этому поводу.

– И какое же у тебя мнение? – Я не верю, что оно может быть положительным.

– Я хочу, чтобы мой папа был счастлив. И если твоя мать делает его счастливым, то я принимаю это.

Я ничего не отвечаю. Ее слова сейчас перевернули мое сознание.

Мы продолжаем танец молча. Только я по-прежнему не могу отвести глаз от ее лица. Кристина тоже на меня смотрит. Я чувствую, как она скользит ладонями по моим плечам

вверх к шее. Проводит аккуратно по ней кончиками пальцев, и меня ударяет разряд тока.

– Максим, – тихо начинает она, – у меня есть для тебя подарок...

Я не верю своим ушам.

– Если ты не возражаешь, то я хотела бы тебе его вручить, – продолжает Кристина.

– Конечно, – мой голос хрипит, а в груди предательски не хватает воздуха.

Она опускает руки с моей шеи, берет меня за руку и ведет к лестнице. Большинство гостей уже сильно пьяны, поэтому на нас никто не обращает внимания.

Мы поднимаемся на наш второй этаж, держась за руки. Кристина направляется к своей комнате. Я послушно следую за ней. Мы заходим, она включает свет и плотно закрывает дверь. Оборачивается ко мне и в нерешительности улыбается.

– Я не знаю, понравится ли тебе. Заранее извини, если вдруг не подойдет.

Я настолько заморожен, что ничего не могу ответить. Разве мне может не понравиться подарок от Кристины?

Она подходит к своему бежевому комоду, выдвигает первый ящик и достает из него маленькую коробочку. Поворачивается ко мне лицом и протягивает с улыбкой:

– С Новым годом, Максим. Будь счастлив.

Я делаю к ней шаг, беру в руки коробочку и открываю ее.

В ней лежат две серебряные запонки с гравировками. Я достаю одну из них и подношу ближе к глазам, чтобы рассмотреть надпись.

На запонке написано одно английское слово – «Hero». Что переводится, как «Герой».

Я настолько удивлен, что потерял дар речи. Наверное, мое молчание слишком затягивается. Я кладу запонку на место и поднимаю взгляд на Кристину.

– Спасибо большое, мне очень нравится. – Я улыбаюсь ей. – Но ты не права. Я совсем не герой.

Она грустно улыбается и отрицательно качает головой.

– Ты самый настоящий герой. Поверь мне. Я знаю, о чем говорю.

И в этот момент у меня случается дежавю. Я зажмуриваю глаза и трясую головой, чтобы оно прошло. Но Кристина, видимо, толкует это по-своему, потому что тут же подскакивает ко мне и берет мою голову в руки.

– Максим, тебе плохо? У тебя болит голова?

– Нет, – выдавливаю я, когда это чувство наконец проходит. Я делаю глубокий вдох, выпрямляюсь и открываю глаза. – Извини. Просто, когда ты назвала меня героем, у меня случилось дежавю. Уже прошло.

Я улыбаюсь, надеясь, что это ее успокоит. Но Кристина резко делает шаг назад и застывает.

– Уже все хорошо, Кристин, не переживай. И у меня тоже есть для тебя подарок.

– Правда? – Она возвращается в нормальное состояние.

– Да.

Я убираю коробочку с запонками в левый карман брюк, а из правого достаю Кристинин подарок. Протягиваю его ей.

– Тоже заранее извини, если вдруг не подойдет или не понравится.

Она берет его в руки и открывает. На ее лице тут же расплывается счастливая улыбка.

– Очень нравится, – говорит, рассматривая браслет с шармом. – Спасибо большое. Правда, очень красиво. Поможешь мне надеть?

И она достает браслет из коробки.

– Конечно.

Я беру его из ее ладоней и надеваю на запястье правой руки. Размер подошел. Кристина вертит рукой, рассматривая браслет с разных сторон. Улыбка на ее лице искренняя, и я счастлив, как никогда.

Кристина отрывает глаза от браслета и смотрит на меня.

– Спасибо, Максим, – совсем тихо произносит и аккуратно тянется поцеловать меня в щеку. Когда ее губы касаются моей кожи, по телу проходит такой разряд тока, что, мне кажется, я резко дергаюсь. Кристина от неожиданности отстраняется, но моя рука крепко перехватывает ее за талию.

И то, что я делаю дальше, я больше не могу контролировать, не могу держать в себе.

Я накрываю ее губы своими, плотно прижимая девушку

к своему телу. Она не ожидает этого, поэтому на мгновение застывает. Но я не даю Кристине отстраниться. Я целую ее.

И уже через мгновение она целует меня в ответ...

Я не знаю, сколько секунд или минут длится наш поцелуй. А, может быть, и часов. Кристина крепко обнимает меня за спину, мои руки блуждают по ее талии. Я прижимаю ее к себе все крепче и крепче, но, кажется, сильнее уже невозможно, потому что иначе она задохнется. Мы целуемся страстно, жадно, отчаянно. Я никогда еще никого не целовал с таким желанием.

И я просто не могу поверить, что она отвечает мне сейчас взаимностью.

– Максим... – шепчет мне сквозь поцелуй, – я не могу дышать...

Я оставляю ее губы и медленно спускаюсь вниз по шее. Я направляюсь к ее плечу, а затем к ключице, жадно втягивая запах кожи. Она запрокидывает голову назад и издает тихий стон, запуская свои руки в мои волосы.

Мы не ведаем, что творим. Мы словно два наркомана, зависимых друг от друга.

Я возвращаюсь к ее губам и снова прижимаюсь к ним всей силой. Кристина отвечает мне, пускает свой язык мне в рот, находит мой и начинает мягко играть. Волна желания прокачивается по всему телу и мне стоит больших усилий не повалить сейчас Кристину на кровать.

Я хочу ее до безумия. До одури. До сумасшествия.

Только ее одну.

Кристина отрывается от моего рта и нежно целует лицо. Щеки, скулы, лоб. Я зажмуриваюсь от удовольствия.

– Моя нежная девочка, – шепчу ей.

– Мой сильный мальчик, – она шепчет в ответ.

Я прикасаюсь своим лбом к ее, крепко обнимая Кристину за талию. Она зажмуривает глаза и выдыхает:

– Максим, мы сошли с ума.

– Я знаю... Но я не могу от тебя оторваться.

– А я от тебя.

Я смотрю ей в глаза, мягко проводя пальцами по ее лицу. Кристина еще крепче прижимает меня к себе.

Я самый счастливый в этот момент.

– Кристина, ты прекрасна. Сегодня я не мог оторвать от тебя глаз, – говорю ей отчего-то севшим голосом.

– Я оделась для тебя, – она шепчет, улыбаясь.

– Ты необыкновенная...

– Нет, это ты необыкновенный. Я всегда это знала. Я так долго тебя ждала, Максим.

Она не дает мне ответить, потому что целует мои губы. Ее слова западают в голову, но я не хочу прерывать этот божественный момент ради вопросов.

Кристина Морозова сама меня целует... Мои губы, мою шею, мои скулы... Эта ледяная девушка, о которой я даже боялся мечтать. Она сама меня к себе прижимает, сама обвивает руками мою спину, сама запускает ладони в мои во-

лосы.

Я подхватываю Кристина за талию и, сделав пару шагов, сажаю на широкий подоконник. На мгновение мы разрываем наш поцелуй, секунду смотрим друг другу в глаза, но затем продолжаем с новой силой. Кристина стаскивает с меня пиджак и бросает его куда-то в сторону. Она облокотилась спиной на окно, а я удобно устроился между ее ног и спускаюсь поцелуями по шее, направляясь к груди.

Я не знаю, как далеко мы могли бы зайти этой ночью. Моей лучшей ночью.

Но неожиданно на всю комнату раздается звук звонка Кристининого телефона. Я резко отстраняюсь от нее. Кристина тоже встрепенулась, но осталась сидеть на месте.

– Ответь, – говорю ей.

– Я не хочу.

– Ответь, вдруг это важно.

Секунду она смотрит мне в глаза, а затем соскальзывает с подоконника и идет к столу за телефоном. Она берет его в руки, но я вижу по ее лицу, что она не хочет отвечать. Посомневавшись, Кристина все-таки берет трубку.

– Алло.

И в гробовой тишине Кристининой спальни я слышу, как из динамика доносится голос Егора...

– Малыш, мои предки уже улеглись, я иду к тебе?

Черт, Егор. Я плотно сжимаю челюсть и отворачиваюсь к окну, прижимаясь лбом к стеклу. Как же я мог так сорвать-

ся? Так неистово целовать девушку своего друга?

– Егор, я уже легла спать. Гости очень утомили. Давай завтра вечером, то есть уже сегодня? Но сейчас я уже легла.

– Малыш, но еще нет и трех часов! У меня для тебя подарок!

– Егор, я уже сплю. Извини. У меня тоже есть для тебя подарок. Давай обменяемся ими вечером?

– Кристина, ты разбиваешь мне сердце! Я так мечтал встретить этот Новый год с тобой!

– Ну у нас уже не получилось это сделать. Егор, прости, но правда, я уже в кровати.

Кузнецов молчит.

– Ладно, малыш. – Он обреченно выдыхает. – Отдыхай. До завтра.

– Пока.

Кристина кладет трубку, возвращает телефон на место и направляется ко мне. Она обвивает меня сзади обеими руками и прижимается к моей спине головой.

– Прости меня, – тихо шепчет, – я завтра же с ним расстанусь. Я не люблю его. Никогда не любила. И я не хочу с ним быть.

Я ничего ей не отвечаю. Мне кажется, я чувствую, как желваки заходили по моим щекам. Кристина разворачивает меня к себе и берет в руки мое лицо.

– Максим, – она жадно всматривается мне в глаза, – он ничего для меня не значит. Завтра я с ним расстанусь.

– Не надо, – я ненавижу себя за эти слова.

– Что? Но почему?

Я не отвечаю ей. Вместо этого накрываю ее губы своими.

Кристина охотно отвечает.

А я целую ее, как в последний раз. Как целует солдат свою любимую, уходя на войну. Как целуют, когда знают, что это больше никогда не повторится.

Я отрываюсь от ее рта и двигаюсь губами по лицу. Целую глаза, лоб, нос, щеки, скулы, подбородок. В последний раз.

Я иду к ее шее, к ее ключицам, к ее плечам. В последний раз.

Я крепко прижимаю ее к себе и зарываюсь носом в волосы, вдыхаю их запах. В последний раз.

– Кристина, прости меня, – мне больно это говорить, и я зажмуриваюсь. Она не видит моего лица, потому что я все еще крепко прижимаю ее к себе. В последний раз.

– За что ты извиняешься?

Она сама отстраняется и смотрит мне в лицо. И я благодарен ей за это. Потому что боюсь, что сам не смог бы от нее оторваться.

– За все это прости. Мы должны остановиться. Егор мой друг, а наши родители женятся.

Она начинает быстро дышать, отчаянно качает головой.

– Нет, Максим, к черту их всех!

Она снова делает шаг ко мне и берет ладонями мое лицо.

– Да пошли они все, Максим! Если нас тянет друг к другу,

если мы хотим быть вместе, ничто не должно нас останавливать.

Я отвожу взгляд в сторону.

– Нет, Кристина. Я так не могу. Слишком много всего между нами. И Егор – главная помеха.

– Завтра я устраню эту помеху, – я слышу, как ее голос срывается на рыдания, – только, пожалуйста, Максим, не рушь то, что между нами только что возникло!

Я наконец смотрю на нее. В ее глазах стоят слезы. И я ненавижу себя за то, что заставляю ее плакать. За то, что осознанно отказываюсь от самой желанной девушки в мире.

– Кристина, ты ведь все равно скоро уедешь. Какой во всем этом смысл?

В моей голове свежи слова Егора о том, что Кристина всегда выберет учебу.

Она молча на меня смотрит. Ничего не отвечая, медленно отпускает мое лицо, делает шаг назад. Я не знаю, сколько мы так стоим. 30 секунд? Минуту? Две?

– Уходи, – наконец выдает она, – уходи и забудь все, что произошло в этой комнате. Ничего этого не было.

Ее голос, как сталь.

Я не отвечаю. Молча направляюсь к двери. Замечаю возле комода свой пиджак и наклоняюсь, чтобы его взять. Поднимаюсь на ноги и непроизвольно бросаю взгляд на фотографии на комод. Мое внимание снова привлекает фото маленькой Кристины, которую возле школы держат за руки ро-

дители.

Я застываю, снова вглядываясь в лицо маленькой Кристины. Оно до боли кажется мне знакомым.

– Ты в детстве почему-то кажешься мне знакомой. – Я отрываю взгляд от фотографии и поворачиваю голову к Кристине.

Она обхватила себя за плечи, а по ее щекам текут слезы.

– Уходи, Максим, – произносит севшим голосом.

Я бросаю на фотографию последний взгляд и удаляюсь, ненавидя себя за все.

Глава 34. Меня нет

Та новогодняя ночь изменила все. Внешне, правда, все осталось, как и было, и окружающие ничего не заметили. Но я-то знаю правду. И Кристина знает.

1 января я ее не видел. Егор пришёл вечером, посидел пару часов в комнате Кристины, потом зашёл ко мне. Мы обменялись с ним подарками и поздравлениями, после чего он ушёл. Кристина с ним не рассталась.

2 января я уехал в Россошь, а Кристина с отчимом и мамой полетели кататься на лыжах в Австрию. Они давно это планировали, и мама настаивала на том, чтобы я тоже ехал с ними, но мои воронежские друзья бы мне не простили. К тому же зимние виды спорта – не мое.

Неделя в Россоши проходит незабываемо. Я встречаюсь со всеми своими товарищами, выслушиваю от них кучу претензий на тему того, что я уехал и всех забыл. Но в конце концов меня прощают, и мы все дни зажигаем, как в былые времена.

С Олей я общаюсь каждый день. Она присылает мне фотки из Питера, а я ей из Россоши. По вечерам мы созваниваемся, много шутим, смеемся, рассказываем друг другу про своих друзей. Уже нет сомнений, что означает наше с ней столь частое и плотное общение.

В последний день каникул мы с ней встречаемся. Оля да-

рит мне путеводитель по Москве и проездной на метро на 60 поездок. Мы договорились, что исходим Москву по этому путеводителю вместе, и также вместе истратим все поездки на подземке.

В этот же вечер, когда я провожаю Олю до дома, мы целуемся у ее подъезда. Поцелуй выходит очень спокойным, я бы даже сказал обычным. Нет дикой страсти и желания, как у нас тогда с Кристиной. Я целую Олю так же, как я целовал всех девушек раньше.

Всех, кроме одной.

Я твёрдо решил отключить все свои чувства и больше не заморачиваться о правилах морали. Я поступаю по отношению к Олейниковой, как мудака, ввожу ее в заблуждение, даю ложную надежду на любовь? Мне все равно. Совесть? Ее я оставил в Кристиной комнате, когда был готов сорвать с нее платье. С девушки моего друга. С дочери моего отчима.

Мне нужна Оля, чтобы вытравить из головы и из сердца Кристину. Мне нужны Олины губы, чтобы забыть вкус Кристининых. Мне нужны Олины руки, чтобы забыть прикосновения Кристининых.

Теперь я знаю, что мои чувства к Морозовой взаимны. Думаю, уже давно. То, как она меня целовала, как прижималась ко мне – нельзя подделать. Да и ее слова о том, что она готова расстаться из-за меня с Егором и наплевать на всех окружающих, даже родителей, были искренними. Ее слезы, когда я уходил, тоже были настоящими.

У вселенной просто отменное чувство юмора. Больше всего я мечтал, чтобы мои чувства к Кристине оказались взаимны. А когда это произошло, я оказался не готов. Как там говорят? Бойтесь своих желаний? Именно.

Я мог бы быть с Кристиной, но сам от этого отказался. Осознанно сказал «Нет» той, кого люблю. Почему я так сделал? Наверное, потому что я не такой сильный, как она. Я не могу наплевать на дружбу. Я не могу наплевать на семью. Я не могу наплевать на мнение окружающих.

Черт возьми, я не Скарлетт О'Хара!

А Кристина – да. Она бы через всех переступила, чтобы быть со мной. А потом бы переступила через меня и спокойно уехала в Гарвард.

Я не знаю, что творится в голове и в сердце Морозовой после той новогодней ночи. Все каникулы я был уверен, что, когда мы снова встретимся, Кристина будет плевать в меня ядом в двойном размере. Я ожидал тройную порцию презрения, ненависти и надменности. Я ожидал, что она начнёт плести перед своим отцом интриги, чтобы отменить его свадьбу с моей мамой и выставить нас из их дома.

Но как же я ошибался...

Ничего из этого и близко не было. По одной простой причине – я перестал существовать для Морозовой. Она просто меня больше не видит.

Мы и раньше с ней очень мало общались, но тем не менее она меня замечала, одаривала хоть какими-то эмоциями.

Могла за завтраком или ужином с семьей кинуть на меня взгляд, могла о чем-то спросить, в конце концов могла ужалить побольнее, как тогда на кухне, когда она пила вино, а я пришёл сделать чай.

Но больше этого нет. Я наивно все каникулы боялся первой встречи с ней, боялся случайно столкнуться в коридоре второго этажа или на кухне. Думал, что между нами возникнет неловкое молчание, или что Кристина начнёт высказывать мне обиды, обвинять. Я был даже готов к тому, что она меня ударит.

Но я не был готов к тому, что она просто перестанет меня видеть. Она смотрит сквозь меня стеклянными глазами. И самое обидное, что она делает это не демонстративно. Мол, ты для меня пустое место. Нет.

Меня действительно для нее больше нет. Она не знает никакого Максима Самойлова. И никогда не знала. В ее дом не приезжал никакой парень. Он не спасал ее от уродов в темном дворе. Он не дарил ей подарок на Новый год. И она ему не дарила. Он не целовал ее так, будто не может без нее жить. И она тоже его не целовала.

Ничего этого не было. Никогда.

С Нового года отчим наконец-то находит Кристине водителя, и она начинает ездить в школу сама с Викой. Я же продолжаю добираться с Егором. К моему счастью, он сам меня об этом попросил. Сказал, что ездить одному ему будет скучно. Я бы без проблем смог ездить и с Кристиной, но я

больше не могу быть для нее приведением, которого она не видит. Это сильнее меня.

С Олей мы в школе наши отношения не скрываем, но и не выставляем сильно напоказ. На всех переменах мы вместе. Иногда я обедаю с ней и ее компанией. Но чаще мы с Олей в столовой садимся вдвоём. Я думал, что Кристине будет неприятно это видеть. Наивный. Она бы нас не заметила, даже если бы мы с Олей целовались прямо перед ее глазами.

Я никогда не думал, что безразличие может оказаться сильнее эмоций... Я никогда не думал, что буду мечтать о том, чтобы Кристина еще хотя бы раз окинула меня своей презрительной ухмылкой. Или чтобы посмотрела на меня свысока, как она это раньше всегда делала.

Я готов на все, чтобы получить от нее хоть какую-то эмоцию. Даже самую негативную. Я мечтаю о том, чтобы она меня ненавидела. Потому что ненависть – это тоже чувство. Но она просто меня больше не видит.

Глава 35. Ее тайная жизнь

Я пытаюсь отвлечься от мыслей о Кристине с Олей, но получалось очень слабо. Олейникова – прекрасная девушка. Красивая, умная, интересная, с замечательным чувством юмора. Но она не Кристина. От прикосновений Оли по моему телу не проходит разряд тока. От поцелуев с ней по телу не разливалась волна желания. С Олей хорошо, комфортно, удобно. Но как с другом.

После каждого нашего свидания я возвращаюсь домой, как на каторгу. Потому что знаю, что самый главный для меня человек в этом доме, больше меня не видит.

Идут дни, недели, близится уже конец марта, но ситуация не меняется. В какой-то момент я замечаю, что Кристины очень часто не бывает дома. Сначала я думал, что она не выходит из своей комнаты специально, чтобы не сталкиваться со мной, но потом заметил, что ее вообще нет. Обычно это происходит в дни, когда отчим и мама не могут с нами завтракать и ужинать. Если же родители находятся дома, то и Кристина присутствует.

Я начинаю замечать, что водитель по вечерам не пригоняет ее машину в гараж. Но при этом каждое утро Кристина с Викой вместе приезжают в школу. Может, она стала частично жить у Степановой? Наверное, так и есть.

Я бы и дальше продолжал думать, что Кристина пропадает

у Вики, если бы ее однажды не стал разыскивать Егор.

Конец марта. Мы с Олей выходим из кино и решаем посидеть в каком-нибудь кафе. Пока мы ждем наш заказ, я обнимаю Олю за плечи и притягиваю к себе на грудь. Мы о чем-то непринужденно разговариваем, как вдруг у меня звонит телефон. Это Егор.

– Максим, привет. Ты сейчас дома? – Его голос звучит, будто Кузнецов запыхался после бега.

– Нет, я сейчас с Олей. А что?

– У Кристины выключен телефон. Я пришёл к вам домой, а у вас вообще никого нет. Ворота открыты, а в доме нигде свет не горит и входную дверь никто не открывает.

– Ну у нас ворота всегда открыты. Ты же знаешь, что дом под видеонаблюдением, да и в целом в Золотом ручье более чем приличные соседи, поэтому мы их почти никогда не закрываем. В двор любой может попасть.

– Да я не об этом. – Егор нетерпеливо меня перебивает. – Просто, я так понимаю, Кристины дома нет. А ты не знаешь, где она может быть?

– Понятия не имею. Может, у Вики?

– Хм, возможно, – Егор немного воодушевился от моего предположения. – Сейчас позвоню ей.

– Ага, давай, – и я вешаю трубку.

Оля поворачивает ко мне голову.

– Что-то случилось?

– Егор не может найти Кристину.

– Ясно.

Не проходит и пяти минут, как Кузнецов звонит мне повторно.

– У Вики ее нет. И она не знает, где может быть Кристина. – Его голос в еще большей панике.

– Хм, странно. – Я тоже удивлен. – Может, она в компании у отца? Сидит с ним на каком-нибудь важном совещании и телефон выключила.

– Кстати, возможно. Ты можешь связаться с ее отцом и спросить, с ним ли Кристина.

– Да, сейчас.

Я кладу трубку и набираю Игорю Петровичу. Признаться честно, в глубине души я тоже забеспокоился о местоположении Кристины.

– Слушаю, – отчим отвечает на звонок после третьего гудка.

– Игорь Петрович, добрый вечер. А Кристина случайно не с вами на работе? Егор не может ее найти.

– Нет, она сегодня не приезжала.

– Хм, странно. А вы не знаете, где она может быть?

Отчим мгновение молчит.

– Ну, примерно догадываюсь. А что такое?

– Да просто Егор говорит, что у нее выключен телефон.

И дома ее тоже нет.

– Ну, значит, Кристина захотела от всех отдохнуть, побыть одна. Так бывает. Переживает из-за Гарварда. Ответ че-

рез месяц должен прийти. Скажи Егору, что с Кристиной все в порядке.

– Хорошо.

Ответ отчима меня немного выбил из колеи. Но если он не переживает о местоположении своей дочери с выключенным телефоном, то я, наверное, тоже не должен беспокоиться.

Я перезваниваю Егору.

– Ее отец сказал, что Кристина не с ним, но он знает, где она, и говорит, что с ней все в порядке. Просил не переживать. При этом местоположение не назвал.

– Очень странно, – голос Егора звучит растерянно. – Очень.

– Ну да, наверное.

– А ты сам скоро дома будешь?

– Ну, сейчас поужинаем с Олей и поеду. А что?

– Набери мне, когда дома будешь, я подойду.

– Окей.

Я стараюсь отвлечься от этой ситуации на ужин с Олей, но кусок в горло уже не лезет. Я то и дело думаю о Кристине. Значит, когда ее нет, она не у Вики? А где она тогда может быть?

Тайная жизнь Кристины Морозовой, блин.

У меня снова звонит телефон. На дисплее высвечивается Игорь Петрович.

– Алло.

– Максим, я связался с Кристиной. С ней все в порядке.

Я чувствую облегчение.

– Она уже включила телефон?

– Нет, я с ней связался по другому номеру. С ней все хорошо, не переживайте.

– Ладно, – я вешаю трубку.

У Кристины есть второй тайный номер? Очень странно. Смартфон у нее совершенно точно один. Айфон последней модели.

Я провожаю Олю до дома и еду в Золотой ручей. Но вернее будет сказать не еду, а мчусь. Я прошу таксиста гнать так быстро, как он только может.

Я захожу в пустой дом и прежде, чем позвонить Егору, направляюсь в комнату Кристины. Выдвигаю последний ящик комода, открываю музыкальную шкатулку, поднимаю панель с танцующей балериной и достаю ключ от сейфа. Направляюсь в ванную девушки, отодвигаю крышку унитаза и открываю металлическую дверцу.

Мои подозрения оправдались. Пистолета нет.

Итак, что мы имеем. Кристина довольно часто не живет дома и забрала с собой пистолет. Но при этом отчим знает, где она, и говорит, что с ней все в порядке. В школу Кристина тоже ходит, как ни в чём не бывало.

Интересная ситуация.

Мне, наверное, должно быть на все это по фиг. Но я не могу не думать, где Кристина. Мне жизненно важно знать о ее местоположении. Я всегда должен иметь возможность

быстро ее найти. Я не могу спокойно жить, не зная, где она.

Егор приходит через 15 минут после того, как я ему звоню. Он очень встревожен. Глаза бегают, дышит надрывно. Я спешу его успокоить.

– Слушай, Кристинин отец сказал, что разговаривал с ней. Она в порядке.

– Это прекрасно, но где она? – Кузнецов почти перешел на крик.

– Да какая разница, где? Главное, что с ней все хорошо. Завтра в школе наверняка будет.

Даже не знаю, кого этими словами я пытаюсь успокоить: Егора или себя. Кузнецов долго ничего не отвечает, напряжённо думает.

– Что у вас тут было на Новый год? – Неожиданно спрашивает.

Этот вопрос застаёт меня врасплох.

– Ээм, да ничего такого. А что?

– С Нового года все не так. Кристину будто подменили, – Егор пристально на меня смотрит.

У меня перехватывает дыхание. Неужели друг догадывается? Но это невозможно. Главное сейчас не выдать себя.

– Не знаю, Егор. По-моему, Кристина какой была всегда, такая и есть. – И для пущей убедительности я пожимаю плечами.

Кузнецов снова задумался.

– А что, по-твоему, в ней изменилось? – Я решаю акку-

ратно поинтересоваться.

Егор молчит, постукивая пальцами по подлокотнику дивана.

– Я не знаю, Максим, – наконец, начинает он, – мне сложно объяснить это словами, но я чувствую. Как она говорит, как она реагирует, как она отвечает на вопросы. Она будто мыслями не здесь, а где-то. Как в тумане. – Он снова не на долго замолкает. – То есть, она с одной стороны, такая же, как и была. Но с другой... С другой, это не Кристина. Она будто сломалась.

– Сломалась? – Меня удивляет такое описание.

– Да. Будто внутри нее что-то сломалось.

Я молчу. Неужели это произошло с Кристиной из-за меня?

– Я думаю, сейчас гадать бессмысленно, – наконец выдавливаю из себя, стараясь сделать это как можно более невозмутимо, – завтра в школе поговоришь с ней.

Егор хмыкает.

– Так она мне и сказала, где пропадает с выключенным телефоном.

– Ну ты все-таки ее парень, имеешь право знать.

Кузнецов тяжело вздыхает.

– У меня никогда не было никаких прав на Кристину. Ни у кого не было.

– То есть завтра ты планируешь делать вид, что не разыскивал ее весь сегодняшний вечер?

Он пожимает плечами:

– Да нет, почему. Я спрошу Кристину, где она пропадала.

Но она не ответит. Или ответит какую-нибудь ложь.

Егор уходит быстро, а я остаюсь наедине со своими мыслями.

Я собственноручно разрушил своё и Кристинино счастье. Я осознанно обманываю Олю. Я вру в лицо другу.

Как я до этого дошёл, черт возьми? И чем я лучше Морозовой, способной наплевать на всех ради собственной цели? Она хотя бы честна.

Незнание, где находится Кристина сводит меня с ума. Даже несмотря на то, что отчим заверил, что с ней все в порядке. Я не сплю до глубокой ночи, надеясь, что Кристина все-таки появится дома. Но она не приходит.

Глава 36. Без тебя нет жизни

На следующий день в школе Морозова, как ни в чем не бывало. Когда мы с Егором заходим в кабинет, она уже сидит за своей партой. На ней новая одежда, не та, что вчера, свежий макияж, чистые уложенные волосы. Так даже и не скажешь, что она не ночевала дома.

До начала урока остается 15 минут. Кузнецов решает задать Кристине вопросы сразу. В кабинете мало людей, Вика как раз куда-то вышла из класса. Обычно все ученики заходят в кабинет за пару минут до начала урока. Утром все хотят поспать подольше и в школу не спешат.

– Я вчера вечером к тебе приходил, но тебя не было, – начинает аккуратно Кузнецов. Он говорит тихо, но мне все равно слышно. – И телефон был выключен. Где ты была?

Кристина молчит.

– Хотела отдохнуть. Уехала кое-куда, – наконец выдает она.

– Почему не предупредила?

– Забыла, извини.

– Кристин, что происходит? – Егор все еще держит свой голос спокойно, но я уже могу различить в нем нотки паники.

– Ничего. А что такое?

– Ты очень странная в последнее время. Молча берёшь и

куда-то уезжаешь. Выключаешь телефон. Я что должен думать, когда не могу до тебя дозвониться и дома тебя нет, а на улице уже ночь?

– Егор, я устала. Правда.

– От чего ты устала?

– От всего. Я жду ответа из Гарварда, и это ожидание даётся нелегко. Извини, дело не в тебе, а во мне. Я просто сильно паникую.

Егор тяжело вздыхает.

– Ты можешь хотя бы сказать мне, где ты была?

– В этом нет необходимости, Егор. Отец знал, где я находилась. Этого достаточно.

Кузнецов ей больше ничего не отвечает. В класс заходят другие ученики, а потом появляется и учитель.

Егор думает, что Кристины не было только одну ночь. Он не знает, что она почти не живет в доме уже очень давно. Я не стал ему вчера об этом говорить.

Я уверен почти на 100%, что Кристина остается в каком-нибудь доме или квартире отчима. Не думаю, что особняк в Золотом ручье – единственная недвижимость Игоря Морозова. Наверняка у него есть еще. А, может быть, у Кристины уже есть и собственная квартира.

Вот только мне этого мало. Я хочу знать ее точное место. Вряд ли я к ней поеду, но мне нужно знать, где Кристина бывает. Иначе я просто сойду с ума.

Вопрос решается сам собой через три недели. Я возвра-

щаюсь домой со школы, как обычно. Я один. Кристина не приехала, отчим с мамой еще находятся на работе. Я захожу на кухню, чтобы пообедать, и вижу на кухонном столе письмо. Домработница оставляет почту там каждый день.

Я не жду ни от кого бумажных писем, поэтому никогда не роюсь в этих конвертах. Да и обычно по почте присылают только счета за коммуналку. В этот раз на столе лежит только одно письмо. Проходя мимо стола к плите со сковородками, я боковым зрением замечаю бордовую эмблему на конверте. Машинально бросаю взгляд и застываю на месте.

Это письмо из Гарварда.

Я беру в руки конверт. На нем английскими буквами напечатан наш адрес и имя адресата – Ms. Kristina I. Morozova.

Сомнений нет. Кристине пришёл ответ.

Я тут же набираю отчиму, но его телефон выключен. Следом звоню маме, она берет трубку, когда я уже хочу ее положить.

– Алло, Максим, что-то срочное? У нас совещание, – спрашивает шепотом в трубку. На заднем фоне я слышу несколько голосов.

– Да, Кристине пришёл ответ из Гарварда, а ее нет дома. Я решил сказать об этом Игорю Петровичу, чтобы он передал дочери.

– Позвони ей сам, мы еще не скоро освободимся.

– Мам, я с ней не общаюсь. Вообще.

– Ладно, когда совещание закончится, я передам Игорю.

И кладет трубку.

Сам не знаю, почему, но я сильно разнервничался. Будто от того, что написано в письме, зависит моя жизнь. Хотя отчасти так оно и есть. Я искренне надеюсь, что Кристина поступит, уедет и без нее жизнь наладится. Будем с ней встречаться раз в год на летних каникулах, когда Кристина будет приезжать в Россию. И то – если на эти каникулы я сам не стану куда-нибудь уезжать.

Отчим перезванивает мне через три часа. Его голос встревожен.

– Максим, это правда? Кристине пришло письмо из Гарварда?

– Да, лежит на кухне на столе. Передайте своей дочке, думаю, для нее это важно. Домой она со школы не вернулась.

Игорь Петрович несколько секунд молчит, тяжело дыша в трубку. Затем он наконец выдает.

– Ты сможешь сейчас его ей отвезти?

– Я не знаю, где Кристина, – меня удивляют слова Игоря Петровича.

– Я назову тебе адрес.

– Тогда без проблем.

– Хорошо, сейчас пришлю смс. Но езжай сразу, не медли.

– Да, конечно.

Сообщение с адресом приходит моментально. Я забиваю улицу и номер дома в мобильное приложение для вызова такси. Это обычный московский адрес. Не в центре.

Через полтора часа я уже стою перед обычной панельной 16-этажкой в спальном районе Москвы. Кристина находится тут? Очень странно. Что ей делать в простом московском районе довольно далеко от Садового кольца? Я оглядываю двор дома. Обычная детская площадка, на которой играют дети. Припаркованные автомобили хоть и иномарки, но довольно простые. Кристинина Audi сильно выделяется на их фоне. На первых этажах супермаркеты эконом-класса: «Пятёрочка», «Магнит» и подобные.

Я подхожу к третьему подъезду, набираю на двери код из смс-сообщения Игоря Петровича и поднимаюсь на 10 этаж. Подхожу к двери с номером 217 и секунду медлю прежде, чем нажать на звонок. Приглядываюсь к глазку и вижу, что внутри горит свет. Значит, Кристина точно там.

Глубоко вдыхаю и нажимаю на звонок. Отчего-то сердце в груди стало быстро стучать.

Я продолжаю смотреть на глазок. На секунду желтый огонёк в нем сменился чёрным, а затем снова становится желтым. Значит, Кристина подошла к двери и посмотрела в него. Вот только открывать она не спешит.

У меня ощущение, что я чувствую ее дыхание за дверью. Или мне это только кажется?

Секунды идут, она не открывает. Я не выдерживаю и говорю ей. Не громко, но чтобы она услышала через дверь.

– Кристина, я знаю, что ты там. Открой. Это важно.

Ответа нет.

– Кристина, это важно для тебя. – Повторяю настойчивее.

Проходит секунд 30, и дверь открывается. Она закрыта изнутри на цепочку, поэтому я вижу Кристину лишь в щель, насколько позволяет длина этой самой цепочки.

– Зачем ты пришёл? – Ее голос совсем бесцветный и безразличный. И это первый раз, когда она говорит со мной с той самой новогодней ночи. Ее первые слова мне за 3,5 месяца. И судя по этому вопросу и по тому, что она долго не хотела мне открывать, Игорь Петрович не предупредил ее о том, что я еду.

– У меня для тебя кое-что есть. Позволишь войти?

Я не хочу говорить ей про письмо из Гарварда сейчас. Я боюсь, что она возьмёт его у меня из рук через дверь и захлопнет ее перед моим лицом. Не знаю, почему, но я хочу войти. И хочу поговорить с ней.

Она продолжает смотреть на меня через щель. Что выражают ее глаза? Ничего. Ноль эмоций. Я по-прежнему для нее невидим.

Входная дверь захлопывается и внутри у меня все обрывается. Но уже через секунду я слышу, как щёлкает цепочка, и дверь распаивается. Кристина уже развернулась спиной и пошла куда-то внутрь.

Я прохожу, захлопываю за собой дверь и вешаю цепочку обратно. Снимаю куртку, разуваюсь и иду туда, куда удалась Кристина. Я осматриваюсь вокруг. Это обычная трёхкомнатная квартира. С неплохим ремонтом, но не супер-ди-

зайнерским, как в доме в Золотом ручье. На полу обычный светлый ламинат, на стенах простые светлые обои. Пахнет в квартире уютно. Домом.

Кристина стоит на кухне и смотрит в окно, которое выходит на лоджию. Я подхожу близко к ее спине и останавливаюсь. Слышу ее тихое дыхание, до меня доносится слабый запах ее волос. Она молчит, и я молчу.

Не знаю, сколько времени проходит прежде, чем Кристина прерывает звенящую тишину.

– Как ты меня нашёл и зачем ты приехал?

Ее голос, как сталь.

– Тебе пришло письмо из Гарварда. Я позвонил твоему отцу, он попросил меня привезти его тебе. Назвал этот адрес.

Она снова молчит. Ее спина напряглась, как струна. Проходит, наверное, минута, прежде, чем она выдаёт:

– Давай письмо, – и резко разворачивается ко мне.

Я молча протягиваю конверт. Кристина нетерпеливо вскрывает его и достаёт лист бумаги. По ее лицу ничего не прочитать. Ни одной эмоции. Когда она опускает листок и снова отворачивается к окну, я замороженно спрашиваю.

– Ты поступила?

– Еще неизвестно. Меня вызвали на собеседование.

– Так и должно быть?

– Чаще всего да.

– Ясно.

Мы снова молчим. Я продолжаю стоять у нее за спиной, и

меня одолевает дикое желание обнять Кристину сзади, прижать к себе и уткнуться носом в ее макушку.

Боже, как же я люблю эту девушку... Кого я пытался обмануть, когда отверг ее? Кого я пытался обмануть, когда целовал Олю?

Мне нужна только Кристина. Она одна.

– Перескажи мне полностью свой разговор с моим отцом по поводу письма, – Кристина неожиданно нарушает тишину.

Я немного теряюсь от ее вопроса. Это единственное, что ее волнует в данную минуту?

– Я пришёл домой, увидел на кухне письмо, подумал, что это важно. Позвонил твоему отцу, у него оказался выключен телефон. Набрал своей матери, она сказала, что у них важное совещание. Я попросил ее передать Игорю Петровичу, что тебе пришло письмо, чтобы он с тобой связался. Он перезвонил мне через три часа и попросил привезти его сюда к тебе. Адрес прислал смской.

– Понятно, – бесцветно отвечает Кристина через мгновение.

Я не очень понимаю, что ей понятно, но решаю не задавать вопросы.

– Можешь уходить, – ее голос ровный и безэмоциональный.

Этого стоило ожидать. На что я надеялся, когда ехал? Что Кристина повиснет на моей шее?

– Кристина, – я слегка прочищаю горло, – поехали домой.

– Я дома.

Меня удивляет ее ответ.

– Что это за место?

– Это мой дом. Я тут выросла.

Значит, это родная квартира Кристины, в которой она жила с родителями в детстве. А потом только с отцом, до переезда в Золотой ручей. И, получается, где-то недалеко от этого дома убили Кристинину маму. Так вот, почему она забрала с собой пистолет.

– Здесь небезопасно, Кристина. Я так понимаю, где-то здесь рядом была убита твоя мама.

– Да, ее застрелили возле гаражей местных жителей. Отсюда пять минут пешком. У нас там тоже есть гараж, кстати.

Мне не нравится, что Кристина тут одна. Даже несмотря на то, что контингент возле подъезда на первый взгляд показался мне приличным. Даже несмотря на то, что у Кристины с собой пистолет.

– Зачем ты здесь? Ты же совсем перестала жить дома, – мой голос хрипит.

Я больше не могу бороться с желанием обнять ее. Обвиваю Кристину руками и прижимаю к своей груди, зарываясь носом в ее затылок. Жадно вдыхаю запах волос и зажимаю глаза. Кристина не шелохнулась. Я начинаю целовать ее шею. Медленно спускаюсь губами к плечу.

Она не шевелится. Ее тело не выражает совсем никаких

эмоций. Совершенно не как тогда на Новый год, когда Кристина отзывалась на каждое прикосновение моих губ. Сейчас у меня ощущение, что я целую камень. Но мне все равно. Я не могу не целовать ее.

– Кажется, у тебя есть девушка, – ее голос ровный, бесчувственный.

Как она так может? Неужели она совсем ничего не чувствует?

– Она не ты... Они все не ты, – я уткнулся лбом в ее висок.

– Но ты сделал такой выбор. Будь добр теперь нести за него ответственность. – Кристина пытается сбросить с себя мои руки, но я крепко ее держу. – Отпусти, Максим. Ты совершаешь ошибку.

– Я совершил ошибку, когда ушёл из твоей комнаты на Новый год. Я бы все отдал, чтобы снова вернуть ту ночь.

Она молчит. Дышит так же ровно.

– Уходи. Я не хочу тебя видеть. И поцелуев твоих не хочу. Не приезжай сюда больше и забудь этот адрес.

Она говорит это очень спокойно, не пытается меня ужалить, не плюётся ядом. Но тем не менее каждое слово будто пуля вонзается мне в грудь.

– Кристина, прости меня, если можешь. Ведь еще не поздно все исправить.

– Не поздно, – я удивлён тому, что она согласилась. Неужели она даст мне второй шанс? – Но проблема в том, что я больше не хочу. Ты не нужен мне. Уходи.

С каждым Кристининым «уходи» я сжимаю ее в своих объятиях еще сильнее. Я не уйду без нее. Я не уйду от нее.

– Я тебе не верю. Я помню, как ты целовала меня. Это не может пройти за несколько месяцев.

Я чувствую, как она сглатывает. Набирает полную грудь воздуха, шумно выдыхает. Кристина разворачивается ко мне лицом, но я не выпускаю девушку из кольца своих рук. Ее лицо в нескольких сантиметрах от моего.

– Максим, просто уходи. Оставь меня. Ты сделал свой выбор – осознанно отказался от меня. Теперь я делаю свой выбор – осознанно отказываюсь от тебя. Я уеду в Америку. Если не поступлю в Гарвард, то поеду в Лондон. Туда попасть легче. Но я все равно уеду. От всех вас. Всего через четыре месяца.

Ее голос, как сталь. А я просто смотрю в ее лицо и не верю тому, что вижу: ни одной эмоции.

Вот это девушка. Вот это выдержка. А ведь ей всего 17 лет. Как она так может?

Но Кристина права. Через четыре месяца она уедет. И что тогда?

А тогда будет моя смерть...

– Я просто прошу тебя поехать со мной домой, – я игнорирую ее речь об отъезде через четыре месяца, – потому что в этом районе небезопасно. Я не хочу оставлять тебя здесь одну.

– Максим, я в этом районе выросла. Да, маму тут убили,

но это была случайность. И прошло 9 лет. Мы с папой еще долго продолжали тут жить после маминой смерти. Здесь более чем безопасно. Тысячи обычных людей живут в этом районе.

– Зачем ты вообще сюда переехала?

– Я сюда не переехала. Просто остаюсь тут иногда.

– Не иногда, а все время, когда твоего отца не бывает дома. Ты приезжаешь в Золотой ручей, только когда знаешь, что он будет с нами завтракать или ужинать.

На ее лице появляется легкое удивление. И это первая эмоция за все время, которой Кристина меня одаривает.

– У тебя появился второй номер телефона? – Я продолжаю наступать.

– Нет, с чего ты взял?

– Когда тебя искал Егор, у тебя был выключен телефон. Твой отец потом мне перезванивал и сказал, что связался с тобой по другому номеру.

– Он звонил на домашний телефон этой квартиры.

Она все еще в моих руках. Ее лицо все еще в нескольких сантиметрах от моего. А я не знаю, ни что еще сказать, ни что еще сделать. Кристина по-прежнему, как камень.

– Тебе пора, Максим.

Ее слова звучат, как приговор, и я беспомощно касаюсь ее лба своим все еще не в силах выпустить Кристину из кольца рук.

– Без тебя нет жизни, – наконец говорю ей почему-то сип-

лым голосом.

– Ты ошибаешься, Максим. Еще как есть. Ты же жил без меня раньше.

– Раньше я тебя не знал.

На секунду мне кажется, что Кристина хочет мне возразить, но потом передумывает. Так и стоим молча, соприкасаясь лбами.

– Ты хоть думал, какого мне, видеть тебя с ней каждый день? – Кристина говорит тихо. – После того, как я открылась тебе. Той ночью я была готова с тобой на все. А ты просто все перечеркнул. А после начал встречаться с другой. Прямо у меня на глазах. Так что же ты сейчас от меня хочешь, Максим?

Я шумно сглатываю.

– А ты думала, какого мне видеть тебя каждый день с Егором? Смотреть, как он тебя целует. Как вы сидите с ним в обнимку в гостиной. Слышать, как он называет тебя «малыш». Ты думала, какого мне все это наблюдать? И понимать, что единственная, кого я больше всех желаю – девушка моего друга.

– Я была готова уйти от него. Ты сам попросил меня не делать этого.

– Я не имею права желать девушку своего друга. И дочь своего отчима.

Я ненавижу себя за эти слова. Я ненавижу сейчас весь мир, который мешает мне быть с Кристиной.

– Ну, раз не имеешь права, значит, просто уходи. И забудь сюда дорогу. – Кристина сбрасывает с себя мои руки, и я больше не мешаю ей это сделать. Она отступает в сторону, смотрит очень решительно. – Уходи и забудь, как меня зовут, – Кристина чеканит каждое слово.

Я больше не могу ей возражать, потому что знаю, что она права. Я сам все разрушил.

И я просто уйду.

Глава 37. Мой главный проигрыш

POV Кристина

Прошел час с момента ухода Максима. Я сижу на кухне и думаю, думаю, думаю.

Отец знает про нас с Максимом. Еще бы. От его глаз никогда ничего не могло скрыться. Я могу обмануть любого человека, но только не его. Не того, кто всему меня научил.

Приход Максима был сообщением от отца. Оно гласило:

1. Возвращайся домой;
2. Выбери между Максимом и Гарвардом.

Как я об этом узнала? Во-первых, сам факт того, что отец кому-то дал этот адрес уже не просто так. Осталось понять, почему. Папа знает, что между мной и Самойловым что-то произошло, и он знает, что Максима беспокоит мое отсутствие дома. Отцу тоже не нравится, что меня часто нет. Поэтому если Самойлов сюда придет, то, естественно, он будет упрашивать меня вернуться в «Золотой ручей». Таким образом, папа просто вложил свои мысли в уста парня.

Во-вторых, сам приход Максима ко мне вместе с письмом из Гарварда уже означает, что я должна сделать выбор между ними двумя.

Максим или Гарвард.

Я так и слышала тут на кухне голос отца, произносящий

с усмешкой: «Ну, доча, выбирай, вот они оба перед тобой прямо сейчас».

Не выдерживаю и пишу папе смску.

«Я получила твое сообщение»

Ответ приходит тут же.

«Я в тебе никогда не сомневался»

Он не спрашивает меня, что было в письме. Он знает, что завтра я уже вернусь домой и сама ему все расскажу. Выбрать между Максимом и Гарвардом он тоже дает мне время до завтра.

Откуда я в этом так уверена? Папа знает, что я гордая и не вернулась бы с Самойловым в «Золотой ручей» сразу после того, как он об этом попросил. А насчет выбора между Максимом и учебой, то тут достаточно вспомнить одно из папиных правил: переспать с идеей. Иными словами, прими решение вечером и переосмысли его утром. А потом начинай выполнять.

У меня нет причин долго размышлять. Я выбираю Гарвард. Максим разбил мое сердце и растоптал тот маленький лучик надежды на наше с ним совместное счастье, который у меня возник той ночью. Если бы, когда Максим жадно ласкал каждый миллиметр моей кожи на шее, меня спросили, что я выбираю: лучшее бизнес-образование в мире или этого мужчину, я бы без сомнений выбрала Максима.

Той ночью я была готова с ним на все. Я мечтала, чтобы он сорвал с меня платье, которое я так тщательно выбирала

специально для него. И не только платье. Той ночью я до кончиков пальцев принадлежала ему одному...

Как же это сладко – отдать всю себя любимому мужчине. И как же это больно – понять, что ему это не нужно. А потом еще и увидеть его с другой. Спасибо отцу, что научил меня не показывать своих эмоций и не замечать предмет боли. Я думала, что этот навык может пригодиться мне только в бизнесе. Но оказалось, что в жизни в нем возникла необходимость куда раньше.

Все эти три месяца внутри меня разрасталась огромная черная дыра. Я, с одной стороны, жила, как раньше, делала все то же самое, что и раньше, разговаривала, смеялась, как раньше. Но внутри меня в это время росла дыра боли. С каждой улыбкой Олейниковой Максиму, с каждым его прикосновением к ней эта дыра становилась все больше и больше.

Находиться с Максимом под одной крышей, знать, что он всего лишь в паре метров от меня, также было невыносимо. Мне ничего не оставалось кроме как сбежать туда, где я могла почувствовать себя маленькой и беззащитной. К маме.

Вот только ее уже давно нет. Но наш родной дом все еще хранит ее запах и ее тепло, в шкафу по-прежнему висит ее одежда, пахнувшая ее любимыми духами. Перед сном я ложилась на кровать в обнимку с маминым свитером и вдыхала его запах, выпуская в подушку крики душевной боли.

На следующий день я приезжаю со школы домой не на

много позже Максима. Он удивлен, когда видит, что я вернулась. Я спокойно прохожу мимо него на кухню, накладываю в тарелку еду и сажусь есть. Он напрягается в моем присутствии, хочет что-то сказать, надрывно дышит.

Но я этого не вижу. Максим Самойлов больше не существует для меня. Я дала небольшую слабину вчера, когда он приходил. Сказала о своем разбитом сердце, о том, что мне больно видеть его с Олейниковой. Но я не жалею о сказанном. Как говорит папа, иногда эмоциям нужно давать выход. Я запретила себе плакать с той ночи. За три с половиной месяца – ни одной слезинки. Только крики, зарывшись лицом в подушку. Но, несмотря на это, боль скапливается, скапливается, скапливается. Вчера я чуть-чуть выпустила ее на волю. Этого достаточно.

Убираю посуду в раковину и ухожу к себе. Чувствую, как Максим провожает меня взглядом. Слышу его шаги по лестнице на второй этаж. Он останавливается в коридоре. Приближается к моей двери. Я даже чувствую, как он поднимает руку, чтобы постучать в мою дверь.

Секунда, две, три. Тихий стук. Я не отвечаю.

Стук повторяется уже более настойчиво. Через минуту Максим просто сам открывает дверь и становится в дверном проеме.

Я сижу за столом, смотрю билеты в Нью-Йорк к назначенной дате. Мне незачем поворачивать к нему голову.

– Я рад, что ты все-таки вернулась, – говорит тихо.

Я не реагирую.

Он хочет сказать что-то еще. Кажется, даже порывается подойти ко мне, но в последний момент все-таки не решается. Так и продолжает стоять в дверном проеме, молча наблюдая, как я бью по клавиатуре ноутбука.

Когда-то я бы все отдала за то, чтобы он вот так стоял в моих дверях и смотрел на меня. От его взгляда где-то глубоко-глубоко внутри начинает что-то просыпаться. Что-то, что я закопала в себя в ту новогоднюю ночь, когда он ушел. Вот только чувства не перестанут существовать только от того, что ты их спрячешь.

Он все-таки подходит ко мне, плотно закрыв за собой дверь. Бесшумно опускается на колени у моих ног и кладет на них голову лбом вниз. От прикосновений Максима по телу по-прежнему проходят разряды тока, но я уже научилась не дергаться из-за них.

– Кристина, – он то ли скулит, то ли хрипит, – я не могу с тобой, я не могу без тебя... Как же мне быть?

И после этих слов то, что было закопано внутри меня, начинает прорастать с новой силой. Мне стоит больших усилий удержать на себе броню.

– Пожалуйста, не молчи, поговори со мной. – Он говорит это ТАКИМ голосом, что я непроизвольно зажмуриваю глаза. Хорошо, что Максим меня сейчас не видит. – Скажи, что ненавидишь меня. Скажи, что презираешь меня. Скажи, что я тебя недостойн. Скажи, что между нами пропасть. Но ска-

жи хоть что-нибудь.

Максим беспомощно поднимает на меня глаза. А я застыла на одном месте. Невидящим взглядом смотрю в монитор компьютера.

Вот он снова это делает. Одним своим взглядом с кожей сдирает с меня маску. Глаза Максима просачиваются сквозь нее и смотрят глубоко в душу. Туда, где я такая ранимая и одинокая.

Он выпрямляется, тянет руки к моему лицу, берет его в ладони и поворачивает от ноутбука на себя. Я послушно двигаюсь. Мы смотрим друг другу прямо в глаза, между нами не больше 10 сантиметров.

Я держусь из последних сил. Еще чуть-чуть и я сорвусь. Когда он так близко, когда он так нежен, я теряю себя... С Максимом всегда так было. Его близость всегда выбивала меня из колеи.

– Прекрати это, – наконец говорю ему.

– Что прекратить?

– Все это. Я по-прежнему девушка твоего друга и дочь твоего отчима.

Он не отвечает. Лишь надрывно дышит, смотря мне прямо в глаза.

– Твой друг, кстати, скоро придет ко мне в гости, – я продолжаю спокойным голосом, – а твой отчим сегодня будет к ужину.

Максим беспомощно опускает веки, и я вижу, как по его

щекам заходили желваки. Он шумно сглатывает, делает глубокий вдох.

Ему сейчас больно так же, как и мне. Вот только я умею это скрывать, а он нет. Мне до безумия хочется опуститься на пол рядом с ним и зарыться лицом в его грудь, вдохнуть его запах.

Запах моего героя.

Максим никогда не перестанет быть им для меня. Как бы больно он мне ни сделал.

– Уходи, Максим. Просто уходи. Егор действительно скоро придет.

Он не отвечает. Опускает ладони с моего лица на талию, подхватывает за нее и сажает на пол рядом с собой. Притягивает к себе, захватывая меня в крепкое кольцо рук, и зарывается лицом в мою шею.

– Обними меня, пожалуйста, Кристина. Один раз. И после я уйду. Навсегда. Обещаю.

Я шумно сглатываю. Не особо контролируя свои действия, я обвиваю руками его шею и утыкаюсь лицом в плечо. Жадно вдыхаю запах.

Один разочек ведь можно? Последний.

Мы очень крепко держим друг друга в объятиях. Не говорим ни слова. Сколько мы так сидим? Не знаю.

Я начинаю чувствовать, как его губы мягко касаются моей шеи. От удовольствия и душевной боли одновременно я зажмуриваюсь. Он идет вверх к моему лицу. Вот он уже целует

щеку, подбородок. На секунду останавливается у моих губ, будто в нерешительности. А после закрывает глаза и принимает к моему рту.

Я не хочу отвечать на его поцелуй, но мои губы меня не слушаются. И вот я уже мягко, аккуратно целую Максима в ответ. Мы делаем это очень осторожно. Сейчас нет и тени той страсти, что была в новогоднюю ночь. Только обоюдная боль.

Мы разрываем поцелуй и соприкасаемся лбами. Я чувствую его дыхание, он наверняка чувствует мое. Максим все еще крепко держит меня в своих объятиях, я все так же прижимаю его к себе.

– Кристина, – он начинает шепотом, – я сейчас уйду. Но я хочу, чтобы ты знала: из всех девушек для меня есть только ты. Я понял это в тот самый момент, когда к твоему горлу приставили нож. Я тогда посмотрел в твои глаза и осознал, что ради тебя я готов на все. – Он шумно вздохнул. – Прости меня, пожалуйста, что все разрушил между нами. Обстоятельства оказались сильнее меня.

Я беспомощно опускаю веки и так же тихо отвечаю.

– Я тебя прощаю.

Максим больше не говорит ни слова. Он выпускает меня из своих объятий и уходит, притворив дверь. А я так и остаюсь сидеть на полу, из последних сил сдерживая накатывающие на меня рыдания.

Нельзя. Нельзя давать волю слезам. Возьми себя в руки,

Морозова. К тебе скоро придёт твой парень. Тот, который в отличие от Самойлова, ни разу не причинял тебе боль и ни разу не заставлял страдать.

Егор появляется минут через 40. Не успеваю я закрыть за нами дверь своей комнаты, как он тут же заключает меня в объятия и накрывает мои губы поцелуем. Я отвечаю ему будто на автомате. Поцелуи Егора уже давно не приносят мне бывшего удовольствия. А если точнее – с тех пор, как я почувствовала на себе вкус губ Максима.

Егор валит меня на кровать. Его поцелуи идут все ниже и ниже. Ладонь проскальзывает мне под кофту и мягко ложится на грудь. Я зажмуриваю глаза, но отнюдь не от удовольствия.

Я понимаю, к чему сейчас ведёт Егор. Он давно этого хочет, но я не могу. Просто не могу и все. Он прекрасный парень, готовый ради меня на все. Егор никогда бы не поступил со мной так, как Максим, никогда бы не отверг меня из-за глупых предрассудков общества, никогда бы не стал заводить отношения с другой на моих глазах, зная, что это причиняет мне боль. И если бы Кузнецову когда-нибудь пришлось выбирать между мной и другом, он бы всегда выбрал меня.

Егор достоин моей любви и моего тела, как никто другой. Так почему же я так жестока с ним? Ведь он совсем этого не заслужил.

Я сделаю это. Сейчас. С ним.

Тяну свои руки к футболке Кузнецова и стаскиваю ее с него. На секунду он замирает, поднимает на меня голову и смотрит прямо в глаза.

– Малыш, – его голос хрипит, – ты точно...

Я не даю ему договорить.

– Да, Егор. Я хочу.

– Я люблю тебя, Кристина, – выдыхает он, накрывая мои губы.

Он целует меня страстно. Поддевает конец моей кофты и снимает ее с меня. Жадно смотрит на мою грудь, шумно сглатывает и тянется расстегнуть лифчик.

Да, я готова. С ним. С человеком, который всегда ценил меня больше всех. С человеком, который ни разу не заставил меня плакать. С человеком, который, как никто другой, заслужил мое тело.

Егор целует мою шею. Застежка лифчика щёлкает, но он не успевает снять с меня его, потому что в этот момент на весь дом раздаётся вой сирены. Мы резко отскакиваем друг от друга.

– Что это? – недоуменно вопрошает Кузнецов.

– Похоже на противопожарку. – Я придерживаю лифчик одной рукой, садясь на кровати и оглядываясь по сторонам.

И тут до меня доходит.

– Егор, черт! У нас, кажется, пожар!

Я подскакиваю на ноги, пытаюсь застегнуть лифчик обратно. Но не тут-то было, поэтому я просто скидываю его с себя

и надеваю на голое тело кофту. Кажется, она наизнанку, но мне некогда соображать.

Мы вдвоём выскакиваем из моей комнаты и несёмся вниз. Из кухни валит дым. Бежим на источник и застываем в дверном проеме. На плите что-то горит, а Максим пытается потушить это огнетушителем.

– Надо вызвать пожарных! – Кричит Егор.

Максим оборачивается на его крик и невозмутимо отвечает:

– Не надо, я уже потушил. Ничего страшного. Просто дыма много. Сейчас проветрю.

Справившись с огнём, Максим открывает окна, нажимает специальные кнопки на стене, чтобы сирена заглохла, и поворачивается к нам. Егор так и не надел на себя футболку и стоит сейчас только в джинсах с голым торсом. На мне кофта наизнанку, под которой нет лифчика. Я ловлю взгляд Максима на своей груди и смущенно скрещиваю руки.

– Чувак, я тебя ненавижу, – Егор первый прерывает молчание.

– За что? Ничего же страшного не случилось. Я хотел подогреть мясо, но слишком сильно включил огонь. Не ожидал, что будет столько дыма...

– Блеать, Макс, ты... – Кузнецов обрывает его на полуслове. Он зол. – Ты нам все обломал!

Самойлов смотрит на Егора с вызовом.

– Что обломал?

Несколько секунд они сверлят друг друга глазами, пока Кузнецов не сдаётся. Он шумно выдыхает и машет рукой:

– Ладно. Ничего. – Разворачивается и выходит из кухни.

Я слышу, как Егор поднимается по лестнице в мою комнату. Но я не иду за ним. Я так и остаюсь в дверях, продолжая смотреть на Максима. Он медленно подходит ко мне вплотную.

– Ты ведь это специально, да? – говорю ему с усмешкой.

– Да.

– Зачем? Ты ведь обещал уйти.

– Обещал. Но когда представляю тебя с ним, мне сносит крышу. – Максим подносит к моему лицу ладонь и мягко гладит по щеке. Почти шепотом продолжает. – Пожалуйста, не делай это. С ним.

От прикосновения Максима сердце начинает предательски колотиться, а воздух в лёгких заканчивается. Он снова сломал мою броню.

– Я прошу тебя, Кристина.

– У тебя же есть Оля, – я хочу сказать это, как можно ровнее, но сарказм все равно пробивается наружу.

Он отрицательно качает головой.

– У нас с ней ничего серьёзного. Я хочу только одну девушку.

Я ничего ему не отвечаю. Разворачиваюсь и ухожу наверх. Егор лежит на моей кровати, смотря в потолок.

– О чем ты с ним говорила? – спрашивает, не переводя на

меня взгляд.

– Сказала, что он полный придурок, и я его ненавижу.

– Ясно.

Я опускаюсь на кровать рядом с ним. Тоже поднимаю глаза в потолок. Мы оба молчим, понимая, что момент упущен.

Минут через пять Егор встает, находит футболку и натягивает на себя. Опускается на локоть рядом со мной, другой рукой поворачивая мое лицо к себе.

– Малыш, я люблю тебя. Мы обязательно все сделаем. Может, даже хорошо, что сейчас не получилось. Это было бы слишком обычно. А я хочу, чтобы твой первый раз был особенным. Может, съездим куда-нибудь на выходные?

– Может, – отвечаю Егору бесцветным голосом.

– Хорошо, – Кузнецов мне мягко улыбается. Целует губы и встает, чтобы уйти. – Я тогда подумаю, куда нам съездить.

– Ага.

Егор уходит, а я понимаю, что никуда с ним не поеду. Я ведь на самом деле тоже хочу только одного мужчину. Того, кто почти ежедневно причиняет мне боль.

– Кристина, что в письме из Гарварда? – сходу начинает отец, когда я еще даже не успела сесть на своё место за кухонным столом. Сегодня они с Еленой ровно к ужину.

– Вызывают на собеседование.

– Когда?

– 10 мая.

– Еще есть время подготовиться, это хорошо. Я поеду с тобой. И готовить к собеседованию тебя тоже буду я.

Меня немного удивило такое рвение отца.

– Пап, а у тебя точно есть время?

– Для такого дела найду.

– А как ты будешь меня готовить? Откуда нам знать, о чем они будут меня спрашивать.

Отец хмыкнул.

– Это же американцы. Их волнует примерно один круг тем. Права геев, лесбиянок и негров, харассмент, толерантность, расизм.

– Ясно, – я утыкаюсь в свою тарелку.

Несколько минут мы все едим молча. Я периодически ловлю на себе задумчивый и пристальный взгляд папы. Замечаю, что такой же он кидает на Максима.

– Кристина, а что по второму пункту моего сообщения? Какое решение ты приняла?

Моим первым порывом было застыть на месте с поднесённой ко рту вилкой. Но ни в коем случае нельзя показывать отцу, что его вопрос застал меня врасплох. Он делает это специально. Еще раз заставляет выбирать в присутствии Максима. Ни он, ни его мама не понимают, о чем меня сейчас спрашивает отец, поэтому спокойно продолжают орудовать приборами.

Я пристально смотрю отцу в глаза. Он меня испытывает.

– Я выбираю Гарвард, папа, – отвечаю, как можно более

невозмутимо, – главное теперь, чтобы Гарвард выбрал меня.

Вторую часть моего предложения отец пропускает мимо ушей.

– Ты хорошо подумала? От таких решений зависит дальнейшая жизнь. И не только твоя.

На последних словах папа делает акцент. Мы все еще боремся с ним взглядами. Он все еще даёт мне шанс передумать. Но я могу сделать это только сейчас. Потом он мне не позволит отказаться от своего решения. У меня нет права на ошибку.

Я аккуратно отворачиваю голову от отца в сторону Максима. Жадно смотрю на него будто в последний раз. Он вяло ковыряет в тарелке, явно погруженный в какие-то мысли. Наверняка думает о сегодняшнем.

Я тоже мысленно возвращаюсь к событиям этого дня. Максим в моей комнате, отчаянно прижимает меня к себе. Аккуратно целует и обещает уйти навсегда. А уже через час устраивает на кухне пожар, чтобы оторвать меня от Егора. Просит не отдавать ему единственное чистое, что еще во мне осталось – мою невинность.

Вот только и сам он ее никогда не возьмёт. Ведь Егор его друг. И наши родители женятся. Какой ужас! Разве можно увести у друга девушку? Разве можно желать дочь отчима? Как же после этого смотреть им в глаза!

Я ненавижу его за это.

И все равно люблю.

Мой герой. Он навсегда останется им для меня. Только в его присутствии моя маска может трещать по швам. Только в его присутствии моя броня может распадаться на мелкие осколки. Только с ним я могу быть настоящей.

Только ему я могу проиграть.

Кажется, я затягиваю с ответом. Мы так и сидим: папа пристально смотрит на меня, я на Максима, а Максим в тарелку. Елена окидывает нас взглядами, но явно не понимает, что сейчас происходит.

Я поворачиваю голову к отцу. Секунду медлю с ответом, но в итоге произношу слово, от которого мне потом нельзя будет отказаться. Отец не даст.

– Гарвард.

Секунда, две, три.

Отец молчит. У меня еще есть шанс передумать.

– Хорошо, – наконец говорит он. – Ты сделала свой окончательный выбор.

Я утыкаюсь обратно в тарелку, пытаюсь унять дрожь. Я только что отказалась от Максима. От надежды на совместное счастье с ним. Выбор сделан, назад пути не будет.

Хотя... Нет, это не я отказалась от Максима. Он первый отказался от меня. Из-за своей правильности, из-за своей морали. Растоптал то хрупкое, что между нами появилось.

А еще он совсем-совсем не помнит ту маленькую девочку, которую однажды спас от злых мальчишек. Хотя в новогоднюю ночь у него случилось дежавю. И я в детстве на фото-

графия показалась ему знакомой. Значит, не все потеряно. Он еще может меня вспомнить.

Вот только мне это уже не нужно. Я выбрала. Я уезжаю.

– Максим, а ты уже определился с вузом? – Голос отца возвращает меня из размышлений.

– Да, МГИМО. Международно-правовой факультет.

– Неплохо.

– У них есть направление, которое предполагает первые два года бакалавриата учиться в России, а вторые два года – в Женеве. Я пойду на него.

Папа одобрительно кивает.

– Там же в Женеве можешь сразу идти в какой-нибудь швейцарский банк корпоративным юристом.

– Да, у меня такой план. Буду изучать международное финансовое право.

После ужина мы с отцом сразу же покупаем билеты в Америку, визы у нас давно есть. Потом мы идём в библиотеку и начинаем подготовку к собеседованию. Папа меня не щадит. Заваливает самыми неожиданными вопросами, какие только можно придумать. Он загоняет меня в тупики, цепляется к моим словам и переворачивает их в свою пользу, а каждую мою заминку в ответе использует против меня.

– Кристина, нельзя думать над ответом на вопрос больше трёх секунд. Никогда! У тебя есть ровно три секунды, чтобы понять, блефуют перед тобой или нет, берут тебя на слабо или нет. Думаешь четыре секунды – и все, ты уже проиграла.

Они видят, что ты не готова. У тебя есть ровно три секунды, чтобы распознать намерение оппонента и, исходя из этого, правильно ответить.

– Хорошо, папа. Я поняла.

С меня сходят несколько потов. Мы занимаемся с отцом несколько раз в неделю по три часа. Он ради этого даже стал пораньше возвращаться с работы.

– Неправильный ответ, Кристина! Сколько раз тебе говорить, что ты должна говорить не то, что думаешь, а то что надо. Мужу на кухне будешь своё мнение высказывать! А на переговорах ты должна говорить только то, что будет правильным в той ситуации.

Я устало опускаю веки и тяжело дышу. Но отец не даёт мне передохнуть.

– Так, еще раз. Мисс Морозова, почему, по вашему мнению, доля государства в экономике России превышает 50%? Назовите три главных минуса высокой доли государства в ВВП страны. Как вы считаете, почему России не удалось перейти полностью на рыночные отношения?

– С 2013 года в России проводится политика консолидации банковского сектора. Какие последствия она несёт для рядового потребителя банковских услуг? Как вы считаете, мисс Морозова, санация банков с помощью вступления в их капитал Центробанком – оправданная мера? В каких странах делают так же? Или Россия – это прецедент?

– Мисс Морозова, к чему приведёт торговая война США

и Китая? Действительно ли Америка от этого выиграет, как говорит Трамп? Насколько сократится отрицательное сальдо торгового баланса США после сокращения импорта из Китая?

Отец снова и снова засыпает меня самыми разными вопросами. Про права сексуальных меньшинств и харассмент мы уже давно не говорим. Это оказались самые легкие темы.

10 мая стремительно приближается, а мне кажется, что я ничего не знаю и ничего не умею. Я полностью погружаюсь в подготовку к собеседованию, так что у меня не остается времени ни на что другое. С Егором мы ни на какие выходные так и не уехали. У меня появилась отличная отмазка – я готовлюсь к интервью.

С Максимом мы не общаемся. Он действительно оставил меня. Нет больше ни томных взглядов, ни прикосновений невзначай, ни слов, пробирающих до костей. Он продолжает встречаться с Олейниковой, хотя в школе стал держаться с ней более прохладно. По крайней мере на моих глазах.

Я простила его. И я сделала свой выбор. У меня всегда была цель в жизни, и я рада, что мне все-таки удалось не отказать от нее из-за Максима. Он тоже прекрасно понимает, что совсем скоро я уеду. Действительно, какой смысл нам что-то начинать, если в итоге все равно придется расстаться?

Я улечу за океан, и мои чувства к нему утихнут. Я знаю, что со временем смогу забыть его. Ведь однажды это уже произошло.

Близится день рождения Максима. Ему исполняется 18 лет. Я не готовлю ему подарок. Больше никаких душераздирающих сюрпризов. Никаких надписей «Герой». Он планирует отмечать дома. Сделать барбекю в беседке. В той самой, в которой мы с ним перед Новым годом разговаривали по душам. Где он поделился со мной своей историей об отце.

Максим приглашает Егора, Алену, Сережу, Вику (они все уже знают, что мы сводные брат и сестра, а наши родители женятся) и, конечно же, свою Олю.

Это было бы смешно, если бы не было так грустно. Моя соперница в моем же доме. Но ничего. Я выдержу это испытание. Только маску потуже затяну.

Отец дарит Максиму машину. Я удивлена не меньше самого Самойлова. Он отказывается принимать ключи, но папа настаивает. Я наблюдаю за ними со стороны. Это удивительно, но, кажется, отец действительно признал в нем сына.

Я никогда не говорила с папой о том, что произошло между мной и Максимом. Но он знает. И он знает, что я знаю, что он знает. Я благодарна отцу за то, что он дал мне возможность самой выбрать между своей любовью и своей мечтой. Максиму неизвестно, но отец одобрил бы наш союз. Самойлов по-прежнему думает, что факт женитьбы наших родителей – запрещает любые отношения между нами.

Пусть и дальше так думает. Мне будет легче уехать.

7 мая мы с папой вылетаем в Америку. Туда лететь 10 часов, затем из Нью-Йорка на поезде добираться до Бостона.

Учитывая разницу во времени и джетлаг после такого перелета, приезжать лучше за несколько дней.

Уже когда мы с папой сидели в самолёте и готовились ко взлету, мне пришло сообщение от Максима. Его первые мне слова с того дня, как он пообещал меня оставить, а потом устроил пожар.

«Кристина, ты самая сильная и умная девушка из всех, кого я знаю. А еще ты самая нежная и ласковая. Ты невероятная. Ты потрясающая. Ты шедевр. Таких, как ты, больше нет. Я верю, что у тебя все получится. Будь собой. Удачи!».

Я не ответила. Поспешно убрала телефон в сумку и отвернулась к иллюминатору, пока отец не заметил выступившие на моих глазах слезы. Достаточно одной смски от Максима, чтобы мой мир снова рухнул.

Я не чувствую, как самолёт начинает двигаться по взлетно-посадочной полосе, я не чувствую, как мы отрываемся от земли, я не чувствую, как начинает закладывать уши от давления. Я смотрю немигающим взглядом на отдаляющуюся Москву и вспоминаю губы и руки Максима. Вспоминаю его слова.

«Моя нежная девочка»

«С тобой никогда ничего не случится, пока я рядом. Ты мне веришь?»

«Я тебя найду!»

«Из всех девушек для меня есть только ты»

Закрываю глаза и чувствую, как по щекам скатываются

слезы. Гул самолета подавляет мой всхлип. От моего выигрыша меня отдаляет последняя ступенька – собеседование.

Но что я проиграла?

10 мая в 10 утра я захожу в кабинет. На мне строгая юбка-карандаш чёрного цвета, белая блузка и чёрный пиджак. Волосы убраны в пучок. На лице минимум макияжа. На ногах чёрные лодочки. Передо мной три человека: две женщины и один мужчина. Им всем около 35.

Я сажусь за стол перед ними, держу спину ровно. Моя броня очень плотно на мне сидит. Никто из них не сможет через нее пробиться. Единственный человек, который на это способен, сейчас за океаном. И в отличие от этих троих ему не приходится предпринимать никаких усилий. Ему достаточно просто *быть*.

Они устраивают мне стресс-собеседование. Каждое мое слово подвергается сомнению. Они блефуют. Они испытывают меня на слабо. Они пытаются вывести меня из себя. Они проверяют, насколько я психологически устойчива. Они пытаются надо мной смеяться. Они пытаются выставить меня душой.

Где-то через час одна из женщин начинает вытирать салфеткой вспотевший лоб. Ей жарко. Она устала. Мужчина то и дело тянется к стакану с водой. Вторая женщина уже обмахивает себя какой-то тетрадью, как веером.

А мой пиджак по-прежнему плотно застегнут на все пу-

говицы, а из стакана я не сделала ни глотка.

Я невозмутима. Даю ответы на их вопросы не позднее, чем через три секунды. Первой секунды хватает на то, чтобы распознать блеф это сейчас или нет, второй – на то, чтобы придумать ответ, а третьей – на то, чтобы озвучить его.

Они не знают, что у меня был превосходный учитель, который с нуля построил целую строительную империю.

Империю, которую я возглавлю.

Проходит еще полчаса прежде, чем они меня отпускают.

– Списки с поступившими абитуриентами будут вывешены завтра на доске объявлений в 12 дня, – говорит мне одна из женщин, когда я уже встаю со своего места.

– Хорошо, спасибо, – я дежурно улыбаюсь.

– Мисс Морозова, – обращается ко мне мужчина, когда я уже взялась за ручку двери. Я оборачиваюсь к нему, – надеюсь, мы с вами ещё увидимся.

Секунда: нет, он не блефует. Вторая: я бы тоже хотела, мне понравилось с тобой сражаться. Третья:

– Я тоже надеюсь, мистер Ричардсон.

Искренняя улыбка, и я скрываюсь за дверью.

– Ну что? – Подскакивает ко мне папа. Он тоже взмок.

– Думаю, я их уделала. Но результаты будут завтра.

Отец крепко меня обнимает.

– Пап, если я сейчас не выйду на воздух и не выпью ледяной воды, то потеряю сознание. С них там три пота сошло, а я сдержалась и даже пиджак не расстегнула.

– Правильно. Ты показала им свою выдержку.

На следующий день мы приезжаем в Гарвард в 12:10. У доски объявлений не протолкнуться. Кто-то выбирается из этой толпы с криками радости, а кто-то со слезами горя.

Я ничего не чувствую. Будто робот направляюсь к доске. Протискиваюсь вперёд и жадно всматриваюсь во все фамилии на букву «М».

Morozova, Kristina I., Russian Federation

Я больше ничего не вижу. Дыхание перехватывает, слезы подступают к глазам. И впервые за очень долгое время это слезы радости, а не слезы боли. На ватных ногах выбираюсь из толпы абитуриентов. Перед глазами все становится мутным, в ушах звон. Отец остался стоять на улице, решил не толпиться в душном коридоре. Я беспомощно приваливаюсь к стенке и закрываю глаза.

Я это сделала.

Я ЭТО СДЕЛАЛА.

Я ЭТО СДЕЛАЛА!!!

– Добрый день, мисс Морозова.

Я размыкаю веки и сквозь рассеивающийся перед глазами туман вижу вчерашнего оппонента.

– Добрый день, мистер Ричардсон.

Сейчас не собеседование, и я могу не притворяться. Поэтому говорю ослабевшим голосом и даже не пытаюсь улыб-

нуться.

– Я хочу сказать, что восхищён вами. Я провожу собеседования уже пять лет. И таких, как вы, могу пересчитать по пальцам одной руки, – он растягивает губы до ушей, демонстрируя мне белоснежную улыбку.

– Спасибо.

– Я преподаю первокурсникам ораторское искусство и искусство убеждения. С нетерпением жду встречи с вами в сентябре.

– Взаимно. – Я уже пришла в себя и даже смогла отойти от стены.

Он крепко жмёт мне руку, еще раз широко улыбается и уходит.

Я перевожу дыхание и иду к отцу.

– Ну?

Мне кажется за эти 10 минут, что я ходила смотреть списки, он постарел на 10 лет.

– Папа, я поступила, – говорю это отчего-то тихим, севшим голосом. И больше не сдерживаю своих слез.

Я рыдаю, как ребёнок. Кажется, папа тоже пускает скупую слезу.

– Кристина, я так тобой горжусь! Ты даже не представляешь! – Говорит отец, крепко прижимая меня к себе.

– Спасибо, папа. Спасибо за все. Без тебя я бы не смогла.

– Твоя мама бы тоже гордилась тобой.

А после этих слов рыдания накатывают еще сильнее.

Мы улетаем через день, решив не сообщать никому до нашего возвращения. Хотя Елена отцу, а мне Егор уже обзвонили телефоны. Папа из аэропорта поехал сразу на работу. За неделю отсутствия скопилось много дел, требующих его личного присутствия.

Я захожу в дом, бросаю чемодан у входа. По лестнице мне навстречу спускается Максим. При виде меня он замирает. Я вижу, что он хочет спросить, но не решается.

Три дня назад в школе объявляли лучшего ученика года. Впервые за несколько лет им стала не я. Им стал Максим Самойлов.

Единственный человек, которому я проиграла. И не только дурацкое звание лучшего ученика школы. Я проиграла ему своё сердце и свою душу. Я проиграла ему себя.

Я пристально смотрю на этого сильного парня, который смог превзойти меня во всем. И я не чувствую злости, раздражения или обиды.

«В любви не бывает проигравших», – сказал мне отец три дня назад в Америке, когда я ему сообщила о том, что в школе Максим меня обошёл. Я ничего не ответила папе. Мы по-прежнему с ним не обсуждали мои отношения с Максимом, но теперь отец даже и не пытался завуалировать, что ему известно о наших чувствах друг к другу.

Мы так и стоим с Максимом на лестнице, пристально смотря друг на друга. Ничего не говоря, он все-таки двигается мне навстречу. Молча сгребает меня в охапку и крепко

к себе прижимает.

– Меня приняли, – шепчу ему, обвивая руками его шею.

Максим не отвечает. Лишь еще крепче прижимает к себе.

Мы долго так стоим. А я вспоминаю маленького мальчика из детского лагеря, который восхитил меня своей силой и своим умом. Прошло больше 10 лет, а с тех пор ничего не изменилось.

Мой герой всегда будет лучше меня.

Глава 38. Та самая

– Моя дочь будет учиться в Гарварде!!! – Произнес Игорь Петрович с такой гордостью в голосе, что даже сама Кристина засмушалась.

Отчим, моя мама и Кристина подняли вверх бокалы вина. Я поднял стакан с соком. Мы все ударились стеклом и сделали по глотку: Игорь Петрович и мать с большим удовольствием, Кристина со стеснением, а я словно пью яд.

Она уезжает. Теперь совершенно точно. Прав был Егор, когда говорил, что ничего не сможет удержать Кристину, если она поступит. Она действительно перешагнет через любого ради своей цели. Даже через меня.

Хотя кто я для нее? Не брат, не друг, не парень. Человеческий язык существует сорок тысяч лет, а у меня все равно нет слов, чтобы описать наши отношения.

Кристина и Игорь Петрович вернулись из Америки вчера. Тем же вечером отметить поступление Кристины нам не удалось, потому что после тяжелого перелета она проспала весь вечер и всю ночь, а ее отец из аэропорта уехал на работу, а когда вернулся, тоже сразу лег. И вот сегодня вечером мы сидим всей семьей за столом и празднуем по-семейному.

Я, как и обещал Кристине, оставил ее. Мне это стоило больших усилий, но все же я смог. Продолжил встречаться с Олей и продолжил со стороны смотреть на Егора и Морозо-

ву. Правда, с Олейниковой наши отношения становятся все прохладнее и прохладнее. Я не люблю ее, и она это чувствует. К тому же я знаю, что Кристине неприятно видеть нас с ней вместе. А я не хочу причинять боль той, кто на самом деле мне дорога. Моей нежной девочке. Ведь я знаю, какая она в глубине души ранимая.

Между Кристиной и Егором тоже пробежала черная кошка. Хотя, вернее будет сказать, что между ними пробежал кот – то есть, я. Кузнецов еще долго обижался на меня за пожар на кухне. А я как чувствовал в тот день, что Кристина специально захочет стереть с себя мои объятия и прощальный поцелуй. И не ошибся.

На следующий день после этого по дороге в школу мне стоило очень больших усилий, чтобы не вмазать Егору, когда он стал катить на меня бочки.

– Макс, вот если бы ты не был моим другом, клянусь, я бы тебя на той кухне прибил!

– Блин, ну ты бы мне сказал, что вы планируете такое событие, я бы вообще из дома ушел. Я же не знал, – как можно более безразлично ответил я, а сам незаметно сжал кулаки.

– Так в том то и дело, что мы не планировали!

– Ну так а в чем я тогда виноват?

– Во всем! Ты понимаешь, что я полтора года ждал этого момента? А если учитывать еще сколько я добивался внимания Кристины, то все четыре с половиной!

– Блин, ну извини.

Егор тяжело вздохнул.

– Ладно, забей. Мы с Кристиной решили уехать куда-нибудь на выходные. Чтобы уж точно нам никто не помешал. К тому же я хочу, чтобы ее первый раз был особенным.

От этих слов у меня внутри все сжалось. Держать голос безразличным становится все сложнее и сложнее. Но я все же попытался выдать из себя, как можно более невозмутимо:

– Куда вы решили уехать?

– Еще не знаю, посмотрю, какие есть интересные места в Подмосковье. Может, в какой-нибудь спа-отель. Кристина их любит.

– Ясно.

На мое счастье Игорь Петрович всерьез взялся за подготовку Кристины к собеседованию, поэтому они с Егором так никуда и не уехали. Но если бы не отчим, и Кузнецов с Морозовой действительно бы собрались куда-то на все выходные, то я даже не знаю, что бы я делал. Наверное, я точно больше не смог бы скрывать от друга своих чувств к Кристине и просто забрал бы ее у него.

Я знаю, что она бы пошла за мной. Я ей тоже небезразличен, это очевидно. Да она и сама не скрывает. Та новогодняя ночь сорвала с нас все маски.

– Я вот, что думаю, – голос отчима вернул меня на кухню из воспоминаний месячной давности, – надо, Кристиночка, отметить твое поступление, как следует. Может быть, даже

совместить с твоим восемнадцатилетием, которое уже через две недели. Пригласить побольше гостей.

Кристина скептически сморщилась.

– Пап, это лишнее.

– Не лишнее! Вот будут свои дети – поймешь. Лена, – Игорь Петрович повернул голову к моей маме. – Какие у нас с тобой замечательные дети! На кого ни посмотрю из своих партнеров, у одного – сын наркоман в Швейцарии лечится. У второго пьяный по Москве гоняет и людей насмерть сбивает, а отец его потом от тюрьмы откупает. У третьего дочка вся в пирсингах и с ирокезом зеленого цвета. А у нас, – отчим со счастливой улыбкой посмотрел на меня и на Кристину, – такие умные, такие молодцы! Максим, надо нам сейчас за твою победу тоже выпить.

– Какую? – Я растерялся.

– Кристина сказала, что ты стал учеником года в школе. Даже ее обошел.

Я непроизвольно засмеялся.

– Ой, Игорь Петрович, эти школьные звания – полный бред. Я даже не придаю этому значения.

– Бред – не бред, а все равно приятно. Ты, Максим, очень большой молодец. Очень! Я уверен, что тебя ждет большое будущее.

– Спасибо, – меня немного смутили слова отчима. Но, признаться честно, получить похвалу от такого человека, как Игорь Морозов – дорогого стоит. Он уже двигал тост в мою

честь на мое совершеннолетие и тоже расхваливал меня, как только мог. Мне приятно, что Кристинин отец так хорошо ко мне относится.

Вот только когда в качестве подарка на день рождения он вложил мне в руки ключи от новой BMW, я захотел провалиться сквозь землю. К таким сюрпризам я ну совсем никак не был готов. Но Игорь Петрович сказал, что посчитает за оскорбление, если я откажусь от машины.

А Серега мне тогда же вручил водительские права. Этот подарок меня удивил не меньше, чем BMW. Я, конечно, понимаю, что отец Серого – главный ГИБДДшник Москвы, но чтобы дарить права на день рождения? Это для меня нонсенс. Хотя чего удивляться, мы же в России живем.

– Ну ты же все равно уже умеешь водить и правила знаешь. Охота тебе по ГАИ маяться, на экзамены в 6 утра вставать? – сказал в свою защиту Сережа, когда я на него наехал за такой подарок.

В принципе, он прав. Мне некогда ездить ни свет ни заря на экзамены в ГАИ. Нужно готовиться к ЕГЭ. Да и вожу я очень хорошо. И правила все знаю. В общем, немного посоветовавшись со своей совестью, я все же решил принять подарок.

– Максим, – начал отчим свой тост, поднимая бокал, – я очень горжусь тобой. Не меньше, чем Кристиной. Ты очень сильный и умный парень. Я уверен, что ты многого сможешь добиться в жизни. Главное, следуй своей цели и не отступай

от нее. У тебя блестящий ум и хорошая сила воли. Я вижу это и ценю. За тебя!

Мы снова все вчетвером ударились бокалами. Я бросил взгляд на Кристину, она отвела глаза в сторону и закусила губу. Потом как-то многозначительно посмотрела на своего отца. Он ответил ей тем же. Я давно заметил за этими двумя, что они могут общаться друг с другом взглядами. Интересно, о чем они сейчас говорят?

Тост отчима мне польстил. Вот только мне не особо были понятны его слова про «хорошую силу воли». Мне ее приходится пускать в ход разве что по отношению к его дочери. Чтобы не сорваться невзначай и не прокричать, как сильно я ее люблю. Но Игорь Петрович-то этого не знает.

– Значит, так, Кристина, – отчим вернул свое внимание дочери, – на твой день рождения я тогда приглашаю всех своих друзей с их семьями. Ты приглашай всю свою школу. Сначала отметим у нас дома, а потом вы, молодежь, отправляйтесь в клуб. Я сниму для вас на всю ночь лучший в Москве.

Кристина закатила глаза.

– Пап, нет.

– Да! Ты не понимаешь, как это важно для меня. Моя дочь будет учиться в Гарварде, – он поднял вверх указательный палец правой руки. – Это надо отметить.

Кристина вздохнула.

– Я приглашу только тех, с кем общаюсь. Егора, Вику, Алену, Сережу и нескольких девочек из волейбольной ко-

манды.

Меня она не называет. Не хочет видеть на своем дне рождения или я в списке гостей по умолчанию как брат?

– Ну, и Максима, конечно, – она поспешно добавляет, будто прочитав мои мысли. Поднимает на меня глаза впервые за этот вечер и смотрит открыто и по-доброму. Так, что внутри начинает разливаться приятное тепло.

– Как-то маловато гостей, – задумчиво отвечает ей Игорь Петрович.

– Я больше ни с кем не общаюсь в школе.

– А с девушкой Максима ты разве не дружишь? – Неожиданно вставляет моя мама, хранившая весь вечер молчание.

Я резко дергаюсь, Кристина тоже. Она снова поднимает на меня взгляд. На этот раз в нерешительности.

Нет, это будет только Кристинин день. Оли там не должно быть.

– Она в последнюю неделю школы уезжает в Питер. – Говорю маме, стараясь сохранить голос спокойным. – Вернется только на последний звонок. Все равно в школе, начиная с 20 мая, уже уроков почти не будет.

Я вру. Никуда Оля не уезжает. Но я не хочу портить Кристине ее праздник.

– Пап, давай ты тоже много не зови никого, – с мольбой в голосе просит Кристина. Но он от нее лишь отмахивается.

– Я подумаю.

Начиная со следующего дня, в нашем доме теперь уже

идет активная подготовка не только к свадьбе родителей, но и ко дню рождения Кристины. Бракосочетание моя мать и ее отец назначили через четыре дня после нашего школьного выпускного – на 27 июня. И сразу же после банкета в ночь на 28 июня мама и Игорь Петрович отправятся в путешествие на две недели.

Свадьба также планируется пышной. Игорь Петрович по-другому не может. Он и на мой день рождения порывался пригласить нескольких своих партнеров с семьями, но маме все же удалось убедить его не делать этого. Как мне потом объяснила родительница, для Игоря Морозова подобного рода события – дни рождения, свадьбы, новые года и даже похороны – это лишний повод встретиться с нужными людьми и обсудить дела. Для него каждое торжество – это не просто семейный праздник, но еще и бизнес-встреча.

Я до сих пор не знаю, как мне относиться к отъезду Кристины. С одной стороны, я воспринимаю это, как надежду забыть ее. А с другой, понимаю, что просто не смогу без нее жить. Хотя мы с ней и не вместе и вообще практически не общаемся, но мне достаточно хотя бы просто украдкой видеть ее. Случайно столкнуться в коридоре второго этажа, или на кухне, или бросить на нее взгляд в школе будто невзначай. Больше всего я люблю, когда Кристина на уроке идет к доске, потому что я тогда могу смотреть на нее, не опасаясь, что кто-то что-то не то подумает.

Впрочем, Оля все равно замечает. Наши с ней отношения

стремительно рушатся. Я все реже нахожу время на свидания с ней, все чаще подолгу не отвечаю на ее сообщения. Я пытаюсь объяснить ей это подготовкой к экзаменам, и она делает вид, что верит мне, но мы оба знаем правду. Вот только финальную точку поставить не решается никто из нас.

Егор из-за поступления Кристины в Гарвард весь на нервах. Все чаще и все больше пьет. На подготовку к ЕГЭ совсем забил. Кузнецов далеко не глупый парень, я уверен, он хорошо сдаст все экзамены и без проблем пройдет в МГИМО на экономический факультет, как и планирует, но все же он об этом сейчас вообще не думает.

– Макс, как мне без нее жить, вот скажи, а? – Спросил он меня за неделю до Кристиного дня рождения. Позвонил мне в 12 ночи и попросил к нему прийти. Уже по его голосу я понял, что он в стельку. Егор сидел под деревом в саду своего дома с бутылкой виски.

Я тихо хмыкнул. Если бы я только сам знал, как.

– Ну ты же жил раньше без нее, – отвечаю ему. Так мне однажды заявила сама Кристина, когда я сказал, что без нее нет жизни.

– Раньше она не была моей.

А моей она вообще никогда не была, но отпускать мне ее от этого не легче.

– Не знаю, Егор. Вокруг полно девушек. Может, в универе кого-нибудь встретишь, – аккуратно выдвигаю ему версию, которой сам себя успокаиваю в последнее время. Оля мне не

помогла, но, может, найдется другое лекарство от Кристины?

– Мне никто не нужен кроме нее.

– Это тебе пока так кажется. А со временем забудется.

Егор сделал еще глоток из бутылки и задумчиво поднял в небо глаза.

– Максим, а ты любил кого-нибудь по-настоящему? Ты Олю любишь?

Такой вопрос застал меня врасплох. При всей нашей крепкой дружбе с Егором вот прямо на душевные темы мы с ним никогда не разговаривали. Разве что тогда на Викиной вечеринке. Но таких личных вопросов мне Кузнецов не задавал, лишь делился своими проблемами с Морозовой.

– Нет, Олю я не люблю, – я решил не врать.

– Почему?

– Она хорошая девушка, но не то, что мне нужно.

– А кто твоя та самая?

– Я никогда не думал ни об одной девушке в таком смысле.

И это правда. Даже Кристину называть «той самой» всегда опасался. Но тем не менее эти слова почему-то цепляют меня.

Я ухожу от Егора через полчаса, а фраза «та самая» еще долго крутится на языке. Как элемент дежавю. Как воспоминание, которое было закопано где-то глубоко в сознании, а теперь проснулось, но все равно не удается его поймать. Кажется, вот-вот я его схвачу, но оно все равно ускользает. Ненавижу это чувство – когда не можешь что-то вспомнить.

Та самая.

Кажется, я про кого-то так уже один раз подумал. Но совсем не помню, кто это был. Наверное, это было очень давно в детстве.

День рождения Кристины очень похож на Новогоднюю ночь. Так же, как и тогда, полный дом сыновей партнеров Игоря Петровича, ходящих по пятам за Морозовой. Вот только в этот раз от Кристины ни на шаг не отходит Егор. Сегодня, кажется, он решил примерить на себя роль ее телохранителя.

Тосты в честь девушки звучат один за одним. Все восхищаются ее поступлением в Гарвард, все хвалят. Кристина в ярком красном платье в пол с наполовину открытой спиной выглядит просто великолепно. Всем улыбается, каждого благодарит за поздравления и подарок.

Я не готовил ей сюрпризов. Да и не думаю, что после всего, что между нами было, она будет рада что-то от меня получить. Но в любом случае «С днем рождения, сестренка. Счастья и удачи!» я ей сказал утром за завтраком в присутствии мамы и отчима. Учítывая, что наше с ней общение сведено к минимуму после того, как я пообещал ее оставить, эти слова – не мало. Кристина мне в ответ лишь грустно улыбнулась и слегка кивнула головой.

Как минимум, три человека на этом празднике жизни отнюдь не готовы праздновать. Это я, Егор и Вика. Себя я ста-

раюсь вести, как можно более непринужденно. Общаюсь с девочками из волейбольной команды Кристины, перекидываюсь фразами с кем-то из детей партнеров Игоря Петровича. К тому же тут Серега и Алена, с которыми я тоже вполне нормально общаюсь. Меньше, чем с Егором, но все же мы дружим.

Егор хоть и не отходит от Кристины ни на шаг, на алкоголь налегает прилично. Игорь Петрович распорядился, чтобы для детей не было ничего крепче шампанского и вина, и Кузнецов, зная это, притащил с собой несколько бутылок виски. Кристину постоянный хвост в виде уже не совсем трезвого Егора явно тяготит, но открыто она его пока не отгоняет. Но он, в общем-то, еще и не в стельку.

Вика после того декабрьского срыва в себя уже пришла. В школе она последние несколько месяцев вполне нормально со всеми общалась. Ну как нормально. В своём репертуаре блондинки (хотя на самом деле она брюнетка), но для Вики это ОК.

Сегодня на Степановой нет лица. Она оделась во все чёрное, будто на похороны, и просто молча сидит в углу. Почти не ест и не пьёт. Она понимает, что теперь это не просто Кристинины мечты. Морозова действительно уезжает. Надолго.

– Как же я завидую Кристине, – опустила рядом со мной на диван Алена. – Я бы тоже хотела отсюда свалить.

– Что тебе мешает? – Отрываю взгляд от стакана с апельсиновым соком в своих руках и поворачиваю к ней голову.

– Все мешает.

– Например?

– Ну, во-первых, родители. Во-вторых, вся эта дурацкая тема с тем, что мы с Сережей якобы неразлучны с рождения и везде должны быть вместе. Меня реально без него никуда не пускают. Даже в один универ заставляют с ним поступать.

– Серьезно?

– Ага. – Алена скривила лицо.

Алена и Серёжа родились в один день в одном роддоме, а их мамы лежали в одной палате. Вдобавок к этому их отцы вместе работали гаишниками в тот момент. Таким образом, эти семьи очень крепко дружат. Настолько, что даже когда разбогатели, купили квартиры в домах напротив так, что окна смотрят друг на друга.

Алена и Серёжа при этом всегда были везде вместе: в одной группе в детском саду, потом в одном классе в их первой школе, затем в нашей. Часто и уроки вместе делают дома у кого-нибудь из них. Егор говорил, что все ждёт, когда же они уже переспят, вот только, по-моему, эти двое скорее умрут, чем перешагнут грань своей дружбы. Впрочем, Серега, может и был бы не против такого расклада, вот только Алене это явно не нужно.

Я перевёл взгляд на Серого. Он сейчас танцует с девчонкой из волейбольной команды нашей школы. Скользит ладонью по ее талии и что-то шепчет на ухо. Девушка смущенно улыбается и прижимается к нему еще сильнее. Вообще, Сер-

гей один из самых знатных ловеласов школы. Он довольно часто пропускал с нами обеды, чтобы позажимать где-нибудь под лестницей симпатичную десятиклассницу.

Алена в присутствии Серого всегда была незаметной молью. Егор даже однажды сказал, что «Алена – это приложение к Сереже». Да, так оно и есть. Но когда он отсутствовал с нами, например, болел или же тусовался с какими-нибудь девочками из классов на пару лет младше, Алена раскрывалась. Неплохо шутила, всегда поддерживала разговор. Но стоило Серому объявиться, как она тут же замолкала и становилась на его фоне незаметной.

– А ты не говорила родителям, что они перегибают? Или Сергей не говорил?

– Ему по фиг на то, что говорят родители. Мне, в общем-то, тоже. Но я правда устала от Сергея. В сентябре нам будет 18 и, представь себе, ни один мой день рождения не проходил без него. Все наши днюхи родители всегда отмечали вместе. А я просто мечтаю уже однажды свой день рождения отметить одна. С теми, кого захочу пригласить я. А не с многочисленными друзьями Сережи, которые мне вообще неинтересны. – Она отпила из бокала. – В общем, Кристина счастливица, что уезжает. Я бы с огромным удовольствием тоже свалила подальше от тех, кого уже глаза не видят.

Меня немного удивили последние слова Алёны.

– Ну Кристина же едет учиться, а не от кого-то конкретного сваливает.

Алена хмыкнула.

– Макс, Кристина уже не может с Егором и Викторией. Мы с Морозовой хоть и давно дружим, но все же не лучшие подруги, поэтому она откровениями со мной не делится. Но я тебя уверяю: одна из основных причин ее отъезда – наконец-то отвязаться от Кузнецова и Степановой.

Я перевёл взгляд на Кристину она весело разговаривала с кем-то из приглашённых Игорем Петровичем. Егор послушно стоял рядом. Морозова на его присутствие даже не реагировала. Будто рядом с ней столб, а не ее парень. С Викторией она сегодня тоже и парой слов не обмолвилась. Да и в школе они с момента возвращения Кристины из Америки разговаривали натянуто. Я пару раз замечал Степанову с красными опухшими глазами.

На меня Кристина в свой день рождения почти не смотрит. Хотя несколько раз ее взгляды я на себе все-таки ловил. В основном они были во время моего общения с другими девушками. Неужели ревнует меня не только к Оле, но и ко всем остальным тоже?

В 9 вечера все садятся в два больших лимузина и отправляются в клуб, который Игорь Петрович арендовал на всю ночь. Я ехал не в том лимузине, что и Кристина с Кузнецовым, поэтому, когда в 10 вечера я вижу их в клубе, понимаю, что Егор напился конкретно. Но при этом он продолжает ходить хвостом за Кристиной.

Клуб небольшой, но видно, что элитный. На потолке зер-

кальные шары, по бокам танцпола изгибаются девушки в танце гоу-гоу, музыка орет на полную катушку так, что неслышно, что говорят даже плотно на ухо. Периодически еще включается дым-машина, так что в отдельные моменты можно даже никого не разглядеть.

Кристина танцует в компании каких-то друзей. Егор двигаться под музыку не в состоянии, поэтому просто привалился к стенке и не сводит с нее глаз. Морозова тоже себе в шампанском сегодня не отказывала, поэтому извивается под быструю музыку совсем без стеснения. Девушка, кстати, сменила красное платье в пол, которое было на ней на торжественной части вечера, на чёрное мини. Высокую причёску она распустила, поэтому шоколадные локоны сейчас разлетаются из стороны в сторону при каждом движении головы.

Вокруг Кристины довольно много уже не очень трезвых парней, а Егор ей сейчас не защитник, поэтому я со стороны стараюсь за ней приглядывать. Сам танцевать не иду, потому что, боюсь, не выдержу слишком близкого присутствия на удивление раскрепощенной Морозовой. И такой сексуальной в этом чёрном коротком платье.

Егор отлипает от стены и направляется к Кристине, что-то говорит ей на ухо, но она явно его не слышит. Он берет ее за руку и куда-то ведёт, но я не успеваю увидеть, куда именно, потому что в этот момент включается дым-машина, скрывая от моих глаз Морозову и Кузнецова. Когда через несколько минут туман рассеивается, на танцполе их нет.

Я сразу напрягаюсь, верчу головой по сторонам, но нигде их не вижу. В принципе, с Егором Кристина в безопасности, но я все равно не хочу выпускать ее из вида. Я начинаю их искать. Иду сначала к туалетам, но ни в мужском, ни в женском их нет. У гардероба тоже никого, выхожу на улицу – пусто. Возвращаюсь назад в клуб и уже решаю спросить у охранника.

– Мимо вас не проходили девушка в коротком чёрном платье и парень в джинсах и белой рубашке?

– Нет, но обычно, когда парочки хотят уединиться, они идут в специальные для этого комнаты на минус первом этаже.

– Где лестница? – Спрашиваю слишком резко.

– Проходите мимо входа в основной зал клуба и в конце коридора увидите.

Я срываюсь с места и бегу в указанном направлении. Винтовая лестница вниз оказывается слишком крутой, поэтому приходится сбавить скорость. Спустившись, оказываюсь в коридоре с несколькими дверями. Секунду оглядываюсь и вдруг слышу крик за одной из них. Это Кристина.

Я резко дергаю ручку двери, но она оказывается закрыта. Не раздумывая, выламываю ее ногой. К счастью, получается с первого раза. И от того, что я вижу в эту секунду, я просто зверею.

Егор навалился на Кристину и пытается стащить с нее платье. Она вырывается, как может, но сил явно не хватает.

Я тут же подлетаю к Кузнецову и одним рывком стаскиваю его с девушки.

– Макс, ты опять все портишь, – говорит он мне заплетающимся языком.

Но я не слушаю и со всей силы бью его в челюсть. Егор отлетает к стене. Я хочу снова на него наброситься, но меня за руку останавливает Кристина.

– Максим, не надо! Он пьян и не соображает.

Я секунду на нее смотрю. Ее платье порвано на левом плече, волосы растрёпаны, тушь размазана по лицу.

– Он тебя чуть не изнасиловал, – выплевываю эти слова со всей злостью, на какую только способен.

– Но ты пришел вовремя, мой герой, – она говорит это тихо и растягивает губы в грустной улыбке.

А на меня накатывает волна дежавю. В глазах темнеет, сознание хочет провалиться в какое-то воспоминание, но оно снова ускользает.

«Мой герой»...

Меня так уже называли. Совершенно точно. Вот только кто это был?

В висках пульсирует, в глазах все еще темно. Я пытаюсь ухватиться за воспоминание, опускаю веки. Сейчас, сейчас я его поймаю.

«Мой герой»...

Перед глазами стоит фигура маленькой девочки с темными волосами. Сейчас она обернется, и я увижу ее лицо...

– Максим, давай вызовем ему такси, – голос Кристины возвращает меня в реальность. Я на долю секунды размыкаю веки и воспоминание окончательно ускользает. Дежавю прошло, но я продолжаю тяжело дышать, а Кристина все еще крепко держит меня за руку выше локтя. – Максим, тебе тоже надо успокоиться, ты слишком заведён. Выдохни. Со мной все в порядке.

Я шумно сглатываю, высвобождаю свою руку из Кристиного захвата и поворачиваюсь к Егору. Он лежит на полу и издаёт непонятные звуки, его рот в крови.

– Хорошо, – выдавливаю из себя. – Мы тоже уезжаем домой. – Последнее говорю тоном, не оставляющим Кристине даже мысли о том, чтобы спорить со мной.

– Да, конечно.

Кристина вызывает Егору такси через приложение. Когда машина приезжает, я затаскиваю его в салон. Кузнецов пытается что-то говорить, но я очень хорошо приложил его в челюсть, поэтому выходит что-то нечленораздельное. Но я ему челюсть все же не сломал. Хотя, не останови меня Кристина, перелом нескольких рёбер Кузнецову точно был бы обеспечен.

Когда Егора увозит машина, Кристина звонит одному из его братьев и предупреждает о том, что Кузнецов едет домой и его надо встретить.

– Он в стельку пьян и подрался, так что крови не удивляйтесь, – предупреждает она и отключает телефон. Я вызываю

такси для нас с Кристиной, и мы уезжаем, оставляя гостей в клубе до утра. Им будет весело и без нас.

Я сел на заднее сиденье рядом с Кристиной, но мы не касаемся друг друга. Девушка отвернулась к окну и, по всей видимости, о чем-то напряженно думает. А я не свожу с нее глаз. От одной только мысли о том, что Егор мог с ней сделать, ярость в груди просыпается с новой силой. И Кристина сейчас так близко, что хочется схватить ее в охапку и закрыть собой от всего мира.

Но я все же сдерживаю себя. Боюсь, что, если заключу ее в крепкие объятия, она испугается. Полчаса назад ее так же крепко держал Егор.

Мы приезжаем домой в час ночи. Прислуга уже убрала все в гостиной после праздника. Свет на третьем этаже не горит, значит, мама и отчим уже спят. Мы поднимаемся тихо на наш второй этаж, но не спешим расходиться по своим комнатам.

– Ты точно в порядке? – Спрашиваю я.

– Да, спасибо, Максим. Ты снова меня спас.

Она говорит это очень тихо и стоит ко мне очень близко. Я не могу сдержать себя и мягко провожу ладонью по ее лицу. Кристина зажмуривает глаза и накрывает мою руку своей. А потом делает ко мне еще шаг и сама меня обнимает. Я шумно выдыхаю и прижимаю ее к себе, спешу зарыться носом в ее волосах.

– Кристина, если бы он хоть что-то с тобой сделал, кля-

нусь, я бы убил его.

Она не отвечает, все так же крепко держит в кольце своих рук. Мы молчим мгновение, а потом я говорю то, что мечтал произнести уже очень давно.

– Я хочу, чтобы ты рассталась с ним. Завтра же. Чтобы он больше не смел к тебе прикасаться. Чтобы даже не подходил. Я не хочу видеть его возле тебя.

Она замерла и, кажется, даже не дышит. Медленно отрывает голову от моей груди и смотрит в глаза.

– Неужели я дождалась от тебя этих слов? – Она растягивает губы в довольной улыбке. – Завтра же расстанусь, обещаю.

Мы соприкасаемся лбами и стоим так еще какое-то время. Желание поцеловать Кристину настолько сильное, что мне приходится до боли сжать зубы. Нельзя. У моей нежной девочки сегодня было большое потрясение.

– Максим, я пойду отдыхать. Спокойной ночи. – Она первая отрывается от меня.

– Спокойной ночи, Кристина. И помни, что с тобой никогда ничего не случится...

– Пока ты рядом, Максим, – она не даёт мне договорить и сама заканчивает фразу. Улыбаясь, Кристина скрывается за своей дверью.

Глава 39. Я выбираю тебя

Кристина не рассталась с Егором на следующий день. Родители Кузнецова положили его в больницу, опасаясь, что у него может быть сотрясение. Перестраховались перед экзаменами, потому что в случае серьезной травмы головы, он бы не смог их сдать. Таким образом, Егор пропустил в школе и последний звонок.

Его выписали в первых числах июня. Я не знаю, общалась ли Кристина с ним по телефону. Мне Егор не звонил, я ему тоже. Но сразу после выписки он пришел к нам. Занятия в школе уже закончились, поэтому по будням мы с Кристиной были дома вдвоём. После того случая в ее день рождения мы с Кристиной стали общаться чуть больше, но все же продолжали соблюдать дистанцию. Я целыми днями готовился к ЕГЭ в своей комнате, а Кристина – в своей. Хотя ей эти экзамены уже ни к чему, она поступила, куда хотела, но все равно Морозова была намерена сдать ЕГЭ хорошо. А если точнее – лучше всех в нашей школе.

Я зубрил новые слова по английскому, когда услышал звонок в дверь. Немного удивился и вышел из своей комнаты, чтобы спуститься и открыть, хоть я никого и не ждал, но столкнулся в коридоре второго этажа с Кристиной.

– Это Егор, – смущенно сказала мне она.

Я сразу напрягся.

– Мне нужно с ним поговорить, Максим. Я скажу ему о том, что мы расстаёмся.

– Я не хочу оставлять тебя с ним наедине.

– Все будет хорошо, не переживай.

– Нет. Ты с ним вдвоём больше не останешься, – я был категоричен.

– Максим, я поговорю с ним у нас в гостиной. Это будет быстро. Через 10 минут ты уже услышишь мои шаги по лестнице, – она попыталась мне улыбнуться.

Секунду я на нее пристально смотрю. Я не хочу, чтобы Кристина оставалась с Егором вдвоём не только потому, что он может причинить ей вред. Сейчас он трезв, чувствует себя виноватым и совершенно точно не будет распускать руки. Я не хочу, чтобы в принципе он был возле нее. Слишком долго я наблюдал их вместе. Больше не могу. Это выше моих сил.

– Я останусь стоять тут, и если я услышу от него что-то, что мне не понравится, то сразу спущусь. – Я сказал это тоном, не допускающим споров со мной.

– Хорошо.

В этот момент звонок в дверь повторился, и Кристина пошла вниз.

Я приблизился к балкону второго этажа у ступенек, но не стал на него облакачиваться, чтобы меня нельзя было увидеть сверху.

Девушка открыла дверь, и Егор начал с порога:

– Малыш, я очень плохо помню, что произошло! Я, види-

мо, перебрал на твоём дне рождения...

Кристина не дала ему договорить.

– А я прекрасно помню, что произошло, Егор. Ты пытался меня изнасиловать.

– Чтоооо? Не может быть такого! Я...

– Егор, ты схватил меня за руку и повёл с танцпола куда-то вниз по лестнице. Я спрашивала тебя, куда мы идём, но ты не отвечал. А после ты завёл меня в комнату, закрыл дверь на замок, повалил меня на кровать и силой пытался сорвать с меня платье. Я вырывалась и кричала, но тебе было все равно. Ты пытался меня изнасиловать, – эти слова Кристина зло выплюнула, – мне чудом удалось спастись.

– Малыш, – Егор протянул ноющим голосом, – прости меня, пожалуйста! Я не ведал, что творил. Ты была такая красивая, и я так тебя хотел! Что мне сделать, чтобы ты меня простила?

– Ничего. Уходи. И забудь обо мне. Мы больше не вместе.

На несколько секунд внизу воцарилось молчание. Затем Егор все-таки прервал его. Он будто говорил не своим голосом.

– В смысле «больше не вместе»?

– В прямом. Мы расстаёмся.

Снова тишина. Мне казалось, я слышу, как в голове Егора двигаются шестеренки.

– Малыш, – он начал тихим голосом, – зачем ты все рушишь? Я ведь люблю тебя...

– А я тебя нет, Егор. И никогда не любила. Ты ведь знал это всегда. Я уезжаю через три месяца, мы все равно расстанемся.

– Но мы же можем попробовать отношения на расстоянии! Или я попробую перевестись в Америку через год в какой-нибудь вуз поближе к Гарварду. Мы еще можем что-нибудь придумать!

– Я не хочу. Уходи, Егор. Все кончено между нами.

– Нет! – Его голос прозвучал очень резко и категорично.

Я стою на втором этаже, еле сдерживая себя от того, чтобы не сорваться к ним вниз. Мне кажется, что я чувствую, как Егор приближается к Кристине.

– Да, Егор. Уходи.

Я все-таки выглянул с балкона. Кузнецов действительно подошёл к Кристине вплотную и сейчас нависает над ней.

– Кристина, я не отпущу тебя.

– Я не спрашиваю у тебя разрешения, а ставлю перед фактом. Мы расстались. Все. Больше не о чем говорить. Уходи.

Он молчит, все так же стоя к ней вплотную. Я вижу, что его плечи напряжены, и он тяжело дышит.

– Это все ведь просто повод, да, Кристин? Ты нашла удобную причину, чтобы расстаться со мной: якобы я пытался тебя изнасиловать. Но на самом деле ведь дело в другом?

Морозова молчит. Не дождавшись от нее ответа, Кузнецов продолжает.

– Скажи, у тебя кто-то появился?

Она не отвечает. Егор все так же близок к ней, и я уже еле сдерживаю себя, чтобы не сорваться вниз и не оттащить его от нее на несколько метров.

– Это Максим?

Я замер. Неужели все это время Кузнецов догадывался...?

– Егор, я ничего не обязана тебе объяснять. Просто уходи уже.

Но он будто не слышит ее, продолжает настаивать.

– У тебя есть к нему чувства?

Кристина шумно вздохнула.

– Да. – И ее голос, как сталь. А у меня от того, что я слышу такое признание, поплыла почва под ногами. После новогодней ночи, естественно, я понимал, что небезразличен Кристине. Но услышать это прямо от нее – сродни прыжку с парашютом. Адреналин подскочил, дыхание сбилось и лишь ее «да» пульсирует в висках.

– Почему он, Кристин? Что он такого для тебя сделал, чего не делал я?

– Дело не в том, кто что сделал или не сделал, Егор. Максиму и не нужно ничего делать. Ему достаточно просто быть.

– Но почему? – Кузнецов выкрикнул вопрос и отвернулся от Кристины в сторону, схватившись за голову. – Почему он?

– У меня нет ответа на этот вопрос. Просто потому, что он это он. И я больше не хочу обманывать тебя, Егор. Я слишком хорошо к тебе отношусь, чтобы продолжать врать в лицо и делать вид, что счастлива с тобой. Прости меня за мою

нелюбовь. Я бы очень хотела любить тебя, потому что ты достоин этого, как никто другой. Но я не могу приказать себе.

Кузнецов продолжает стоять в стороне, схватившись за виски. Надрывно дышит. Наконец, он говорит.

– Хорошо, Кристина. Если ты этого хочешь, я тебя оставлю. Но помни, что Максим никогда не примет тебя такой, какая ты есть. А ты никогда для него не изменишься. Вы обречены! А я принимаю тебя, и не собираюсь менять.

Теперь пришла очередь Кристины тяжело вздыхать.

– Я знаю это. И все же, прощай, Егор. Если для тебя это важно: то я не держу зла за то, что произошло на мой день рождения. Я знаю, что умышленно ты бы никогда меня не обидел. Ты действительно самый прекрасный человек из всех, кого я знаю. Но, увы, я так и не смогла полюбить тебя...

Кузнецов не дал договорить Кристине, перебив ее на полуслове.

– Ты так и не смогла полюбить меня, а потом появился он, да?

Морозова помолчала пару секунд и ответила.

– Да.

Егор истерично засмеялся.

– Вот так я в один день потерял любимую девушку и лучшего друга.

– Я просила тебя не сближаться с ним.

– И сблизилась с ним сама, да?

– Между нами ничего нет, если что. Мы не вместе. Мы

даже почти не разговариваем.

– Но это не мешает тебе бросать меня из-за него!

– Да, не мешает. Потому что я просто больше не хочу тебя обманывать и давать тебе ложную надежду. Ты не заслуживаешь того, чтобы с тобой так обращались. Я говорю тебе все честно, как есть, потому что действительно уважаю и ценю тебя как человека.

Егор направился к двери. Схватившись за ручку, он обернулся и посмотрел Морозовой в лицо.

– У вас с ним нет будущего. Он никогда не уступит тебе, а ты никогда не уступишь ему. Однажды ты это поймёшь.

Егор громко хлопнул дверью, и Кристина медленно направилась на второй этаж. А я так и стою у балкона не в силах сдвинуться с точки.

Поднявшись наверх, Кристина замерла при виде меня. Мы стоим напротив друг друга и не знаем, что сказать. Да и что тут скажешь? Она только что вслух заявила о чувствах ко мне, а независимый судья ей сказал, что будущее между нами невозможно.

Не дождавшись от меня никаких слов, она молча направилась в свою комнату. Когда девушка уже дошла до двери, я все же решился и окликнул ее.

– Кристина, подожди.

Она замерла, но осталась стоять ко мне спиной. Я тихо подошёл к ней сзади и обвил руками. Крепко прижав к себе, уперся головой в ее висок.

– У меня тоже есть к тебе чувства. – Отчего-то шепчу, хотя в доме мы одни.

– А твоя девушка об этом знает? – В ее голосе слышится сарказм и обида.

Я шумно вздыхаю, мысленно чертыхаясь на тот факт, что до сих пор не поставил финальную точку с Олей.

– Я расстанусь с ней. Обещаю.

– Ну вот когда расстанешься, тогда и поговорим.

Кристина сбросила с себя мои руки и скрылась в комнате.

Я вернулся к себе и еще долго рассуждал над словами Егора о том, что у нас с Кристиной нет будущего.

Я люблю ее. И я безумно хочу быть с ней. Но как может сложиться наша жизнь? Она будет в Америке, я в России. Между нами океан и 10 часов на самолёте. Разница во времени 7 часов летом и 8 часов зимой.

Я не имею права требовать от Кристины отказаться от своей мечты и остаться в России. Но и от своей цели я отступаться тоже не хочу. Через два года я планирую поехать учиться в Женеву. Поработать пару лет юристом в швейцарском банке, а потом основать в России собственную юридическую компанию международного уровня. Сопровождать финансовые сделки не только банков, но и различных организаций из других секторов.

Но даже если мы с Кристиной сможем преодолеть это расстояние, то как мы будем с ней жить в будущем? Если захотим стать отдельной семьей. Она будет управлять компанией

отца и возвращаться домой около полуночи, часто ездить в командировки на строительные объекты. Мне тоже придется много пропадать на работе. И также ездить по всему миру, если будут зарубежные клиенты. А я бы очень хотел, чтобы у моей компании такие были.

Беспомощно опускаю веки и без сил валюсь на кровать. Неужели мы с Кристиной действительно обречены?

За экзаменами время пролетает очень быстро. Не успел сдать один, как уже надо готовиться ко второму. Мне для поступления были нужны русский и английский языки, а также обществознание. Алгебру сдавал, потому что это обязательный предмет, но при поступлении он у меня учитываться не будет. Все предметы, кроме английского, я сдал на 100 баллов. По английскому получил 90.

Мои баллы оказались лучшим результатом в школе. Кристина русский и английский сдала на 100, а вот алгебру на 85. Четвёртый предмет по выбору она не брала. Ей ни к чему, ведь в российские вузы она подавать документы не будет.

С Олей я нормально не виделся с последнего звонка. Мы встречались с ней на ЕГЭ, но там было не до разговоров. По вечерам мы уже тоже не созванивались и не списывались. При встрече она лишь холодно здоровалась со мной. Я понимаю, что с ней нужно нормально поговорить, но все никак не получается. То времени нет, то возможности. Но Оля не заслуживает того, чтобы с ней расставались, просто перестав

однажды звонить.

С Егором я тоже не общался. Он мне не звонил и не писал. Я ему тоже. Когда мы встречались на экзаменах, он лишь грустно смотрел на Кристину. Меня он не замечал. Тем лучше. Я и сам больше не горел желанием с ним общаться.

Все-таки, выбирая между другом и девушкой, я выбираю девушку.

Неожиданно скоро настал и день нашего выпускного. Еще ровно год назад я и подумать не мог, что моя жизнь так круто перевернётся, и я окончу школу в Москве. Хотя в конце прошлого июня мама мне уже активно промывала мозг тем, что я должен переехать в Москву, но я ее не слушал.

Торжественная часть в школе начинается в 18:00. В 16:30 мы должны выехать из дома. Я, Кристина, мама и отчим едем на одной машине. Впервые за все то время, что я тут живу. Костюм для выпускного я купил заранее. Классический чёрный с белой рубашкой, которая, кстати, с запонками.

И вот я стою в своей комнате и просто тупо смотрю на все запонки, которые у меня есть. Их не так много, всего пять пар. У меня только две подходящие для них рубашки, но я их не носил. Слишком официально для школы, в которой принята свободная форма.

Мои глаза то и дело косятся в сторону запонок, которые мне на Новый год подарила Кристина. Я их так ни разу и не надел. Собственно, как и она мой браслет. Не удивлюсь, если

Морозова его выкинула сразу же, как только я вышел из ее комнаты.

Беру в руки Кристинину коробочку, открываю крышку и смотрю на две маленькие серебряные застёжки с гравировками «Него». И все-таки это слово что-то переворачивает в моем мозгу. Даже не то, чтобы переворачивает, а возникает какое-то странное ощущение. На языке крутится, а вспомнить не могу.

Интересно, почему Кристина так меня называет? Не один раз ведь уже. Хмыкаю про себя. Тоже мне нашла героя, который уже полгода выносит мозг себе и ей. Всегда хотел быть с одной, а встречаться стал с другой. Думал, что дружба важнее девушки, а в итоге понял, что ни черта.

Из размышлений меня вырвал стук в дверь.

– Войдите.

Это мама.

– Сынок, скоро уже выезжать. Поторапливайся.

– Да, я сейчас.

Больше не раздумывая, я вдел в рубашку Кристинины запонки. Затянул темно-синий галстук, надел пиджак, завязал шнурки на туфлях и вышел из комнаты. Ровно в этот же самый момент в коридоре появилась Кристина.

При виде друг друга мы замерли. Не знаю, от чего резко остановилась Кристина, но я прирос к полу от ее вида. На девушке длинное прямое платье холодного голубого цвета, которое так идет к ее прекрасным синим глазам. Но голу-

бой – это его нижний цвет. Сверху голубую ткань покрывает прозрачная, полностью расшитая пайетками.

Красной помады на ее губах сегодня нет. Они покрыты едва заметным розовым тоном. Глаза подведены стрелками и светлыми тенями. Скулы слегка выделяются бронзовым оттенком. В руках у нее бежевый клатч, а на ногах такие же бежевые туфли на каблуках.

– Ты очень красивая, – говорю отчего-то хриплым голосом.

Кристина слегка разводит губы в улыбке:

– Спасибо, Максим. Мне очень приятно слышать это от тебя.

Я не контролирую себя дальше. Просто подхожу к ней и обнимаю.

– Кристина, – мычу ей в шею, – прости меня за все. Я такой дурак. Все это время переживал о чувствах других людей, полностью наплевав на наши с тобой. Сегодня я все исправлю. Обещаю.

– Максим, мы уже опаздываем. Отпусти меня, пожалуйста. – Она так и не обняла меня в ответ. Нехотя я размыкаю объятия, и Кристина тут же торопится спуститься вниз.

В машине отчим садится на переднее сиденье, а мама, я и Кристина назад. Я сижу посередине, Морозова справа от меня. Аккуратно где-то в складках ее платья я нащупываю ладонь Кристины и спешу взять в свою. Она пытается вырвать руку, но я не выпускаю.

Хватит. Достаточно. Больше я не отпущу Кристину. Пускай обижается на меня сколько хочет за эти полгода. У меня вся жизнь впереди на то, чтобы искупить перед ней вину. И начать я намерен прямо сейчас.

В итоге девушка сдалась и оставила свою ладонь в моей. Я аккуратно повернул к ней голову и посмотрел прямо в глаза, но Кристина поспешила отвести взгляд к окну.

До ее отъезда ровно 60 дней. Я посчитал. И каждый из них я намерен провести с Кристиной от А до Я. Обратный отсчёт пошёл. И меня больше никто и ничто не остановят.

Торжественная часть в школе, кажется, длится бесконечно. Директор толкает длинную речь, потом выступают классные руководители, затем нам устраивают небольшой концерт десятиклассники. Наконец-то доходит очередь до вручения аттестатов и медалей. Золотых медалистов на всю параллель 8 человек, включая меня и Морозову.

Мама и отчим невероятно гордятся мною и Кристиной. Родительница то и дело фотографирует нас на свой телефон, а я уже просто мечтаю поскорее отсюда уйти и остаться с Кристиной наедине.

Мы сидим в актовом зале вчетвером: я, Кристина, мама и Игорь Петрович. Егор со своей семьей, а Оля со своей. Они оба то и дело бросают взгляды в наш с Кристиной адрес. Но я даже не хочу смотреть на них. Я хочу смотреть только на Кристину.

– А теперь, по уже сложившейся традиции, жюри школы

объявляют короля и королеву бала, – счастливо протянула в микрофон директор, а я только обреченно вздохнул. Они, по всей видимости, не спешат заканчивать этот балаган. – В расчёт берётся не только успеваемость в школе, но и внеклассная деятельность. В этом году королем и королевой станут, – директриса выждала драматическую паузу, как будто это может быть кому-то интересно, – Максим Самойлов и Кристина Морозова из 11 «В».

Я не сразу понял, что произнесли наши имена. Только когда в нашу сторону обернулся весь актовый зал. Мы с Кристиной испуганно переглянулись.

– Ну же, Максим, Кристина, поднимайтесь на сцену, – в нетерпении позвала директор. Кажется, мы с Морозовой действительно застыли на своих стульях.

Словно на автомате я встал со своего места, следом за мной поднялась Кристина. Мимо глазающих на нас учеников и их родителей мы прошли к сцене и поднялись на нее. Я бросил взгляд в зал. Мама и Игорь Петрович гордо улыбались, Егор уничтожал меня взглядом, Оля уткнулась в телефон.

Директор повесила нам с Кристиной через плечо ленты с надписями «Король» и «Королева» бала. Еще раз нас обняла, двинула какую-то речь в нашу честь и завершила фразой:

– А теперь танец короля и королевы сегодняшнего вечера!

И диджей врубил на всю катушку старый хит всех школьных выпускных – «Медлячок» рэпера Басты.

Мы с Кристиной одновременно повернулись друг к другу. В ее глазах читались испуг и смущение. В моих, наверное, то же самое, но я все же возымел над собой контроль и двинулся к девушке. Я взял ее руку в свою, другую положил на талию. Кристина вторую свою ладонь опустила мне на плечо.

И в этот момент я заметил на ее запястье мой браслет с шармом. Внутри разлилось приятное тепло. Все-таки не выбросила. И надо же как, не сговариваясь, мы сегодня надели подарки друг друга.

Мы задвигались по кругу в такт музыке, соблюдая между друг другом дистанцию. Постепенно стеснение начало отходить на второй план и меня просто стал раздражать смех. Кристину, видимо, тоже, потому что я заметил, как она едва сдерживает уголки губ, чтобы не прыснуть.

Я придвинул Кристину чуть ближе к себе и склонился над ее ухом:

– Мне кажется, наши родители сейчас гордятся нами даже больше, чем когда ты поступила в Гарвард, а я сдал ЕГЭ лучше всех.

Она все-таки засмеялась.

– Твоя мама снимает нас на видео.

– Это чтобы потом показывать нашим детям.

И мы снова вместе прыснули.

Мои слова прозвучали немного двусмысленно, но мне все равно. Тем более что я действительно рассматриваю Кристину в таком смысле. И мне абсолютно без разницы, что про

нас думает Егор. Если мы с Кристиной захотим, мы справимся со всеми трудностями.

На припеве я отпустил талию Кристины, и она два раза перекрутилась. Потом я запрокинула девушку немного назад. Резким движением я вернул Морозову в вертикальное положение, и наши лица оказались слишком близко к другу другу. Мы снова засмеялись и на мгновение Кристина положила голову мне на плечо, но быстро опомнилась и слегка отстранилась.

Когда песня закончилась под аплодисменты зала мы направились к своим местам. Я крепко держал ее ладонь в своей, когда вел со сцены. И мне было все равно, что каждый, включая наших родителей, это видит.

После еще нескольких напутственных речей от учителей торжественная часть наконец-то заканчивается. Мы едем в ресторан на Садовом кольце возле Старого Арбата. У входа в него отчим и мама еще раз нас обнимают, говорят поздравления и уезжают домой.

Когда мы входим в ресторан, половина учеников уже на месте. Там мы с Кристиной занимаем места рядом друг с другом и расходимся, чтобы пообщаться с ребятами. Кристина разговаривает со своими подругами из волейбольной команды, которые учатся в параллельных классах. Затем идет к Вике. Я стою с Серегой и Аленой. Боковым зрением замечаю, что Оля общается с братом и его компанией. Егор уселся на самое дальнее место и уже открыл алкоголь. По

договоренности родителей и учителей на столах будет только вино и шампанское. Но Егор не был бы Егором, если бы не притащил виски с собой.

Где-то еще через полчаса появляется ведущий, который призывает всех сесть на свои места. Со мной и Кристиной сидят Вика, Алена и Сережа. Никто из них не комментирует расставание Морозовой с Кузнецовым. Как и наши с ней неожиданно потеплевшие отношения. Ведь ребята весь год наблюдали, как мы с Кристиной игнорировали друг друга.

Ведущий несет какую-то пургу. Наверное, веселую, раз все смеются, но мне неинтересно его слушать. Я, как и в новогоднюю ночь, мечтаю остаться вдвоем с Кристиной. Но перед этим мне нужно сделать два важных дела.

Через пару часов застолья и конкурсов ведущий дает нам отдохнуть. Я вижу, как Оля выходит из ресторана на улицу. Я тут же встаю со своего места и иду за ней. Кристина резко ко мне оборачивается, но не задает вопросов.

– Я быстро, – бросаю ей и направляюсь к выходу.

Я чувствую, как Морозова провожает меня взглядом, и это дает мне еще больше сил на осуществление задуманного.

Оля отошла немного в сторону от ресторана и устало привалилась к стене здания. Я уверен, что она слышит мои шаги и даже, может быть, заметила меня боковым зрением, но не повернулась в мою сторону.

– Оля, – я начал аккуратно, встав рядом с ней, – нам надо поговорить.

Она все-таки обернулась ко мне. Расплылась в широкой улыбке и сказала очень ровным голосом.

– Да не надо нам ни о чем говорить, Максим. Я все понимаю. Иди к своей Морозовой. Я всегда знала, что между вами не все просто.

Меня обрадовало ее адекватное поведение. Все-таки в моей памяти было еще слишком свежо расставание с Аней Репревой, которое обернулось ее истерикой. Но все же просто так сразу после этих слов развернуться и уйти мне показалось грубым. Да и неправильным по отношению к Оле. Она заслуживает объяснений. И извинений.

– Прости, что так вышло. Я в какой-то момент очень сильно запутался. И мне правда жаль, что все так обернулось. Ты прекрасная девушка...

Она не дала мне договорить. Перебила на полуслове, закатив глаза.

– Но дело не во мне, а в тебе. Я заслуживаю лучшего и еще обязательно кого-нибудь встречу. Ты это хотел мне сказать? Самойлов, банально, как в американских фильмах.

Я грустно улыбнулся и на секунду мне стало очень стыдно. Я ведь действительно собирался так сказать.

– Короче, Максим, – она продолжила серьезным тоном. – Я не имею к тебе претензий. С моста прыгать не буду, вены себе резать тоже. Так что тебе не о чем переживать.

Я облегченно выдохнул. Конечно, я не думал, что Оля пойдет топиться или схватится за нож, но все же переживал,

что она может заплакать. Все-таки сегодня наш выпускной. А я поступаю, как сволочь, бросая ее в такой день.

– Спасибо за понимание, Оль.

– Не за что.

Она снова мне улыбнулась, и я ушел. В метрах двадцати от входа в ресторан я заметил Егора. Он курил и задумчиво смотрел в небо. Я сразу же направился к нему.

– Мы с тобой так и не поговорили.

Кузнецов нехотя повернул голову в мою сторону.

– Мне не о чем с тобой говорить.

– А мне есть о чем. Просто я хочу, чтобы ты знал: я до последнего пытался убить в себе любые чувства к Кристи-не именно из-за тебя, потому что считал тебя своим другом. Я ненавидел себя за то, что влюбился в нее. Считал, что не имею права поступать так с тобой. Даже с Олей стал встречаться, чтобы выкинуть из головы Кристину. Но не получилось. Егор, я правда не могу больше сопротивляться своим чувствам к ней. Особенно зная, что они взаимны.

Он хмыкнул. Бросил бычок под ноги и задумчиво стал топтать его туфлей.

– Что ты хочешь услышать от меня, Макс? Я считал тебя своим другом. Даже лучшим другом. И такого ножа в спину я никак от тебя не ожидал.

Я тяжело вздохнул.

– Я сам от себя не ожидал. Раньше я не оказывался в ситуации, когда меня начинало тянуть к девушке друга. И ко-

гда это произошло, я действительно сопротивлялся, как мог. Считал, что друг важнее, чем девушка. Но от себя не убежишь и себя не обманешь. Я надеюсь, что когда-нибудь ты меня все-таки простишь. Не сейчас, но, может быть, потом.

Кузнецов пожал плечами.

– Посмотрим, как жизнь повернется.

Я ничего ему не ответил и вернулся в ресторан. Оля уже сидела на своем месте, следом за мной зашел и Егор. Ведущего все еще не было. Диджей крутил какой-то популярный трек, на танцполе дергались человек десять. Словно робот я направился прямо к Кристине. Она в этот момент разговаривала с парнем из параллельного класса. Я его знаю, неоднократно ловил его хищные взгляды на Кристине. А слух о том, что Морозова и Кузнецов расстались распространился по школе со скоростью света. И этот придурок уже тут как тут. Но больше я не намерен не то, чтобы делить с кем-то Кристину, но даже и смотреть, как с ней кто-то флиртует.

Я резко подхожу к девушке и нагло обрываю их разговор.

– Пойдем.

Она недоуменно смотрит на меня.

– Куда?

– Куда захотим. Я расстался с Олей и поговорил с Егором.

Кристина молчит в замешательстве. Парень, с которым она разговаривала, зло блеснул в мою сторону глазами, но все же отошел от нас подальше. Правильно. Иначе бы я отправил его в другой конец ресторана силой.

– Максим, но это же наш выпускной. А как же планы встретить рассвет?

– Встретим его вместе.

Она молчит в нерешительности. Я вижу, как в ее глазах идет борьба: сопротивление разума и сердца, желания и долга. Но я не намерен давать ей выбор. Не теперь, когда у нас осталось так мало времени.

– Кристина, пойдем отсюда. Только ты и я. Вдвоем. Мы оба слишком долго хотели этого, чтобы сейчас терять время.

Еще мгновение она пристально на меня смотрит и, наконец, кивает головой. Я беру ее руку в свою и уверенно веду к выходу. Проходя мимо нашего стола, хватаю новую бутылку шампанского. Я знаю, что нас сейчас провожают взглядами все наши друзья. Я знаю, что нам в спину смотрят Егор и Оля. Но мне все равно.

Я выбираю Кристину.

Глава 40. Спускной крючок

Из ресторана мы с Кристиной направились в сторону Старого Арбата. Мы шли быстро и в тишине. Я все еще не мог поверить, что сделал это, что забрал девушку себе. Но стук каблуков Морозовой по асфальту, эхом отзывающийся в моей голове, доказывал, что все происходящее не сон, а реальность. Ее ладонь в моей руке, и она следует за мной. Туда, куда я веду ее. Не спорит, не задаёт вопросов, не сопротивляется, а полностью мне доверяет и послушно шагает рядом.

Минут через десять, когда мы уже зашли на Арбат, Кристина остановила меня. Я повернул к ней голову и увидел на ее лице счастливую улыбку.

– Максим, от кого мы убегаем? – Она мягко засмеялась.

– От них всех, Кристина. Мне все время кажется, что кто-то решит нас догнать и остановить.

– Нет, – она обвила мою шею руками, – нас уже никто не остановит.

Я не ответил, притянул ее к себе за талию еще ближе и поспешил накрыть губы поцелуем. Она тут же ответила. Мы целовались долго, страстно. Наверное, с такой жадностью пьют воду в пустыне. Я так соскучился по ее губам, что не мог оторваться. После каждого секундного перерыва на глоток воздуха я прикивал к ее рту с новой силой, и Кристина совсем не возражала. Мы стояли посреди пустынной ночной

улицы, и казалось, что в этом мире сейчас есть только мы.

Когда мы все-таки разорвали поцелуй, я поспешил зарыться в ее шею. Жадно вдохнул запах розы с нотками жасмина и зажмурил глаза. Это ли не счастье?

– Кристина Морозова, ты знаешь о том, что ты теперь моя девушка? И я больше ни с кем не намерен тебя делить. Никогда. – Я сказал ей это и посмотрел в глаза. Они светились счастьем.

Кристина мягко провела ладонью по моему лицу и тихо выдохнула:

– Я согласна. Тысячу раз согласна.

Я снова стал ее целовать. От губ перешёл к лицу. Кристина словно не дышала, послушно замерла и закрыла глаза, мягко улыбаясь.

– Моя нежная-нежная девочка, – прошептал ей на ухо, – теперь только моя.

– Я уже давно только твоя, Максим. Ты даже не представляешь, насколько давно.

Я с небольшим удивлением посмотрел ей в лицо, но ничего не сказал. С новогодней ночи прошло полгода. Неужели у Кристины задолго до нее были ко мне чувства? С первой встречи в их доме? С того момента, как я спас ее в темном дворе?

– У нас есть шампанское, – говорю ей, смеясь, – надо отметить наш побег.

– Ты же не пьёшь!

– Сегодня я нарушаю все правила, – я мягко чмокнул ее в губы и отстранился, чтобы открыть бутылку.

Пробка хлопнула, шампанское немного пролилось на землю.

– За нас, Кристина, – я сделал глоток из бутылки и передал ее ей.

– За нас! – Она отпила, не прерывая со мной зрительного контакта, и я снова поспешил примкнуть к ее губам.

Мы очень долго шли по Арбату, то и дело останавливаясь на поцелуи и крепкие объятия. Я подхватывал Кристину на руки и кружил в воздухе. Она заливалась счастливым смехом и целовала мои губы. Бутылка шампанского медленно пустела, и мы становились все счастливее и счастливее.

Быстрым шагом Арбат можно пройти за 15 минут, но мы шли, наверное, полтора часа. Когда улица закончилась, мы направились в сторону Гоголевского бульвара. У нас не было маршрута. Мы шли просто вперед. Просто вместе.

– Максим, у меня болят ноги от каблучков, – протянула Кристина, и я не раздумывая, подхватил ее на руки. Пока я нёс Кристину, она не переставала целовать меня: шею, скулу, щеку.

Увидев пустую скамейку, я направился к ней. Усадил Кристину к себе на колени, она сбросила туфли и протянула ноги вдоль лавочки. Обняла меня за шею и положила голову на плечо. Я смотрел в ночное небо и крепко прижимал к себе девушку.

Мою девушку.

Летняя Москва прекрасна. Пустынные тротуары, редкие машины на дорогах. Где-то вдали раздавалась музыка и слышался смех. Выпускной сегодня не только у нас.

– Максим, это такое счастье, – тихо проговорила Кристина, – просто быть с тобой. Просто быть твоей. Неужели этот день наступил? – Она немного отпрянула от меня и заглянула в лицо, мягко провела по нему ладонью. – Ты знаешь, что я ведь тоже не намерена больше ни с кем тебя делить. Ты теперь только мой, Максим.

Кристина мягко поцеловала меня в губы и продолжила:

– Больше я не потерплю возле тебя никаких девушек.

– Для меня есть только одна девушка – ты. Мне никто не нужен кроме тебя.

Кристина шумно выдохнула и снова уютно устроилась на моем плече. Мы молчали, периодически сливаясь в поцелуе. Иногда мне казалось, что все происходящее – сон. Но нет, это была реальность. Самая счастливая, какая только может быть.

– Максим, тут недалеко до моего любимого места. Давай дойдём? – Кристина прервала молчание.

– Конечно. Ты отдохнула?

– Да, все в порядке.

Она обула туфли и встала. Я выбросил пустую бутылку от шампанского, мы взяли за руки и пошли по бульвару.

– И какое твоё любимое место в Москве?

– Скоро увидишь.

Я обнял ее за плечи и в этот момент подумал, что совсем ничего не знаю о Кристине. Мне известно о ней только то, что я подсмотрел тогда на ее странице в «ВКонтакте» и то, что я наблюдал на протяжении того времени, что мы живем в одном доме.

Но я абсолютно не знаю таких важных мелочей, как ее любимое место, или ее любимый ресторан, или ее любимый вид отдыха. Что она больше любит: море или горы? А какая ее любимая кухня? А какую музыку она слушает? Чего боится, от чего приходит в восторг? Кто ее любимый актёр или режиссёр? Ей нравится ходить на концерты? У нее есть хобби? Она любит смотреть футбол?

Все то время, что мы с Кристиной живем под одной крышей, я лишь видел, что она либо сидела часами в своей комнате, либо работала с отцом в библиотеке. Из дома она выбиралась только на свидания с Егором или в компанию к отцу. Из гостей у нее бывали только Вика и пару раз Алена. И приезжать они стали только после того, как узнали, что моя мама и Кристинин отец женятся. До этого она гостей не приглашала. Видимо, опасалась, что они увидят меня.

Я вдруг вспомнил наше знакомство, ее «Правила проживания в одном доме с Кристиной Морозовой» и произвольно засмеялся.

– Чему ты смеёшься? – Она поинтересовалась с улыбкой.

– Вспомнил, как в нашу первую встречу, ты мне озвучила

правила проживания с тобой.

Она звонко засмеялась.

– О, да! Я тогда тебя искренне презирала.

– Кстати, а почему?

– Не знаю, – она протянула задумчиво, – мне было неприятно, что папа создаёт новую семью. Я, конечно, понимала, что маму больше не вернуть, но все равно мне было тяжело принять факт новой женщины у отца. К тому же я слишком привыкла к тому, что наша с папой семья состоит только из двух человек – меня и его. И мне было сложно свыкнуться с мыслью, что появится кто-то еще.

Мы на мгновение замолчали, а потом Кристина спросила:

– А что ты обо мне подумал, когда увидел? Когда я стояла на лестнице, а твоя мама нас представила друг другу.

– Первая мысль была, что ты красивая.

– А вторая?

Я закашлялся, стараясь скрыть свой смех. Кристине моя вторая мысль о ней точно не понравится.

– Не скажу.

– Почему?

– Это была не очень хорошая мысль, и ты на меня обидишься.

– Ну уж нет, Максим, говори! – Она ущипнула меня за бок. – Я от тебя не отстану, пока ты мне не скажешь.

Я секунду посомневался.

– Пообещай, что не обидишься.

– Обещаю!

– Я подумал, что ты надменная коза.

– Ктоооо???

Кристина вырвалась из моих объятий и отскочила на шаг в сторону.

– Ты обещала, что не обидишься!

Я поспешил снова заключить ее в кольцо своих рук. Она отвернула голову в сторону и в ответ меня не обняла.

– Но я уже давно так про тебя не думаю, – прошептал ей на ухо.

Несколько секунд она так и стояла. Смотрела в сторону, надув губы.

– Ну и как ты сейчас про меня думаешь? – Наконец подала голос. Все еще с обиженными нотками.

– Сейчас я думаю, что ты самая нежная, самая ласковая, самая красивая, самая сексуальная и самая лучшая девушка на свете. И еще я думаю, что мое решение переехать в Москву было самым правильным, потому что тут я встретил тебя.

Еще мгновение Кристина подулась, но потом все же обвила меня руками и положила голову мне на грудь.

– Ты правда рад, что приехал и встретил меня?

– Да, безумно рад, – я поцеловал ее в макушку. Мы взялись за руки и пошли дальше. – А что ты подумала обо мне, когда увидела?

– Нуууу, – Кристина загадочно протянула, – если честно, когда ты вошёл в дом, я о тебе уже все знала. Еще до тво-

его приезда я полностью изучила тебя по всем социальным сетям. Так что я просто сравнивала тебя на фотографиях и видео с тобой в жизни.

Я в изумлении к ней повернулся.

– А вот с этого момента-ка поподробнее, моя дорогая.

– Ну, папа меня всегда учил, что перед первой встречей с человеком о нем нужно наводить справки. Чтобы, так сказать, знать, кто перед тобой стоит. Поэтому, когда наши родители объявили мне, что ты переедешь в Москву, я аккуратно поинтересовалась у твоей мамы, как тебя зовут, чтобы пробить тебя в интернете. Нашла твои страницы во всех социальных сетях, изучила все фотографии, всех друзей. Даже видео с твоих соревнований посмотрела.

Я засмеялся такому признанию. Честное слово, никогда бы не подумал, что Кристина Морозова меня тщательно изучала перед первой встречей.

– Ну и какое мнение у тебя обо мне сложилось?

– Я подумала, что твой отъезд будет большой потерей для всех местных девчонок, ведь ты там был одним из самых завидных парней.

– С чего это ты взяла, что я был «завидным»?

– Это же очевидно. Ты красивый, умный, спортсмен. Я знаю всех, кто за тобой бегал. Да-да, Максим. И на момент встречи с троюродной сестрой Егора, я знала, что вы с ней встречались, – Кристина хитро прищурилась.

– Так вот почему ты при виде нее побледнела и застыла?

– Почему это побледнела и застыла? – Она искренне удивилась. – Я была естественной.

– Совершенно нет. У тебя было деревянное лицо и ледяной взгляд.

Кристина глубоко вздохнула.

– В твоём присутствии, Максим, мне всегда тяжело скрывать свои настоящие эмоции.

Я ничего не успел ответить, потому что мы с Кристиной вышли с Гоголевского бульвара к станции метро Кропоткинская и храму Христа Спасителя.

– Ну вот мы и практически на месте.

– Кропоткинская? – Я искренне удивился. – Твоё любимое место?

– Этот район в целом, да. Но еще тут есть одно замечательное место. Пойдём.

Кристина уверенно потянула меня за руку через дорогу.

– Я тут, кстати, не был. Только на такси проезжал.

Это правда. С Олей мы сюда не ходили ни разу. Хотя много где в Москве гуляли.

Мы перешли две дороги, обогнули храм и направились к мосту. Людей нет, машин тоже. Уже почти 4 утра и близится рассвет.

Кристина остановилась посередине моста.

– Вот. Мы пришли.

Я огляделся по сторонам. Отсюда открывался прекрасный вид на Москву-реку, храм, башни Кремля и памятник Петру

I.

– Что это за место? – Я зачарованно спросил.

– Патриарший мост.

Кристина направилась к тому краю, что смотрел в сторону Кремля, и облокотилась на перила. Я подошёл к ней сзади и крепко обнял.

– Тут потрясающе, – тихо сказал, всматриваясь вдаль через ее плечо. И это чистая правда. Место действительно восхитительное.

– Да, я обожаю бывать тут летом. За мостом есть бар «Стрелка» с большой верандой. Там так круто сидеть, потягивая коктейль, и смотреть на это место. А еще за мостом есть скамейки, с которых тоже открывается этот вид. Только днем очень людно, поэтому я люблю приходить сюда ближе к 12 ночи.

– Часто ты тут бываешь?

– Каждым летом обязательно несколько раз приезжаю.

Мы продолжали так стоять еще какое-то время, наблюдая рассвет над рекой. И, наверное, это был самый волшебный, божественный момент в моей жизни.

Кристина явно о чем-то задумалась, потому что, когда я стал аккуратно целовать ее висок, она слегка встрепенулась. Взяла меня за руку и повела к середине моста.

– Я рада быть тут с тобой, Максим.

Я не ответил, лишь привлёк ее к себе. Этой ночью я не хочу выпускать Кристину из своих объятий. Она положила

голову мне на грудь и тихо сказала:

– И я тоже рада, что ты приехал в Москву. Правда. Это лучшее, что со мной случилось за почти 11 лет.

– Почему именно почти 11 лет? Что было до этого?

Она подняла на меня голову и взяла в руки мое лицо. Легкая улыбка едва коснулась ее губ.

– До этого тоже был ты. – Она мягко провела ладонью по моей щеке. – Я так долго ждала тебя, Максим.

– В смысле? Ты о чем?

– О нашей самой первой встрече.

Я недоуменно посмотрел ей в глаза. Вот уже не первый раз Кристина говорит, что долго меня ждала. Меня это всегда удивляло, но спросить никогда не было случая. Я не успеваю задать вопрос, потому что она меня опережает:

– Неужели ты совсем меня не помнишь, мой герой?

Секунда – и в голове будто щелкает спусковой крючок, триггер. Веки вдруг стали свинцовыми, и я беспомощно их опустил. Но при этом перед глазами заиграл целый калейдоскоп из картин прошлого. Лето, детский лагерь, тихая и кроткая девочка. Такая нежная и беззащитная. Я долго смотрю на нее со стороны, но никак не решаюсь подойти.

Картинка меняется. Река, девочка стоит на пирсе и смотрит вдаль. Я поднимаюсь к ней. Вот сейчас я наконец-то с ней заговорю... Но к девочке вдруг кто-то подходит и хочет обидеть. Я ее защищаю.

Следующая картинка. Мы всю ночь с ней сидим на полу

в коридоре лагеря и говорим обо всем на свете. Мы много смеёмся, рассказываем о своей жизни.

Потом мы прощаемся, и я обещаю ее найти. Ухожу к себе в комнату и думаю: *она та самая*.

– Меня так уже называла одна девочка в детском лагере, – говорю хриплым голосом, размыкая веки, – ее звали... Кристина. – Я смотрю девушке в глаза, и меня будто бьет молнией. Это *те самые* глаза.

Кажется, почва уходит у меня из-под ног, и я едва слышно выдыхаю:

– Та девочка – это... ты?

Кристина тихо засмеялась.

– Долго же ты меня вспоминал, Максим.

Я смотрю на нее и не верю своим глазам. Отчего-то стало тяжело дышать. Я блуждаю взглядом по Кристиному лицу, всматриваясь в каждый миллиметр кожи, пытаюсь узнать в ней ту маленькую девочку из лагеря. Это действительно она...

Шок постепенно проходит и по телу теплом разливается чувство невероятной радости, эйфории.

Я набрасываюсь на Кристину с жадными поцелуями, подхватываю ее на руки и кручу в воздухе.

– Максим, у меня уже кружится голова, – она звонко смеётся, и я узнаю *этот* смех.

Я ставлю Кристину на ноги, беру в ладони ее лицо и продолжаю всматриваться, все еще не веря своим глазам.

– Кристина... Но как это возможно? Как мы могли снова встретиться друг друга?

Она широко улыбается.

– Ну ты же обещал меня найти, мой герой, и нашёл.

Я мягко качаю головой.

– Я мечтал снова тебя увидеть. Завёл копилку и складывал туда деньги. Копил на поездку в Москву, к тебе. А потом из семьи ушел отец и все мои мысли занял только он.

Кристина аккуратно поцеловала меня в губы.

– Я так ждала тебя, Максим. Всмотривалась на улице в лица всех мальчиков. На танцах отказывалась танцевать с кем-то в паре. Говорила, что я буду танцевать только с моим героем. А потом умерла мама. И больше я ни о ком не могла думать.

Я крепко прижал Кристину к себе. Я не знаю, сколько мы так простояли. Мне хотелось остановить этот момент. Самый прекрасный. Самый счастливый. Я все еще не верю, что Кристина Морозова, которую я так сильно люблю, – это та самая тихая девочка из лагеря, с которой я очень хотел познакомиться и от всех защитить.

Мне кажется, я сейчас стал любить Кристину еще больше. Хотя на самом деле больше уже некуда. Но от осознания того, *кто* она на самом деле, сердце было готово выпрыгнуть из груди.

– Ты сразу меня вспомнила, когда я приехал?

– Нет. Но в твоём присутствии у меня все время было де-

жавю. Совершенно дурацкое чувство, будто что-то на языке крутится, а вспомнить не можешь. Мне в тебе казалось знакомым абсолютно все: глаза, смех, движения тела. Я еще поэтому в самом начале тебя невзлюбила. Именно из-за постоянного дежавю. Оно меня раздражало.

– И как же ты меня вспомнила?

– Когда на меня напали во дворе у репетитора. Сначала, когда я увидела, как ты дерешься, на меня накатила сумасшедшая волна дежавю. А когда тот придурок схватил меня и приставил к горлу нож, я посмотрела в твои глаза и все вспомнила.

– А я в тот момент, когда к твоему горлу приставили нож, подумал, что готов ради тебя на все.

Кристина потянулась к моим губам за поцелуем, и я охотно ей ответил. Но сейчас у нас не было страсти. Только нежность и тихое счастье – от осознания того, *кто* мы на самом деле друг для друга.

– Почему ты так долго молчала? Почему не сказала мне? – Я прервал поцелуй и посмотрел ей в глаза.

Кристина пожала плечами.

– Много причин было. Сначала мне казалось это глупым, потом я хотела, чтобы ты сам меня вспомнил, потом я уже этого не хотела и радовалась, что так и не сказала тебе... Не знаю, Максим. Думаю, главная причина все-таки в том, что я надеялась, что ты вспомнишь меня сам.

От ее последних слов мне стало дико стыдно. Ну как я

мог не узнать в Кристине ту девочку из лагеря? *Ту самую* девочку?

– У меня тоже несколько раз было дежавю. И твое лицо в детстве на фотографии, которая стоит у тебя в комнате, мне казалось знакомым.

Кристина хмыкнула.

– Да, оно показалось тебе знакомым на Новый год, когда ты мне сказал, чтобы я не расставалась с Егором. В тот момент я вообще прокляла нашу встречу. Обе наши встречи. Даже подумала, что лучше бы меня тогда скинули в реку, и я утонула.

Я тяжело вздохнул.

– Прости меня, Кристина. Мы потеряли слишком много времени из-за меня.

– Все в порядке, Максим. У нас впереди целая жизнь.

Она сказала это так, будто не уезжает из России через два месяца. На мгновение мысль о ее поступлении в Гарвард огорчила мое прекрасное настроение, но я все же отогнал ее. Не хочу об этом думать. Вот когда настанет день отъезда, тогда и подумаю. А ближайшие два месяца я планирую лишь наслаждаться Кристиной.

– И, кстати, если бы тебя все-таки сбросили в реку, ты бы не утонула. Я на тот момент уже умел плавать, так что вытащил бы тебя.

Она тихо засмеялась.

– Мой герой, ты всегда меня во всем превосходил.

Я ей ничего не ответил. При каждом ее «Мой герой» по телу разливалось приятное тепло. Я хочу, чтобы она называла меня так всегда. Я хочу быть ее героем.

– Максим, нам пора домой. Уже 5 утра. Пока доедем, родителям уже будет пора вставать на работу.

– Да, ты права.

Я нехотя выпустил Кристину из своих объятий и вызвал такси. В машине она удобно устроилась у меня на груди и закрыла глаза. Мы ехали молча. Я тоже опустил уставшие веки и провалился в воспоминание десятилетней давности...

– Максим, мы с мамой решили отправить тебя в летний лагерь на весь август, – сказал мне отец, когда забирал домой с занятий по каратэ.

– Зачем, пап? Мне дома тоже хорошо.

– Отдохнешь, покупаешься в Волге. Вас там и к школе готовить будут.

– Но я уже умею читать и писать!

– Ничего страшного. Впереди у тебя девять месяцев школы. А знаешь, как ты будешь там уставать? А так ты перед первым классом отдохнешь и наберешься сил. Найдешь себе новых друзей.

Мне в общем-то нравились и мои старые друзья со двора, но я подумал, что, наверное, действительно интересно съездить в новое место. Вовка сосед только приехал из лагеря и рассказывал, как там весело. По ночам мальчишки измазы-

вали девочек зубной пастой.

Родители отвезли меня в лагерь вдвоем на машине. Перед тем, как передать меня воспитательнице, папа и мама меня крепко обняли.

– Максим, – папа присел рядом со мной на корточки, – веди себя хорошо, никого не обижай, но и себя в обиду не давай. За слабых заступайся.

– За каких слабых?

– За девочек, например. Хорошо?

– Хорошо, папа, – я послушно закивал головой. Отец последний раз чмокнул меня в макушку и передал в руки воспитателям.

Я заметил ее в первый же день. Тихая, кроткая девочка с большими голубыми глазами и двумя косичками темных волос. Она послушно сидела на скамейке во дворе и смотрела на играющих вокруг детей. За ее плечами висел маленький розовый рюкзачок.

Я оторвался от игры в мяч с ребятами и решил к ней подойти. Но не успел я сделать и пары шагов, как к ней уже подбежали три другие девочки.

– Привет! А почему ты одна сидишь? – Спросила у нее одна из подошедших.

– Я тут никого не знаю, – ответила девочка с розовым рюкзачком.

– Хочешь с нами в прятки поиграть?

– Хочу! – радостно подскочила девочка и убежала с но-

выми подружками.

В последующие дни я больше не видел ее одну. Она все время была с новыми подружками. И в столовой, и во время перемен между уроками, и на прогулках во дворе. Я все ждал, когда же она снова останется одна, и я смогу к ней подойти, но с каждым днем у девочки появлялось все больше и больше друзей.

Когда нас возили купаться на реку, я заметил, что она плещется только у берега. Значит, еще не умеет плавать. Меня отец научил еще прошлым летом.

«Может, предложить ей научить ее?», – мелькнуло у меня в голове. Но только я снова захотел к ней подойти, как воспитатели объявили, что уже пора возвращаться в лагерь.

В следующий раз нас повезли на Волгу через день. Я продолжал со стороны наблюдать за девочкой, дожидаясь, когда она останется одна. Но на несколько минут отвлекся на одного из друзей и упустил ее из вида. Вылез из воды на берег, замотал головой по сторонам и заметил, что девочка стоит на пирсе и смотрит на прыгающих оттуда в воду старших ребят. Одна.

Я быстро побежал за ней к пирсу. Но не успел я приблизиться, как увидел, что мальчик постарше собирается скинуть девочку в воду.

– Не трогай ее! – я подлетел к ней и заслонил собой.

– А ты кто еще такой, мелюзга? Слышите, ребят, по-

смотрите на него! – Обратился обидчик к своим товарищам. – А ну-ка давайте их обоих искупаем.

Трое его друзей двинулись на нас, а я уже встал в стойку. Ловкими движениями рук и ног повалил всех их на землю. На крики сбежались воспитатели. Пока они поднимали с пола нападавших на нас, я быстро оттащил девочку в сторону.

– С тобой все хорошо? – Спросил я ее.

– Да! Спасибо тебе!

И она крепко обняла меня за шею. А я замер от неожиданности и почему-то даже не подумал о том, чтобы обнять ее в ответ. Дурак.

– Меня Максим зовут, – сказал я, когда она отстранилась, и протянул ей руку.

– А меня Кристина, – она пожала мою ладонь и широко улыбнулась.

Ее ладонь оказалась очень холодной, что меня сильно удивило.

– Тебе холодно? – Спросил я ее.

– Нет, с чего ты взял?

– У тебя холодные руки.

– Ой, да они у меня всегда холодные! Не обращай внимания, – она широко улыбнулась.

Дальше нам не дали продолжить диалог, потому что тут же подлетела разъяренная воспитательница.

– Максим, это еще что такое! Ты зачем побил мальчиков? Я немедленно звоню твоей маме. Ты в лагере больше не

останешься!

Она схватила меня за руку и утащила в автобус. Всю дорогу назад я выскивал Кристину взглядом, но, видимо, она сидела в другом автобусе.

Когда мы приехали на место, меня сразу же повели в кабинет директора. Грозная женщина в очках сначала меня долго отчитывала, а потом стала звонить маме.

– Елена Викторовна, здравствуйте. Это Татьяна Михайловна, директор летнего лагеря, в котором сейчас ваш сын Максим. Елена Викторовна, это полное безобразие! Ваш ребенок подрался с несколькими мальчиками, побил их до крови. В связи с неудовлетворительным поведением, мы не можем больше оставить вашего сына в лагере. Он несет опасность для других детей. Мы очень надеемся, что вы сможете забрать своего ребенка завтра же. Деньги за оставшиеся две недели лагерь вам вернет.

Мама ей что-то ответила, Татьяна Михайловна положила трубку и обратилась ко мне.

– А теперь марш за дверь! Сядь на стул и сиди, пока тебя воспитательница не отведет в комнату.

Я послушно сел на стул в ожидании воспитателя. Но ее не было и не было. Зато меня нашла Кристина. Она неслась ко мне со всех ног.

– Максим!

– Тишии! Тебе нельзя тут быть! Если тебя увидят, то тоже накажут! Уходи. – Я не хотел, чтобы Кристине из-

за меня досталось от воспитателей.

– Но я хотела тебя поблагодарить... – Радость в ее глазах тут же сменилась грустью, и мне захотелось крепко ее обнять.

– Они звонили моей маме. Она завтра за мной придет. Если хочешь, давай после отбоя, когда все уснут, встретимся.

– Давай! – Кристина радостно закивала. – Где?

– Тут на втором этаже. Директора уже не будет, а воспитательницы спят на первом.

– Хорошо!

– А теперь беги, пока тебя никто не заметил.

Через пять минут после ухода Кристины за мной вернулась воспитательница и отвела в комнату. К счастью, в спальнях на ночь не запирали, поэтому, как только ребята в моей комнате улеглись спать, я выбрался в коридор и тихо поднялся на второй этаж. Сел на пол у двери директора и стал ждать Кристину.

Я ни секунды не жалел о том, что вступился за нее. И я бы все равно ее спас, даже если бы опоздал на пару минут, и ее бы все-таки сбросили в воду. Ведь я уже умел плавать.

Кристина пришла минут через 15. Тихо опустилась на пол рядом со мной.

– Привет, – прошептала она.

– Привет, – я ей широко улыбнулся.

– Спасибо тебе большое, Максим! Я хотела тебе ска-

зять, что теперь ты – мой герой!

И вдруг неожиданно она крепко обняла меня за шею. Я обнял ее в ответ, и так мы просидели, наверное, с минуту. «Мой герой»... Так меня еще ни разу никто не называл.

– Не за что! – Ответил я ей, – знай: пока я рядом, с тобой ничего не случится. Ты мне веришь?

Я был абсолютно серьезен в тот момент. Мне казалось, что я готов защищать Кристину вечно.

– Верю, – тихо сказала она.

Мы просидели с ней всю ночь. Разговаривали о любимых мультиках, садике, своих друзьях, подарках на новый год от Деда Мороза. Ей оказалось столько же лет, сколько и мне, и она так же шла в сентябре в первый класс. Вот только в отличие от меня до приезда в этот лагерь она еще не умела читать, писать и считать.

– Ты такой умный, Максим! – Восхищенно выдохнула Кристина. – А почему ты такой сильный? Ведь тем мальчикам, наверное, лет по десять.

– А я занимаюсь каратэ! – гордо ответил я. Мне понравилось, что она считает меня сильным и умным.

– Ого! Тогда ты точно мой герой!

Уже на рассвете, когда мы расходились по своим комнатам, она спросила.

– Максим, а мы еще с тобой увидимся?

Я на мгновение задумался. Мне не хотелось с ней расставаться. Но выхода нет, завтра я уезжаю.

– Не знаю... я бы хотел. А ты?

– Да! Я бы очень хотела! – От слов Кристины мне стало очень приятно.

– Тогда, я тебя найду!

– А как ты меня найдешь?

Я снова задумался. Так, я знаю, как ее зовут и в каком городе она живет. Накоплю деньги на билет и приеду. А там спрошу у кого-нибудь, как найти Кристину, которой 7 лет.

– Ну, приеду в Москву и найду. Я же помню, как тебя зовут. Кристина.

– Вот так просто возьмешь и найдешь?

– Да, – я был уверен в своих словах, как никогда.

Мы с ней крепко обнялись. Простояли так минут пять и, уже уходя, девочка бросила на прощание:

– Я буду ждать тебя, мой герой!

– Я тебя найду! – Ответил ей я и скрылся за углом коридора.

Я вернулся в свою комнату, но больше не уснул. Думал об этой тихой, кроткой девочке, и улыбка не сходила с моего лица.

Папа несколько раз говорил мне, что самое главное в жизни – это встретить ту самую девушку.

«Когда она появится, ты сразу поймешь это, Максим. И тогда иди к ней и ни перед чем не останавливайся», – говорил отец.

Мама приехала утром и сходу начала меня ругать. Но я

не слушал ее. Я думал о той самой девочке. Я ни перед чем не останавлиюсь, чтобы найти ее.

Уже вечером дома папа зашел в мою комнату, тихо сел ко мне на кровать и поинтересовался.

– Максим, ну, может, ты все-таки расскажешь, что произошло в лагере? Зачем ты побил мальчиков?

Я говорил маме, но она лишь отмахнулась от меня. Папа, я знаю, не отмахнется.

– Пап, я встретил свою ту самую. Ее хотели обидеть, а я ее защитил. Ее зовут Кристина, ей 7 лет, и она из Москвы. Тоже, как и я, идет в первый класс.

Отец серьезно на меня посмотрел, прищурив глаза.

– Прямо-таки «ту самую»?

– Да, папа. Она моя та самая. Я хочу ее найти. Я буду копить деньги, чтобы поехать в Москву.

Он тихо засмеялся.

– И как же ты собираешься ее там искать?

– Как-нибудь, пап, но найду. Ведь она моя та самая.

Отец склонился ко мне и поцеловал в макушку.

– Хорошо, Максим. Если эта девочка действительно твоя та самая, то ты обязательно ее еще встретишь. Твое от тебя не уйдет. А сейчас спи.

После этого я завел копилку и стал собирать деньги. Я прожужжал родителям все уши про Кристину. Мама уже в какой-то момент стала закатывать глаза. Папа лишь тихо посмеивался и приговаривал: «Если суждено, то еще

встретишь».

А через год отец ушел из семьи. Крепко обнял меня в коридоре на прощание и сказал:

– Я тоже встретил свою ту самую, Максим. Когда-нибудь ты меня поймешь.

Я так и не смог понять. Он ни разу мне не позвонил и ни разу ко мне не приехал. Мысли об отце заполнили всю мою жизнь, и я совсем забыл тихую, кроткую девочку из лагеря, которую назвал той самой и которую мечтал увидеть снова.

Будто ее и вовсе никогда не было.

Когда такси подъехало к дому в «Золотом ручье», Кристина уже тихо спала у меня на груди. Я открыл дверь машины, вылез сам и попробовал аккуратно вытащить из нее девушку, чтобы не разбудить. Она все же проснулась, посмотрела на меня сквозь сонные веки.

– Спи, мы уже дома. Я подниму тебя наверх, – прошептал ей, и она снова опустила голову мне на плечо.

Я занес Кристину в ее комнату и аккуратно положил на кровать. Снял с нее туфли и накрыл сверху покрывалом. Наверное, с нее бы следовало снять и платье, но на это я не решился. Боюсь, что если увижу Кристину в нижнем белье, то уже не уйду из ее комнаты.

Я тихо склонился над девушкой, мягко поцеловал ее в висок и прошептал:

– Ты моя та самая. Я все-таки тебя нашел.

Кристина улыбнулась сквозь сон, и я поспешил удалиться из ее комнаты. Но проходя мимо комода, я все же задержался у фотографии. Взял рамку в руки и стал всматриваться в лицо маленькой Кристины.

Да, это она. Та самая тихая, кроткая девочка, которую мне хотелось спасти от всего мира. Прошло больше 10 лет, а с тех пор ничего не изменилось.

Я всегда буду хотеть защищать ее.

Глава 41. Гремучий коктейль

Я с трудом размыкаю веки и издаю тяжёлый стон. Я не понимаю ни где я нахожусь, ни что произошло, ни почему у меня так раскалывается голова. Обессиленными руками тру глаза, чтобы согнать с них пелену и осмотреться.

Так, вроде бы я в своей комнате. Уже не плохо. Тянусь к будильнику на тумбочке – 12 часов. Судя по свету за шторой, дня, а не ночи. А какой сегодня день? Делаю над собой усилие, чтобы нащупать на полу возле кровати телефон. Нажимаю на кнопки – не реагирует. Видимо, сел.

Дико хочется пить, но кружка на тумбочке пустая. Издаю беспомощный стон и переворачиваюсь на спину.

Что же произошло?

Постепенно пытаюсь восстановить в памяти события предыдущего дня. Выпускной, я, Кристина, поцелуи, объятия... Это было на самом деле или мне это приснилось?

Черт, почему же так раскалывается голова? Я что, пил?

Лежу в полудреме еще какое-то время, упорно борясь с жаждой. В итоге инстинкт берет верх над ломотой в теле и болью в голове, и я все же отдираю себя от кровати. Пошатываясь, плетусь в ванную, где жадно припадаю к воде из-под крана. Смотрю в зеркало: лицо сильно отекло.

Умываюсь, чищу зубы и залезаю в душ. Врубаю прохладную воду и просто тупо стою под струями минут десять.

Помогает. Головная боль постепенно отступает, сознание немного проясняется. Картина произошедшего становится яснее.

Выпускной, я, Кристина, поцелуи, объятия...

«Кристина Морозова, ты знаешь о том, что ты теперь моя девушка? И я больше ни с кем не намерен тебя делить. Никогда»

«Я уже давно только твоя, Максим»

«Ты знаешь, что я ведь тоже не намерена больше ни с кем тебя делить. Ты теперь только мой, Максим»

«Неужели ты совсем меня не помнишь, мой герой?»

ЭТО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО БЫЛО???

Нет, слишком идеально, чтобы быть правдой. Наверное, все-таки приснилось.

Вылезаю из душа, вытираюсь полотенцем, одеваюсь в домашнюю одежду и иду на кухню. Мама, отчим и Кристина сидят за столом.

– Максим, ну сколько можно спать! – с порога начинает мать.

Головная боль еще не до конца прошла, поэтому от ее крика я морщусь.

– Мам, не кричи. Голова болит.

– Ты что, пил?

– Не знаю, похоже на то.

Я сажусь на своё место и кидаю взгляд на Кристину. Она безмятежно уплетает салат и смотрит что-то в своём телефо-

не. Похоже, листает ленту в инстаграме. На меня глаза даже не поднимает. Значит, все-таки приснилось.

– Есть будешь? – спрашивает мама.

– Да, что-нибудь легкое. А то меня тошнит.

Мама накладывает мне кашу и делает грейпфрутовый сок.

Кислый фреш – это то, что мне сейчас нужно. Залпом выпиваю стакан и чувствую, как тошнота отходит.

– Какой сегодня день? – осмеливаюсь спросить у присутствующих.

Отчим начинает смеяться, Кристина тихо хмыкает, а мама беспомощно закатывает глаза.

– Ваш выпускной был позавчера, – отвечает мне родительница.

Смысл ее слов не до конца до меня доходит, поэтому я решаю задать еще один глупый вопрос.

– То есть, это я сколько спал?

– Весь день после выпускного, затем всю ночь и половину сегодняшнего дня. Уже два часа, Максим!

– Ясно.

Вяло ковыряю в тарелке с кашей. Вроде чувство голода есть, а все равно как-то не лезет. Тут неожиданно до меня доходит, что сегодня будний день, а мать и отчим не на работе.

– А почему вы дома? Сегодня же не выходной.

– Да, сынок. Если ты еще не забыл, то в субботу у нас с Игорем свадьба. То есть, уже послезавтра. Мы взяли

несколько дней, чтобы заняться свадебными делами. Сейчас вот уже скоро поедem.

– Понятно.

Вот это я, конечно, проспал. И, видимо, действительно пил алкоголь. В памяти всплывает бутылка шампанского, которую мы распиваем с Кристиной на двоих. Но ведь это был сон? Не могли же мы с ней действительно уйти с выпускного и всю ночь целоваться под луной, распивая шампанское? Нет, я бы, конечно же, очень этого хотел, но вряд ли Кристина бы на такое согласилась.

Каша в меня все-таки не лезет, поэтому я решаю вернуться в свою комнату.

– Что-то у меня нет аппетита. Я пошел.

Встаю со своего места и возвращаюсь к себе. Застилаю кровать, ставлю телефон на зарядку, отодвигаю штору, пуская в комнату солнечный свет, открываю окно и жадно вдыхаю летний воздух. Из сада доносится аромат фруктовых деревьев и зеленой травы. Стою так минут десять, пока не слышу звук открывающихся ворот и уезжающей машины. Мама и отчим отправились по делам.

В этот момент раздаётся стук в мою комнату.

– Войдите, – говорю, поворачиваясь к двери.

Ручка медленно опускается и ко мне заходит Кристина. Я удивлён. Мне кажется, она сейчас первый раз переступает этот порог с того дня, как я приехал в ее дом, и она показывала мне мою комнату.

Девушка закрывает дверь, поворачивает замок в ручке и кошачьей походкой с хитрым прищуром направляется ко мне.

– Я ужасно соскучилась, – обвивает мою шею руками и целует меня в губы.

На мгновение я остолбенел, но все же решил не отталкивать девушку. В ответ обнял ее за талию, притянул к себе и стал отвечать на поцелуй. И чем дольше мы целовались, тем больше я понимал, что ночь с Кристиной была не сном.

ЭТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ!!!!

– Я думал, мне все это приснилось, – тихо сказал ей, когда мы разорвали поцелуй.

Кристина расплылась в широкой улыбке и погладила меня по щеке.

– Нет, это было на самом деле, мой герой.

Секунда – и в голове сложился полный пазл. Мост, воспоминание о детском лагере, тихая кроткая девочка по имени Кристина... Это она.

Шумно выдыхаю и крепко прижимаю девушку к себе.

– Кристина, та девочка из лагеря – это ведь ты?

– Да.

Я отрываюсь от ее шеи, чтобы заглянуть в лицо. Не веря, жадно всматриваюсь, будто ища подтверждение.

Это действительно она... Как же я не узнал ее раньше?

– Но как это возможно? Как мы могли снова встретиться друг друга?

Она с улыбкой пожимает плечами.

– Не знаю, Максим. Это действительно сумасшедшее совпадение, что наши родители познакомились. Я тоже долго удивлялась, когда вспомнила тебя.

Я не отвечаю. Накрываю ее губы жадным поцелуем.

Моя. Теперь только моя. Мне больше ни с кем не придется ее делить. Мне больше не придется ревностно смотреть на нее с Егором. Мне больше не придется обнимать и целовать ее взглядом. Я теперь могу делать это на самом деле.

И она моя *та самая*. Только от одной этой мысли мне сносит крышу. Я никогда никому ее не отдам.

– Какие планы на сегодня? – спрашивает Кристина, прерывая поцелуй.

– Не знаю, никаких. А что?

– Мне нужно уехать за платьем к свадьбе родителей.

– Давай я тебя отвезу.

– Не надо, я уже вызвала водителя.

– Отмени. Не хочу расставаться с тобой даже на несколько часов.

Она не успевает ответить, потому что я снова ее целую. Нет, я не готов ее сейчас отпустить. Хочу чувствовать Кристину рядом ежесекундно. Хочу разговаривать с ней, хочу держать ее за руку, хочу ездить с ней по делам, хочу решать ее проблемы. Хочу.

– Тогда нам надо уже собираться, Максим, – Кристина отрывается от моих губ. – А то я опоздаю на примерку.

– Хорошо, – нехотя выпускаю девушку из своих объятий, и она выходит из моей комнаты.

Не хочу, чтобы остатки головной боли омрачали мне сегодняшний день с Кристиной, поэтому выпиваю две таблетки аспирина. Надеваю джинсы с порезами и футболку, засовываю ноги в новые кроссовки и иду выгонять из гаража машину.

Я на BMW отчима практически не ездил с тех пор, как он мне ее подарил. В школу я продолжал добираться с Егором, а на свидания с Олей по привычке ездил на такси. Да и сама Оля вряд ли была бы в восторге, если бы я приехал к ней на такой машине. Хоть у нее родители и высокопоставленные чиновники, она сама очень простая и не любит никакое проявление роскоши. Оля меня часто ругала даже за то, что я ездил на такси вместо метро.

Оля... Полная противоположность Кристине. Думал, что она поможет мне выкинуть из головы Морозову, но не тут-то было. Влечение к Кристине оказалось сумасшедше сильным. Да что там влечение. Это слишком слабое описание моих чувств к сводной сестре. Я люблю ее. Безумно. И теперь совершенно точно понимаю, что для меня лекарства от Кристины просто не существует.

В памяти всплыло мое расставание с Олей на выпускном. И все-таки я поступил с ней, как последняя сволочь. Искренне надеюсь, что за полгода наших отношений у нее не возникло ко мне очень серьезных чувств. В любви мы с ней друг

другу не признавались, и очень надеюсь, что она не говорила мне этих слов не потому, что ждала, что я скажу их первым, а потому что у нее их ко мне не возникло.

Из раздумий меня вырвала Кристина, которая открыла дверь автомобиля и села на переднее сиденье. Салон тут же наполнился таким любимым запахом розы с нотками жасмина.

– Что у тебя за духи? – наконец задаю я давно интересовавший меня вопрос.

– Chloe Roses de Chloe. А что? Не нравятся?

– Наоборот. С ума от них схожу.

Кристина смущенно улыбается.

– А нотки жасмина – это тоже они?

– Нет, это средство для волос.

Я смотрю на ее лицо. Такое красивое. Такое любимое. Непроизвольно тянусь за поцелуем. До сих пор не верится, что теперь могу целовать ее, когда захочу.

– Максим, мы уже опаздываем, – говорит она, когда я оставил ее губы и пошел вниз по шее.

Как же тяжело от нее оторваться. Но усилием воли все-таки возвращаюсь к рулю и включаю навигатор.

– Говори адрес.

Дорога до магазина платьев занимает час. Мы с Кристиной слушаем музыку и непринужденно разговариваем. В основном о свадьбе родителей. Отчим пригласил около 300 человек, и Кристине на торжестве предстоит не только празд-

новать, но и принять участие в парочке переговоров. Поэтому ее платью должно быть подходящим в том числе и для деловых встреч.

Она заходит в примерочную, а я остаюсь ждать в кресле напротив. Когда Кристина отодвигает штору, я замираю. На ней легкое платье до колена цвета пыльной розы. На груди и на талии оно обтягивающее, а снизу свободное.

– Что скажешь? – С сомнением в голосе спрашивает Кристина.

– Прекрасное.

– А, по-моему, какое-то детское, – она опустила голову, рассматривая себя.

– Нет, тебе очень идёт.

– Сейчас еще несколько померяю.

Кристина скрылась за шторой. Через несколько минут она предстала передо мной в платье в пол цвета мокрого асфальта.

– Красивое, но больше подходит для тусовок с гангстерами или стритрейсерами, – говорю ей.

– Да, ты прав.

И снова скрывается в примерочной. Следующее платье синее чуть выше колена и с открытой спиной.

– Очень сексуально! – Завороженно выдыхаю и мысленно уже снимаю его с Кристины.

– Ага, но в таком на деловую встречу не пойдёшь.

Она перемеряла еще штук пять платьев, но каждое ока-

зывалось или неподходящим для свадьбы, или для деловых переговоров, или просто не нравилось Кристине.

– Наверное, первое самое подходящее, – заключила она.

– Да, очень нежное. Как ты сама.

Кристина подарила мне счастливую улыбку и скрылась в примерочной. Все же она меня послушала и решила взять самое первое платье.

– Ты в нем нежная, как роза, – прошептал ей на ухо, когда мы выходили из магазина.

– Розы вообще-то с шипами.

– Тогда точно ты. Нежная, но с шипами.

Она игриво стукнула меня в плечо, а я поспешил ее поцеловать.

– Вот теперь похмелье прошло, и я дико хочу есть, – говорю ей, когда мы сели в машину, – посидим где-нибудь?

– С удовольствием.

Мы нашли небольшой уютный ресторан в 15 минутах езды от магазина. Сели на диванчик возле панорамного окна. Кристина взяла меня под руку и положила голову мне на плечо, задумчиво смотря в окно.

– О чем ты думаешь? – Я поцеловал ее в макушку.

– О том, что мне не верится, что мы с тобой можем вот так просто сидеть, разговаривать... Мы так долго с тобой не общались, хотя жили в одном доме.

Я тихо засмеялся.

– Ну, если быть честными, то ведь это ты никогда не хо-

тела со мной разговаривать.

– Да, – в ее голосе послышалась грусть, – я не знала, как с тобой говорить. Сначала я не могла находиться с тобой рядом из-за постоянного дежавю. Потом, когда я тебя вспомнила, я просто не знала, как с тобой наладить контакт. Да на самом деле и смысла в этом не видела. Я не знала, как сказать тебе, что мы встречались в детстве. Потом я боролась со своими чувствами к тебе. Потом ты начал встречаться с Олейниковой. В общем... все было как-то слишком сложно.

Я обнял ее за плечи и облокотил спиной себе на грудь.

– Кристина, теперь все будет по-другому. Теперь мы с тобой вместе.

– Да, Максим. Наконец-то. Я долго этого ждала.

– Я тоже.

Я повернул ее лицо на себя и поцеловал в губы.

Домой мы вернулись за полчаса до возвращения родителей. При них мы с Кристиной продолжали игнорировать друг друга. В целом, я мог бы спокойно объявить им о том, что мы с Кристиной вместе, но сейчас это было бы для них слишком большим шоком. Они так долго наблюдали наше с ней безразличие друг к другу, что, думаю, были бы потрясены, узнай о реальном положении дел. Моя мама так точно.

После ужина мы с Кристиной провалялись на кровати в моей комнате до ночи. Говорили мало, целовались много. Было ощущение, что мы не можем насытиться друг другом. Наверное, так всегда, когда долго о чем-то мечтаешь, а по-

том наконец-то получаешь это.

День перед свадьбой родители снова провели в разъездах, а мы с Кристиной были предоставлены сами себе. Пили с ней чай в беседке, потом смотрели фильм в моей комнате, после него случайно уснули в обнимку. Все было так легко и естественно, как будто мы живем так уже давно.

Я проснулся раньше Кристины и просто вглядывался в ее лицо. Она такая тихая и кроткая, когда спит. Как тогда в детстве в летнем лагере. Как же это невероятно, что мы снова встретились. Разве бывают в жизни такие совпадения? Мне до сих пор сложно в это поверить.

Аккуратно тянусь рукой к ее лицу. Нежно провожу пальцами по щеке и заправляю выбившуюся прядку волос за ухо. Очерчиваю линию скул, мягко веду по шее. Кристина сквозь сон начинает улыбаться.

– Щекотно, – бормочет, а я невольно улыбаюсь.

– Просыпайся, соня.

Она жмурится и тянется обнять меня за спину, уткнувшись лицом в мою грудь.

– Еще пять минут, – шепчет.

Я тихо смеюсь и прижимаю Кристину к себе, нежно целую ее макушку и вдыхаю легкий аромат жасмина. Хочется запомнить этот божественный момент, чтобы вспоминать его, когда Кристина уедет.

Мы с ней эти два дня говорим много о чем, но только не об ее отъезде в Гарвард. Никто из нас не ставил запрет на

обсуждение этой темы, но каждый боится ее начинать. Лично я не хочу даже думать об этом. Просто хочу наслаждаться каждой проведённой вместе с Кристиной минутой.

– Максим, мне снился ты, – тихо сказала Кристина, потягиваясь на кровати.

– Что именно?

– Что ты меня не знаешь.

Я засмеялся.

– То есть как?

– Вот так. Я к тебе подхожу, а ты меня не знаешь.

– А ты что?

– Я тебе говорю: «Максим, это я, Кристина». А ты мне: «Какая Кристина? Мы не знакомы».

– Это невозможно, – снова притягиваю ее к себе и целую шею.

– Да, дурацкий сон, – задумчиво протянула она, – который час?

Я посмотрел на будильник на тумбочке.

– Шесть вечера.

– Скоро уже родители приедут. И надо к завтрашнему дню подготовиться.

Кристина поднялась на кровати, зевнула, потёрла глаза. Я жадно ловил каждое ее движение, каждый взмах ресниц, стараясь запечатлеть в памяти. Такую естественную, такую настоящую, такую кроткую. Мою девушку.

Свадьба организована с таким размахом, что расходятся глаза. Родители арендовали целую загородную резиденцию. Любые желающие гости могут остаться на ночь. Но мама и отчим уже в два часа ночи улетят на острова на две недели. На родительнице прямое белое платье, на отчине классический костюм.

Ведущий выкладывается на все сто. Диджей тоже. Мы с Кристиной сидим рядом недалеко от родителей, иногда она отходит на переговоры с отцом. С нами за столом Вика, Алена и Серега. Их предки на других местах. Мы с Кристиной наши чувства не проявляем, но при этом вполне дружелюбно общаемся. Алена и Сережа поглядывают на нас с любопытством, но вопросов не задают. Вика же сидит, как на похоронах. Она очень любила маму Кристины.

При этом сама Морозова хоть и старается смеяться и улыбаться, но несколько раз я замечал, как она украдкой вытирала слезы в уголках глаз. Кристина тоже вспоминает свою маму. Мне от этого стало немного неприятно. Нет, я, конечно, с одной стороны, понимаю чувства Кристины: ее мать умерла. Но, с другой стороны, моя мама-то тут ни при чем. Ну и в конце концов я вообще-то тоже вырос без отца.

– Пойдём потанцуем? — я склонился над ухом Кристины.

– Максим, это будет странно.

– Почему? Брат не может пригласить на танец сестру?

Она тяжело вздохнула.

– Давай хотя бы дождёмся, когда отец отойдёт поговорить

по делам.

Теперь пришла моя очередь вздохнуть. Помнится, в новогоднюю ночь Кристине было наплевать на мнение родителей и кого бы то ни было еще. Тогда она была готова со мной на все. Что же изменилось с тех пор?

Игорь Петрович отошёл минут через сорок. Все это время Кристина то нервно грызла ногти, хотя я раньше никогда за ней этого не замечал, то со скучающим видом вертела головой по сторонам, то томно вздыхала и вытирала уголки глаз.

Я беру под столом ладонь Кристины и крепко сжимаю в своей. Она дергается и поворачивает голову на меня. На ее лице растерянность и грусть.

– Идём? – Спрашиваю одними губами.

Она колеблется пару секунд, но в итоге кивает головой. Мы выходим на танцпол, на котором довольно много пар. Кристина торопится положить руки мне на плечи, но я ее останавливаю.

– Подожди, попрошу диджея включить одну песню.

Я быстро подошёл к парню у пульта, сказал ему название трека и вернулся к Кристине. Из колонок полился приятный голос Мадонны. Я попросил поставить песню «Masterpiece», что переводится, как «Шедевр».

If you were the Mona Lisa

Если бы ты была Мона Лизой

You'd be hanging in the Louvre,

Ты бы висела в Лувре

Everyone would come to see you,

Все бы приходили на тебя посмотреть

You'd be impossible to move.

Тебя нельзя было бы сдвинуть

It seems to me it's what you are,

Это то, как я тебя вижу —

A rare and priceless work of art,

Редкое и бесценное произведение искусства

Stay behind your velvet rope

Ты стоишь за ограждением из бархатной веревки

But I will not renounce all hope.

И я не откажусь от всех надежд

And I'm right by your side,

И я прямо возле тебя

Like a thief in the night

Как вор в ночи

I stand in front of a masterpiece.

Стою напротив шедевра

And I can't tell you why it hurts so much

И я не могу сказать тебе, почему так больно

To be in love with the masterpiece.

Любить шедевр

'Cause after all

Потому что в конце концов

Nothing's indestructible...

Ничто не вечно...

From the moment I first saw you

С того момента, как я впервые тебя увидел

All the darkness turned to light.

Вся тьма вокруг рассеялась

An impressionistic painting,

Импрессионистская картина

Tiny particles of light.

Крошечные лучики света

It seem to me it's what you're like,

Мне кажется, что ты именно такая

The "Look but, please, don't touch me" type.

**Из серии "Смотрите, но, пожалуйста, не трогайте
меня"**

And honestly it can't be fun

И, если честно, это не круто

To always be the chosen one.

Быть тем, кого всегда выбирают

And I'm right by your side,

И я возле тебя

Like a thief in the night

Как вор в ночи

I stand in front of a masterpiece.

Стою напротив шедевра

And I can't tell you why It hurts so much

И я не могу сказать тебе, почему это так больно —

To be in love with the masterpiece.

Любить шедевр

'Cause after all

Потому что в конце концов

Nothing's indestructible,

Ничто не вечно

Мы с Кристиной танцуем молча, не сводя глаз с лица друг друга. Рядом с нами крутятся несколько пар. Когда песня заканчивает играть, я спешу удалиться. Кристина на протяжении всего танца продолжала выглядеть потерянной. Но девушка не даёт мне уйти, хватая за руку.

– Почему ты выбрал именно эту песню, Максим?

– Потому что она про тебя и про мои чувства к тебе. Ты шедевр, Кристина. И я все еще не могу поверить, что ты со мной. Ты всегда казалась мне слишком недосыгаемой.

Она ничего не успевает мне ответить, потому что в этот момент к нам подруливает какой-то парень.

– Кристина? Сколько лет, сколько зим! Слышал, ты теперь тоже будешь учиться в Гарварде.

– Илья? Ты? – Кристина потянулась обнять парня. – Как давно мы не виделись! Да, я поступила. – Она оборачивается ко мне и говорит, – Илья, познакомься, это... – Кристина

замялась, – мой сводный брат Максим. Максим, это Илья Токарев, сын главы строительной компании «Вижн Строй».

Парень безразлично пожал мне руку и вернул все внимание Кристине. Положил ей свою ладонь на предплечье и широко улыбнулся.

– Я очень рад, что ты поступила! Значит, начиная с сентября, будем очень часто с тобой видеться.

– Да, – Кристина мягко засмеялась, – как тебе там учеба? Нравится?

– Очень тяжело, но очень круто. Ты жить в кампусе будешь?

– Нет, отец подарил мне на день рождения квартиру в Бостоне.

Илья сморщился.

– Не советую. Мне папа тоже купил квартиру в Бостоне, и я тоже планировал там жить, но потом понял, что это не лучшая идея. Все тусовки и вся движуха в кампусе. А в своей квартире ты будешь сидеть одна и скучать.

Я стою рядом с ними явно как третий лишний. Какой-то придурок распинается перед Кристиной о Гарварде, заманивает ее на студенческие тусовки, обещает своё постоянное общество. Морозова при этом все время ему улыбается и со всем соглашается. Меня как будто рядом с ней сейчас нет.

В груди огнём вспыхивает старое чувство, которое, я надеялся, больше никогда не испытаю – ревность. А сейчас оно замиксовано еще и с болью от ее скорого отъезда, чувством

вины от потерянных по моей вине шести месяцев, безысходностью от того, что я не могу просто взять Кристину и увести от этого придурка, как свою девушку, потому что, черт возьми, я ее сводный брат! Гремучий коктейль чувств, как змеиный яд, отравляет все внутри меня.

– А ты уже была на Ниагарском водопаде возле Бостона? – Продолжает этот Илья.

– Нет, ты представляешь, так и не съездили с папой, хотя собирались.

– Ууу. Это просто must see. Я тебя свожу в ближайшие выходные после начала учебного года. Кстати, а в ближайшую пятницу после начала занятий в кампусе будет традиционная тусовка в честь первокурсников. Сходим.

В этот момент заиграла какая-то медленная песня, и Илья схватил Кристину за руку.

– Пойдём потанцуем.

И не дожидаясь Кристинино ответа, он ее увёл. Морозова лишь кинула на меня короткий виноватый взгляд и отвернулась. А я так и остался стоять, потеряв дар речи. А когда пришел в себя, то просто развернулся и ушел из ресторана. Кристина продолжила разговаривать с этим придурком во время танца, даже не обращая на меня внимания.

Не знаю, сколько я бродил по саду, окружавшему ресторан, пока не услышал, что меня громко зовут. Это Кристина.

– Максим! Ты тут?

Только сейчас я вспомнил, что мой телефон лежит в кар-

мане пиджака, который остался висеть на стуле в ресторане.

Я остановился и услышал стремительно приближающиеся ко мне шаги.

– Максим, куда ты ушел? – Ее голос мне показался встревоженным. Она подошла ко мне вплотную. – Я тебя обыскала.

– Зачем? По-моему, тебе было вполне весело и без меня.

– Не говори ерунды.

Уже стемнело, часов около 11, мы стоим при свете фонаря и просто смотрим друг на друга. Я не знаю, что ей сказать. Она, видимо, тоже не находит слов.

Через какое-то время Кристина шумно выдыхает и обвиняет меня руками, прижимаясь к моей груди.

– Максим, обними меня.

Но я продолжаю стоять, как стоял. Тогда она отстраняется от меня, берет мое лицо в ладони и начинает целовать.

– Максим, ну ты чего? Это просто мой старый знакомый, который год назад поступил в Гарвард. Он рассказал мне немного об учебе.

– А еще о тусовках, которые тебе непременно нужно посетить. И о водопаде, на который он тебя обязательно свозит.

Мой голос звучит зло и жестко, но это не отпугивает Кристину. Она продолжает держать мое лицо в своих ладонях, жадно всматриваясь мне в глаза.

– Да не буду я ни на какие тусовки ходить. И не поеду я с ним ни на какой водопад. Максим, ты разве уже забыл, что

я только твоя?

Я продолжаю молчать, смотря в ее глубокие синие глаза. Ловлю себя на мысли, что хочу запечатлеть их в своей памяти. Как будто есть риск, что больше никогда их не увижу.

Кристина наклоняет мою голову к себе и шепчет на ухо:

– Мой ревнивый герой. Обижайся на меня сколько хочешь, но знай, что кроме тебя мне никто не нужен.

Она притягивает меня к себе и крепко обнимает. Я тоже медленно обвиваю ее руками и от боли зажимаю глаза. Почему-то сейчас, как никогда, остро чувствую, что скоро совсем ее потеряю.

– Кристина, поехали домой, – мычу ей в шею.

– Поехали.

Она берет меня за руку и ведёт обратно к ресторану. В метрах ста от него мы размыкаем руки, потому что у входа довольно много курящих людей. Когда заходим внутрь, сразу направляемся к родителям.

– Мы уже, наверное, домой, – говорю маме и отчиму.

– Так скоро? – Удивляется мама.

– Хочу уже завтра съездить в какой-нибудь институт подать документы.

– Кристина, – отчим хитро прищурился, – а я думал, ты останешься на ночь в этой резиденции.

Она пожала плечами.

– А завтра все равно отсюда уезжать, так что какой смысл? Лучше сразу тогда домой.

Кристина и Игорь Петрович обменялись многозначительными взглядами. Опять они говорят на своём языке.

– Ну как знаешь.

Отчим с мамой обнимают нас с Кристиной, дают наставления о хорошем поведении на период их отсутствия, и мы с ней уходим, захватив оставшиеся вещи на наших местах и попрощавшись с ребятами за столом.

В машине мы едем молча, каждый из нас погружен в свои мысли. Уже на подъезде к дому Кристина взяла меня за руку и переплела наши пальцы. В этот момент по всему телу током прошло совершенно дикое желание обладать этой девушкой здесь и сейчас, смешанное со все еще разливающимся в моем теле гремучим коктейлем из чувств.

Я решил не загонять машину в гараж и бросил ее во дворе. Открыл Кристине дверь и, как только она вылезла из авто, сразу накрыл ее страстным поцелуем. Поначалу она немного не ожидала, но потом стала отвечать мне с такой же силой. Я подхватил ее под бедра и поднял. Кристина обвила ногами мою спину, а руками шею. Не разрывая поцелуя, я занёс ее в пустой дом.

Поднимая Кристину по лестнице на второй этаж, я стал спускаться губами по ее шее, грудной клетке и стал целовать слегка приоткрытую вырезом платья грудь. В коридоре между нашими комнатами я на секунду растерялся.

– К тебе или ко мне? – Спросил ее хриплым голосом.

– Ко мне. – Она прошептала, целуя мое лицо. – Мы у меня

на Новый год начали, надо там же и закончить.

Больше не мешкая, рывком открыл дверь Кристининой комнаты и направился к ее кровати. Из большого окна ярко светил лунный свет и попадали лучи пары фонарей со двора.

Я аккуратно положил Кристину на постель и накрыл ее сверху собой. Целуя ключицы, запустил руку ей под платье. Прощёлся ладонью вверх по ноге до окончания чулок. Тот факт, что на ней сейчас именно чулки, а не колготки, завёл меня еще больше. Второй ладонью я сжал ее грудь. Кристина издала стон и притянула меня к себе еще крепче.

Я услышал звук упавших с Кристины туфель. Затем она оторвала меня от своей шеи, пристально посмотрела в глаза и стала расстегивать пуговицы на моей рубашке. Уже через мгновение она полетела куда-то в сторону, а Кристина припала губами к моим ключицам и груди.

Я нащупал сзади платья молнию и расстегнул ее. Спустил его до пояса, оставляя девушку в одном кружевном лифчике цвета пыльной розы в тон платья. Затем приподнял ее за бёдра, и платье соскользнуло на пол, представляя моему виду Кристину в красивейшем кружевном белье и полупрозрачных чулках.

– Кристина, ты совершенна, – выдавил я хриплым голосом, проводя пальцами от ее груди до пупка. – Ты шедевр. Ты моя Мона Лиза.

– Максим, на тебе еще слишком много одежды, – она сказала с легким смешком в голосе и потянулась расстегнуть

ремень на моих брюках.

Через несколько секунд они уже валялись рядом с ее платьем. Не глядя, я стащил с себя туфли с носками, подхватил Кристину под бёдра и поднял выше на кровати. Расстегнул лифчик, отбросил его на пол и окинул жадным взглядом грудь. Она мягко приподнималась с каждым вздохом девушки, коричневые соски были напряжены и я поспешил накрыть их губами.

Кристина издала громкий стон и выгнула спину. Провела ладонью по моему затылку и прижала к себе. Я осыпал поцелуями ее грудь, мягко ласкал языком соски. Кристина тяжело дышала и издавала тихие стоны.

Затем я пошел ниже к ее животу. Поддел пальцами тонкие лямки трусиков по бокам ее бёдер и спустил их вниз. Задел пальцами чулки, и они тоже упали. Кристина лежала передо мной полностью обнаженная. В ее глазах не было ни капли стеснения. Лишь желание.

Какая же она красивая...

Я снял с себя боксеры и лёг сверху на Кристину, раздвинув ее ноги.

– Максим, надень презерватив, – попросила она тихо.

Черт, у меня была парочка где-то в моей комнате, но даже не помню, где именно.

– Блин, их надо искать.

– У меня в тумбочке в нижнем ящике есть один. Достань.

Меня удивило наличие презерватива у Кристины. Неуже-

ли у них с Егором все-таки что-то было? От этой мысли ревность захватила меня с новой силой. Девушка будто прочитала мои мысли, потому что быстро пояснила:

– В 10 классе на уроке биологии раздавали, я кинула в тумбочку, так там до сих пор и валяется.

Я облегченно выдохнул и поспешил поцеловать ее в губы. Затем выдвинул нижний ящик прикроватной тумбы и действительно обнаружил там один презерватив. Поспешил надеть его и вернулся к Кристине.

Провел ладонью по ее лицу и заглянул в глаза.

– Ты уверена, что хочешь сделать это именно со мной?

– Да, мой герой, только с тобой.

И она притянула меня к себе для поцелуя. Я больше не медлил. Развёл ее ноги и, не отрываясь от губ Кристины, стал аккуратно входить. В какой-то момент она вздрогнула и вся сжалась.

– Расслабься, – прошептал ей, покрывая лицо поцелуями.

Через пару секунд почувствовал, как ее мышцы стали мягче и аккуратно попробовал продвинуться еще глубже. Член упёрся в твёрдую стенку, и Кристина слегка вскрикнула.

– Максим, мне больно.

– Так и должно быть, моя девочка. Потерпи чуть-чуть. – Я посмотрел ей в глаза. – Ты мне веришь?

Ее губы расплылись в мягкой улыбке.

– Конечно. Всегда верила, мой герой.

Я накрыл ее крепким поцелуем, затем слегка вышел из нее, но уже через секунду вошёл резким толчком. Член снова упёрся в стенку, а затем прошёл сквозь нее. Кристина громко вскрикнула и из уголков ее глаз потекли слезы, которые я поспешил собрать своими губами.

– Ну вот и все, моя нежная.

Она посмотрела мне в глаза и положила ладонь мне на щеку. Я стал медленно двигаться. Просунул руку под поясницу Кристины и слегка приподнял ее на себя. Опустил голову к шее и стал посыпать поцелуями.

Я двигался очень аккуратно, в какой-то момент Кристина стала тяжело дышать и издавать совсем легкие стоны. Я был уже близок к тому, чтобы кончить. Осознание того, что это именно Кристина, и я у нее первый подталкивало меня к оргазму еще быстрее.

Через пару минут я почувствовал внутри живота взрыв, по телу прошёлся разряд тока, а сердце сжалось, будто я прыгнул с парашютом.

Я шумно выдохнул и поцеловать Кристину в губы.

– Моя девочка, – прошептал ей.

Она ничего не ответила, лишь довольно улыбнулась. Я лёг на кровать рядом с ней, нащупал ее руку и взял в свою.

О чем я думал в этот момент? Не знаю. Наверное, совсем ни о чем. Наверное, мне даже было до сих пор сложно поверить в то, что только что произошло.

– Сколько девушек у тебя было до меня? – Тихо спросила

Кристина, спустя какое-то время в тишине.

Хороший вопрос.

– Мне хочется верить, что ты у меня первая.

Она удивленно повернула ко мне голову.

– Что значит «хочется верить»?

– В 9 классе я напился на даче у друга и проснулся потом в одной кровати с какой-то девчонкой. На мне были трусы, но она была абсолютно голой. Я не помню, было у нас что-то с ней или нет. Она тоже не помнила. Мне хочется верить, что не было. Это, кстати, одна из причин, почему я не пью.

Кристина тихо засмеялась и повернулась ко мне.

– Но презервативы у тебя все-таки есть, – констатировала она.

– Да, парочка где-то валяются. На всякий случай.

Я тоже повернулся к ней лицом. Так мы и лежали в сантиметрах пятидесяти друг от друга, просто смотря в глаза.

Кристина Морозова... Моя сводная сестра. Холодная, надменная девушка. Когда-то я не мог рассчитывать от нее на большее, чем презрительная ухмылка. А сейчас она тихо лежит рядом со мной абсолютно обнаженная и такая нежная, такая кроткая. Полная противоположность той девушке, которая встретила меня в этом доме около восьми месяцев назад и просила не входить в ее комнату.

А сейчас она подарила мне в этой комнате свою невинность.

Кристина аккуратно потянулась ладонью к моему лицу,

мягко провела пальцами по скуле и положила ее на мою щеку.

– Я люблю тебя, мой герой, – тихо выдохнула.

От этих слов у меня перехватило дыхание. Я шумно сглотнул и тоже потянулся к ней ладонью, аккуратно заправил за ухо прядку волос и оставил руку на щеке.

– И я тебя люблю, моя нежная девочка.

Мы еще долго так лежали, просто смотря друг на друга и не произнося больше ни слова. Счастье любит тишину. Этой ночью я понял значение известной фразы в полной мере.

Глава 42. Обратный отсчет

Утром я проснулся раньше Кристины и еще долго просто смотрел на нее спящую. Мы уснули очень поздно, хотя любовью больше не занимались. Сначала мы сходили вместе в душ, а потом еще долго лежали в объятиях друг друга в полной тишине, прерываемой лишь звуками наших поцелуев. Нам не нужны были слова. Главные из них мы друг другу сказали.

Я всматривался в лицо спящей Кристины и снова и снова мысленно возвращался в детство, к той маленькой девочке. Она была такой беззащитной, тихой и кроткой. Мог ли я тогда подумать, что однажды она станет машиной, способной снести все на своем пути ради достижения цели? Определенно нет.

Я знаю, какой нежной и ранимой Кристина является на самом деле. Но я так же знаю, что, если Морозовой что-то по-настоящему нужно, она переступит через всех, пойдет по головам.

Перешагнет ли она через меня и нашу любовь? До ее отъезда осталось 55 дней. Обратный отсчет пошел.

Мне до последнего хочется верить, что нет. Я не имею права просить об этом Кристину, но я безумно хочу, чтобы она не уезжала и осталась со мной. Как бы эгоистично это с моей стороны ни было. Ведь достаточно и в России хоро-

ших университетов. Неужели она этого не понимает? Неужели через 55 дней она все-таки откажется от меня, от нас, и уедет? И если да, сделает ли это ее счастливой?

На выпускном, когда я твердо решил сделать Кристину своей, я думал, что мы с ней сможем преодолеть эти трудности, если захотим. Но тогда я еще не знал, какого это на самом деле – быть с Кристиной, полностью обладать ею и полностью отдавать ей себя. Тогда я просто хотел сделать ее своей. Сейчас же, когда это произошло, я понимаю, что этого слишком мало.

Я хочу засыпать и просыпаться с ней каждый день. Я хочу, чтобы она была первой, кого я вижу по утрам, и последней, кого я вижу перед сном. Мне мало просто знать, что она меня любит. Мне нужно физически чувствовать эту любовь с помощью ее прикосновений и ее губ.

Кристина слегка поморщилась от попавшего на ее лицо луча солнца и потянулась на кровати, издавая легкий стон. Шумно выдохнула и аккуратно потерла глаза, затем повернула в мою сторону голову и медленно разомкнула веки.

– Доброе утро, Максим, – прошептала мне и слегка развела губы в нежной улыбке.

– Доброе утро, Кристина.

Моя улыбка, наверное, вышла горькой от тех мыслей, которые сейчас кипят в голове. Но сонная Кристина этого не заметила и потянулась ко мне. Обняла меня за спину и уткнулась головой в мою грудь. Я тоже поспешил обнять ее

и прижать покрепче к себе.

– Ты давно проснулся?

– Не знаю, не очень.

– Чем занимался, пока я спала?

– Ничем. Думал.

– О чем?

– О нас.

Я почувствовал, как Кристина замерла, будто задержала дыхание. Потом она неспешно оторвалась от моей груди и посмотрела мне в глаза.

– О чем-то грустном?

Я не ответил. Наклонил к ней голову и стал настойчиво целовать в губы. Разливающаяся внутри меня боль рвалась наружу. Кристина будто почувствовала это, потому что разорвала поцелуй и внимательно посмотрела мне в глаза. Провела ладонью по моему лицу, очертила пальцами линию скул.

– Все будет хорошо, Максим. Не переживай.

Я лишь тихо хмыкнул. Ни секунды не сомневаюсь, что все будет хорошо. Вот только у кого?

Она снова прижалась к моей груди. Закрыла глаза и тихо задышала.

– Ты вчера на свадьбе была сама не своя, – начал я издали задевшую меня тему.

– Да, немного.

– Ты вспоминала свою маму?

Она тяжело вздохнула.

– Я подумала, что, если бы моя мама не умерла, то мы бы с тобой никогда не встретили друг друга снова. И самым ужасным было бы, что я бы тебя помнила. Потому что ты ушел из моей головы только с ее смертью. А если бы она была жива, я никогда не смогла бы тебя забыть.

Я замер и шумно сглотнул. Наверное, я ожидал от Кристины какого угодно ответа, но точно не такого. А она, будто не заметив моего смятения, продолжила дальше.

– И также, если бы твой отец не бросил вашу семью, мы бы с тобой не встретились. Выходит, что моя мама принесла в жертву свою жизнь, а твой отец принес в жертву вашу семью только ради того, чтобы мы с тобой снова нашли друг друга.

Она подняла на меня голову, секунду помолчала и выдавила:

– Максим, тебе не кажется, что у нашей с тобой встречи слишком высокая цена?

– Кристина, не думай так об этом. Что произошло, то произошло. И я не считаю, что мой отец приносил какие-то жертвы. Уж его заслуги в нашей встрече точно нет.

– Есть, Максим, – ее голос показался мне очень настойчивым, – благодаря моей маме и твоему отцу мы встретились.

– Кристина, хватит. – Я взял ладонью ее лицо и настойчиво посмотрел в глаза. – Если нам суждено было снова найти друг друга, это бы и так случилось. Даже если бы твоя мама была жива, а мой отец не ушел из семьи.

– Ну и как бы мы с тобой нашли друг друга?

– Да как угодно! На улице бы случайно столкнулись или в самолете бы рядом сели. Вон, мама Егора встретила моего отца случайно в магазине в Воронеже, спустя много лет. И это при том, что она живет в Москве, а Воронеж – город-миллионник, где не так-то легко с кем-то столкнуться. А я впервые с тех пор, как отец нас оставил, встретил единственного человека, знавшего его, тут в Москве. И это оказалась мать Кузнецова. Я даже в Россоши ни разу не встречал знакомых отца, а там население всего 50 тысяч. Так что и не такие совпадения в жизни бывают! Я уверен, что мы бы с тобой тоже в итоге встретились. – Я перевел дыхание. – Кристина, немедленно завязывай с этими мыслями.

Она несколько секунд посмотрела мне в лицо, а потом, шумно вздохнув, снова уткнулась мне в грудь. Помолчала какое-то время и с легким смехом в голосе выдала:

– Ты всегда был умнее и находчивее меня, мой герой.

Я поцеловал ее в макушку.

– Пора вставать и идти завтракать.

Мы выбрались из кровати и направились каждый в свою ванную. Когда я спустился на кухню, Кристина уже орудовала у плиты. На период свадебного путешествия родителей почти вся прислуга тоже отправилась в отпуск.

Чуть больше полугода назад я узнал, что Кристина умеет готовить. Она сама мне об этом рассказала на Викиной кухне. Но тем не менее я ни разу не видел ее у плиты. И вот

сейчас я просто замер в дверном проеме. Кристина в коротких летних шортах и свободном топе, открывающем пупок, кажется, делает сырники.

И тут я понимаю, что это – самое сексуальное из всего, что я когда-либо видел...

Да, я непременно хочу, чтобы моя женщина мне готовила. Сколько бы я в будущем ни зарабатывал, я хочу есть еду своей жены, а не каких-то там нанятых поваров или доставку из ресторанов.

Я тихо подошел к Кристине сзади и обвил ее руками.

– Ты даже не представляешь, какая ты сейчас сексуальная, – я поцеловал ее в шею.

Она засмеялась.

– Максим, с тебя кофе.

– В смысле? – я слегка от нее отстранился.

– Я готовлю сырники, а ты варишь кофе. Все честно, все пополам. Ну или ладно, я сварю кофе, но ты тогда помоешь посуду.

Я, кажется, потерял сейчас дар речи. Ну а на что я, собственно, рассчитывал? Что Кристина будет примерной домохозяйкой? Но и уступать так просто я не готов.

– Кристина, из нас двоих девушка – ты.

– И что? – Она обернулась ко мне и выгнула бровь.

– И то.

– То есть, ты считаешь, что вот это все, – она медленно провела рукой над плитой и раковиной, – женская работа?

– Абсолютно.

В ее глазах вспыхнул злой огонек.

– А что тогда мужская работа? – Она съязвила.

– Водить машину, забивать гвозди, менять лампочки, носить тяжелые пакеты.

– Для машины у меня есть персональный водитель, забивает гвозди и меняет лампочки нам отдельно нанятый человек, тяжелые пакеты мне носит либо водитель, либо доставляет курьер.

Она уперла руки в боки и посмотрела на меня с вызовом.

И это у нас с ней так всю жизнь будет? Нет, я уступать совершенно точно не намерен. Если я ей сейчас четко не обозначу свою позицию, то действительно буду потом всю жизнь мыть посуду.

Еще чего!

– Также мужская работа – защищать свою девушку! От тех, кто хочет скинуть ее в реку, или напасть в темном дворе, или попытаться стащить с нее платье на ее же дне рождения.

Шах и мат! Мысленно потираю руки. Кристина растерялась и быстро задышала.

– У тебя сейчас сырники подгорят, любимая, – сахарным голосом и с широкой улыбкой говорю ей.

Она молча отвернулась к сковородке, перевернула их и снова обернулась ко мне.

– Я найму себе телохранителя! – Снова язвит.

– Вот когда наймешь, тогда и обсудим, кто должен мыть

посуду.

Я крепко обнял и поцеловал ее в висок. Не хочу больше с ней ругаться.

Кристина дулась на меня весь завтрак. Но действительно она сварила нам кофе, а после помыла всю посуду. Я молча сидел на своем месте и наблюдал, как она орудует у раковины.

Кристина выключила воду, вытерла руки о полотенце и развернулась ко мне.

– Доволен?

– Счастлив!

Я приблизился к ней вплотную и заключил в крепкие объятия. Она, конечно же, в ответ меня не обняла. Когда я попытался ее поцеловать, Кристина стала вертеть головой, но я все же поймал ее губы и настойчиво накрыл их своими. Посопровотившись еще немного, она все же сдалась и стала отвечать на мой поцелуй.

– Только тебе я могу проиграть, Максим, – прошептала мне сквозь поцелуй.

– Хочу тебя безумно, – я подхватил ее на руки, чтобы унести вверх.

Я занес ее в свою комнату и положил на кровать. Лег сверху и стал спускаться вниз по шее. Кристина выгнулась и издала легкий стон, потянулась руками к моей футболке и стащила ее с меня. Я поднял на нее лицо, и меня удивила смелость в ее глазах.

Кристина перевернула меня на спину и забралась сверху. Сначала накрыла мои губы, потом стала медленно спускаться ниже – к шее, ключицам, грудной клетке, животу.

Я тоже потянулся к ее топику и снял его с нее. Кристина поднялась на коленях и предстала передо мной в красивом черном лифчике. В любой другой ситуации я бы с удовольствием им полюбовался, но не сейчас. Сейчас мне не терпелось скинуть его с нее, что я тут же и сделал.

Я сел на кровати и опустил Кристину себе на ноги. Стал целовать и гладить ее грудь. Она тяжело дышала и крепко прижимала к себе. Я проскользил руками по ее талии и растянул шорты. Кристина снова приподнялась на коленях и я, целуя уже ее живот, снял их с нее.

Кристина сбросила шорты на пол и потянулась стащить с меня спортивные штаны. Я помог ей это сделать и снова уложил девушку спиной на кровать. Снял с нее трусики и аккуратно прошелся пальцами по клитору. Она подалась мне навстречу и слегка застонала.

Я лег рядом с ней и стал целовать в губы, не переставая ласкать Кристину внизу живота. От того, как она извивалась и тяжело дышала я завелся еще сильнее. Оторвался от Кристины и потянулся к презервативам, которые оставил у себя на тумбочке, когда нашел их. Снял боксеры, надел резинку и лег сверху на Кристину, разведя ее ноги.

– Еще может быть немножко больно, – тихо предупредил ее.

– Ничего, я потреплю, – она подарила мне счастливую улыбку.

Я стал аккуратно входить в нее. Кристина была очень возбуждена и расслаблена, поэтому член легко вошел полностью. Я стал двигаться. Сначала медленно, потом наращивая темп. Судя по тому, как Кристина с наслаждением прикрыла глаза и откинула голову на подушке, больно ей совсем не было. Это меня порадовало.

Я склонил голову к любимой шее и стал посылать ее поцелуями. В какой-то момент Кристина задвигалась мне навстречу. От этого ощущения стали еще острее, и я не смог сдержать стон. Она провела ладонями по моей спине, слегка вонзая в нее ногти. Не сильно, но довольно чувствительно, и этот микс ощущений – любви, возбуждения и страсти – кажется, унес мне крышу.

Оргазм накрыл нас одновременно. Просто резкая вспышка, а потом взрыв, вылившийся в наши громкие стоны. А после нежный шепот:

– Я люблю тебя.

– Я люблю тебя.

Я лег рядом с Кристиной и положил ее голову себе на грудь. Медленно гладил по голове, запускал в волосы пальцы, чертил в них узоры. Хотелось процитировать «Фауста» Гёте: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно».

– Чем будем заниматься, пока нет родителей? – тихо спросила Кристина через какое-то время.

– Не знаю. Мне нужно съездить подать документы в институты.

– Давай тоже куда-нибудь уедем? – она подняла голову и посмотрела на меня.

– Куда?

– Не знаю, в Подмосковье много мест. А можно и не в Подмосковье, а подальше куда-нибудь.

Предложение очень интересное и заманчивое. Действительно, с подачей документов я могу управиться за один день, максимум за два. Вступительных экзаменов у меня не будет, только баллы ЕГЭ. Остальное время до возвращения родителей мы с Кристиной предоставлены сами себе. Почему бы и не съездить куда-нибудь?

– У меня есть идея, куда можно поехать.

– Куда? – Кристина привстала на локте.

Я слегка повернул к ней голову и улыбнулся.

– В какое-нибудь место поближе к нашему детскому лагерю. Наверняка там полно домов отдыха. Посмотрим на тот пирс, если он еще сохранился.

Ее глаза расширились в изумлении.

– Максим, – Кристина заворуженно выдохнула, – как ты догадался?

Я тихо засмеялся.

– Не знаю. Просто пришло в голову.

Она склонилась ко мне и стала целовать. Оторвалась от губ, пошла по лицу.

– Как же я тебя люблю, Максим, – прошептала на ухо и положила голову рядом, крепко обняв.

– И я тебя, моя девочка.

Мы лежали на кровати еще немного и решили не медлить с бронированием. Сходили в душ и вернулись в мою комнату. Я включил ноутбук, зашел на Booking и вбил название города, в котором находился лагерь. Система тут же выдала множество отелей и домов отдыха с видом на Волгу.

– Давай только не в гостиницу. Не хочется сидеть все время в номере с одним окном, – попросила Кристина.

– Согласен.

Я настроил фильтры поиска по нашим предпочтениям, и Booking выдал пять вариантов. Мы хотели отдельный домик, желательно в лесу, но с быстрым выходом к реке, и не более чем в 10 километрах от детского лагеря. Удача сегодня была на нашей стороне, потому что из пяти предложенных вариантов один нам подходил идеально.

Отдельный двухэтажный домик из дерева. На первом этаже большая гостиная с камином и панорамными окнами, выходящими на лес, ванной и кухней. На втором этаже спальня с еще одной ванной комнатой и небольшой библиотекой. При этом была возможность заказывать еду прямо в дом, а не ходить в столовую в общем корпусе.

Кухня в домике хоть и была, но заставлять Кристину готовить на отдыхе я не хочу. К тому же залог крепких отношений – это компромисс.

– Берем? – Спросил я у Кристины.

– Да!

– Теперь надо определиться с датой заезда. В принципе, если я завтра рано утром поеду, то успею за день подать документы во все институты, которые хочу. МГИМО у меня в приоритете, поэтому туда поеду первым делом.

Кристина закатила глаза.

– Максим, с твоими баллами по ЕГЭ кроме МГИМО тебе и не надо больше никуда подавать документы. Ты пройдешь сто процентов.

– Все равно. Лучше подстраховаться. Подам еще в МГУ, Вышку и МГЮА.

– Как хочешь, но ты только потеряешь целый день.

Я пропустил ее замечание мимо ушей.

– До дома отдыха ехать на машине часов пять. Выедем послезавтра в 10 утра и как раз будем на месте, когда уже начнется наше время заселения. Когда возвращаются родители?

Кристина задумалась.

– Так, ну они сегодня в два ночи улетели на 14 дней. Вот значит ровно через две недели и возвращаются. Но мы уезжаем послезавтра, значит, до их возвращения останется 12 дней. Давай возьмем дом на 10 дней и 11 ночей? Мне надо будет наведаться в компанию перед приездом отца.

– Хорошо.

Я оплатил по карте дом и распечатал ваучеры. Радостная Кристина запрыгала по комнате, хлопая в ладоши. Потом

прильнула ко мне.

– Даже не верится, что мы снова там побываем! А ты больше в тот лагерь не ездил?

– Нет. Я вообще с тех пор больше ни в каких детских лагерях не был. Типа был наказан за ту драку. А ты?

– Нет. После маминой смерти я ездила на море только с папой и своей няней.

Остаток дня мы с Кристиной провели, бесцельно слоняясь по дому. Сидели с ней в беседке, потом она легла на гамак с каким-то журналом, а я пошел заниматься в спортзал. После мы решили посмотреть фильм, но уже через 15 минут ноутбук был отложен в сторону, а одежда скинута на пол. Обед и ужин Кристина готовила сама, больше не возмущаясь. В какой-то момент я даже захотел предложить ей помощь, но решил все-таки не делать этого.

Мне нравится укрощать Кристину.

Следующим утром я проснулся очень рано. Мы снова легли спать в Кристиной комнате, потому что мне нужно было собираться по делам, и у себя я бы ее разбудил. Тихо вышел из ее спальни и направился в ванную. Быстро собрался, выпил кофе и поехал. Мне предстояло заверить копии документов у нотариуса и отвезти их в четыре университета.

После нотариуса первым делом направился в МГИМО. И как только я туда приехал, сразу понял, что мне предстоит пройти квест. Очередь из абитуриентов выстроилась огром-

ная. В итоге только в МГИМО я проторчал больше двух часов. После поехал в МГУ, затем в МГЮА и напоследок в Вышку.

Когда в 6 вечера я наконец-то освободился, я был выжат, как лимон. В приемных комиссиях работают либо студенты, либо советские тетушки. Первые ничего не знают, а вторые не умеют пользоваться компьютером.

Уже по дороге домой набрал Кристине.

– Как дела? – Послышался ее звонкий голос после третьего гудка.

– Это был целый квест, но я с ним справился. Уже еду домой.

– Наконец-то! Я тебя заждалась.

– Ты чем занималась?

– Съездила в компанию, проверила чертежи нового проекта. Потом собирала вещи в поездку.

– Понятно. Я уже минут через сорок буду.

– Отлично! Я жду тебя, Максим.

– Хорошо. Люблю тебя.

– И я тебя.

Мы повесили трубки.

Раньше я никогда не думал, что признаваться в любви может быть настолько легко и приятно. До Кристины я никогда никому не говорил этих слов. Я, в общем-то, никого до нее и не любил. Но тем не менее мне всегда казалось, что признание в любви – это что-то очень сложное, когда над собой

нужно делать усилие, чтобы произнести его. А оказалось, что это очень просто и естественно. Как само собой разумеющееся.

Непроизвольно вспомнил слова Егора на Викиной вечеринке в ноябре о том, что Кристина никогда не говорила ему, что любит. А на каждое его признание отвечала лишь «Я знаю». Тем ценнее для меня сейчас слышать это от Кристины. Эта холодная надменная девушка все-таки смогла полюбить. И не кого-нибудь, а меня. И чем я только заслужил ее любовь?

Когда я зашёл в дом, в нос мне сразу ударили приятные кулинарные запахи. Кристина вышла со стороны кухни и поспешила меня обнять.

– Я соскучилась.

– Я тоже, – я обнял ее и крепко поцеловал.

– Ужин уже готов.

Кристина повела меня за руку на кухню. От открывшейся мне картины я остолбенел. На красиво сервированном столе на подносе лежала то ли утка, то ли курица. Несколько мисок были наполнены различными салатами.

– Я решила приготовить нам романтический ужин, – она обвила меня обеими руками и заглянула в глаза.

– Кристина, у меня просто нет слов...

– Иди мой руки и будем есть.

Это все-таки оказалась утка, фаршированная яблоками и черносливом. В мисках греческий салат, цезарь и какой-то с

рукколой, которая сейчас в моде во всех московских ресторанах.

И да, Кристина офигенно вкусно готовит. Вот никогда бы не подумал.

– Кристина, ты вышла за пределы моего понимания, – сказал я, потянувшись за добавкой.

– Почему? Ты же знал, что я умею готовить.

– Ну, одно дело уметь, а другое дело – готовить ТАК вкусно.

– Правда? – Она смущенно улыбнулась, – Вкусно?

– Очень!

– Максим, я старалась для тебя...

От этих слов по всему телу разлилось приятное тепло. Кристина старалась для меня...

Я придвинулся к ней поближе и крепко обнял.

– Моя нежная девочка, – прошептал на ухо, – самая любимая. Кристина, ты шедевр.

– Я хочу, чтобы ты был счастлив со мной.

– Я счастлив. Очень.

Кристина нашла мои губы и прильнула к ним в крепком поцелуе. Пустила в мой рот язык и стала мягком играть. Вкуснейший ужин тут же был забыт, потому что я подхватил девушку на руки и понёс вверх. По дороге домой я предусмотрительно заехал в аптеку за презервативами.

В этот раз в постели инициатива была преимущественно у Кристины, что меня удивило и порадовало одновременно.

Она настояла на позе сверху, а я совсем не возражал. Так открывался прекрасный вид на ее тело. Такое красивое и такое любимое.

– Кристина, я все время тебя хочу, – сказал ей тихо, когда мы уже закончили и просто лежали на кровати.

– Я заметила, – она засмеялась.

Я больше ничего ей не сказал, потому что в голову, словно змея, залезла ядовитая мысль о скором отъезде Кристины и отравила все приятное, что сейчас было в моем сознании.

Как же я буду без нее, когда она уедет?

Кристина поднялась на кровати.

– Ты куда?

– В душ и надо прибраться на кухне. Максим, давай начинай собирать вещи. Завтра рано вставать и выезжать. Я оставила тебе место в своём чемодане, забери из моей комнаты.

– Хорошо.

«Я оставила тебе место в своём чемодане» – это, конечно, очень громко сказано. Он полностью набит Кристиниными вещами. Я насчитал восемь пар обуви!

– Кристина, зачем ты берёшь столько туфель? – спросил я, когда она вернулась в мою комнату.

– Носить.

Сама безмятежность.

– Восемь пар на десять дней??

– Ну, просто если я что-то не возьму, мне потом это обязательно понадобится. У меня так всегда. Поэтому пускай

лучше будет лишним, чем недостающим.

Я закатил глаза. Кое-как впихнул в ее чемодан запасные джинсы и пару шорт, несколько футболок и пар обуви. Больше не поместилось. Чемодан застегнулся с очень большим трудом.

Но мне нравилось узнавать Кристину все больше и больше. Другую ее сторону, ту, что в обычной жизни. Мне понравилось выбирать с ней, где жить, решать, на сколько дней ехать. И даже понравилось впихивать свои немногие вещи в ее доверху набитый чемодан.

Почти всю дорогу до дома отдыха Кристина в машине спала. Мы снова поздно уснули, вымотанные друг другом и нашей любовью.

Домик в лесу оказался даже еще лучше, чем на фотографиях. Внутри пахло деревом и уютom. Панорамные окна гостиной первого этажа смотрели на сосны. Через эти же окна открывался выход на веранду. Я сразу заказал у менеджера завтраки, обеды и ужины на двоих в дом. Скопил глаза на Кристину и поймал ее благодарный взгляд.

Разобрав вещи, мы сразу же отправились на прогулку по лесу, затем вышли к реке. Повсюду красиво пели птицы, людей на удивление было мало. Тишина, лесной и речной воздух, Кристина рядом – кажется, я вывел формулу своего персонального счастья.

Мы решили отправиться в наш лагерь на следующий же день. Дорога до него заняла 15 минут. И то, что мы увидели,

просто повергло нас в шок.

Лагеря больше не было. Стояло старое заброшенное здание, поломанные качели с облезлой краской, на асфальте валялось множество осколков от стекла. У Кристины потекли по щекам слезы.

– Максим, ну почему его забросили?

Я привлёк ее к себе.

– Видимо, оказался больше не нужен. – Мы мгновение помолчали, а потом я решил немного отвлечь ее от грустных мыслей. – На этом дворе я первый раз тебя увидел. Ты сидела одна на лавочке, у тебя был за спиной маленький розовый рюкзак. Я хотел к тебе подойти, но меня опередили какие-то девочки, который позвали тебя играть в прятки.

Она удивленно подняла на меня голову.

– А разве не на пирсе ты меня первый раз увидел?

– Нет, на пирс я поднялся специально к тебе, чтобы познакомиться. Я две недели на тебя смотрел и все ждал, когда же ты останешься одна, чтобы я мог к тебе подойти.

– А почему не подходил, когда я была с кем-то?

– Не знаю, стеснялся.

Мы замолчали. Так и стояли в обнимку, смотря на заброшенное здание, которое сыграло в нашей с Кристиной жизни ключевую роль.

– Я люблю тебя, мой герой, – тихо сказала она через какое-то время.

– И я тебя.

Я взял Кристину за руку и повёл к машине. Теперь мы хотели найти пирс. Это было нелегко, потому что от лагеря до реки нас возили на автобусах, дорога занимала минут 15. Путь ни я, ни Кристина, естественно, не помнили. Но, в принципе, тут к реке ведёт всего одна более-менее заасфальтированная дорога. По ней мы и поехали. Мы нашли пирс почти сразу. Тоже заброшенный и заросший травой. Некогда благоустроенный песочный пляж почти полностью был в мусоре.

Мы поднялись на пирс и осмотрелись. Тогда он казался таким большим, сейчас же – совсем маленьким. Я подошёл к краю и посмотрел в воду. На удивление она была очень чистой. Даже было видно маленьких рыбок.

Я снял с себя футболку и шорты, сбросил обувь.

– Максим, что ты делаешь?! – Воскликнула Кристина.

– Собираюсь прыгнуть.

И не дожидаясь ее ответа, я нырнул вниз головой. Всплыл на поверхность и крикнул Кристине.

– Давай ко мне! Вода офигенная.

Она стояла у края с широко раскрытыми глазами.

– Нет, у меня до сих пор страх перед этим местом.

– Кристина, прыгай! Или ты по-прежнему не умеешь плавать? – Я хитро прищурился.

– Умею! И уже давно.

– Тогда давай ко мне!

Она мгновение посомневалась, но все же стала снимать

с себя одежду. Оставшись в одном купальнике, подошла к краю, еще раз со страхом посмотрела на воду, но в итоге крепко зажмурив глаза и закрыв нос, все же прыгнула бомбочкой. Всплыла на поверхность, сделала громкий вдох, но все еще оставалось с закрытыми глазами.

Я подплыл к ней сзади и обнял. Кристина обернулась ко мне и только тогда наконец открыла глаза.

– Тут, кстати, не очень глубоко. Чуть больше пары метров, думаю, – сказал я ей.

– Когда твой рост меньше метра и ты еще ходишь под стол – это много. Максим, если бы не ты тогда, я бы точно утонула.

Она обвила мою шею руками, а я накрыл ее губы поцелуем. Потом посмотрел в глаза и сказал то, что говорил только ей.

– Кристина, с тобой никогда ничего не случится, пока я рядом.

– Я знаю, мой герой.

Мы долго купались. Плавали наперегонки, смеялись, брызгали друг в друга водой. А еще бесконечно целовались и признавались в любви.

На берег мы выбрались абсолютно счастливые. Аккуратно обойдя мусор, поднялись снова на пирс и сели на край, свесив ноги. Полуденное солнце нещадно палило, поэтому даже без полотенец, которые остались в машине, мы обсохли довольно быстро. Но все равно не спешили уезжать. Хорошо,

что перед выходом из дома Кристина настояла на том, чтобы мы намазались солнцезащитным кремом. Иначе ожоги нам сегодня были бы обеспечены.

Мы вернулись в домик уже вечером. Вместе направились в душ и еще долго не могли насытиться друг другом под его струями.

Все происходящее казалось мне каким-то сном. А еще периодически появлялось предчувствие, что больше такого никогда не будет. Что все это – скоро закончится. И надолго. Но ведь если Кристина уедет, это же еще не будет означать, что мы расстанемся? В конце концов мы же будем видеться на каникулах?

Вечером мы сидели с Кристиной в обнимку на плетёной софе на веранде. Пили травяной чай и смотрели на звездное небо. Из леса доносилось жужжание сверчков.

– Все-таки отличная идея была – уехать из дома, – сказал я ей.

– Отличная идея была приехать именно сюда, Максим.

В этот момент мне кто-то написал в WhatsApp. Я потянулся к телефону, на дисплее светилось сообщение от одного из моих лучших друзей в Россоши – Стаса Рябова.

«Чувак, здорова! Как жизнь? Снова ты куда-то пропал. У меня через три дня днюха, если ты еще не забыл. Приезжай, затусим! 18 лет не каждый день исполняется)))))».

Черт, я, естественно, про день рождения друга забыл. Дико стыдно. Я действительно собирался приехать поздравить

его, но думал об этом до того, как начались наши отношения с Кристиной. С того момента, как мы с ней вместе, я больше ни о чем другом кроме нас думать не могу.

Я тупо смотрю на экран телефона и не знаю, что ответить другу. Кристина тоже заглянула и прочитала сообщение.

– А далеко отсюда до твоего родного города? – Неожиданно спросила она.

– Часа два на машине. Может, чуть больше. А что?

Она подняла на меня голову.

– А давай съездим?

Мое лицо, наверное, вытянулось в изумлении.

– Я не думаю, что тебе там понравится.

– Почему?

– Не твой уровень.

Теперь пришел ее черед удивляться.

– В смысле? А что мой уровень?

– Ну, «Золотой ручей» – твой уровень. А Россошь точно нет, – я даже слегка засмеялся.

Кристина еще посмотрела на меня пристально какое-то время и грустно сказала:

– Ты не прав, Максим. Я из обычной семьи и, поверь, родилась далеко не с золотой ложкой во рту. Да, я коренная москвичка. Да, моему отцу повезло разбогатеть. Но детство у меня было обычным. И жили мы очень просто. Ты сам видел мою родную квартиру. Обычная трешка в обычном панельном доме в спальном районе. К тому же вспомни меня

в лагере. Когда мы с тобой всю ночь разговаривали, разве я тогда была похожа на дочку олигарха?

– Тогда нет. А сейчас да.

Она тяжело вздохнула и взяла меня за руку.

– Максим, – она заглянула мне в глаза, – я хочу посмотреть твой родной город и познакомиться с твоими друзьями.

Теперь уже я вздохнул.

– Кристина, мне будет сложно объяснить бабушке, кто ты. Она тут же доложит матери, что я приехал не один, а с девушкой. Мама спросит, как зовут девушку, и она ответит, что Кристина. Так наши родители о нас и узнают.

Она пожала плечами.

– Ну и пусть узнают.

– В принципе, да, но не сейчас. У них медовый месяц, зачем их так травмировать?

– Мой отец знает про нас.

Ее слова прозвучали, как гром среди ясного неба.

– Ты ему рассказала?

– Нет. В смысле он знает, что у нас с тобой есть чувства друг к другу, но он не знает, что сейчас мы вместе. Я не обсуждала с ним наши отношения, но он сам догадался, что мы неровно дышим к друг другу.

– И давно он знает?

– Довольно давно, да. Думаю, с Нового года. Скорее всего, он заметил, что мы вместе ушли.

Я накрыл лицо ладонями.

– Максим, что с тобой? – Кристина испуганно склонилась ко мне.

– Какой же я дурак, – беспомощно протянул, – я ведь не только из-за Егора, но и из-за твоего отца тогда отказался от тебя и стал встречаться с Олей. А он, оказывается, все это время знал! И мы просто тупо потеряли полгода по моей вине.

Кристина притянула меня к себе.

– Максим, успокойся, все в порядке. Каждая минута ожидания на протяжении этого времени того стоила.

– Кристина, прости меня.

– Прощу, если познакомишь меня со своими друзьями и покажешь город. А иначе нет.

Я оторвался от ее плеча и посмотрел в лицо.

– Ты правда этого хочешь?

– Да, мой герой. Я хочу узнать о тебе все.

– Хорошо, но давай поедем только на день рождения друга и потом вернемся сюда. Ко мне домой заезжать все-таки не будем. Пускай родители спокойно отдохнут, они заслужили. Если твой отец и знает про нас, то моя мама точно нет. Я обязательно познакомлю тебя с бабушкой и дедом, но попозже. Хорошо?

– Ладно, – выдохнула Кристина, – а почему их, кстати, не было на свадьбе родителей?

– Потому что им здоровье уже не позволяет ходить на свадьбы. Мама хотела, чтобы они приехали, но они ни в какую

не согласились.

– Ясно. Пиши своему другу, что ты приедешь не один. И пошли уже быстрее в кровать!

Я решил сделать ровно наоборот. Сначала кровать с Кристиной, потом друг.

День рождения Стас отмечает у себя на даче под Россошью. На той самой, где я однажды проснулся в одной постели с какой-то девушкой и до сих пор не знаю, было у нас с ней что-то или нет. Но Кристине я об этом не говорю.

Друг пригласил гостей к 5 часам. Ожидалась вся наша компания в полном составе. А это человек 20. Мы с Кристиной приехали в Россошь к половине третьего. Несколько часов достаточно, чтобы посмотреть город. Я показал ей наш небольшой центр, свою обычную школу и спортивную, в которой занимался каратэ. В этот момент из дверей вышел мой тренер, так что заодно еще познакомил Кристину и с ним. Потом мы с ней погуляли по небольшому парку и посидели в паре популярных кафе. Больше в Россоши смотреть нечего.

Я все же ожидал, что увижу на лице Кристины отвращение или хотя бы презрение. Но на удивление ни того, ни другого не было. Кристина, казалось, с искренним любопытством смотрела по сторонам и даже задавала вопросы.

– Так вот, значит, откуда ты был, мой герой, – сказала она мне, когда мы сидели в парке на лавочке, – иногда я задумывалась о тебе и гадала, что ты делаешь в данный момент: гу-

ляешь ли, играешь ли с кем-то, или, может, спасаешь сейчас от злых мальчиков какую-нибудь другую девочку.

Я засмеялся.

– Кристина, я кроме тебя никогда никого не спасал.

– Правда? – Она в изумлении повернула ко мне голову.

– Да. Как-то не приходилось больше. Так что я только твой герой и больше ничей.

Она довольно улыбнулась и чмокнула меня в щеку.

Мы приехали к Стасу в половине шестого. Во дворе уже вкусно пахло шашлыками, громко играла музыка и слышался смех. Он тут же выбежал нам навстречу.

– Макс! Ну наконец-то! С новогодних каникул не виделись!

Мы с ним крепко обнялись, я его поздравил с днем рождения и вручил подарок – бутылку коллекционного коньяка.

– Познакомься, это моя девушка Кристина. Кристин, это Стас, один из моих ближайших друзей.

Рябов оценивающим взглядом прошелся по Морозовой снизу вверх и обратно. Он постарался сделать это незаметно, но я слишком хорошо знаю друга. Мне этот взгляд не понравился. Мне вообще не нравится, когда кто-то из мужчин смотрит на Кристину. Они пожали друг другу руки, Морозова сказала ему какое-то дежурное поздравление, и Стас повел нас вглубь двора, где уже толпились другие гости.

Да, действительно собрались все наши. Два моих других лучших друга – Леха и Рома – тоже были тут. Мы с ними

обнялись, и я представил им Кристину. Они тоже прошлись по ней глазами, и мне снова это не понравилось. Хотя оделась Кристина обычно: джинсы и футболка. Правда, туфли на шпильках.

Или на нее все смотрят нормально, а у меня уже паранойя? Черт.

К нам стал подходить еще народ. Я со всеми обнимался, перебрасывался парой фраз, знакомил с ними Кристину. Подошли и несколько моих одноклассниц: Рита, Света и Алина. У меня ни с одной из них ничего не было, но при этом наше общение всегда было на грани. Это было вроде игры: флиртуем, но порог дружбы не переступаем.

Вот и сейчас девчонки по привычке повисли у меня на шее и расцеловали в щеки. Я тут же поспешил представить им Кристину. Она в этот момент уже стояла с каменным лицом и метала молнии. Морозова выдавила из себя сухую улыбку и процедила сквозь зубы «приятно познакомиться». Света и Алина напряжения не заметили, а вот Ритка хитро прищурилась. Она всегда была самой проницательной из них всех.

Когда девочки отошли, я поспешил взять Кристину за руку, но она стала ее вырывать.

– Успокойся. Это просто подруги, – тихо сказал ей, повернув голову.

– Не просто. Ты их зафрендзонил. А они всегда хотели от тебя большего.

– С чего ты взяла?

– С того, что я их знаю. Я же изучала тебя и всех твоих друзей перед твоим приездом в Москву. И их тоже очень хорошо изучила. Эта Алина сохнет по тебе с девятого класса, но никогда не проявляла инициативы, потому что слишком гордая и ждала ее от тебя. Света несколько раз таскала тебя на прогулки. Ты думал, что вы гуляете, как друзья, но для нее это было не просто дружбой. А эта Рита начинала лайкать тебе фотографии и писать комментарии ровно тогда, когда у тебя появлялась девушка. Как только ты расставался, она тут же прекращала. Это означает, что она хотела побесить твою девушку, потому что прекрасно знает, что каждая баба будет смотреть, кто ее парню лайкает фотки. Она, кстати, из них всех самая умная.

Я, кажется, остолбенел. Не удивлюсь, если у меня и челюсть отвисла. И я даже не знаю, как мне сейчас реагировать на Кристинин спич.

Рита действительно всегда начинала проявлять активность на моих страницах в соцсетях именно в тот период, когда у меня была девушка. Последняя из них в Россоши – Аня Репрева, троюродная сестра Егора – даже пару раз предъявляла мне из-за этого претензии. С Олей я фотографий не выкладывал, поэтому про нее тут никто не знал.

Света действительно в 10 классе в течение какого-то времени довольно активно меня куда-то вытаскивала. И я, в общем-то, подозревал, что нравлюсь ей больше, чем друг. Но

я не хотел переступать с ней этот порог.

Лишь Алина действительно не предпринимала по отношению ко мне никаких более чем дружеских шагов. И она действительно очень гордая девушка, знающая себе цену...

Неужели Кристина права?

– И ты это все поняла по лайкам? – Съязвил я.

– По лайкам, комментариям, геотегам, фотографиям, подписям к ним и по времени их публикаций. Максим, по социальным сетям еще и не такое можно вычислить, если серьезно озаботиться вопросом.

– Ты мой маленький Шерлок Холмс, – я постарался разрядить обстановку легкой шуткой и смехом.

Кристина по-прежнему не давала мне взять себя за руку, поэтому я решил поступить еще лучше – обнять ее за плечи. Уж вырываться из моих объятий публично она не будет.

Вечер тек, как и должен течь любой день рождения. Музыка, смех, тосты. Все становились пьянее и пьянее. Я искренне был рад увидеть всех своих друзей. Я планировал приехать в Россошь после того, как будет известно, куда я поступил, но из-за Кристины, естественно, эти планы отменил. Я хочу быть с ней каждую минуту до ее отъезда.

Кристина в самом начале вечера смущалась, потом стала понемногу общаться. Мне понравилось представлять ее всем как свою девушку. Не сводную сестру, а именно девушку. Мою.

Я старался не оставлять ее одну, чтобы она не чувство-

вала неловкости в чужой компании. К тому же я хотел лично контролировать, кто и как разговаривает с Кристиной. А главное, как смотрит на нее. Потому что дружба дружбой, но если к девушке реально тянет, то дружба катится к чертям. Я убедился в этом лично.

Непроизвольно вспомнил Егора. Он бы идеально влился в мою воронежскую компанию и нашел бы общий язык с каждым. У меня всегда были только три ближайших друга: Стас, Леха и Рома. Никогда в жизни не думал, что может появиться четвертый. Но Егор им стал. И это меньше чем за год моего пребывания в Москве. И все же я не жалею. Выбирая между другом и Кристиной, я всегда выберу Кристину. И сверну шею любому, кто попробует к ней подкатить.

Мы вернулись в наш домик в два ночи. Уставшие, но довольные. Без сил упали на кровать и просто заключили друг друга в объятия.

– Спасибо за этот день, Максим. – Тихо пробормотала Кристина. – Мне все очень понравилось. И твой город, и твои друзья. Подруги только твои не понравились.

Я засмеялся.

– Они тебе не конкурентки. У тебя вообще нет конкурентов.

Кристина довольно улыбнулась, и мы с ней провалились в сон.

Я проснулся от того, что в кровати было непривычно пусто. Разомкнул глаза и обнаружил, что Кристины нет. За ок-

ном уже светает. Бросил взгляд в сторону ванной – дверь открыта, свет не горит. Странно.

Встал, натянул на себя шорты и пошел вниз. Кристина сидела на веранде, укрывшись легкой шалью, и смотрела куда-то вдаль.

– Не спится? – спросил я, выходя к ней. Кристина, видимо, слишком погрузилась в свои мысли, потому что от моего появления вздрогнула и даже слегка вскрикнула.

– Максим, ты меня напугал.

– Ты меня тоже, когда я проснулся и не обнаружил тебя рядом. Почему ты не спишь? – Я присел рядом с ней на софу.

– Мне приснился плохой сон.

– Какой?

– Ну, то есть, он не то чтобы плохой. Может быть, он даже и хороший... – она замялась, – но мне было неприятно.

– Что тебе приснилось?

– Что ты женился.

Меня это удивило.

– На ком?

– Не знаю, я не видела твою жену. Мне приснилось, что я захожу на кухню в «Золотом ручье», подхожу к тебе и вижу, что у тебя на пальце обручальное кольцо. Беру твою ладонь и силой начинаю его стаскивать с пальца, а оно все никак не снимается. И потом я проснулась.

Кристина замолчала. Не нужно быть экстрасенсом, чтобы догадаться, о чем она думает: что она уедет, а я найду тут

себе новую девушку и женюсь.

– Иди ко мне, – я притянул Кристину к себе, – ты же знаешь, что мне кроме тебя никто не нужен.

– Знаю.

– А почему тогда переживаешь?

– Этот сон мне показался слишком реалистичным.

– Это просто сон. Кристина, я люблю только тебя.

Она подняла на меня голову.

– Максим, мы же справимся с расстоянием?

– Да, обязательно.

Я поспешил ее поцеловать. Крепко, страстно, жадно. Я не говорил Кристине, что периодически на меня нападает странное ощущение, что скоро мы потеряем друг друга. Я не верю в предчувствия, поэтому убежден, что это просто проекция мозга. Просто я слишком переживаю из-за ее скорого отъезда. И она тоже переживает, хоть и не подает виду.

– Максим, я люблю тебя, – выдохнула она сквозь поцелуи.

– И я тебя, моя девочка, – тихо ответил ей и подхватил на руки, чтобы отнести в кровать.

В окно нашей комнаты уже попадали первые лучи солнца. Мы занимались любовью страстно, отчаянно. Сейчас наши тела выражали не только любовь друг к другу, но и обоюдную боль от скорой разлуки.

Остаток дней на отдыхе мы больше никуда не ездили. Засыпали глубокой ночью, вымотанные друг другом. Просыпались так же поздно. Гуляли по лесу, купались в реке, смот-

рели фильмы по телевизору. Пару раз глянули футбол.

Кристина, оказывается, интересуется им. По крайней мере она знает почти все европейские клубы, а также составы команд почти всех сборных стран, хорошо играющих в футбол. Например, сборную Испании она мне перечислила по именам практически полностью.

Это очень приятное и неожиданное открытие. Моей любимой девушке нравится футбол, и она с удовольствием его смотрит. Что может быть лучше?

Домой мы возвращались с большим нежеланием. Снова притворяться перед родителями и ходить друг к другу в комнату, только убедившись, что на третьем этаже не горит свет. Мы решили все-таки пока не сообщать им о наших отношениях.

Кристине придется пару раз в неделю ездить на работу к отцу, а это лишь означает нашу дополнительную разлуку. И чем мне заниматься дома в эти дни без Кристины, я понятия не имею. Значит, буду просто тупо сидеть у окна и ждать ее.

Ждун, блин.

– Максим, научи меня водить машину, – неожиданно попросила Кристина, когда мы уже подъезжали к Москве.

– Ты уверена, что тебе это нужно?

– Да, я хочу научиться сама водить. Серега, кстати, мне на день рождения тоже права подарил.

Я в голос рассмеялся.

– Он, похоже, их всем на совершеннолетие дарит.

– Да, это действительно так.

Родители вернулись на следующий день. Счастливые, отдохнувшие и загорелые. Много рассказывали об Азии, об экскурсиях, на которые они ездили, показывали нам фотографии.

Мы с Кристиной тоже много фотографировались на свои телефоны. Только у меня, как минимум, сотня совершенно дурацких селфи в различных ракурсах. Я их все скинул Кристине на флешку. Она же фото со своего телефона обещала скачать на жесткий диск.

Через день после приезда родителей вузы, в которые я подавал документы, опубликовали списки поступивших. Я прошёл во все четыре, но выбрал, как и планировал, МГИМО. Мы отметили мое поступление в кругу семьи. Отчим снова двигал в мою честь тосты, мама от счастья аж прослезилась.

Родители вернулись к работе, снова приезжали поздно, а иногда и глубокой ночью. Пару раз в неделю в компанию к отцу ездила и Кристина, но возвращалась всегда раньше них. Мама удивилась, что я не уехал в Россошь на каникулы. Пришлось ей наплести, что все мои основные друзья разъехались, и мне не с кем там проводить время. Когда родителей не было, мы с Кристиной были предоставлены сами себе. Основную часть времени я учил ее водить машину.

Кристина захотела научиться на механике. Но все автомо-

били в нашем доме были на автомате.

– У отца лет 20 назад была «Девятка». Она до сих пор стоит в гараже возле нашей первой квартиры. Правда, я не знаю, способна ли она еще ездить, – сказала мне Кристина.

Даже не знаю, что меня удивило больше: что отчим за чем-то хранит старую «Девятку», хотя уже давно ездит на «Мерседесе», или что Кристина всерьез собралась учиться водить на такой машине.

На восстановление «Девятки» у меня ушло три дня. Но в итоге она-таки завелась и даже смогла вполне нормально ездить. Мы с Кристиной отъезжали на ней очень далеко от «Золотого ручья» в глубокое-глубокое Подмосковье, где было минимум машин и людей, но зато было полно коров, овец и прочих животных, гуляющих стадами. Периодически они выбегали и на дорогу, поэтому мне приходилось строго следить за тем, чтобы Кристина не ехала быстрее 30 километров в час.

Первые разы механика давалась ей очень тяжело, и Кристина уже чуть ли не плакала от безысходности. Но она не была бы дочерью Игоря Морозова, если бы быстро сдалась. Уже на четвертый раз Кристина почти перестала глохнуть и смогла переключать передачи, не глядя на коробку. Правда, все еще путалась и вместо второй иногда включала четвертую передачу.

Дома я гонял Кристину по правилам дорожного движения и объяснял значения знаков. Теорию она схватывала очень

быстро. И уже где-то недели через две упорных занятий Кристина смогла выехать в небольшой сельский город возле дороги, на которой я ее учил водить. Мы проехали по центру, несколько раз развернулись с использованием прилегающей территории, пересекли перекресток с разных направлений. Оставалось только научить Кристину парковаться и показать ей движение на трамвайных путях. Но последних тут нет, это нужно будет делать в самой Москве.

Когда я показывал Кристине параллельную парковку, я почувствовал, как машина на что-то наехала. Вышел посмотреть и чуть не взвыл. Мы напоролась на гвоздь, и колесо прямо на моих глазах стало спускаться, а запаски с собой не было.

– И что теперь делать? – Грустно спросила Кристина.

– Искать тут какой-нибудь автосервис.

Я спросил у проходящих мимо парней, где ближайший ремонт машин. Оказалось, что недалеко, и мы еще можем успеть доехать туда с одним полуспущенным колесом. У ремонтных боксов в ряд были выстроены машины. Я подошел к одному из рабочих и спросил, сколько ждать.

– Минимум до вечера, парень, а то и до завтра.

– А если доплачу за срочность?

– Тогда можно быстрее, но все равно минимум часа четыре.

– Идет.

– Оставляй машину, ключи и иди гулять.

Последняя его фраза доверия особого не внушала, но, осмотревшись вокруг, я обратил внимание, что действительно ни в одной из стоящих тут машин водителей не было. Ну ладно. К тому же, думаю, вряд ли кто-то захочет угнать «Девятку», которой уже 20 лет. Тут машины и попримичнее стоят.

Мы с Кристиной снова вышли в центр и присели на лавочке на главной аллее. Никаких кафе тут нет, поэтому придется ждать на улице. Она взяла меня под руку и положила голову мне на плечо. Мы молчали, каждый из нас был погружён в свои мысли. Отъезд Кристины стремительно приближается.

По аллее ходили люди, одетые в очень простую одежду. Это так удивительно – уезжаешь за МКАД и попадаешь в другой мир. Все больше и больше убеждаюсь в том, что Москва – это не город в России, а отдельная страна. Потому что если отъехать от нее на 100 километров, то видишь уже совсем другую жизнь.

Мое внимание привлекла семья: муж, жена и маленький ребёнок лет трёх или четырёх. Мужчина катил ребёнка на велосипеде, а жена шла рядом, разговаривая с кем-то по телефону. Непроизвольно вспомнил, как мой отец тоже учил меня кататься на велосипеде. Тогда я чувствовал его любовь и заботу, как никогда. Он действительно был примерным отцом, пока не ушел из семьи. Я до сих пор не могу понять, как он мог меня бросить.

Кристина проследила за моим взглядом.

– Вспоминаешь своего отца? – Тихо спросила.

Удивительно, как она иногда угадывает мои мысли.

– Да. Все же я не понимаю, как он мог меня оставить.

Она тяжело вздохнула.

– Ну в жизни всякое может случиться.

– Ты его оправдываешь?

– Нет, ни в коем случае. Просто хочу сказать, что, наверное, у него была причина.

Я вспыхнул.

– Я не понимаю, какая причина может заставить человека бросить собственного ребёнка. Я бы никогда не бросил своего ребёнка. Что бы ни случилось.

– Никогда не говори никогда, Максим.

– Нет! Это тот случай, когда «никогда» можно сказать с полной уверенностью. Не существует такой причины, которая может заставить отказаться от родного ребёнка.

Кристина ничего не ответила, лишь крепко меня обняла и поцеловала.

Мы с ней поднялись с лавочки и, взявшись за руку, направились в противоположный конец аллеи. У нас не было цели. Нужно было как-то убить четыре часа ожидания.

– Неужели тут даже кофе выпить негде? – Взыла Кристина.

– Похоже на то.

В этот момент я заметил, как из тату-салона вышла девушка с перевязанной рукой и бумажным стаканчиком, из

которого она сделала глубокий глоток.

– О, вон девушка, кажется, пьёт кофе. Давай спросим, где она его тут купила.

Я направился к незнакомке.

– Извините, у вас ведь в стаканчике кофе? Не подскажите, где его можно купить?

– В тату-салоне бесплатно дают клиентам. Я только что сделала у них татуировку, – и она продемонстрировала мне перевязанную руку.

– Только клиентам? А на вынос не продают?

Она пожала плечами.

– Не знаю, зайдите спросите.

Мы с Кристиной поднялись по ступенькам крыльца и зашли в салон. Внутри было темно и мрачно, стены завешены эскизами разных татуировок. На ресепшене стояла девушка с полностью обколотыми руками и пирсингом на лице – в губе, носу и брови. Прямые волосы чуть ниже плеч были цвета морской волны.

– Здравствуйте. Чем могу помочь? – Она расплылась в улыбке.

– Здравствуйте. Извините, а вы не продаёте кофе на вынос?

Ее улыбка слегка померкла.

– Нет, у нас только для клиентов.

– То есть, ни за какие деньги вы не продадите стаканчик кофе?

– Я бы, может, и продала, если бы надо мной не висела видеокамера. Мы – сетевой салон, в котором обязательно нужно следовать принятым компанией правилам. Это все равно, что вы придёте в «Макдоналдс» и будете просить их сделать вам салат «Оливье». Они, может, и не против пустить его в ассортимент, но политика компании не позволяет.

Рядом стоящая Кристина тяжело вздохнула. Я взял ее за руку и отвёл в сторону.

– Знаешь, а я бы сделал татуировку.

Ее лицо вытянулось в изумлении.

– С ума сошёл?

Я пожал плечами.

– Почему нет? Мне всегда нравились татуировки. К тому же нам надо как-то убить четыре часа.

– Что и где ты собрался себе наколоть? – Она скрестила руки на груди и хитро прищурилась.

Я притянул Кристину себе и прошептал ей на ухо.

– Что-нибудь на сердце в честь тебя, моя девочка.

Она подняла на меня голову в еще большем изумлении.

– Ты серьезно?

– Абсолютно.

Я не стал дожидаться ее ответа, вернулся к девушке на ресепшене.

– Скажите, а у вас сейчас есть свободные мастера? Я бы хотел сделать татуировку.

– Да, у нас три мастера, один из них до вечера свободен.

– Хорошо, тогда проводите меня, пожалуйста, к мастеру, а моей девушке я бы попросил сделать капуччино.

Менеджер расплылась в довольной улыбке и буквально пропела:

– Конечно.

И она повела меня куда-то в коридор.

– Максим, я с тобой! – Закричала Кристина и побежала за нами.

Менеджер провела нас в отдельную комнату. Тату-мастер – девушка также вся в татуировках – лениво лежала на кожаном диване и ковырялась в телефоне.

– Катя, у тебя клиент, – обратилась к ней менеджер.

Катя тут же подскочила и отложила телефон в сторону.

– Отлично. Проходите.

Менеджер вышла из комнаты и закрыла за собой дверь.

– Что будем делать? – Она перевела взгляд с меня на Кристину и обратно с Кристины на меня.

Я уже знаю, что я хочу.

– Мне нужна вот эта надпись, – я набил слово на телефоне и показал мастеру, – в районе сердца. Обычными чёрными чернилами.

– Окей, будет сделано.

– Максим, что ты собрался наколоть? – прошипела Кристина.

– Увидишь, – я ей подмигнул и улыбнулся.

Я сел в специальное кресло и снял с себя футболку. Кри-

стина с тяжелым вздохом опустилась на диван. Пока Катя орудовала с иголками и аппаратом, менеджер с ресепшена принесла Кристине капучино.

– Вы будете кофе? – Обратилась она ко мне.

– Да, чёрный американо без ничего.

Она кивнула и удалилась, а через пять минут вернулась со стаканчиком для меня.

Катя села на стул напротив меня и начала работу. Она была очень сосредоточена, на меня даже глаз не поднимала. Смотрела исключительно в область сердца. Машинка больно покалывала, но в целом терпимо. Периодически я слышал ёрзание Кристины на диване и ее тяжелые вздохи. Пару раз она порывалась подойти ко мне и посмотреть, но я ей запретил.

Через два часа Катя выключила машинку, отошла в сторону, еще раз осмотрела надпись и торжественно выдала:

– Готово!

А затем развернула меня к зеркалу. Кристина тут же подскочила с дивана и подлетела ко мне. Ее глаза широко распахнулись в изумлении. Мои тоже. Мне понравилась работа. Одно английское слово *Masterpiece*, что переводится как «Шедевр», было наколото красивыми прописными буквами прямо на сердце.

– Максим... – выдохнула Кристина, – ты сошёл с ума...

А затем ее губы расплылись в широкой улыбке.

Да, я сошёл с ума. По Кристине. Она моя Мона Лиза. Мой

шедевр, как поёт в песне Мадонна. И я действительно хочу татуировку в честь нее. Прямо на сердце. Чтобы видеть каждый раз в зеркале, когда Кристина уедет.

Катя заклеила тату компрессом из бинта.

– Через пару дней покраснение сойдёт. Пока ходите с компрессом.

Я встал с кресла и крепко поцеловал Кристину.

– Я тоже хочу татуировку, – обратилась Морозова к девушке, – у вас еще есть время?

Катя кинула взгляд на настенные часы.

– Пара часов еще есть.

– Эй, а ты что задумала? – обратился я к Кристине.

– Теперь твоя очередь сидеть на диване, Максим, – и подмигнула мне, а затем обратилась к мастеру, – я хочу тоже на сердце и тоже одно слово, – затем достала из кармана телефон и набрала его, – вот это.

– Хорошо.

Кристина села в кресло, сняла с себя майку и осталась в одном лифчике. И тут я очень обрадовался, что мастер – девушка, а не парень. Я бы не позволил мужчине пялиться на Кристину грудь. Мне ничего не оставалось, кроме как беспомощно опуститься на диван. Если честно, я не очень хотел, чтобы Кристина делала себе татуировку. Что за бред? Одно дело я, а другое – она. Но Морозова была настроена решительно и буквально взглядом пригвоздила меня к месту. Я тяжело вздохнул и повиновался. Если Кристина что-

то решила, ее никто не остановит. Даже я.

Через полтора часа Катя закончила и развернула Кристину к зеркалу. Я встал, чтобы подойти, но замер за Кристиной спиной, смотря в отражение.

На ее сердце такими же красивыми прописными буквами, как и у меня, было набито английское слово Hero. Герой. Я тяжело сглотнул, а Кристина лишь улыбнулась мне в зеркало.

Мастер также заклеила ее татуировку бинтовым компрессом, я расплатился на ресепшене, и мы вышли из салона. Я все еще пребывал в небольшом шоке от того, что Кристина решила на такой шаг. Мне татуировки нравились всегда. Но зачем это сделала Кристина? Это так на нее не похоже.

– Максим, ты – герой, – она крепко меня обняла.

– А ты шедевр, Кристина.

Мы взялись за руки и в полном молчании направились к автосервису. Мы только что увековечили нашу любовь на своих телах. Что бы с нами ни случилось в будущем, где бы мы ни оказались – эти татуировки всегда будут напоминать нам друг о друге. Кристина всегда будет со мной, а я всегда буду с ней. Даже если нас на долгие годы разделит океан.

Когда мы подошли к ремонту машин, колесо уже было заменено. Я расплатился с мастером, и мы поехали в Москву, к первому дому Кристины. Я загнал «Девятку» в гараж, мы пересели на мою машину и направились в «Золотой ручей».

Отчим и мама неожиданно уже были дома.

– Где вы были? – Спросила нас мать с порога.

– Максим учит меня водить машину, – ответила ей Кристина.

Мама удивленно на нас посмотрела, а отчим обменялся многозначительным взглядом с дочерью. Снова они говорят на своём языке.

Мы поужинали вместе и разошлись по своим этажам. Мама в любое время могла зайти в мою комнату, поэтому Кристина ко мне приходила, только когда на третьем этаже выключался свет. Это означало, что родители легли спать.

В своей комнате я подошёл к зеркалу, снял футболку и бинтовой компресс и еще раз посмотрел на татуировку. Она была сделана очень хорошо, несмотря на то, что салон находится в глухой провинции. Покраснение стало меньше, но все еще было заметно.

Кристина уезжает через 20 дней. Пару раз я заходил к ней в комнату и видел, что она на ноутбуке делает заказы одежды из интернет-магазинов. Также я несколько раз видел, как она перебирала свой шкаф. Очевидно, что готовится к поездке. Пару дней назад доставка привезла ей новый большой чемодан. Мы по-прежнему не обсуждаем с ней ее отъезд и то, как мы будем продолжать наши отношения дальше.

Но наши поцелуи и объятия по ночам становятся все крепче и отчаяннее. Иногда у Кристины из глаз текут одинокие слезинки и что-то мне подсказывает, что не только от

оргазма. В постели мы с ней все меньше говорим и все больше растворяемся в друг друга. Хотя поначалу мы с ней часами могли болтать обо всем на свете.

Сегодня Кристина пришла ко мне в час ночи. Тихо вошла и, не включая света, легла на кровать. Я тут же поспешил накрыть ее собой. Жадно целовал губы, лицо, шею. Снял с нее ночную сорочку и прошелся пальцами по татуировке. Ее хорошо было видно в свете луны, который попадал в комнату. Затем мягко каснулся губами каждой буквы. Сейчас я понимаю, что рад, что Кристина ее сделала. Так я всегда буду с ней.

Дальше я целую любимую грудь, живот, зубами снимаю снимаю с нее трусики. Касаюсь языком клитора и слышу Кристинин стон. В постели мы заходим все дальше и дальше, все время пробуя что-нибудь новое. Кристине нравится экспериментировать не меньше, чем мне. Например, как-то раз она предложила заняться сексом с завязанными глазами. А однажды мы проходили мимо секс-шопа, и Кристина меня туда затащила. Мы купили кучу разных штук, которые опробовали почти сразу же. Я уже молчу о позах и тем более местах, в которых мы занимаемся любовью. В этом доме у нас не было секса только на третьем этаже. Мы даже в моей машине любовью занимались. На капоте, кажется, даже осталась пара вмятин.

«Надо уметь обрести в одной женщине всех женщин», — сказал однажды французский писатель Оноре де Бальзак.

Именно такие планы у меня на Кристину. И мне мало быть у нее первым. Я хочу быть еще и последним.

POV Кристина

Максим уже давно спит, а вот у меня сна ни в одном глазу. Чем ближе мой отъезд, тем сильнее моя бессонница. Да и сны все время тревожные. Я не рассказываю о них Максиму, не хочу зря его беспокоить. Но каждую ночь то Максим от меня убегает, а я все никак не могу его догнать, то между нами разрастается огромная пропасть, то я вижу его с другой девушкой. А еще иногда снится, что я ему кричу, а он меня не слышит. Или я к нему подхожу, а он говорит, что не знает меня. И все время он такой чужой и далекий. Не мой.

Неужели я действительно его потеряю, если уеду?

Жадно всматриваюсь в такое любимое лицо. Внимательно рассматриваю каждый миллиметр его кожи, каждую черточку. Я хочу сфотографировать его в своей памяти, чтобы потом закрывать глаза – и видеть Максима.

Спустя почти десять лет после смерти мамы, я уже не помню ее лица. Только общий образ. Я не хочу, чтобы однажды так стало и с Максимом. Поэтому каждую ночь, когда он засыпает, я просто лежу и смотрю на него, пока сама не проваливаюсь в очередной кошмар.

Я никогда в жизни не могла подумать, что однажды так сильно кого-то полюблю. До остановки сердца, до потери сознания. Мой герой. Единственный, кто смог меня приручить и укротить. Единственный, кто во всем меня превзо-

шел. Единственный, рядом с которым я настоящая. Единственный, кому я проиграла.

Тихо встаю с кровати и направляюсь в свою комнату. Надеваю поверх ночнушки джемпер и иду в сад. Ложусь на гамак и просто тупо смотрю в небо. Оно сейчас мрачное, как и мое настроение. Звезд практически нет.

Слышу, как тихо открывается и закрывается дверь дома, а потом шаги направляются в мою сторону. Мне не нужно оборачиваться. Я узнаю эти шаги из тысячи. Он тихо опускается на стул возле гамака и, не произнося ни слова, просто смотрит на меня.

– Не спится? – решает спросить отец спустя минут десять молчания.

– Не спится, – тихо отвечаю, не поворачивая к нему головы.

И снова замолчали. Я знаю, о чем думает отец. Он знает, о чем думаю я. На самом деле, нам не нужны слова. Но он все равно решает спросить.

– Что у вас с Максимом?

– Мы вместе. И мы любим друг друга, – говорю это спокойно, как что-то само собой разумеющееся.

– Но ты ведь не откажешься из-за него от своей мечты?

Я пожимаю плечами.

– А что такое мечта, пап? Я никогда не понимала значения этого слова. Я знаю, что такое цель и как ее достигать. А что такое мечта – я не знаю.

– Кристина, ты сделала свой выбор. Я давал тебе возможность передумать несколько раз. Отправлял Максима к тебе с письмом из Гарварда в нашу квартиру, когда ты там пряталась ото всех. Ты сделала выбор. Я разве не учил тебя, что нужно нести ответственность за принятые решения?

– Учил.

– Тогда почему ты сомневаешься?

– Потому что я люблю Максима.

Я так и не повернула к нему голову. В этом нет необходимости. Я и так чувствую на себе его пристальный взгляд.

– Кристина, тебе всего лишь 18 лет. Это не тот возраст, когда нужно отказываться от всего ради любви. В 28 – да. В 38 – тем более. Но не в 18. В твоём возрасте не может быть иного выбора, кроме учебы. Вы с Максимом еще слишком молоды. А что если через пару лет вы с ним разлюбите друг друга и расстанетесь? А ты из-за него отказалась от Гарварда. Ты думала об этом?

– Я не думаю, что мы с Максимом когда-нибудь разлюбим друг друга.

Отец хмыкнул.

– Ты еще слишком юна. Вы с ним знаете друг друга меньше года.

– Ты ошибаешься, папа. Мы с Максимом знаем друг друга уже очень и очень давно.

– Что ты имеешь ввиду? – его тон стал серьезным.

Я шумно сглотнула.

– Помнишь, как перед первым классом вы с мамой отправили меня в детский лагерь на Волгу, чтобы меня там научили писать и читать перед школой?

– Смутно помню, а что?

– А помнишь, как я приехала оттуда и рассказывала вам с мамой, что встретила там своего героя?

Папа на несколько секунд задумался.

– Какой-то мальчик, который не дал скинуть тебя в воду?

– Да.

– Ну помню. Ты ходила по всей квартире и говорила, что твой герой к тебе скоро приедет.

– Да. Этот мальчик – который меня спас, который не дал толкнуть меня в реку – Максим.

И только в этот момент я повернула голову на отца. Сейчас мне нужно увидеть его лицо. Папа застыл в изумлении.

– Ты в этом уверена? – Наконец выдавил он из себя.

– Да. Мы с ним узнали друг друга. И пока вас с Еленой не было, мы ездили в тот лагерь.

Папа больше ничего не говорит. Просто молча на меня смотрит. Я вижу в его глазах отеческую любовь и заботу. Я знаю, что он желает мне счастья. Но я так же знаю, что он не простит мне, если я откажусь от принятого решения. Он будет считать меня слабой и скорее всего не передаст мне управление компанией. Несмотря на то, что я единственная наследница его состояния, отец найдет способ сделать так, чтобы компания жила без моего управления в будущем. Вы-

ведет ее на биржу, посадит новый совет директоров, а я лишь буду получать дивиденды без какого-либо права голоса.

Я не могу этого допустить.

– Я поеду в Гарвард, папа. Несмотря на Максима.

Секунду отец смотрит мне в глаза, будто не веря. Затем встает со стула, кивает головой и уходит.

Наверное, я сейчас подписала себе смертный приговор. Но отец прав: нам с Максимом всего лишь 18 лет. В этом возрасте не может быть иного выбора.

POV Максим

Просыпаюсь утром, а Кристины нет. Странно, обычно она спит дольше меня. Часы показывают 10 утра, родители уже наверняка уехали на работу. Встаю, одеваюсь, захожу к Кристине в комнату – ее нет, кровать заправлена. На кухне, в спортзале и библиотеке тоже пусто. Выхожу во двор, иду к беседке в саду и вижу, что Кристина спит в гамаке. В ночнушке и джемпере сверху нее.

Очень странно... Неужели она проснулась ночью и пришла сюда? Или вовсе не смогла уснуть и спустилась в сад?

Смотрю на такое любимое лицо. Моя нежная, кроткая девочка. Кристина будто чувствует на себе мой взгляд, потому что резко открывает глаза. В растерянности поднимается на гамаке и вертит головой по сторонам.

– Я что, уснула тут?

– Наверное, – тихо говорю ей, мягко проводя ладонью по ее волосам.

Кристина поднимает на меня голову и пристально смотрит в глаза. А потом шумно выдыхает и прижимается ко мне, обвивая руками мою талию. Я обнимаю ее в ответ. Мы оба понимаем, почему она не смогла уснуть ночью и пришла сюда. Мы оба думаем об одном и том же.

– Я люблю тебя, Кристина. Знай это, что бы ни случилось.

– И я люблю тебя, Максим. Помни об этом всегда.

Мы еще стоим так какое-то время, а затем Кристина вытирается из гамака, и мы направляемся в дом.

Оставшиеся три недели до ее отъезда проходят, как три дня. Кристина перестала ездить в компанию к отцу, чтобы не терять даже эти два дня в неделю. Все это время я почти не выпускаю Кристину из своих рук. И мы почти не выходим из моей комнаты. В наших поцелуях все больше боли, а в Кристининых глазах все больше слез.

За четыре дня до отъезда Кристина стала собирать чемоданы. Наглухо закрывала дверь своей комнаты и врубала тяжелый рок. Я не заходил к ней. Тупо лежал на своей кровати и смотрел в потолок. Я знаю, что Кристина включает музыку, чтобы я не слышал ее рыданий. И мы с ней все еще не обсуждали, как будем продолжать отношения на таком расстоянии.

За два дня до отъезда я решил поднять эту тему.

– Я приеду на зимние каникулы. Потом еще будет неделя весенних. Ты мог бы приехать ко мне на российские майские праздники. Ну и летом два месяца будут в нашем распоря-

жении, – спокойно сказала мне Кристина, но я все же слышал дрожь в ее голосе.

– И сколько лет так будет продолжаться? – Мой голос прозвучал очень зло.

– Сначала четыре. Бакалавриат мне точно нужно там окончить.

Я истерично засмеялся.

– Сначала? А что потом?

– Я планировала отучиться там еще два года в магистратуре и два года в МВА.

– То есть, ты предлагаешь нам так жить восемь лет???

Она молчала. Потом наконец выдала.

– МВА, в принципе, необязательно.

– То есть, шесть лет?

Снова молчит, дышит тяжело, в глазах слезы. Но все же она говорит:

– Да.

Я беспомощно опускаю веки. Мне просто хочется умереть. И даже не от того, что почти не буду видеть Кристину шесть лет. А от того, что она все-таки уезжает. Тихая, кроткая девочка из лагеря действительно стала беспощадной машиной, сносящий все на своём пути. Даже свою любовь.

– Максим, ты мог бы через год перевестись из МГИМО в Америку. Не в Гарвард, но в какой-нибудь вуз недалеко от него.

– Кристина, ты могла бы через год перевестись из Гарвар-

да в Россию. Не в МГИМО, но в какой-нибудь вуз недалеко от него, – я в точности повторил ее слова.

Она хмыкнула.

– Я не могу.

– Я тоже не могу.

Она еще молчит какое-то время, а потом спокойно говорит.

– Максим, я все это спланировала еще до встречи с тобой. Ты ворвался в мою жизнь и полностью меня обезоружил. Ты слишком мало знаешь о моем отце, о том, как он меня воспитывал, чему учил, какие ценности прививал. Я не могу остаться, как бы сильно я этого ни хотела. У меня есть договоренность с папой. Я не имею права поменять сейчас мнение. Мне нужны эти шесть лет. Иначе отец меня не простит.

– Давай я поговорю с ним?

– Не надо. Так будет только хуже.

– Почему?

– Потому что тогда он посчитает, что я слабая. Это моя с ним битва. Я не могу проиграть отцу.

Ее слова показались мне каким-то набором бреда.

– Кристина, о чем ты говоришь? Какая еще битва с родным отцом? Что значит «он посчитает, что я слабая»? Ты его дочь.

Она нетерпеливо дернула головой.

– Максим, ты не понимаешь. Это наши с ним дела. Он

меня любит, но есть вещи, за которые он не прощает. Я не говорю, что он от меня откажется, если я останусь в России. Но просто я опущусь в его глазах. – Она махнула рукой. – В общем, не бери в голову. Это наши с ним взаимоотношения.

Она поднялась с кровати и направилась к выходу.

– Ты куда?

– Мне нужно съездить к Вике и на могилу к маме. Попрошаться.

Она уехала через сорок минут. Я не предложил ей отвезти ее. Она и не просила. Кристина превосходно научилась водить машину сама.

Она вернулась за полночь. Я ей в течение всего дня не звонил, она мне тоже. Родители уже спали. Кристина тихо зашла в свою комнату и плотно закрыла дверь. Ее самолёт улетает послезавтра в 2 часа дня. А учитывая, что уже перевалило за 12 ночи, то получается, что завтра. Ей нужно было собрать последние вещи.

Где-то через полчаса я услышал звук закрывающейся молнии на чемоданах. Потом послышался шум воды из Кристиной ванной. И где-то еще через полчаса она пришла в мою комнату. Тихо легла рядом и повернулась ко мне.

Я к ней не притронулся. Так и остался лежать, глядя в потолок.

– Максим, я люблю тебя, – тихо сказала, не сводя с меня глаз.

– Тогда не уезжай, – ответил ей бесцветным голосом.

Она молчит, дышит ровно. Не знаю, сколько времени так проходит. Кристина тянется ко мне, нежно целует губы, но я не отвечаю. Кажется, ей все равно, потому что от губ она спускается к шее, ключицам. Отбрасывает в сторону одеяло и садится на меня. Спускается поцелуями ниже, проходится губами по татуировке, идёт к животу.

Я не останавливаю ее, но и не отвечаю на ласку. Когда я начинаю чувствовать ее дыхание внизу живота, желание все же просыпается во мне. Внизу начинает приятно тянуть. Кристина снимает с себя ночнушку, с меня стаскивает боксеры и отбрасывает их в сторону. Берет в руки мой уже поднявшийся член и начинает мягко сжимать в ладони. Я не могу сдержать стон, но сейчас в нем душевной боли больше, чем наслаждения.

Кристина аккуратно проходит по нему губами, затем мягко берет в рот. Я зажмуриваю глаза и шумно выдыхаю. Она не останавливается, ее ласка становится настойчивее, мои ощущения острее.

Кристина делала мне минет и раньше. Но ни разу еще я не испытывал от него такого наслаждения. Будто чувствуя, что я уже на грани, Кристина отрывает голову и тянется к прикроватной тумбочке. Выдвигает верхний ящик, достаёт презерватив и надевает его на мой член. Медленно садится сверху и сама издаёт стон. Я подхватываю ее за бедра и помогаю двигаться. По ее щекам текут слезы.

Резким движением я снимаю Кристину с себя и прижи-

маю к стене спиной к себе. Вхожу в нее сзади, наматывая на свою руку ее длинные волосы. Она запрокидывает голову назад и издаёт громкий стон. Я двигаюсь очень резко. Резче обычного. Но я знаю, что ей нравится. Я кусаю ее плечи, она вонзает ногти мне в ноги. Я снова слегка тяну ее за волосы. Кристина приемлет боль в постели в допустимых объёмах.

А сейчас боли хоть отбавляй. Правда, душевной.

Оргазм накрывает мощной волной. Кристина впивается в мои ноги ногтями, кажется, до крови. Я сжимаю ее волосы в кулаке тоже сильнее обычного. Мы одновременно шумно выдыхаем и падаем на кровать. Мое сердце колотится, что есть силы. Я слышу, что Кристино то же.

Я снимаю презерватив, завязываю его и бросаю на пол. Беру одеяло и накрываю нас. Кристина, не говоря ни слова, отворачивается к стенке. Я знаю, что она делает это, чтобы скрыть свои слезы, которые сейчас градом текут по ее лицу. Я придвигаюсь к ней и крепко обнимаю сзади, утыкаясь лицом в ее волосы. Жадно вдыхаю аромат жасмина.

– Я люблю тебя, – шепчу ей.

Она не отвечает. Лишь издаёт легкий всхлип.

– Я так долго ждала тебя, Максим. А ты приехал слишком поздно, – говорит наконец.

Сознание отбрасывает меня в декабрь на Викину кухню. Степанова спит после укола, Егор уехал домой, а мы с Кристиной сидим вдвоём на кухне. Пьём чай с мятой, она рассказывает мне про кулон своей матери. Потом Кристина на-

чинает плакать, а я ее успокаиваю. И она говорит мне эти слова:

«Я так долго ждала тебя, Максим. А ты приехал слишком поздно».

Если бы я только знал, что на самом деле имела ввиду Кристина... Если бы я только знал...

– Прости меня, – тихо говорю ей, – прости за все, Кристина. Прости, что не вспомнил тебя раньше. Прости, что отверг тебя на Новый год. Прости, что поставил дружбу с Егором выше чувств к тебе. Прости, что на твоих глазах начал встречаться с другой. Прости меня за все.

Кристина молчит. А потом тихо отвечает.

– И ты меня прости, мой герой. Прости, что не разговаривала с тобой. Прости, что презирала тебя. Прости, что была надменной. Прости, что на твоих глазах была с Егором. Прости, что не рассказала про нашу встречу в детстве. Прости, что уезжаю.

По моей щеке течёт одинокая слеза. Это так странно. Мне кажется, я не плакал с тех пор, как из семьи ушел отец.

Мы больше не говорим друг другу ни слова. Так и засыпаем.

Ее последний день дома мы провели, не вылезая из кровати и не отрываясь друг от друга. Говорят, перед смертью не надышишься. Но мы с Кристиной отчаянно пытались. Я целовал каждый миллиметр ее кожи, прижимал к себе так, что, казалось, она задохнется. Признания в любви звучали

ежеминутно. Я собирал губами каждую слезинку с ее лица.

Но этот день подошёл к концу и наступила ночь. Пролетела и она. Кристина встала рано утром, чтобы попрощаться с отцом и моей мамой. Я слышал, как отчим давал ей наставления, а она обещала все исполнить. Я слышал, как ей говорила напутствие моя мама, а Кристина ее благодарила.

Когда родители уехали, Кристина поднялась в свою комнату. В ванной зашумела вода, потом послышался фен для волос. Через пару часов Кристина уедет в аэропорт. Ее отвезёт водитель. Я не могу. Это выше моих сил.

Я снова слышу звук застегивающейся молнии от чемодана. У Кристины все время что-то падает из рук.

– Твою ж мать! – Воскликнула она, когда что-то разбилось.

Я встаю с кровати и выхожу из комнаты. Но я иду не к Кристине, а направляюсь в ванную. Врубаю холодную воду и просто стою под струями. Но почему-то даже это не отрезвляет. В груди начинает просыпаться злость: на себя, на Кристину, на ее отца, который промыл ей мозг Гарвардом, на все обстоятельства, которые всегда стояли между нами.

Когда я возвращаюсь в свою комнату, Кристина сидит на краешке кровати, уже одетая в дорогу. На ней свободная майка, легкие светлые брюки и кеды. Волосы завязаны в высокий хвост, на лице ни грамма косметики, а на руке браслет, что я подарил ей на Новый год. После нашего выпускного она надевала его только в поездку на Волгу. Дома она

с ним не ходила.

Я останавливаюсь в дверном проеме, скрестив руки на груди, и просто смотрю на Кристину. Я чувствую, как холодные капли с волос затекают мне под футболку. Кажется, я забыл вытереть голову. Кристина тоже ничего не говорит. Злость в груди вспыхивает с новой силой, и я чувствую, как по моим щекам начинают ходить желваки.

– Я оставила жесткий диск с нашими фотографиями из поездки на столе в своей комнате, – она первая прерывает тишину.

Я молчу. Это все, что она имеет мне сказать сейчас?

– Максим, я люблю тебя, – тихо продолжает дальше.

– Тогда останься со мной, – мой голос хрипит.

– Я не могу.

– Можешь.

– Нет, ты не понимаешь, Максим.

– Чего я не понимаю? – зло цежу ей.

– Нам же всего лишь 18 лет, Максим! В этом возрасте мы должны учиться, развиваться, ошибаться, набивать свои шишки. Я очень долго шла к тому, чтобы поступить в Гарвард. Ты даже не представляешь, как это было сложно! Я несколько лет на это положила. И я не могу сейчас вот так взять и не поехать туда.

– А вот так взять и бросить меня – ты можешь, да? – Мой голос уже сорвался на крик.

Она медленно встаёт с кровати и смотрит на меня с вы-

ЗОВОМ.

– Я не бросаю тебя, Максим. Я еду учиться.

Я истерично смеюсь.

– Да, ты едешь учиться. На шесть лет! НА ШЕСТЬ. ГРЕБАННЫХ. ЛЕТ!

Она молчит, тяжело дышит. Эмоции окончательно взяли верх над моим здравым смыслом, потому что дальше я уже не контролирую, что говорю.

– Кристина, если ты уедешь, то между нами все будет кончено.

Ее лицо вытягивается в изумлении, глаза расширяются.

– Ты что такое говоришь, Максим? – В ее голосе слышится дрожь.

– Кристина, или оставайся, или конец всему.

Она приближается ко мне вплотную и смотрит прямо в глаза.

– Ты ставишь мне ультиматум?

Я выдерживаю ее взгляд, но ничего не отвечаю. А она продолжает с холодом в голосе.

– Я не из тех людей, которым можно ставить ультиматумы, Максим, если ты еще этого не понял.

Я тихо смеюсь.

– А из каких ты людей, Кристина? Из тех, что идут по головам? Из тех, что сносят все на своём пути ради достижения цели? Из тех, что перешагивают даже через свою любовь?

Она тяжело сглатывает.

– Я уезжаю, Максим. Но я не бросаю тебя. Это ты сейчас рушишь все между нами. Снова. Как тогда на Новый год.

– Что тебя сделало такой бесчувственной машиной, а, Кристина? Что произошло с той тихой девочкой из лагеря?

Она помолчала и сухо ответила.

– У нее умерла мать. Застрелили в голову. Пришлось быстро повзрослеть. – Кристина снова заглянула мне в глаза. – Я уезжаю, Максим. А ты сейчас сам все разрушил.

И она стремительно вышла из моей комнаты, задев меня плечом. Сбежала вниз по лестнице и хлопнула входной дверью. Минут через пять поднялся ее водитель и вынес чемоданы из Кристиной комнаты. Еще через пять минут я услышал звук открывающихся ворот и уезжающей машины.

Вот и все. Это конец.

Я спустился в гостиную на первый этаж и сел на диван. Уставился немигающим взглядом в одну точку.

Я все-таки не верю, что Кристина уедет. Она не может. Я не верю, что она откажется от нас, что все-таки выберет этот чертов Гарвард, а не меня. Время идёт, я все ищу сию. Стрелка на настенных часах стремительно движется вперед, а я все жду, что Кристина откроет входную дверь и зайдёт в дом. Сядет рядом, обнимет меня, скажет, что любит и останется со мной.

Так проходит час. Потом второй. Потом третий. Я слышу, как открываются ворота и заезжает машина.

Она вернулась!

Выбегаю из дома, но вижу лишь Кристининого водителя, вылезавшего из машины.

– А где Кристина? – спрашиваю его.

Он удивленно на меня смотрит.

– Так все, улетела наша Кристина Игоревна. Я довёл ее прямо до пункта досмотров и подождал, пока она их не прошла. Сейчас поставлю машину в гараж и тоже поеду. Завтра у меня первый рабочий день на новом месте. Тут я больше без надобности.

И он действительно отгоняет Кристинину машину в гараж, а затем уходит, пожав мне на прощанье руку. А я так и остаюсь стоять, как вкопанный.

Она все-таки меня оставила... Она все-таки через меня перешагнула...

Срываюсь с места к своей машине. Выезжаю за ворота и уезжаю из «Золотого ручья». Я не знаю, куда я еду, но гоню, что есть силы. В висках пульсирует только одна мысль: она меня оставила.

Я еду очень быстро и очень долго. Кажется, это та сельская дорога, где я учил Кристину водить машину. Я продолжаю выжимать педаль газа до упора, стрелка на спидометре под 300. Я не пристегнулся, поэтому датчик противно пищит, оповещая о том, что нужно застегнуть ремень. Но я не обращаю на него внимания.

Она меня оставила.

Она от меня отказалась.

Она уехала.

Но неужели бы мы с ней не справились с этим расстоянием? Мы ведь действительно могли бы регулярно ездить друг к другу. И два последних месяца лета после сессии были бы в нашем распоряжении. Мы могли бы путешествовать вместе. объездили бы с ней всю Америку и Европу. А рождественские каникулы в США начинаются раньше, чем у нас. Сначала бы Кристина приезжала сюда, а потом, с началом наших новогодних, мы бы ехали с ней туда. Мы бы могли найти способ.

К тому же, что такое шесть лет? Да они пролетят, как шесть дней!

Но я все испортил.

В этот момент на дорогу выбегают два каких-то животных, которые пасутся тут стадами. Я так переживал, чтобы Кристина не ехала тут больше 30 километров в час, а сам гоню под 300. Резко нажимаю педаль тормоза и под рёв шин меня силой выкидывает из водительского места.

Последнее, что я помню – это как я пробиваю головой лобовое стекло и вылетаю из машины с единственной мыслью: Кристина никогда меня не простит. А дальше я проваливаюсь в тьму.

Я умер.

Эпилог

POV Кристина

Самолёт отрывается от земли и стремительно набирает высоту. Я смотрю в окно, но не вижу Москвы, потому что глаза плотно застилают слезы. Они ручьём льются по моему лицу.

В ушах, будто про нас с Максимом, поёт Земфира:

*«... поздно, о чем-то думать слишком поздно
тебе, я чувю, нужен воздух
лежим в такой огромной луже
прости меня, моя любовь*

*джинсы воды набрали и прилипли
мне кажется, мы крепко влипли
мне кажется, потухло солнце
прости меня, моя любовь...»*

Бесконечно прокручиваю в голове последние слова Максима. Но он ведь это несерьезно? Он же не бросил меня на самом деле?

Он не мог. После всего того, что между нами было. После всех тех слов, что мы сказали друг другу. После всех тех ночей, что мы провели вместе. Он любит меня, я знаю это. Просто он сильно расстроился из-за моего отъезда. Это пройдет,

я уверена. Он остынет.

Я прилечу в Америку и позвоню Максиму. Мы с ним еще раз спокойно поговорим, все обсудим. Я скажу ему, что люблю его, а он скажет, что любит меня. И уже меньше, чем через полгода, мы с ним снова встретимся. Я обязательно приеду на новогодние праздники.

Вот только все равно в душе разрастается чёрная дыра, а боль душит так, что невозможно дышать. Слезы стекают с лица вниз по шее, попадают под футболку. Неприятное липкое чувство снова и снова возвращает меня на несколько часов назад в комнату Максима.

«Или ты остаёшься, или всему конец»

Непроизвольно вспоминаю слова Егора, которые он мне сказал, когда мы расставались. О том, что Максим никогда не уступит мне, а я никогда не уступлю ему. И что мы обречены...

Неужели Кузнецов оказался прав?

Нет, я в это не верю. Это невозможно. Мы с Максимом любим друг друга и обязательно найдём способ пережить разлуку. И я не верю, что Максим серьезно хочет со мной расстаться. Нет. В нем говорили эмоции. Я уверена, что он уже жалеет о сказанном.

Через 10 часов самолёт приземляется в Нью-Йорке. Как только я прохожу паспортный контроль и получаю багаж, я сразу же звоню Максиму. В России сейчас почти час ночи, вряд ли он еще не спит.

«Аппарат вызываемого абонента выключен или находится вне зоны действия сети», – говорит мне робот.

Хм, странно. Значит, Максим уже лёг спать. Только почему телефон выключен? Он его никогда на ночь не вырубает. Лишь отключает звук. Ну ладно.

Следом звоню папе. Он сбрасывает и тут же присылает смс:

«Занят. Ты долетела?»

«Да»

«Хорошо»

Видимо, задерживается на работе. Снова ночные совещания.

Такси довозит меня до квартиры в Бостоне, которую папа подарил мне на совершеннолетие. Я ее видела только на фотографиях, и в жизни она оказалась еще лучше. Двухэтажная, с четырьмя спальнями и тремя ванными комнатами, кухней-гостиной и несколькими большими балконами. Один из них даже можно, скорее, отнести к террасе.

В самолёте я спала очень плохо, поэтому, бросив чемоданы в прихожей, сразу иду спать. Ложусь в первой попавшейся комнате. Потом их хорошо осмотрю и выберу себе спальню.

Я не знаю, сколько я проспала. Когда просыпаюсь, за окном глубокая ночь. Но я еще живу по московскому времени, а там день. Выбираюсь из постели и бреду в ванную. Принимаю душ, чищу зубы, достаю из чемодана удобную домаш-

нюю одежду. Дико хочется есть, но продуктов никаких нет. А за окном тут ночь. Блин, нужно было это предвидеть и заказать доставку к моему приезду.

Удобно устраиваюсь на диване в гостиной и снова наблюдаю Максиму.

«Аппарат вызываемого абонента выключен или находится вне зоны действия сети», – опять говорит мне робот.

Он что, до сих пор не включил телефон? Странно.

Снова звоню папе и снова он сбрасывает. Тут же присылает смс:

«Что-то срочное?»

«Как дела?»

«Нормально. Ты как?»

«Хорошо. Только проснулась. Тут ночь, а я еще по российскому времени живу»

«Позвоню тебе чуть попозже»

Отец перезванивает мне часа через три. Я в это время как раз разбираю чемоданы.

Я сразу поняла, что папа встревожен. Я очень хорошо знаю отца и прекрасно разбираюсь во всех интонациях его голоса.

– Папа, что-то случилось? – Сразу спросила я.

– Нет, с чего ты взяла?

– Я слышу, что твой голос встревожен.

Он быстро откашлялся. Он всегда так делает, когда пытается замаскировать тревогу.

– Все в порядке, не переживай.

– Точно? – Я слишком хорошо знаю отца, и мне сложно поверить, что он сейчас не врет.

– Да. Все живы, никто не умер. Не переживай.

Эти слова меня немного успокоили и отрезвили. Действительно, ведь если бы кто-то умер, я бы уже знала об этом. А раз никто не умер, значит, все хорошо. Видимо, у папы в компании сейчас сложности, просто он не хочет мне о них говорить.

– Я не могу дозвониться до Максима, – аккуратно говорю ему, – телефон выключен...

Папа несколько секунд помолчал, а потом выдал из себя:

– Максим поменял номер телефона.

– Зачем? – Удивилась я.

– Понятия не имею, Кристин, тебе лучше знать. Наверное, больше не хочет с кем-то общаться.

Я застыла с трубкой в руке. Этого просто не может быть... Он не мог... Я не верю...

– Кристина, ты еще там?

– Да-да, пап, – говорю бесцветным голосом.

– Ладно, дочь, мне уже пора бежать. Еще созвонимся.

– Хорошо.

Я нажала отбой звонка и просто выпустила телефон из рук на пол. Он несколько раз подпрыгнул и остановился. Я опустила голову: экран был в паутине из трещин.

Такие же сейчас на моем сердце.

Я плохо помню, что было дальше. Кажется, я с криком упала на пол. Хотя, скорее всего, это было после, и сначала я перевернула зеркало с туалетного столика. А, возможно, первыми я разбила дизайнерские вазы, которые стояли по бокам комнаты. Или же все-таки зеркало на шкафу.

Я очнулась на полу среди множества осколков. Мои руки были в крови, лицо тоже. Пальцы сильно болели. Я посмотрела на них и ужаснулась: стёкла впились в кожу.

Но эта боль была ничем по сравнению с той, что сейчас разрывала мое сердце.

МАКСИМ. МЕНЯ. БРОСИЛ.

Я не знаю, сколько я пролежала на полу в крови. Я не помню, как я поднялась и вызвала скорую. Я не помню, как меня повезли в травмпункт и наживую доставали из рук осколки. Я не помню, как меня допрашивал полицейский, пытаюсь выяснить, напал ли на меня кто-то в моем доме. Я не помню, о чем меня спрашивал психотерапевт, когда полицейский доложил, что я это сделала с собой сама.

Я лишь помню, как вернулась домой, вынесла из этой комнаты чемодан со своими вещами и закрыла дверь на ключ, оставив на полу осколки и следы моей крови.

Вся моя дальнейшая жизнь была, как в тумане. Через неделю я пошла в Гарвард на первое занятие. Познакомилась со своими однокурсниками, преподавателями, деканатом.

– Мисс Морозова, очень рад снова вас видеть! – ска-

зал мне с широкой улыбкой какой-то мужчина в коридоре университета. Его лицо мне показалось смутно знакомым. Несколько секунд я на него пристально посмотрела, а потом все-таки вспомнила.

– Здравствуйте, мистер Ричардсон. Тоже рада вас видеть. Это один из тех троих, что проводили мне собеседование.

– Уже со следующей недели у вашей группы начнутся со мной занятия по ораторскому искусству и искусству убеждения. С нетерпением жду.

– Я тоже.

Мы еще раз друг другу улыбнулись и разошлись.

Все последующие дни, недели и месяцы я просто ходила с маской на лице. Той самой, которую так хорошо научил меня надевать отец. Я много с кем общалась, с кем-то вроде даже сдружилась, училась лучше всех на потоке. Преподаватели в Гарварде меня любили не меньше, чем учителя в моей московской школе. Я снова стала лучшей. Тут не было никого, кто мог бы меня превзойти. Тут не было никого, кому я могла бы проиграть.

Но это все была маска. Внутри я была мертва. Мое сердце было растоптано, а душа разорвана на куски.

Я не ходила на студенческие тусовки и жила одна в своей квартире. Хотя Илья Токарев, сын главного папиного конкурента – главы компании «Вижн Строй» – постоянно пытался куда-нибудь меня вытащить. Но в моей жизни была лишь учеба, в которую я погрузилась с головой, чтобы хоть как-

то забытья. Я изматывала себя учебниками и конспектами до глубокой ночи, чтобы потом упасть на кровать и просто вырубиться, не думая ни о чем, и ни о ком.

Не думая о нем.

Я больше не говорила с отцом о Максиме. Я не задавала папе никаких вопросов, а сам он не рассказывал. Через пару недель после начала учебы я удалила свои аккаунты из всех социальных сетей, которыми пользовалась в России. Мы с Максимом, кстати, так и не добавились друг к другу в друзья в «ВКонтакте» и не подписались друг на друга в Инстаграме. Но даже несмотря на это, я все равно захотела стереть свои страницы. Также я выкинула свою российскую сим-карту, а номер американской сказала только отцу.

Кроме папы, я никого не хочу знать из той жизни.

Я не приехала в Россию на новогодние праздники, хотя папа меня очень звал. Это выше моих сил, я не могу встретиться с Максимом. Он вычеркнул меня из своей жизни. К чему еще встречи? После новогодних праздников была неделя весенних каникул. Отец снова хотел, чтобы я приехала, но я снова отказалась. Также я сказала ему, что не приеду и летом, из-за чего он сильно расстроился.

Но иногда я все же откладывала в сторону учебники и просто тупо лежала на диване, смотря в потолок. Слез не было. Лишь пустота внутри. И еще огромная чёрная дыра.

Именно так я провела и свой девятнадцатый день рождения: в пижаме, с лохматыми волосами и стеклянными глаза-

ми, смотрящими только в потолок. В этот день из России мне позвонил только один человек – папа. Сказал мне в трубку пламенную речь, а потом зачем-то передал телефон Елене, хотя за все время моего пребывания в США, я с ней не разговаривала ни разу. В Москве мои с ней отношения стали теплее, но только лишь из-за того, что она – мать Максима. Теперь же я не видела смысла продолжать с ней хоть какие-то взаимоотношения.

Елена сказала мне дежурную поздравительную речь, я ее поблагодарила, а потом я не выдержала и все-таки спросила ее, как дела у Максима. Я не знаю, зачем. Просто сорвалось с языка.

– Спасибо за беспокойство, Кристина, – ответила она мне сухим голосом, – уже все хорошо. Максим в порядке. Он сейчас как раз уехал к своей девушке.

– Ясно, – это единственное, что я смогла из себя выдавить.

Судя по ее ответу, она осведомлена о том, что мы с Максимом были вместе. Иначе, как объяснить это ее «уже все хорошо»? Меня стал разбирать истерический смех. Я уверена, что за этим ее «уже все хорошо» скрывается «ты, сволочь, влюбила в себя моего сына, а потом уехала от него. Он переживал, но уже нашёл тебе замену».

У Максима появилась девушка...

Беспомощно опускаю свинцовые веки и чувствую, как по щекам градом текут слезы. И этот человек клялся мне в вечной любви? И этот человек говорил, что ему кроме меня ни-

кто не нужен? И этот человек говорил, что для него существует только одна девушка – я?

Какое же это предательство...

От рыданий уже опухло лицо и разболелась голова, но слезы все никак не заканчивались. Я продолжала неподвижно лежать, глядя в потолок. И в этот момент раздался звонок в дверь. Я сначала не поняла, что звонят именно мне. Я никого не жду. Мало ли, может, мне послышалось. Но звонок настойчиво повторился.

Кое-как я встала с дивана и направилась к входной двери. Не глядя в глазок, распахнула ее и увидела на пороге... Илью Токарева.

Что он тут делает?

– С днем рождения, красотка!

И он с широкой улыбкой достал из-за спины небольшой букет и кусочек торта с одной свечкой. Но потом Илья внимательно присмотрелся к моему заревонному лицу и сразу скис.

– Кристин, ты плачешь? В свой день рождения?

– Илья, спасибо за поздравление, но я не отмечаю, – сказала ему сиплым голосом.

Он тяжело сглотнул, тут же посерьезнел и тихо спросил:

– Кристин, можно я все-таки войду?

Мгновение посомневавшись, я все же впустила его. Вернулась в гостиную, снова легла на диван и накрылась пледом. Илья тихо устроился на кресле рядом и с грустью на меня

посмотрел.

– Кристин, что с тобой происходит? Кто-то умер?

– Да. Я умерла.

– А если серьезно?

Я тяжело вздохнула, но ничего ему не ответила. Мы помолчали какое-то время, а потом он продолжил.

– Кристин, я буду с тобой честен. Ты мне нравишься как девушка, но я не планирую пытаться строить с тобой отношения. На то есть важная причина – через несколько лет мы с тобой возглавим компании наших отцов и будем серьезно конкурировать. Но ты очень прикольная девчонка и единственная моя знакомая из России тут в Америке. Я бы хотел, чтобы мы с тобой просто стали друзьями. Если это, конечно, возможно, учитывая опять же тот факт, что через несколько лет мы будем с тобой биться за землю, тендеры и новые проекты. Если тебе будет нужна тут помощь, ты всегда можешь ко мне обратиться. Если тебе нужен совет, то я всегда тебе его дам. Я искренне хотел поздравить тебя с днем рождения, но то, что я сейчас вижу, просто повергает меня в шок. Кристина, что с тобой происходит?

Я смотрю ему в глаза и понимаю: он не врет и не блефует. Он сейчас честен и искренен. Я молчу еще какое-то время, пристально смотря на Илью. А потом просто начинаю рассказывать. Всё. С самого начала.

Про детский лагерь, про мальчика, которого я назвала своим героем, потому что он не дал скинуть меня в воду,

про первую встречу с Максимом в Москве, про то, как он спас меня в темном дворе, и я его вспомнила. Про безумные поцелуи на Новый год, про то, как он меня отверг и стал встречаться с другой, про то, как ровно год назад спас меня от Егора в мой же день рождения. Я рассказываю, как мы ушли вместе с выпускного и чуть не сошли с ума от любви, как Максим вспомнил нашу встречу в детстве, как мы с ним провели два месяца до моего отъезда.

И я рассказываю, как он меня бросил, поменял номер телефона и завёл себе новую девушку.

Я не знаю, сколько по времени длился мой рассказ. Илья все это время внимательно слушал и молчал. Когда я закончила, он довольно строгим и настойчивым тоном сказал:

– Вставай.

– Зачем? – удивилась я.

– Чтобы двигаться.

– Куда двигаться? – я все еще не могла понять, о чем он.

– Двигаться вперед, Кристина. Жить дальше и двигаться вперед.

Я так и осталась лежать, смотря на него немигающим взглядом. Он о чем вообще говорит?

Поняв, что я не собираюсь никуда вставать, Илья сам подошёл ко мне и рывком поднял меня с дивана. Поставил в вертикальное положение и, держа за плечи и смотря прямо в глаза, сказал:

– Кристина, ты немедленно заканчиваешь заниматься са-

мобичеванием, идёшь в душ, приводишь себя в порядок и мы с тобой идём отмечать твой день рождения. А завтра ты проснёшься с улыбкой на лице, согласишься на себя в зеркало и громко скажешь, что ты счастлива. Ты счастлива, что добилась своей цели и учишься в лучшем университете мира. Ты счастлива быть одной из самых красивых девушек нашего факультета. Ты счастлива знать, что через восемь лет – а ты проучишься в Гарварде именно столько – ты вернёшься в Россию и возглавишь строительную империю своего отца. И пускай этот Максим катится на все четыре стороны. Ты меня поняла?

Я лишь смогла выдать из себя тихое «Да».

– А теперь марш в душ. Я жду.

И он вернулся на кресло, а я послушно потопала в ванную. Прохладные струи воды привели меня в чувство. Илья говорил очень убедительно. Наверняка он был одним из лучших студентов мистера Ричардсона на его курсе по искусству убеждения.

Из душа я вылезла новым человеком. Высушила волосы, не задерживая в зеркале взгляда на татуировке, намазала тело любимым лосьоном, надела халат и вышла к Илье.

– Куда мы идём? Как мне одеваться?

– Ты до сих пор не была ни на одной студенческой тусовке. Как раз сейчас в кампусе проходит одна. Майка, джинсы и шпильки подойдут.

– Хорошо.

Через сорок минут мы вышли из моего дома, сели в такси и направились в студенческий кампус. Вечеринка проходила в двухэтажном доме, который арендуют шесть парней. Все они однокурсники Ильи.

Токарев представляет меня каждому гостю на этой тусовке, но, кажется, в этом нет необходимости. Каким-то непонятным для меня образом все эти люди уже меня знают. А вот я не знаю никого из них.

– Ты та самая, от которой тащатся все преподы, да? – Спросила меня с улыбкой милая чернокожая девушка по имени Тиффани.

Я лишь смущенно пожала плечами.

Вечеринка шла своим чередом. После нескольких бокалов вина я пошла танцевать. Илья одобритительно показал мне большой палец вверх. Сам он последние два часа мило беседовал с какой-то девушкой, лишь изредка бросая на меня взгляды, как бы проверяя, в порядке ли я.

От алкоголя и танцев мне стало жарко, и я вышла подышать на балкон. Минут через пять следом за мной вышел какой-то парень. Он закурил сигарету и стрельнул в меня заинтересованным взглядом. Кажется, я его раньше видела. Он капитан футбольной команды Гарварда.

Боковым зрением я замечаю, как он скользит по мне глазами и слегка улыбается.

– Как тебя зовут? – Наконец спрашивает меня.

– Кристина, – я поворачиваю к нему голову и слегка при-

поднимаю уголки своих губ в ответ на его улыбку.

– Я Джастин, – он протянул мне руку, и я ее пожала, – ты неплохо танцуешь. Занималась в детстве?

– Да, немного.

Он затягивается сигаретой и задумчиво смотрит на меня.

– У тебя есть небольшой акцент. Откуда ты?

– Из России.

Он хмыкает и качает головой. А затем слегка приближается ко мне и говорит, не сводя взгляда с моего лица.

– Русские женщины такие холодные...

Я тоже скольжу по нему взглядом. Высокий накаченный шатен с серыми глазами. Белоснежная голливудская улыбка, ямочки на щеках, крепкая шея. Я секунду сомневаюсь, но все же придвигаюсь к нему вплотную и спрашиваю на ухо:

– Согреешь?